

СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 4(72), 2025

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, Т.Г. Попова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Трахтенберг Л.А.</i> Четырехстопный ямб А.Т. Твардовского	5
<i>Карнюшин В.А.</i> Незданные тексты писателя Бориса Васильева	20
<i>Акопян А.В.</i> Образ Брестской крепости в романе Бориса Васильева «В списках не значился»	28
<i>Бирюков С.Е.</i> Гипертекст Эдуарда Кирсанова	36
<i>Ранчин А.М.</i> К поэтике реминисценций: об одной аллюзии в «Даре» Владимира Набокова	48
<i>Журавлева Н.С.</i> Лексические комбинации как часть микроструктуры идеографического словаря языка И.А. Ефремова	59
<i>Похаленков О.Е., Мазин К.В., Ковалева В.С.</i> Ольфакторная лексика и особенности ее функционирования в романе Э.М. Ремарка «Три товарища»	73
<i>Епимахова А.С.</i> «Приметы погоды» в переводе Д.А. Лухманова как часть русской лингвокультуры	83
<i>Гаврилов В.В.</i> Динамическая концептограмма кинотекста «Абориген» как составляющей югорского текста	98
<i>Аделева О.П.</i> Типы атрибутов в ранней лирике Теда Хьюза и Сильвии Плат: лингвистический анализ английских поэтических текстов	112
<i>Андреева К.В.</i> Дискурс межпартийного противостояния в современных американских СМИ (на примере телеканалов Fox News и MSNBC) ..	129
<i>Дубинин С.И.</i> Визуальный контент и нарратив прессы Третьего рейха	145
<i>Терещук А.А.</i> Лексические интерференции в немецкоязычном карлистском дискурсе	162

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Фирсова О.С.</i> Смоленская администрация в борьбе с польским восстанием 1830–1831 годов	175
<i>Шелудяков И.Ф.</i> Развитие частного предпринимательства на территории Калужской губернии в годы новой экономической политики (1921–1929)	185
<i>Кобец О.В.</i> Трудное решение о введении платного обучения в 1922 году	201
<i>Бредихин В.В.</i> «Что останется, если Рим погибнет?»: «страх» римлян перед варварами в сочинениях Иеронима Стридонского	213

<i>Ходин А.А.</i> Миссия Мальте Юля в Баварии в 1643 году, или Несостоявшаяся сделка датской дипломатии	221
<i>Собко Е.М.</i> Начало второй фазы Северной войны и осложнение отношений между Россией и Нидерландами (первая половина 1710-х годов)	230
Сведения об авторах	243
Содержание журнала «Известия Смоленского государственного университета» за 2025 год	245

Л.А. Трахтенберг

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 821.161.1.09

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-5-19

ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЙ ЯМБ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Ключевые слова: русская литература XX века; советская поэзия; стиховедение; метрика; ритмика.

В работе исследована ритмика произведений А.Т. Твардовского, полностью написанных четырехстопным ямбом с мужскими и женскими клаузулами: это 63 стихотворения, поэмы «За далью даль» и «По праву памяти». Для сопоставления рассмотрены написанные тем же размером тексты современников Твардовского – поэтов военного поколения: С.П. Щипачева, Я.В. Смелякова, К.М. Симонова, Б.А. Слуцкого, Д.С. Самойлова, А.П. Межирова. Определена частотность ритмических форм четырехстопного ямба, словораздельных вариаций. Составлены ритмические словари.

Исследование показало, что ритм четырехстопного ямба в поэзии Твардовского на фоне современников отличается своеобразием: он более четкий, ближе к метрической схеме. Ударность повышена, особенно на 2–3 иктах. У Твардовского больше коротких слов и меньше длинных, чем в среднем у поэтов того же периода.

Изучение четырехстопного ямба, одного из важнейших размеров русской поэзии, начатое классиками стиховедения [Белый, 1910, 286–395; Томашевский, 1918; Тарановский, 2010, 80–103 (1-е изд. – 1953); Гаспаров, 1967; 1982; 1986], продолжается и дает ценные результаты (см., например: [Гаспаров, Скулачева, 1999; Шлюшенкова, 2002; Головастиков, 2010; Скулачева, 2013; Liapin, 2016; Рубцова, 2017; Шувалова, 2017; Liapin, 2020; Авдеева, 2024; Круглова, Смирнова, 2024; Петров, 2025]). Среди размеров, которыми писал А.Т. Твардовский, четырехстопный ямб занимает заметное место. Это соответствует тяготению поэта к классическим размерам в целом [Гаспаров, 1984, 260]. Он обращался к этому размеру с 1920-х по 1960-е годы, написал им две поэмы: «За далью даль» и «По праву памяти» – и десятки стихотворений. Однако четырехстопный ямб Твардовского остается неизученным. Критики и литературоведы интересовались стихом Твардовского, но сосредоточили внимание на других аспектах анализа [Буртин, 1960; Шуняева, 1973; Горелик, 1975,

49–52; Шуняева, 1977; Горелик, 1979; Сухарев, 2016]. Изучалась прежде всего поэма «Василий Теркин» [Богатырева, 1970; Муравьев, 1971; Самурин, 1973; Лазоркина, 2001]. Между тем исследование четырехстопного ямба в творчестве Твардовского представляет интерес: как видно из анализа, ритмика этого размера в его поэзии характеризуется индивидуальным своеобразием. Показать это своеобразие – задача статьи.

Предметом исследования в работе являются все произведения Твардовского, написанные полностью четырехстопным ямбом с мужскими и женскими либо только мужскими клаузулами, вошедшие в Национальный корпус русского языка (см.: [Поэтический корпус в рамках НКРЯ, 2009; Корчагин, 2019; Национальный корпус русского языка 2.0, 2024]). Это 63 стихотворения, из которых в 60 используются и мужские, и женские окончания, в 3 – только мужские; их общий объем – 1728 стихов. В корпус включены две поэмы: «За далью даль» (3 482 стиха) и «По праву памяти» (549 стихов). Общий объем рассмотренных текстов Твардовского – 5759 строк.

Для сопоставления взяты произведения шести поэтов военного поколения – современников Твардовского. Тексты для анализа также отобраны из Национального корпуса русского языка по тем же метрическим критериям. Учтены произведения, в которых обнаружено не более одной строки, критериям не соответствующей (без учета цитат, прежде всего эпиграфов); такие строки из рассмотрения исключены. Рассмотрены только тексты, написанные не позднее 1971 года – года кончины Твардовского. Контрольный корпус составляют тексты С.П. Щипачева (105 стихов), Я.В. Смелякова (4133), К.М. Симонова (3325), Б.А. Слуцкого (1041), Д.С. Самойлова (1877) и А.П. Межирова (450 стихов). В основном это стихотворения; среди произведений Симонова – три поэмы: «Ледовое побоище», «Суворов» и «Мурманские дневники». Общий объем корпуса – 10 931 строка. Таким образом, в работе исследовано всего 16 690 строк. Также составлены ритмические словари анализируемых корпусов, объем которых – 21 194 слова для произведений Твардовского и 37 577 слов для текстов его современников, всего 58 771 слово.

Подсчитаны ритмические вариации с учетом не только ударений, но и позиций словоразделов. Сверхсхемноударные вариации учтены отдельно; вариации, в которых совпадают позиции ударений и словоразделов, но типы клаузул различны, рассмотрены как разные. Учтены не графические, а фонетические слова (по А.Н. Колмогорову и А.В. Прохорову, это статистика III [Колмогоров, Прохоров, 1985, 124]). Односложные слова (подробнее о них см.: [Жирмунский, 1925, 95–116; Гаспаров, 1974, 131–138]) разделены на четыре класса. К первому отнесены односложные словоформы полнозначительных слов (например, *лес, край, стой*), которые считаются ударными вне зависимости от позиции. Второй класс составляют односложные предлоги (*из, на, над, о, по, под* и т.д.) и союзы *а, да, и, но*; они везде рассматриваются как проклитики. В третий класс входят частицы *бы, же, ли*: они везде считаются энклитиками. Наконец, в четвертый класс включены односложные словоформы местоимений (*я, мне, он, их, мой, то, тем, кто, кем, сам*), глагола *быть*, местоименные наречия *как, так* и др., союзы

что, чтоб, частицы *ведь, лишь, пусть, уж, хоть, чуть*, междометия *о, ох, ах, ну*. При составлении ритмических схем они рассматриваются как ударные, если находятся в позиции икта. В остальных случаях (за одним исключением) они считаются безударными. Они интерпретированы как проклитики в анакрузе, как энклитики – в клаузуле, а в междуиктовом интервале – как проклитики или энклитики в соответствии с направлением более сильной связи (синтаксической или смысловой, в зависимости от части речи). Упомянутое исключение следующее: если такие слова (кроме междометий *о* и *ну*) находятся в анакрузе и после них стоит знак препинания (например, «Он, подбодрившись молодецки», «Все, все на памяти у нас»), то они считаются ударными. При этом в ритмическом словаре слова четвертого класса описаны как отдельные: ударные в позиции икта или в анакрузе при наличии знака препинания после них, безударные – в прочих случаях; слова же второго и третьего классов рассматриваются как часть фонетических слов, в состав которых входят как клитики.

В ходе работы сделаны следующие наблюдения.

Прежде всего, обращает на себя внимание повышенная ударность четырехстопного ямба Твардовского. В его произведениях ударение падает на сильное место в 83,64% случаев, тогда как в среднем у поэтов его поколения, чье творчество рассмотрено в работе, – около 77,96%.

Ударность повышена на всех иктах, кроме последнего, где она у всех авторов равна 100% (см. табл. 3 и 5). В случае первого икта различие незначительно: 82,62% у Твардовского против 79,77% у современников. Но для второго и третьего иктов разница заметная – около 10%. Второй икт у Твардовского несет ударение в 97,5% случаев, то есть это почти ударная константа, тогда как у его современников – в 87,81% строк. Третий икт у Твардовского чаще сохраняет ударение, чем теряет (54,44%), тогда как у других авторов, чьи произведения были проанализированы в работе, он ударен лишь в 44,25% строк.

Особенно наглядно отличие Твардовского от современников сказывается в предпочитаемых ритмических формах (см. табл. 2). I форма встречается у него в полтора раза чаще, чем в контрольном корпусе: она представлена 41,52% строк, тогда как средний показатель составляет 27,47%. Почти настолько же чаще использует он и II форму: у Твардовского на нее приходится 10,85% стихов, тогда как у поэтов его поколения в среднем – 7,46%. IV форма у Твардовского распространена в той же мере, что и у современников (38,6% против 40,14%). В результате получается, что I и IV формы он использует примерно с одинаковой частотой, тогда как в среднем по периоду IV форма почти в полтора раза более частотна, чем I. И напротив, к III, VI и VII формам Твардовский обращается намного реже, чем в среднем другие поэты того же периода. В его произведениях VI форма встречается в два раза реже, чем в творчестве современников (6,53% против 12,73%), III – в четыре с половиной (2,07% против 9,29%), а VII – в шесть с половиной раз реже (0,43% против 2,87%).

Своеобразие ритма Твардовского сказывается и в подборе словораздельных вариаций (см. табл. 1). Прежде всего, можно отметить, что у Твардовского несколько чаще, чем у других поэтов того же периода, строка начинается двусложным словом, то есть совпадающим с первой стопой ямба. У Твардовского таких строк 42,7%, а у других авторов – 37,02%.

Особенно типичен для него стопобойный ритм, где границы фонетических слов совпадают с границами между всеми четырьмя стопами (например: «Богáт, ширóк – полнá душá» или с женским окончанием: «Она́ сердца́ к себе́ манила»). Такой ритм встречается у него в 1,7 раза чаще, чем в среднем у современников. У Твардовского так звучат 8,93% стихов, в то время как в среднем у авторов его эпохи – лишь 5,18%.

Почти настолько же более частотны у него и вариации, где словоразделы проходят после второго, четвертого и седьмого слогов: это сочетание двух двусложных, трехсложного и односложного слова при мужской клаузуле («Всегда́, вездé – реда́ктор тво́й») и двух двусложных, трехсложного и снова двусложного слова – при женской («Встаю́. Ваго́н с рассвёта в сбо́ре» или «Взлетит, внизú оставив во́ду»). У Твардовского на эти две вариации вместе приходится 5,83% стихов, а в среднем по периоду – всего 3,57%. То же соотношение характеризует вариацию из двусложного, трехсложного, снова двусложного и односложного слов («В борьбé исполнен но́вых сил»): у Твардовского такие строки составляют 1,44% общего числа, а у его современников – только 0,84%. Однако соответствующая вариация с женской клаузулой, где словоразделы на тех же местах, а последнее слово двусложное («За той вели́кой во́дной гра́нью»), не демонстрирует такой тенденции: ее доля у Твардовского – 2,03%, у современников – 1,65%.

Сходная закономерность проявляется и в случае вариаций, начинающихся двусложным, трехсложным и односложным словами. Стих с мужской клаузулой, где последнее слово двусложное («Своя́, родная́ вдáль и вши́рь»), встречается у Твардовского в полтора раза чаще, чем у других поэтов его периода (2,12% против 1,35%). Но частотность строк с теми же позициями словоразделов и женской клаузулой, завершающихся трехсложным словом («Когда́, утрати́в пы́л рабо́ты»), оказывается близкой (1,75% и 1,46%).

Различия демонстрируют и некоторые не столь распространенные вариации. Например, строка из трех трехсложных слов, относящаяся к III форме («Составы́ без огней бежали́», «Газéтой запастись райо́нной»), встречается у Твардовского в пять раз реже, чем у других (0,24% и 1,34%). Аналогичная вариация с мужской клаузулой, в которой два трехсложных слова и затем одно двусложное («Реда́ктор, на себя́ берёшь»), отмечается в поэзии Твардовского в три раза реже, чем в творчестве его современников (0,47% и 1,45%).

Можно также обратить внимание на группу вариаций, начинающихся четырехсложным словом. В четырехстопном ямбе в этой позиции такое слово может нести ударение или на втором слоге, или на четвертом. Вариации, которые начинаются четырехсложным словом с ударением на последнем слоге, продолжаются двусложным и дают II форму (например, с женской клаузулой –

«Перенесён от стѣн Евро́пы» или «Повремени́, круто́е вре́мя», а с мужской – «Изда́лека вѣли́ сюда»), у Твардовского встречаются в два раза чаще, чем у современников (4,53% и 2,24%). Для вариаций из такого же четырехсложного, трехсложного и односложного либо двусложного слов («Неукротим победный ход» и «На рубеже эпо́хи но́вой») соотношение близкое – различие в полтора раза: 2,28% у Твардовского, 1,49% у современников.

И наоборот, строки, начинающиеся четырехсложным словом с ударением на втором слоге, для Твардовского нехарактерны, можно даже сказать, что он избегает таких стихов – в отличие от других поэтов. Строк такого рода, относящихся к III форме (например, «О множестве людских путей»), у него лишь 0,19%, один стих из пятисот, в то время как в среднем по периоду их, с учетом сверхсхемноударных, 2,85% – в пятнадцать раз больше. Начинающихся четырехсложным словом с ударением на втором слоге стихов, принадлежащих VII форме («В трепещущей голубизне» и «Журавушки, переклика́ясь»), у Твардовского только 0,12%, тогда как у современников (также с учетом очень редких сверхсхемноударных вариаций) – 1,42%, почти в двенадцать раз больше.

Есть различия и в составе ритмических словарей (см. табл. 6). У Твардовского заметно меньше длинных слов, чем у его современников, и чем слово длиннее, тем более заметно различие. Четырехсложных слов у Твардовского меньше почти на четверть: у него они составляют 7,77% словаря, а у других поэтов того же периода – 10%. Пятисложных слов меньше уже в 1,7 раза: у Твардовского таких 2,14% от всего словаря, у других рассмотренных авторов – 3,65%. Шестисложных слов (например, в стихах «Неустающего теченья» или «Утихоми́рилась река́») меньше в три раза – 0,37% против 1,13%. Различие можно отметить и в употреблении трехсложных слов с ударением на последнем слоге («острова́»): у Твардовского их на четверть меньше, чем в среднем у современников, – 4,72% против 6,27%. Это сокращение компенсируется несколько большим количеством ударных односложных слов: у Твардовского их 11,93%, тогда как у современников – 10,07%.

С этим различием соотносимо другое – в частотности слов с длинной (более слога) заударной частью. Слов с дактилическим окончанием (например, «те́плую») у Твардовского 5,14% от общего числа, у современников – 8,09%. Слов с гипердактилическим окончанием (например, «вы́работки», «оче́реди») – 0,57% против 0,89%. Доля слов обеих групп у Твардовского примерно в полтора раза меньше, чем у других авторов того же периода.

Большей доле коротких слов у Твардовского соответствует большая частота словоразделов. На каждый стих у него приходится в среднем 2,76 словораздела, тогда как у его современников – 2,46. При этом можно отметить различные тенденции в расположении словоразделов (см. табл. 4). Если их количество после 5-го слога у Твардовского и других поэтов того же времени почти совпадает (39,17% и 38,57%), то число словоразделов посередине строки, после 4-го слога, у Твардовского почти на треть выше (36,99% и 28,17%). Впрочем, надо отметить, что у всех поэтов словораздел в этой позиции встречается

реже, чем в любой другой в середине стиха (меньше только после 1-го и после 7-го слога). Чаще всего словораздел проходит после 3-го слога: у Твардовского – в 82,36% стихов, у его современников – в 74,19%.

Из приведенных данных можно вывести общую тенденцию ритма Твардовского. Тенденция эта – простота и четкость. Он предпочитает ритм как бы рельефный, подчеркивающий метр. Рельефность достигается сокращением числа длинных слов и связанным с этим повышением ударности. Притом тенденция к утяжелению стиха сильнее выражена в середине строки, чем в ее начале.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеева П.А. Эволюция четырехстопного ямба на материале «Колымских тетрадей» // Квантитативная филология. 2024. № 2(8). С. 60–69. DOI 10.35785/2782-4195-2024-2-60-69.
- Белый А. Символизм. Книга статей. М.: Мусагет, 1910. [4], III, [3], 633, [2] с.
- Богатырева Т.Н. Интонационное многообразие стиха поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» // III Межвузовская студенческая научная филологическая конференция Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Краткое содержание докладов. Л., 1970. С. 98–99.
- Буртин Ю. Из наблюдений над стихом А. Твардовского // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 177–200.
- Гаспаров М.Л. Материалы о ритмике русского 4-стопного ямба XVIII века // Russian Literature. 1982. Vol. 12, No. 2. P. 195–216.
- Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М.: Наука, 1984. 319 с.
- Гаспаров М.Л. Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М.: Наука, 1986. С. 181–199.
- Гаспаров М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 487 с.
- Гаспаров М.Л. Ямб и хорей советских поэтов и проблема эволюции русского стиха // Вопросы языкознания. 1967. № 3. С. 59–67.
- Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Синтаксис четырехстопного полноударного ямба // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 93–101.
- Головастиков К.А. О ритме 4-стопного ямба XIX века (Батюшков, Баратынский, Пушкин) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 4. С. 85–91.
- Горелик Л.Л. «Ласка, и лозунг, и штык, и кнут» (Рифмы советской поэзии 60-х годов) // Мастерство писателя / отв. ред. Я.Р. Кошелев. Смоленск, 1975. С. 49–57.
- Горелик Л.Л. О фольклорных традициях в творчестве смоленских поэтов (Рифменная система) // Фольклор и народная эстетика / отв. ред. Я.Р. Кошелев. Смоленск, 1979. С. 40–48.
- Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования / Е.А. Гришина [и др.] // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
- Жирмунский В.М. Введение в метрику. Теория стиха. Л.: Academia, 1925. 286 с.
- Колмогоров А.Н., Прохоров А.В. Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики классического русского стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития / отв. ред. Л.И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 113–134.
- Корчагин К.М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // Русская речь. 2019. № 6. С. 113–127. DOI 10.31857/S013161170007630-2.
- Круглова А.В., Смирнова О.С. Локализация и длительность пауз в 4-стопном ямбе А.С. Пушкина // Русская речь. 2024. № 5. С. 72–83. DOI 10.31857/S0131611724050069.

Лазоркина Н.Ф. Словарь рифм поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин». 2-е изд., испр. и доп. Смоленск: Универсум, 2001. 44 с.

Муравьев П.И. О ритмико-строфическом строении «Василия Теркина» // Ученые записки Смоленского педагогического института. Вып. 27: Вопросы русской литературы XIX–XX вв. Смоленск, 1971. С. 123–135.

Петров А.М. Четырехстопные ямбы в русских фольклорных духовных стихах: литературные истоки, тематика, метроритмические особенности // Русская речь. 2025. № 2. С. 92–105. DOI 10.31857/S0131611725020079.

Рубцова А.А. Четырехстопный ямб Вл. Ходасевича // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 1(11). С. 122–134.

Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С.О. Савчук [и др.] // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34. DOI 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34.

Самурин А.М. Эмфаза в поэме А. Твардовского «Василий Теркин» // Лексика. Терминология. Стили. Вып. 1. Горький, 1973. С. 195–204.

Скулачева Т.В. Распределение частей речи в неполноударных строках русского четырехстопного ямба // Авторская лексикография и история слов. К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина» / отв. ред. Л.Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 132–141.

Сухарев Н.В. Внутренние рифмы Твардовского // «Между своими связь жива...» Твардовские чтения: десять лет вместе: материалы Десятых Твардовских чтений / отв. ред. П.И. Привалов. Смоленск: Маджента, 2016. С. 147–159.

Тарановский К.Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / пер. с серб. В.В. Сонькина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 552 с.

Томашевский Б.В. Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 29/30. Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1918. С. 144–187.

Шлюшеникова Т.Б. Лексико-семантическая дистрибуция ритмики русского стиха на материале четырехстопного ямба: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.

Шувалова Е.Д. Ритм и части речи: русский, немецкий и английский четырехстопный ямб // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 4(14). С. 169–182.

Шуняева С.А. Материалы к поэтике стиха А. Твардовского // Труды Киргизского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Вып. 12. Фрунзе, 1977. С. 115–122.

Шуняева С.А. Стихотворная поэтика А. Твардовского. Строфика // Сборник трудов аспирантов и соискателей Киргизского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Вып. 9. Фрунзе, 1973. С. 112–121.

Liapin S. Russian Iambic Tetrameter: The Evolution of Its Rhythmic Structure // Studia Metrica et Poetica. 2020. Vol. 7, No. 2. P. 7–22. DOI 10.12697/smp.2020.7.2.01.

Liapin S. The Russian Iambic Tetrameter: The Problem of Description (Prolegomena to a New Paradigm) // Studia Metrica et Poetica. 2016. Vol. 3, No. 2. P. 99–127. DOI 10.12697/SMP.2016.3.2.04.

L.A. Trakhtenberg

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of the history of Russian literature,
M.V. Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

A.T. Tvardovsky's Four-Foot Iamb

The paper analyzes the rhythm of Aleksandr Tvardovsky's works written entirely in four-foot iamb with masculine and feminine endings; these are 63 short poems and two long poems, «Horizon beyond the Horizon» and «By Right of Memory». They

are compared to same-meter poems by his contemporaries, poets who fought in the Great Patriotic War: Stepan Schipachev, Yaroslav Smelyakov, Konstantin Simonov, Boris Slutsky, David Samoylov, and Alexander Mezhirov. The study identifies the frequency of rhythmic forms of iambic tetrameter and its word-boundary variations. It also includes rhythmic dictionaries for the texts under analysis.

The study has shown that Tvardovsky's four-foot iamb has a specific rhythm, not identical to that of his contemporaries. Tvardovsky's iambic rhythm is simpler, closer to the metric scheme. There are more stressed syllables, especially in the 2nd and 3rd ictuses. Tvardovsky's verse has more short words and less long ones than is the average at his time.

Keywords: Russian 20th-century literature; Soviet poetry; verse study; metrics; rhythm.

REFERENCES

- Avdeeva P.A. The evolution of iambic tetrameter on the material of "Kolyma Notebooks" [Evolutsiia chetyrekhsopnogo iamba na materiale «Kolymских tetradей»]. *Quantitative philology*, 2024. No. 2 (8), pp. 60–69. DOI 10.35785/2782-4195-2024-2-60-69 (in Russian).
- Bely A. Symbolism. A book of essays [Simvolizm. Kniga statei]. Moscow: Musaget, 1910. [4], III, [3], 633, [2] p. (in Russian).
- Bogatyreva T.N. The intonation variety of the verse of A. Tvardovsky's poem "Vasili Tyorkin" [Intonatsionnoe mnogoobrazie stikha poemu A. Tvardovskogo «Vasilii Terkin»]. *The 3rd inter-university student scholarly philological conference of the A.I. Gertsen Leningrad State Pedagogical Institute. Abstracts*. Leningrad, 1970, pp. 98–99 (in Russian).
- Burtin Iu. From the observations on A. Tvardovsky's verse [Iz nabludenii nad stikhom A. Tvardovskogo]. *Issues of literature*, 1960. No. 6, pp. 177–200 (in Russian).
- Gasparov M.L. Materials on the rhythm of Russian 18th-century four-foot iamb [Materialy k ritmike russkogo chetyrekhsopnogo iamba XVIII veka]. *Russian Literature*, 1982. Vol. XII. No. 2. Pp. 195–216 (in Russian).
- Gasparov M.L. Overview of the history of Russian versification: Meter. Rhythm. Rhyme. Stanzas [Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika]. Moscow: Nauka, 1984. 319 p. (in Russian).
- Gasparov M.L. Rhythmic and syntactic formulae in Russian four-foot iamb [Ritmiko-sintaksicheskaya formul'nost' v russkom chetyrekhsopnom iambe]. *Problems of structural linguistics*. 1983. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 181–199 (in Russian).
- Gasparov M.L. Modern Russian verse. Meter and rhythm [Sovremennyyi russkii stikh. Metrika i ritmika]. Moscow: Nauka, 1974. 487 p. (in Russian).
- Gasparov M.L. Iamb and trochee of Soviet poets and the problem of evolution of Russian verse [Iamb i khorei sovetskikh poetov i problema evoliutsii russkogo stikha]. *Issues of linguistics*, 1967. No. 3. Pp. 59–67 (in Russian).
- Gasparov M.L., Skulacheva T.V. The syntax of four-foot fully stressed iamb [Sintaksis chetyrekhsopnogo polnouarnogo iamba]. *Essays in poetics, literary history and linguistics. Presented to Viacheslav Vsevolodovich Ivanov on the occasion of his seventieth birthday*. Moscow: OGI, 1999. Pp. 93–101 (in Russian).
- Golovastikov K.A. On the rhythm of 19th-century four-foot iamb (Batyushkov, Baratynsky, Pushkin) [O ritme 4-stopnogo iamba XIX veka (Batiushkov, Baratynskii, Pushkin)]. *Bulletin of Moscow State University. Series 9: Philology*, 2010. No. 4. Pp. 85–91 (in Russian).

Gorelik L.L. "Kindness, and slogan, and sword, and whip". (Rhymes in Soviet poetry of the 60-ies" ["Laska, i lozung, i shtyk, i knut"]. (Rifmy sovetskoi poezii 60-kh godov)]. *The writer's skill*. Edited by Ia.R. Koshelev. Smolensk, 1975. Pp. 49–57 (in Russian).

Gorelik L.L. On folklore traditions in the oeuvre of Smolensk poets (Rhyme system) [O fol'klornykh traditsiakh v tvorchestve smolenskikh poetov. (Rifmennaya sistema)]. *Folklore and folk aesthetics*. Edited by Ia.R. Koshelev. Smolensk, 1979. Pp. 40–48 (in Russian).

Grishina E.A., Korchagin K.M., Plungian V.A., Sichinava D.V. Poetic corpus in the Russian National Corpus: general structure and using perspectives [Poeticheskii korpus v ramkakh NKRIa: obshchaya struktura i perspektivy ispol'zovaniia]. *Russian National Corpus: 2006–2008. New results and perspectives*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009. Pp. 71–113 (in Russian).

Zhirmunsky V.M. Introduction into metrics. Theory of verse [Vvedenie v metriku. Teoriia stikha]. Leningrad: Academia, 1925. 286 p. (in Russian).

Kolmogorov A.N., Prokhorov A.V. A model of the rhythmic structure of Russian speech, adapted to the study of the meter of classical Russian verse [Model' ritmicheskogo stroeniia russkoi rechi, prispособlennaya k izucheniiu metriki klassicheskogo russkogo stikha]. *Russian versification. Traditions and problems of development*. Edited by L.I. Timofeev. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 113–134 (in Russian).

Korchagin K.M. What Russian Poetic Corpus is made for and how to use it [Zachem nuzhen poeticheskii korpus i kak ego ispol'zovat']. *Russian speech*, 2019. No. 6. Pp. 113–127. DOI 10.31857/S013161170007630-2 (in Russian).

Kruglova A.V., Smirnova O.S. Localization and pauses duration in Russian iambic tetrameter in the poetry of A. S. Pushkin. [Lokalizatsiia i dlitel'nost' pazv v 4-stopnom iambe A.S. Pushkina]. *Russian speech*, 2024. No. 5. Pp. 72–83. DOI 10.31857/S0131611724050069 (in Russian).

Lazorkina N.F. Rhyme dictionary of A.T. Tvardovsky's poem "Vasili Tyorkin" [Slovar' rifm poem A.T. Tvardovskogo "Vasilii Terkin"]. The 2nd edition. Smolensk: Universum, 2001. 44 p. (in Russian).

Murav'ev P.I. On the rhythmic and strophic structure of "Vasili Tyorkin" [O ritmiko-stroficheskom stroenii "Vasilii Terkina"]. *Scientific notes of the Smolensk Pedagogical Institute*. Vol. 27. *Questions of Russian literature of the 19th–20th centuries*. Smolensk, 1971. Pp. 123–135 (in Russian).

Petrov A.M. Iambic tetrameter in Russian folk spiritual verses: Literary sources, thematic range, metrical and rhythmical peculiarities [Chetyrekhstopnye iamby v russkikh fol'klornykh dukhovnykh stikhakh: literaturnye istoki, tematika, metroritmicheskie osobennosti]. *Russian speech*, 2025. No. 2. Pp. 92–105. DOI 10.31857/S0131611725020079 (in Russian).

Rubtsova A.A. Iambic tetrameter of V.I. Khodasevich [Chetyrekhstopnyi iamb V.I. Khodasevicha]. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 2017. No. 1 (11). Pp. 122–134 (in Russian).

Savchuk S.O., Arkhangel'skiy T., Bonch-Osmolovskaya A.A., Donina O.V., Kuznetsova Yu.N., Lyashevskaya O.N., Orekhov B.V., Podryadchikova M.V. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects [Natsional'nyi korpus russkogo iazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiia]. *Issues of linguistics*, 2024. No. 2. Pp. 7–34. DOI 10.31857/0373-658X.2024.2.7-34 (in Russian).

Samurin A.M. Emphasis in A. Tvardovsky's poem "Vasili Tyorkin" [Emfaza v poeme A. Tvardovskogo «Vasilii Terkin»]. *Lexis. Terminology. Styles*. Vol. 1. Gorky, 1973. Pp. 195–204 (in Russian).

Skulacheva T.V. Parts of speech distribution in non-fully-stressed lines of Russian four-foot iamb [Raspredelenie chastei rechi v nepolnoudarnykh strokakh russkogo chetyrekhstopnogo iamba]. *Authors' lexicography and history of words*. Edited by L.L. Shestakova. Moscow: Azbukovnik, 2013. Pp. 132–141 (in Russian).

Sukharev N.V. Tvardovsky's internal rhymes [Vnutrennie rifmy Tvardovskogo]. "The link between friends is alive...". *Tvardovsky readings: ten years together. Proceedings of the 10th Tvardovsky readings*. Edited by P.I. Privalov. Smolensk: Madzhenta, 2016. Pp. 147–159 (in Russian).

Taranovsky K.F. Russian binary meters. Papers on verse [Russkie dvuslozhnye razmery. Stat'i o stikhe]. Translated from the Serbian by V.V. Son'kin. Moscow: Languages of Slavic culture, 2010. 552 p. (in Russian).

Tomashevskii B.V. Rhythm of the four-foot iamb, based on observations of the verse of "Eugene Onegin" [Ritmika chetyrekhstopnogo yamba po nablyudeniya nad stihom «Evgeniya Onegina»]. *Pushkin and his contemporaries*. Vol. 29/30. Petrograd: Typography of the Russian Academy of Sciences, 1918. Pp. 144–187 (in Russian).

Shliushenkova T.B. Lexical and semantic distribution of Russian verse rhythm on the material of four-foot iamb [Leksiko-semanticheskaya distributsiya ritmiki russkogo stikha na materiale chetyrekhstopnogo iamba]. *Abstract of dissertation Candidate of Philology*. Saint-Petersburg, 2002. 23 p. (in Russian).

Shuvalova E.D. Rhythm and parts of speech: Russian, German and English four-foot iamb [Ritm i chasti rechi: russkii, nemetskii i angliiskii chetyrekhstopnyi iamb]. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 2017. No. 4 (14). Pp. 169–182 (in Russian).

Shuniaeva S. Materials on the poetics of A. Tvardovsky's verse [Materialy k poetike stikha A. Tvardovskogo]. *Proceedings of the Kirgiz State University*. Humanities Series. Vol. 12. Frunze, 1977. Pp. 115–122 (in Russian).

Shuniaeva S.A. Verse poetics of A. Tvardovsky. Strophes [Stikhotvornaia poetika A. Tvardovskogo. Strofika]. *Collected postgraduates' papers of the Kirgiz State University*. Humanities Series. Vol. 9. Frunze, 1973. Pp. 112–121 (in Russian).

Liapin S. Russian iambic tetrameter: the evolution of its rhythmic structure. *Studia Metrica et Poetica*. 2020. Vol. 7. No. 2. Pp. 7–22. DOI 10.12697/smp.2020.7.2.01 (in English).

Liapin S. The Russian iambic tetrameter: The problem of description (Prolegomena to a new paradigm). *Studia Metrica et Poetica*. 2016. Vol. 3. No. 2. Pp. 99–127. DOI 10.12697/SMP.2016.3.2.04 (in English).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Во всех таблицах, за исключением 1б, данные приведены в процентах от общего числа строк. Показатели округлены до второго знака после запятой. В таблице 1б показатели частотности ритмических вариаций со сверхсхемными ударениями указаны в десяти тысячных долях от общего количества строк, с округлением до одной десяти тысячной.

Таблица 1. Ритмические вариации
А. Вариации без сверхсхемных ударений

Прямой шрифт набраны примеры из произведений Твардовского, курсивом – из текстов других авторов.

Авторы и тексты			Твардовский				Современники Твардовского							
			Сти- хотво- рения	За да- лю даль	По праву па- мяти	Все тек- сты	Все авто- ры	Щи- пачев	Сме- ляков	Симо- нов	Слуц- кий	Са- мой- лов	Ме- жи- ров	
Вариации			1728	3482	549	5759	10931	105	4133	3325	1041	1877	450	
№	Схема	Пример	Всего строк											
ПЕРВОЕ СЛОВО ДВУСЛОЖНОЕ														
Второе слово двусложное														
1.1	У– У– У– У–	Богат, широк – полна душа	5,09	4,37	4,55	4,60	2,31	1,90	1,19	2,98	3,27	3,04	2,44	
«-»	У– У– У– У–У	Она сердца к себе манила	4,17	4,54	3,46	4,32	2,87	2,86	2,32	3,04	4,32	2,66	4,22	
1.2	У– У– У– У–	Всегда, везде – редактор твой	2,37	1,84	2,55	2,07	1,37	0,95	1,31	1,89	1,34	0,85	0,44	
«-»	У– У– У–У–У	Взлетит, внизу оставив воду	3,70	4,05	2,19	3,77	2,20	1,90	2,35	2,11	1,63	2,66	0,89	
4.1	У– У– УУУ–	Её волна растворена	1,45	1,44	1,82	1,48	1,13	1,90	0,90	1,23	1,06	1,28	2,00	
«-»	У– У– УУУ–У	Влекут к себе одновременно	1,22	1,46	2,19	1,46	1,40	0,95	1,26	1,32	1,83	1,60	1,56	
Второе слово трехсложное														
1.3	У– У–У– У–	Своя, родная вдаль и вширь	2,20	2,07	2,19	2,12	1,35	1,90	0,80	2,17	0,96	1,39	1,11	

-«-	U- U-U - U-U	Когда, утратив пыл работы	1,39	1,87	2,19	1,75	1,46	2,86	0,94	1,98	1,73	1,49	1,33
1.4	U- U-U -U -	В борьбе исполнен новых сил	1,45	1,46	1,28	1,44	0,84	0,95	0,82	1,11	0,96	0,32	0,89
-«-	U- U-U -U -U	За той великой водной гранью	1,85	1,98	2,91	2,03	1,65	2,86	1,45	1,86	1,73	1,55	1,78
4.2	U- U-U UU-	Вокзал, огнями залитой	5,32	5,31	5,65	5,35	5,70	4,76	6,77	5,89	3,94	4,32	4,44
-«-	U- U-U UU-U	Пора! Ударил отправенье	3,24	4,05	5,46	3,94	3,99	2,86	4,43	3,07	5,19	4,26	3,11
Второе слово четырехсложное													
3.1	U- UUU- U-	Больших секретарей-мужчин	0,41	0,32	0,55	0,36	0,32	0,95	0,02	0,63	0,77	0,05	0,67
-«-	U- UUU- U-U	Уже не баловал Калинин	0,12	0,17	0,00	0,14	0,29	0,00	0,05	0,51	0,48	0,21	0,89
4.3	U- U-UU U-	Полны взаимного добра	3,65	3,85	3,64	3,77	4,89	6,67	6,36	3,79	2,88	4,74	4,44
-«-	U- U-UU U-U	С плечом великого Китая	3,13	3,10	1,46	2,95	3,69	2,86	4,36	3,25	3,07	3,52	3,11
Второе слово пятисложное													
3.2	U- UUU-U -	В пути не покидая нас	0,23	0,14	0,18	0,17	0,32	0,95	0,15	0,42	0,38	0,48	0,22
-«-	U- UUU-U -U	Стоят посередине мира	0,12	0,06	0,18	0,09	0,37	0,95	0,15	0,24	1,06	0,53	0,89
4.4	U- U-UUU -	Вдали угадываю я	0,46	0,40	0,73	0,45	0,22	0,00	0,29	0,15	0,10	0,27	0,22
-«-	U- U-UUU -U	Моря и каменные горы	0,52	0,40	0,36	0,43	0,58	0,00	0,68	0,39	0,38	0,85	0,44
Второе слово шестисложное													
7.1	U- UUUUU-	Запеть «Интернационал»	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,00
Второе слово семисложное													
7.1	U- UUUUU-U	И в дверь полтора саженьный	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,00	0,02	0,06	0,19	0,11	0,00
ПЕРВОЕ СЛОВО ТРЕХСЛОЖНОЕ													
Второе слово односложное													
1.5	U-U - U- U-	Покамест шла войны страда	2,49	2,04	2,73	2,24	1,33	0,00	0,68	2,59	1,44	0,75	0,44
-«-	U-U - U- U-U	Под нами шла река, стихая	2,49	3,22	3,28	3,00	1,60	2,86	1,16	2,17	1,54	1,70	0,89
1.6	U-U - U-U -	Наметив курс грядущим дням	1,33	1,38	1,64	1,39	1,04	0,00	0,97	1,17	0,67	1,12	1,56
-«-	U-U - U-U -U	Иную мы избрали сами	1,68	2,21	1,09	1,94	1,27	0,00	1,35	1,11	1,06	1,49	1,56
4.5	U-U - UUU-	Костялый лес заволокло	0,75	0,95	1,64	0,96	0,54	0,00	0,41	0,75	0,29	0,69	0,22
-«-	U-U - UUU-U	Откуда груз тысячетонный	0,69	0,55	0,73	0,61	0,70	0,00	0,70	0,75	0,48	0,91	0,22
Второе слово двусложное													
1.7	U-U -U - U-	Вступает новый край в права	2,55	1,75	1,64	1,98	1,40	4,76	0,85	2,20	1,25	1,33	0,44
-«-	U-U -U - U-U	Приедут, пылью той подышат	1,79	1,75	1,64	1,75	1,07	0,00	0,99	1,29	0,77	1,23	0,44
1.8	U-U -U -U -	С запасом дружбы юных дней	1,85	1,18	0,73	1,34	1,12	0,00	1,11	1,44	1,25	0,69	0,44
-«-	U-U -U -U -U	Казалось, поезд этот с ходу	1,50	1,58	2,19	1,61	1,33	0,95	1,38	1,29	1,06	1,70	0,22
4.6	U-U -U UU-	Негромкой нашей стороне	5,27	4,74	3,83	4,81	4,67	9,52	4,72	5,29	3,46	3,78	4,89
-«-	U-U -U UU-U	Сближая гравий планировки	3,47	3,45	2,37	3,35	3,44	2,86	4,28	2,62	2,98	3,68	2,00
Второе слово трехсложное													
3.3	U-U UU- U-	Редактор, на себя берешь	0,75	0,40	0,00	0,47	1,45	2,86	0,34	2,59	1,73	1,33	2,67
-«-	U-U UU- U-U	Газетой запастись районной	0,23	0,29	0,00	0,24	1,34	1,90	0,44	2,14	2,21	1,28	1,78
4.7	U-U -UU U-	Родные русские поля	6,54	5,46	4,37	5,68	5,76	5,71	7,45	4,75	3,36	5,38	4,89
-«-	U-U -UU U-U	Уральской выемки откосы	3,94	4,25	4,55	4,18	4,25	2,86	5,42	3,10	4,32	4,00	3,33
Второе слово четырехсложное													
3.4	U-U UU-U -	На некий неизвестный срок	0,41	0,17	0,18	0,24	0,75	0,95	0,51	0,72	1,06	1,23	0,44
-«-	U-U UU-U -U	На даче, на горячем пляже	0,17	0,11	0,00	0,12	0,94	0,00	0,53	0,84	1,44	1,81	0,89
4.8	U-U -UUU -	Деревни с пригородом смесь	0,64	0,49	0,18	0,50	0,16	0,00	0,22	0,12	0,10	0,16	0,22
-«-	U-U -UUU -U	Впервые встреченные лица	0,69	0,29	0,36	0,42	0,52	0,00	0,82	0,30	0,10	0,53	0,44
Второе слово пятисложное													
7.2	U-U UUUU-	И сводкой Совинформбюро	0,06	0,09	0,00	0,07	0,19	0,00	0,10	0,18	0,48	0,27	0,22
Второе слово шестисложное													
7.2	U-U UUUU-U	А впрочем, авиаэкспрессом	0,17	0,14	0,36	0,17	0,31	0,95	0,07	0,15	0,77	0,64	1,11
ПЕРВОЕ СЛОВО ЧЕТЫРЕХСЛОЖНОЕ													
с ударением на втором слоге													
3.5	U-UU U- U-	О множестве людских путей	0,23	0,06	0,00	0,10	0,72	2,86	0,22	1,05	1,73	0,69	0,22
-«-	U-UU U- U-U	На бархате ряды регалий	0,06	0,03	0,00	0,03	0,85	1,90	0,51	1,11	1,25	1,01	0,22
3.6	U-UU U-U -	Вернувшийся товарищ мой	0,12	0,00	0,00	0,03	0,43	0,95	0,15	0,69	0,67	0,53	0,00
-«-	U-UU U-U -U	Расклеены указы Павла	0,12	0,00	0,00	0,03	0,83	0,95	0,60	0,69	1,63	1,01	1,33
7.3	U-UU UUU-	В трепещущей голубизне	0,23	0,00	0,00	0,07	0,59	0,00	0,36	0,30	1,34	0,91	2,00
-«-	U-UU UUU-U	Журавушки, перекликаясь	0,17	0,00	0,00	0,05	0,81	0,95	0,53	0,33	1,54	1,49	2,44
с ударением на четвертом слоге													
2.1	UUU- U- U-	Издалека вели сюда	1,85	2,24	2,73	2,17	0,90	0,95	0,51	1,29	0,77	0,75	2,44
-«-	UUU- U- U-U	Перенесён от стен Европы	1,91	2,41	3,46	2,36	1,34	1,90	1,33	1,44	1,54	1,07	1,11
2.2	UUU- U-U -	Неукротим победный ход	0,75	0,86	1,46	0,89	0,59	0,95	0,80	0,54	0,19	0,48	0,44
-«-	UUU- U-U -U	На рубеже эпохи новой	1,33	1,46	1,09	1,39	0,90	0,95	1,23	0,63	0,77	0,59	1,33
6.1	UUU- UUU-	Материки и острова	0,46	0,75	0,55	0,64	0,98	0,95	1,23	0,60	0,96	1,12	0,89

«-»	UUU- UUU-U	Необжитой, недомовитой	0,58	0,49	0,36	0,50	0,71	0,95	0,82	0,36	0,86	0,85	1,33
ПЕРВОЕ СЛОВО ПЯТИСЛОЖНОЕ													
с ударением на втором слоге													
3.7	U-UUU - U-U	Закованными в сталь руками	0,00	0,00	0,00	0,00	0,14	0,00	0,02	0,21	0,29	0,21	0,00
«-»	U-UUU - U-	Притопывает в такт ногой	0,00	0,00	0,00	0,00	0,11	0,00	0,07	0,15	0,38	0,00	0,00
3.8	U-UUU -U -	Берёзовое пенье дров	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,00	0,00	0,03	0,10	0,05	0,00
«-»	U-UUU -U -U	К повышенному тону спора	0,00	0,00	0,00	0,00	0,07	0,00	0,05	0,00	0,48	0,05	0,00
7.4	U-UUU UU-	Простуженнейшим голоском	0,00	0,00	0,00	0,00	0,41	0,95	0,12	0,24	1,25	0,75	0,89
«-»	U-UUU UU-U	Поёживаясь в полужубке	0,06	0,00	0,00	0,02	0,25	0,00	0,02	0,12	0,48	0,75	0,67
с ударением на четвертом слоге													
2.3	UUU-U - U-	Избороздили шар земной	0,93	0,83	0,91	0,87	0,82	0,00	0,68	0,78	0,58	1,44	0,67
«-»	UUU-U - U-U	И самолётов гул тревожный	0,81	0,83	1,64	0,90	0,70	0,00	0,63	0,54	0,77	1,01	1,33
2.4	UUU-U -U -	В полубезвестной точке той	0,69	0,52	0,18	0,54	0,73	0,00	0,92	0,66	0,58	0,59	0,67
«-»	UUU-U -U -U	Недоверны мысли, чувства	1,16	1,01	0,73	1,02	0,81	1,90	0,85	0,72	0,77	0,69	1,33
6.2	UUU-U UU-	Молодожёнов-москвичей	1,91	1,78	1,64	1,81	3,31	2,86	4,98	1,68	2,40	2,77	4,44
«-»	UUU-U UU-U	О недостатках подготовки	0,93	1,58	1,28	1,35	2,05	0,00	2,69	1,59	1,54	1,70	2,67
ПЕРВОЕ СЛОВО ШЕСТИСЛОЖНОЕ													
с ударением на втором слоге													
7.5	U-UUUU U-	Рождаящиеся на свет	0,00	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00	0,00	0,03	0,10	0,11	0,44
«-»	U-UUUU U-U	Зайндевлею палаткой	0,06	0,00	0,00	0,02	0,12	0,00	0,00	0,12	0,00	0,37	0,44
с ударением на четвертом слоге													
6.3	UUU-UU U-	В послевоенные года	0,58	1,09	0,18	0,85	2,45	0,00	3,48	1,32	2,50	2,24	2,67
«-»	UUU-UU U-U	Кругообразное движенье	0,69	0,57	1,09	0,66	1,83	0,00	2,78	1,14	1,83	1,07	1,78
с ударением на шестом слоге													
5.1	UUUUU- U-	«Интернационал» поют	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00
ПЕРВОЕ СЛОВО СЕМИСЛОЖНОЕ													
с ударением на четвертом слоге													
6.4	UUU-UUU -	И переглядываться: – Д-да...	0,06	0,03	0,00	0,03	0,10	0,00	0,12	0,09	0,00	0,16	0,00
«-»	UUU-UUU -U	Неотодвинутого леса	0,06	0,14	0,55	0,16	0,23	0,00	0,31	0,06	0,48	0,11	0,67
с ударением на шестом слоге													
5.2	UUUUU-U -	Он запечатлевает век	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00
«-»	UUUUU-U -U	Но за неблагодарность взыщут	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00

Б. Вариации со сверхсхемными ударениями

Авторы и тексты	Твардовский				Современники Твардовского							Авторы и тексты	Твардовский				Современники Твардовского								
	Стихотворения	За далью даль	По праву разговора	Все	Все	Щипачев	Смеяков	Симонов	Случкий	Самойлов	Межиров		Стихотворения	За далью даль	По праву	Все	Все	Щипачев	Смеяков	Симонов	Случкий	Самойлов	Межиров		
Схемы													Схемы												
Сверхсхемное ударение на 1-й стопе																									
- - U- U- U-	12	9	0	9	6	0	2	9	10	11	0	- -U UU-U -	0	0	0	0	2	0	0	0	10	5	0		
- - U- U- U-U	6	17	18	14	6	0	10	3	10	5	0	- -U UU-U -U	0	0	0	0	4	0	2	0	19	5	0		
- - U- U-U -	0	0	0	0	2	0	0	3	10	0	0	- -U -UUU -	0	0	0	0	2	0	2	0	0	0	22		
- - U- U-U -U	0	6	0	3	3	0	2	6	0	0	0	- -U -UUU -U	0	3	0	2	2	0	2	0	0	5	0		
- - U- UUU-	0	6	0	3	5	0	5	9	0	0	0	- -U UUUU-	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0		
- - U- UUU-U	0	9	18	7	6	0	10	9	0	0	0	- -U UUUU-U	6	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0		
- - U-U - U-	0	0	18	2	0	0	0	0	0	0	0	- -UU U- U-	0	0	0	0	5	0	0	9	19	5	0		
- - U-U - U-U	0	14	0	9	2	0	0	6	0	0	0	- -UU U- U-U	0	0	0	0	2	0	0	6	0	0	0		
- - U-U -U -	0	0	18	2	1	0	0	3	0	0	0	- -UU U-U -U	0	0	0	0	6	0	2	9	10	5	22		

– – U–U –U –U	0	6	0	3	2	95	0	3	0	0	0	– –UU UU–	0	0	0	0	2	0	0	3	0	5	0
– – U–U UU–	17	11	18	14	6	0	7	9	0	5	0	– –UU UU–U	0	0	0	0	3	0	2	3	0	5	0
– – U–U UU–U	17	17	36	19	8	0	7	9	10	11	0	– UU– U– U–	17	6	18	10	16	0	17	15	38	11	0
– – U–UU U–	6	6	0	5	4	0	2	6	0	5	0	– UU– U– U–U	6	20	55	19	9	0	10	15	0	5	0
– – U–UU U–U	0	3	0	2	8	0	0	18	0	16	0	– UU– U–U –	0	9	0	5	6	95	7	9	0	0	0
– –U – U– U–	0	9	0	5	4	95	0	9	0	0	0	– UU– U–U –U	6	14	18	12	14	0	7	27	0	11	22
– –U – U– U–U	12	6	18	9	6	0	0	6	0	21	22	– UU– UU–	6	6	0	5	7	0	7	12	0	5	0
– –U – U–U –	0	0	0	0	4	0	2	9	0	0	0	– UU– UU–U	0	3	91	10	9	0	2	18	0	11	22
– –U – U–U –U	0	3	18	3	5	0	2	6	0	11	0	– –UUU – U–U	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	44
– –U – UU–	12	0	0	3	2	0	0	6	0	0	0	– UU–U – U–	12	3	36	9	5	0	2	9	10	5	0
– –U – UU–U	0	0	0	0	3	0	2	0	0	11	0	– UU–U – U–U	6	0	0	2	2	0	2	3	0	0	0
– –U –U UU–	23	11	0	14	12	0	7	30	0	0	0	– UU–U –U –	0	6	18	5	7	95	5	15	0	0	0
– –U –U – U–	12	14	0	12	8	0	0	18	0	16	0	– UU–U –U –U	12	3	0	5	4	0	7	0	0	5	0
– –U –U – U–U	6	6	0	5	4	95	0	9	0	0	0	– UU–U UU–	12	9	36	12	29	0	22	42	10	43	0
– –U –U –U –	6	11	0	9	5	0	5	6	0	5	22	– UU–U UU–U	6	11	18	10	27	0	29	33	19	27	0
– –U –U –U –U	12	17	0	14	1	0	0	0	10	0	0	– UU–UU U–	6	3	36	7	14	0	10	21	10	0	67
– –U –U UU–U	6	11	0	9	11	0	10	15	29	0	0	– UU–UU U–U	0	6	0	3	14	0	17	18	10	5	0
– –U UU– U–	6	0	0	2	7	0	0	12	0	16	22	– –UUU– U–U	0	0	0	0	1	0	0	0	10	0	0
– –U UU– U–U	0	0	0	0	4	0	0	9	0	5	0	– UU–UUU –	0	0	0	0	1	0	2	0	0	0	0
– –U –UU U–	0	26	0	16	10	0	15	9	10	5	0	– UU–UUU –U	0	3	0	2	3	0	5	0	0	0	22
– –U –UU U–U	17	11	0	12	13	0	19	12	0	5	22												
Сверхсхемное ударение на 2-й стопе												Сверхсхемное ударение на 3-й стопе											
U– – – U– U–	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	U– U– – – U–	0	3	0	2	3	0	0	3	0	11	0
U– – – U– U–U	0	0	0	0	1	0	2	0	0	0	0	U– U– – – U–U	6	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0
U– – – U–U –U	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0	U– U– – –U –	0	6	0	3	1	0	0	0	10	0	0
U– – – UU–U	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0	U– U– – –U –U	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0
U– – –U – U–	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	U– U– – UU–	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0
U– – –U –U –	0	0	0	0	4	0	2	6	0	5	0	U– U– – UU–U	0	0	0	0	2	0	0	3	10	0	0
U– – –U UU–	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	U–U – – – U–	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0
U– – –U UU–U	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	U–U – – –U –	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0
U– – –UU U–	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0	U–U – – –U –U	0	3	0	2	1	0	0	3	0	0	0
U– – –UU U–U	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	U–U – – UU–	0	3	0	2	1	0	0	0	10	0	0
												UUU– – –U –	0	6	0	3	1	0	0	3	0	0	0
Сверхсхемное ударение на 4-й стопе												UUU– – UU–	0	3	0	2	1	0	0	3	0	0	0
U– U– U– – –U	0	6	0	3	0	0	0	0	0	0	0	U–UU – UU–U	0	0	0	0	1	0	0	0	10	0	0
U– U–U – – –	0	0	0	0	1	0	0	0	0	5	0	U–UU – –U –U	0	0	0	0	1	0	0	0	0	5	0
U– U–UU – –	0	0	0	0	1	0	0	0	10	0	0	Два сверхсхемных ударения											
U– U–UU – –U	6	0	18	3	2	0	2	3	0	0	0	– – U– – – U–	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0
U–U – U– – –	0	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	– –U – – –U –	0	0	0	0	1	0	0	0	10	0	0
U–U – U– – –U	0	3	0	2	1	0	2	0	0	0	0	– –U –UU – –U	0	0	0	0	1	0	2	0	0	0	0
U–U –UU – –	0	0	0	0	1	0	0	0	10	0	0	– UU– – –U –U	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0
UUU– U– – –U	0	0	0	0	1	0	0	3	0	0	0	– UU– – UU–	0	0	0	0	2	0	0	6	0	0	0

Таблица 2. Ритмические формы

№	Схема	Твардовский				Современники Твардовского						
		Стихотворения	За далью даль	По праву памяти	Все	Все	Щипачев	Смеяков	Симонов	Слуцкий	Самойлов	Межиров
I	U-U-U-U-	41,26	41,70	41,17	41,52	27,47	30,48	22,14	34,14	28,43	27,76	23,11
II	UUU-U-U-	10,01	10,83	13,66	10,85	7,46	8,57	7,52	7,64	6,44	6,98	9,56
III	U-UUU-U-	3,01	1,75	1,09	2,07	9,29	15,24	3,85	12,48	16,23	10,97	11,11
IV	U-U-UUU-	39,35	38,60	36,25	38,60	40,14	38,10	47,86	35,73	31,51	37,72	32,44
V	UUUUU-U-	0,00	0,00	0,00	0,00	0,04	0,00	0,00	0,00	0,10	0,16	0,00
VI	UUU-UUU-	5,56	6,86	7,47	6,53	12,73	4,76	17,37	8,39	11,05	10,92	15,56
VII	U-UUUUU-	0,81	0,26	0,36	0,43	2,87	2,86	1,26	1,62	6,24	5,49	8,22

Таблица 3. Ударность иктов

Икт	Твардовский				Современники Твардовского						
	Стихотворения	За далью даль	По праву памяти	Все	Все	Щипачев	Смеяков	Симонов	Слуцкий	Самойлов	Межиров
1	84,43	82,31	78,87	82,62	79,77	86,67	75,10	83,97	82,42	81,94	74,89
2	96,18	97,99	98,54	97,50	87,81	81,90	94,89	85,89	77,43	83,38	80,67
3	54,28	54,28	55,92	54,44	44,25	54,29	33,51	54,26	51,20	45,87	43,78
4	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 4. Позиции словоразделов

Учитываются словоразделы между фонетическими словами.

После слога	Твардовский				Современники Твардовского						
	Стихотворения	За далью даль	По праву памяти	Все	Все	Щипачев	Смеяков	Симонов	Слуцкий	Самойлов	Межиров
1	2,60	3,36	4,92	3,28	3,56	4,76	2,73	5,17	2,50	3,14	3,11
2	42,77	44,26	44,99	43,88	37,79	40,00	37,14	39,34	37,94	36,92	35,11
3	83,39	82,40	78,87	82,36	74,19	78,10	72,44	78,71	70,80	73,79	65,56
4	35,71	37,42	38,25	36,99	28,17	28,57	23,30	31,37	32,95	29,99	30,44
5	39,24	38,94	40,44	39,17	38,57	41,90	40,43	38,59	35,73	36,97	33,78
6	47,63	47,87	47,18	47,73	43,42	44,76	43,62	44,54	41,69	42,62	40,22
7	23,67	22,92	21,68	23,02	20,31	19,05	19,77	20,51	20,94	21,31	18,44

Таблица 5. Профили ударности

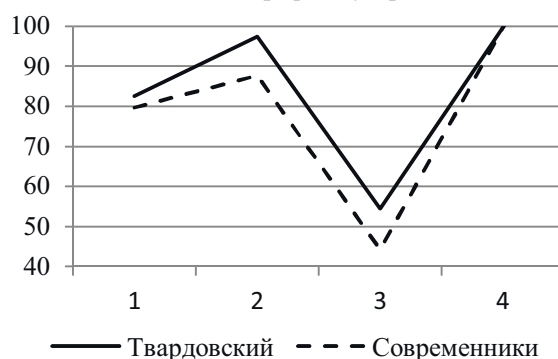

Таблица 6. Ритмические словари

Авторы и тексты		Твардовский				Современники Твардовского						
		Стихо- творе- ния	За далью даль	По праву пам- яти	Все тексты	Все авто- ры	Щипа- чев	Смеля- ков	Симо- нов	Случ- кий	Самой- лов	Межи- ров
Схема	Пример											
Всего слов		6281	12879	2034	21194	37577	371	13764	12139	3527	6327	1449
Односложные												
–	шар; мы (<i>икт</i>)	11,42	11,97	13,23	11,93	10,07	9,70	8,46	12,66	9,44	9,91	7,80
U	мы (<i>междудикто- вый интервал</i>)	7,85	9,24	9,73	8,88	8,81	8,09	8,65	10,31	8,08	7,49	7,32
Двусложные												
–U	этот	14,57	14,41	12,93	14,32	12,95	15,36	13,32	13,39	12,13	12,74	10,56
U–	земной	27,59	26,48	26,45	26,81	22,86	25,07	21,51	23,69	24,87	23,55	24,57
Трехсложные												
–UU	тёплую	3,10	2,94	2,41	2,94	3,43	3,50	4,27	2,83	2,92	3,29	3,04
U–U	признаться	20,43	20,02	19,27	20,07	20,05	19,41	20,65	19,45	20,33	20,66	19,94
UU–	острова	4,79	4,68	4,77	4,72	6,27	7,55	6,36	6,76	5,44	5,50	7,66
Четырехсложные												
–UUU	заморозок	0,37	0,27	0,15	0,29	0,26	0,00	0,36	0,16	0,26	0,25	0,41
U–UU	журавушки	1,97	1,71	1,43	1,76	3,33	3,77	3,64	2,62	3,74	3,79	3,93
UU–U	перемёрзший	3,20	3,56	3,88	3,48	4,61	2,70	5,31	3,73	4,91	5,03	4,07
UUU–	материки	2,12	2,23	2,70	2,24	1,80	2,16	1,90	1,46	2,10	1,87	2,97
Пятисложные												
–UUUU	сдвинувшаяся	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,01	0,00	0,02	0,00
U–UUU	поёживаясь	0,29	0,17	0,29	0,22	0,47	0,27	0,34	0,30	0,79	0,84	0,69
UU–UU	позабавившись	0,06	0,15	0,20	0,13	0,40	0,00	0,56	0,28	0,31	0,32	0,62
UUU–U	перекликаясь	1,82	1,71	2,06	1,77	2,71	2,16	3,07	1,66	3,03	3,51	4,49
UUUU–	предупреждены	0,02	0,03	0,00	0,02	0,06	0,00	0,03	0,05	0,17	0,08	0,07
Шестисложные												
U–UUUU	рождающиеся	0,02	0,00	0,00	0,00	0,05	0,00	0,00	0,03	0,03	0,14	0,28
UU–UUU	благодествуя	0,00	0,01	0,10	0,01	0,05	0,00	0,08	0,02	0,09	0,05	0,07
UUU–UU	послевоенные	0,30	0,33	0,25	0,31	0,92	0,00	1,40	0,50	1,02	0,68	1,04
UUUU–U	самозаготовки	0,06	0,04	0,10	0,05	0,10	0,27	0,02	0,04	0,26	0,21	0,35
UUUUU–	Интернационал	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,01	0,00	0,02	0,00
Семисложные												
UUU–UUU	неотодвинутого	0,03	0,05	0,05	0,04	0,05	0,00	0,07	0,02	0,06	0,03	0,14
UUUUU–U	полуторасажженный	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,01	0,02	0,03	0,05	0,00
Всего по числу слогов												
односложные	шар	19,26	21,21	22,96	20,80	18,88	17,79	17,11	22,97	17,52	17,40	15,11
двусложные	земной	42,16	40,90	39,38	41,12	35,82	40,43	34,83	37,08	37,00	36,29	35,13
трехсложные	острова	28,32	27,65	26,45	27,73	29,76	30,46	31,28	29,03	28,69	29,45	30,64
четырёхсложные	материки	7,66	7,76	8,16	7,77	10,01	8,63	11,20	7,97	11,00	10,94	11,39
пятисложные	перекликаясь	2,18	2,06	2,56	2,14	3,65	2,43	4,00	2,31	4,31	4,76	5,87
шестисложные	послевоенные	0,38	0,37	0,44	0,37	1,13	0,27	1,50	0,60	1,39	1,09	1,73
семисложные	неотодвинутого	0,03	0,05	0,05	0,04	0,07	0,00	0,08	0,04	0,09	0,08	0,14
Всего по окончанию												
мужские	шар	53,78	54,64	56,88	54,60	49,89	52,56	46,90	54,93	50,10	48,41	50,38
женские	этот	40,07	39,74	38,25	39,70	40,44	39,89	42,37	38,29	40,69	42,18	39,41
дактилические	тёплую	5,44	5,12	4,28	5,14	8,09	7,28	9,87	6,23	8,00	8,08	8,63
гипердактилические	заморозок	0,70	0,50	0,59	0,57	0,89	0,27	0,85	0,55	1,22	1,33	1,59

В.А. Карнюшин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1; 930.25 (093)

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-20-27

НЕИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ ПИСАТЕЛЯ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Ключевые слова: писатель Борис Васильев; неизвестные тексты; архив писателя.

Статья посвящена неизвестным текстам писателя Бориса Васильева, обнаруженным другом семьи писателя Валерием Глебовым и попавшим к нам накануне юбилея писателя в 2023 году. Затем эти тексты были найдены в 2025 году в разных вариантах в архиве писателя, в его Солнечногорском доме, где долгое время жил и работал классик современной отечественной литературы. Речь идет о текстах под названиями: «Мутные бремена», «И усидеть на кончике ножа», «Откровение», «Рукопись града Китеже», «Рыцарь окровавленной богини». Делается попытка предварительного текстологического анализа данных произведений, которые были изучены по нашей просьбе с помощью цифровой компьютерной программы по распознаванию текстов Delta Берроуза, исследователем из Санкт-Петербургского университета Б.В. Ковалевым. Программа подтвердила принадлежность данных текстов перу писателя Бориса Васильева. Однако для более полной убежденности в принадлежности текстов «васильевскому почерку» нами было предпринято исследование представленных текстов на основе анализа творческой концепции писателя начала 2000-х годов. Более детальный анализ «неизданных текстов» из Частного Архива писателя еще впереди.

О существовании «неизвестных текстов» Бориса Львовича Васильева мы узнали от писателя и художника Александра Макаренкова. Воочию познакомиться удалось благодаря Валерию Глебовичу Недоросткову, писателю, публицисту, актеру Валерию Глебову, известному среди «васильевцев» (круг общения Б.Л. Васильева) как «Глебыч» [Глебов, 2014].

Валерий Глебов, как чрезвычайно страстный любитель и почитатель Васильева, подарил нам две очень важные мемории: фотоальбом дома Васильевых в Солнечногорске (около 200 фотографий в электронном виде) и рукописи неизданного романа Бориса Васильева о Махно.

О том, что Васильев начал писать этот роман примерно в 2006–2007 году, мы знали, потому что видели эти наброски во время очередного визита к писателю. Но увидеть роман, хотя бы и в электронном виде (после того как Васильева научили работать на компьютере, ручкой он практически больше ничего не писал, кроме дневника), мы даже не мечтали.

Глебыч поделился тогда еще одной своей мечтой, которую он хотел воплотить на 95-летие Васильева: издать неизвестного никому Васильева, поскольку, как он пишет в своих воспоминаниях, жесткий диск он получил из рук самого писателя в 2008 году. Там не только неизданный роман о Махно, но и еще некоторые произведения. Он попросил написать предисловие к этой будущей книге, которую хотел назвать «Неведомый Васильев». Мы предложили ему обратиться в РВИО.

Мы переписывались с Глебычем вплоть до сентября 2024 года. Но никто из нас больше не возвращался к теме публикации «неизвестного Васильева». А в конце июня позвонили из Москвы. Звонил Владислав Александрович Кононов, наш земляк, долгое время работавший в Смоленске, а последние 10 лет у В.Р. Мединского, сейчас – в Администрации Президента России.

Так к нам попал полный вариант материалов с жесткого диска компьютера писателя. Но Владислав Александрович попросил большего. Ему нужны были железные гарантии, что все тексты принадлежат писателю Борису Львовичу Васильеву. С этим вопросом мы обратились в Санкт-Петербургский университет, к Борису Вадимовичу Ковалеву, занимающемуся электронными (цифровыми) исследованиями писательских стилей.

Рукописи представляют собой тексты под названиями: «Мутные бремена», «И усидеть на кончике ножа», «Откровение», «Рукопись града Китежа», «Рыцарь окровавленной богини». Еще один текст назывался «Победители». Однако он не мог нас заинтересовать, поскольку был опубликован под таким же названием в 2008 году в сборнике издательства «Вагриус» [Васильев, 2008].

Отметим, что названия данных текстов не упоминались ни Васильевым, ни кем-либо еще никогда. Даже название романа о Махно «Рыцарь окровавленной богини» не произносилось Васильевым в немногочисленных его интервью на эту тему. Собственно, упоминал о Махно он всего два раза, в интервью газетам «Известия» и «Независимая газета». На вопрос интервьюера «Независимой газеты», почему он решил написать этот роман, Васильев ответил, что, с его точки зрения, Махно «был самый порядочный человек среди героев гражданской войны» и что «пока все за власть дрались, он, единственный, воевал за людей, за крестьян». Васильев считал, что Махно был «оболган» официальной советской историей. Меж тем, с точки зрения писателя, Махно был интересным человеком со стальной волей и безумной храбростью, но внутри «хрупкий, левая рука, отсохшая наполовину, перебитая, поэтому он боялся ближнего боя, схватки один на один, поэтому он чуть что выхватывал маузер, а отсюда пошла и легенда о его жестокости» (из интервью 2004 года газете «Известия») [https://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-06-03/1_vasilev.html].

Это единственные комментарии писателя о своем новом романе. Трудно сказать, почему он так и не дописал его (хотя имеющийся в нашем распоряжении текст составляет более 600 страниц и представляет собой

фактически законченное произведение). В интервью «Известиям» он пишет, что не знает, приступит к нему или нет: вот и многосерийный фильм о нем уже вышел, и два романа появилось. Но, в любом случае, очень важно, что хотя бы отрывками, но до нас дошел этот роман с необычайно поэтичным и одновременно трагическим названием. Любители писательского стиля легко поймут, что текст романа принадлежит перу Васильева – писателя зрелого, историка, правдиво рассказывающего о нашей истории, о людях, которые подчас играют с историей в поддавки, за что и расплачиваются своей жизнью. Это неповторимый стиль писателя начала 2000-х годов. Именно в таком стиле написаны исторические произведения Васильева о князьях Древней Руси. В этом ключе написан и роман «Отрицание отрицания». Кстати говоря, быть может, он не закончил своего «Рыцаря окровавленной богини», потому что все сказал в «Отрицании», над которым работал параллельно? Это ведь тоже об истории уничтожения таких героев, о том самом маховике истории, колесе, которое раздавило целое поколение истинных героев. По сути, оба романа – об истории устранения исторических конкурентов. Об этом был и его «Скобелев» в 2000 году.

Вообще, если посмотреть публицистику писателя того времени, его многочисленные интервью, мы поймем, почему он начал писать свои «неопубликованные романы» «Откровение» (папка названа «Возмездие») и «Усидеть на кончике ножа». Два незаконченных романа в большей или меньшей степени о событиях в России в переломные «нулевые» – период строительства нового общества, период начала работы нового президента, это время строительства новой России, переломленного через острую боль осознания страшных, мучительных ошибок, которые с нами сотворили власти, да и мы этому особо не препятствовали. Это время боли, время нашего *откровения*, когда мы ничего не скрывали друг от друга, но время *возмездия* за собственные ошибки (не поэтому ли у романа «Откровение» есть и второе название, которое упоминается в самом тексте?).

Еще до цифрового исследования именно данный роман вызвал определенные сомнения в принадлежности к перу Васильева. Он не похож на васильевские тексты, прежде всего стилистически. Это, по сути, *притча*, и стиль описания *притчевый*. В таком стиле не написано ни одно произведение автора. Он так *не писал* никогда, но он так *стал говорить* в последнее десятилетие своей жизни. Если раньше его проза была афористичной, то теперь у его публицистики *язык стал притчевый*. И его уходы в историю стали больше напоминать не просто констатацию фактов, а оценку старого и мудрого человека, столетнего горца (не покидало ощущение, что это написано даже «гамзатовским языком», если сравнивать с «Моим Дагестаном»). Это было началом чего-то грандиозного по масштабу. В том же интервью «Известиям» Васильев намекал, что хочет написать роман о нашем времени,

о страшной войне в Чечне, о переосмыслении прошлого (в который раз!) и о том, как остаться чистым после такой кровавой битвы в истории.

Наши сомнения не остались незамеченными и компьютерной программой по распознаванию текстов Delta Берроуза. Программа «засомневалась» в этом тексте, охарактеризовав его как близкий по стилю к прозе Л.А. Юзефовича (для сопоставления были взяты его романы «Журавли и карлики» и «Зимняя дорога»). И хотя в результате и в этом случае программа все же стала на сторону Васильева, притчевый язык был замечен и невооруженным глазом «простого любителя прозы Васильева».

Программа Delta Берроуза – один из наиболее надежных, авторитетных и апробированных стилеметрических инструментов на сегодняшний день, анализирующих тексты при помощи лингвостатистических средств. Для каждого из анализируемых текстов нужно было взять некоторое количество самых частотных слов (в первую очередь – служебных), а затем сравнить их частотности [Ковалев, 2024; Метод Дельты Берроуза, 2018].

Для корректного осуществления эксперимента был сформирован корпус текстов. В него поместили три укрупненных класса произведений: а) романы, опубликованные Б.В. Васильевым в последний период жизни («Владимир Красное Солнышко», «Глухомань», «Дом, который построил дед», «И был вечер, и было утро», «Красные жемчуга», «Отрицание отрицания», «Ровесница века», «Скобелев», «Утоли моя печали»); б) исследуемые («новые») тексты («Мутные бремена», «И усидеть на кончике ножа», «Откровение», «Рукопись града Китежа», «Рыцарь окровавленной богини»); в) сопоставительные тексты, априори созданные иными авторами, на похожую тему и в тот же хронологический промежуток («Арлекин» и «Крепость» П.М. Алешковского, три части романа И.Я. Болгарина и В.В. Смирнова «Девять жизней Нестора Махно» и тексты Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» и «Зимняя дорога»).

Самыми стилистически близкими оказались «Красные жемчуга», опубликованные при жизни автора, и «Рукопись града Китежа». Однако все пять обнаруженных рукописей кластеризуются *в одну большую ветвь текстов Б.Л. Васильева*.

Таким образом, Delta Берроуза был подтвержден факт, что обнаруженные тексты были написаны Б.Л. Васильевым со стилистическим отличием «Откровения» от остальных текстов автора. Тем не менее следует подчеркнуть, что при всей отмеченной разнице «Откровение» находится в орбите текстов Васильева. Так при помощи количественных методов еще раз подтверждается читательское впечатление и наблюдение, сделанное посредством традиционного литературоведческого анализа [Ковалев, 2024, 44].

Почему все же «Откровение» имеет стилистическое отличие от других произведений Васильева? Может быть, писатель, задумав свое «большое полотно», решил прибегнуть к новому стилю повествования (рассказ о таких событиях требовал и нового стиля)?

Булат Окуджава как-то сказал, что «в жизни нужно встретиться с тем, с кем нужно встретиться». В 2009 году Б. Васильеву была вручена его последняя литературная премия «Большая книга» в номинации «За честь и достоинство». В этот год лауреатом первой премии стал Л.А. Юзефович. Они оба были в зале. У нас нет подтверждения тому, состоялась ли встреча двух писателей на вручении премии, была ли она «до» или «после». И была ли вообще. Не было Леонида Юзефовича ни среди «близкого», ни среди «дальнего» круга друзей семьи или же знакомых супруги писателя, Зори Альбертовны. Но мы знаем, что Васильевы много читали, много анализировали, о многих говорили. А вдруг писателя Васильева привлек стиль романов Юзефовича и он, увлеченный, решил попробовать писать так же? Кто знает...

Что касается романа «Усидеть на кончике ножа», то это Васильев от начала до конца. Текст напоминает роман «Глухомань», во много схож с ним сюжетно. Это роман о том российском народе, который жил в конце 80–90-х с его бандитами и разборками, с его недоеданием простых людей и золотыми унитазами новых русских, но в любом случае при полном дефиците туалетной бумаги. Это о том времени, когда профессора бросали кафедры и уезжали в Польшу и Турцию за шмотками, а потом торговали ими на рынках ради хлеба насущного, а творческие люди, журналисты и писатели, писали заказные статьи и некрологи срочно и сегодня, даже если знали, что «усопший» умрет только завтра.

Вы скажете, что все это уже было, что это скучно? Да, было. Но не забывайте, что «Усидеть на кончике ножа» Васильев хотел написать в 2000-х годах! Однако роман тоже необычен для «сурового» и «сентиментального» стиля писателя Васильева.

Дело в том, что Васильеву редко удавалось писать о смешном, да еще и сплошным «веселым» языком». Да у него и не было таких произведений, пожалуй, кроме маленького рассказа «Коррида в Большом Порядке». Те, кто читал этот рассказ, помнят сюжет, который, однако, забывается оттого, что читатель начинает смеяться на первых страницах и заканчивает только на последней. Более веселого сюжета и природного, наполненного народным юмором и народным анекдотом языка не встречалось у Васильева нигде. В этом «незаконченном романе» тот же случай! Писатель блестяще передает нашу реальную действительность «бандитского времени», непревзойденно пряча эту действительность за «смешающей» читателя стилистической формой подачи материала. Очень жаль, что роман не был завершен! Мы бы получили произведение, которое осталось бы в нашей литературе на долгие десятилетия.

Два других романа тематически можно отнести к произведениям о периоде «гражданской войны», об отражении революции в судьбах российских семей – также очень болезненных темах для писателя. Он часто под-

нимал эти темы и в своих интервью, и в статьях, и в произведениях об Олесиных (в частности, в романах «Дом, который построил Дед», «Ровесница века»), в повести «Капля за каплей», романе «Отрицание отрицания». Он продолжает размышлять о судьбе частного человека в истории, о той чудовищной несправедливости, когда брат пошел на брата, когда уничтожалось целое сословие, гибла культура, вера, нравы и привычки. Это романы «Мутные бремена» и «Рукопись града Китежа».

Только Васильев мог так ярко, трагически и правдиво, так красочно и на открытом голом нерве начать роман о судьбах людей после революции с пролога, в котором молодого, красивого, породистого, но буйного жеребца подвергают кастрации. А за изуверской операцией в четыре распахнутых глаза наблюдали два маленьких мальчика, «и потрясение навеки отпечаталось в их светлых безгрешных глазах». И вдруг резкий переход на новый пласт-кадр: «“И храмы ваши, где венчались вы на грядущее счастье, и церкви ваши, в которых прощались вы с родителями вашими, будут сожжены и потоплены, а сами кладбища, где покоятся близкие ваши, будут раскопаны и сметены с лица земли...”», – страшно вещал худой, сутулый старик с космами до плеч. Говорили, будто он в прошлом – учитель гимназии из самой Вологды, но то не известно было в достоверности. Просто слушали, тихо плакали и осторожно крестились, потому что и креститься-то уж нельзя было, и вздыхать тоже теперь было нельзя, и глаза охочих донести прищурено смотрели со всех сторон.

– Погибель пришла на землю русскую, но в том неповинны мы, потому что не возмездие это, а испытание...»

С января по март 2025 года автор статьи работал над восстановлением и фактическим созданием «с нуля» архива писателя Бориса Васильева, находящегося сегодня в Солнечногорском доме писателя, в Подмосковье. По решению правопреемника писателя, его приемного сына Васильева Петра Николаевича, архив будет находиться там и носить название «Частный архив Семейный фонд Бориса Васильева (ЧА СФБВ)».

Нами было обнаружено большое количество неизвестных, неопубликованных и ранее не упоминавшихся никем художественных текстов автора рукописного и машинописного характера. В свете настоящего исследования нас будут интересовать тексты, размещенные в описях № 8 «Творчество Б.Л. Васильева (рукописи, машинопись, газеты, журналы, вырезки)» и № 12 «Неизвестное и неопубликованное из творчества Б.Л. Васильева».

Из описи № 12 это: Текст, на последней странице которого внизу от руки писателя написано автором «Откровения» [ЧА СФБВ, 12.22, д. 12, 1–4], Отрывок из незаконченного произведения о временах перестройки (все листы перечеркнуты ручкой) [ЧА СФБВ, 12.25, д. 15, 1–20], Отрывок из произведения на современную тематику [ЧА СФБВ, 12.26, д. 16, 1–7], Листки из большой тетради (А-4) с незаконченным произведением (о войне в

Чечне) [ЧА СФБВ, 12.55, д. 39, 1–77], Листки из большой тетради (А-4) с романом «Сев и отсев» [ЧА СФБВ, 12.56, д. 40, 1–87].

Тексты из описи № 8, тома № 1 «Проза»: «Мутные бремена», роман [ЧА СФБВ, 8.1.26, д. 26, 1–100], «Урочище», повесть [ЧА СФБВ, 8.1.29, д. 29, 1–28], «Усидеть на кончике ножа», роман, начало ненаписанного [ЧА СФБВ, 8.1.37, д. 37, 1–17], Роман б/н о временах правления Ельцина [ЧА СФБВ, 8.1.40, д. 40, 1–288], Папка с материалами о Несторе Махно [ЧА СФБВ, 8.1.39, д. 39, 1–287].

Как мы видим, во-первых, обнаруженные тексты даже визуально значительно больше по объему электронных материалов, особенно тексты из описи 8. Во-вторых, тексты из этой описи рукописные, а значит, первоначальные по замыслу (зная привычку писателя сначала все записывать от руки в дневниках, тетрадях, на листках).

Поскольку на сегодняшний день отпала необходимость какого-либо текстологического, лингвистического и особенно электронного доказывания принадлежности найденных нами текстов перу писателя, впереди нас ждет лишь самое важное, главное и необходимое – глубокое литературоведческое исследование «неопубликованных» текстов Б.Л. Васильева и погружение в волшебный мир творческого воображения писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Б.Л. Победители: повести, рассказы, киносценарий. М.: Вагриус, 2008. 512 с.
Глебов В. Крепость Бориса Васильева // Есть такая профессия... Борис Васильев в воспоминаниях современников. М.: Фонд СЭИП, 2014. С. 25–36.

Ковалев Б.В. Новые тексты Б.Л. Васильева: измерение методом Delta Берроуза // Квантитативная филология. 2024. № 2(8). С. 44–49.

Метод Дельты Берроуза для определения авторства анонимных и псевдоанонимных литературных произведений на русском языке / Н.К. Мамаев [и др.] // Proceedings of the R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics. СПб.: RWTH Aachen University, 2018. С. 107–119.

Частный архив Семейный фонд Бориса Васильева (ЧА СФБВ). Оп. 8, 12. Д. 12, 15, 16, 26, 29, 37, 39, 40.

https://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-06-03/1_vasilev.html (дата обращения: 27.05.2025).

V.A. Karnushin

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Unknown Texts by the Writer Boris Vasilev

The article is devoted to the unknown texts of the writer Boris Vasilyev, discovered by the writer's family friend Valery Glebov and brought to us on the eve of the writer's anniversary in 2023. These texts were later found in 2025 in various versions in the writer's archive, in his house in Solnechnogorsk, where

the classic of modern Russian literature lived and worked for a long time. We are talking about the texts titled «Muddy Burdens», «Sitting on the Edge of a Knife», «Revelation», «The Manuscript of the City of Kitezh», and «The Knight of the Bloodied Goddess». We are attempting to conduct a preliminary textual analysis of these works, which were also examined by B.V. Kovalev, a researcher from St. Petersburg University, using the Delta Burroughs digital text recognition software. The software confirmed that these texts were written by Boris Vasilyev. However, in order to be more certain about the «Vasilyev handwriting», we conducted a more detailed literary analysis.

Keywords: writer Boris Vasiliev; unknown texts; writer's archive.

REFERENCES

Vasilyev B.L. Winners: Novellas, Stories, and a Screenplay [Pobediteli: povesti, rasskazy, kinoscenarij]. Moscow: Vagrius, 2008. 512 p. (in Russian).

Kovalev B.V. New Texts by B.L. Vasilyev: Measurement by the Delta Burroughs Method [Novye teksty B.L. Vasil'eva: izmerenie metodom Delta Berrouza]. *Quantitative Philology*. 2024. No. 2(8). Pp. 44–49 (in Russian).

Glebov V. The Fortress of Boris Vasilyev [Krepost' Borisa Vasil'eva]. *There is such a profession... Boris Vasilyev in the Memoirs of His Contemporaries*. Moscow: SEIP Foundation, 2014. Pp. 25–36 (in Russian).

Mamaev N.K., Marusenko M.A., Piotrovskaya K.R., Ronzhin A.L. The Delta Burroughs Method for Determining the Authorship of Anonymous and Pseudo-Anonymous Literary Works in Russian [Metod Del'ty Berrouza dlja opredelenija avtorstva anonimnyh i psevdootonimnyh literaturnyh proizvedenij na russkom jazyke]. *Proceedings of the R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics*. Saint-Petersburg: RWTH Aachen University, 2018. (in Russian).

https://www.ng.ru/ng_exlibris/2004-06-03/1_vasilev.html (accessed on May 27, 2025) (in Russian).

Private Archive of the Boris Vasilyev Foundation (PA BF) [Chastnyj arhiv Fond Borisa Vasil'eva (CHA FBV)]. Inventory 8, 12. Case 12, 15, 16, 26, 29, 37, 39, 40 (in Russian).

А.В. Акопян

Государственный музей «Смоленская крепость»
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-28-36

ОБРАЗ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ В РОМАНЕ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ»

Ключевые слова: *Борис Васильев; военная проза; Брестская крепость; художественное пространство; образ крепости; образная парадигма; троп; сложный образ.*

В статье изложены основные наблюдения и выводы, полученные в ходе анализа образа крепости в одном из знаковых произведений XX века о войне – романе Бориса Васильева «В списках не значился», посвященном обороне Брестской крепости в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны.

Образ крепости как укрепленного поселения является одним из пространственных образов в мировой литературе. В древности городом, градом называли любое укрепленное поселение (град, крепость, твердыня, цитадель, бастион, замок и т.д.).

Хорхе Луис Борхес считал, что все истории мира можно объединить всего в четыре. Первая и самая старая, по его мнению, – это история об укрепленном городе, за который сражались, умирали, его обороняли, зачастую понимая, что сопротивление бесполезно.

В статье определены функции и значение образа крепости в романе Бориса Васильева, выявлены и охарактеризованы все образные парадигмы с основанием сопоставления «крепость», установлена связь пространственного образа крепости с образами действующих лиц.

Впервые роман Б.Л. Васильева «В списках не значился» был опубликован в 1974 году в журнале «Юность» [Васильев, 1974]. В Брестскую крепость, где разворачивается действие романа, Васильев попал в 1961 году, ровно через 20 лет после героических событий, там произошедших. Написанию романа предшествовал долгий этап сбора материала: «Десять лет я готовился к этому. Покупал и по несколько раз перечитывал книги, воспоминания, статьи – все, что хоть как-то касалось подвига защитников» [Васильев, 2006, 306]. В очерке «Героическая трагедия» Васильев объясняет, почему обратился к этой теме: «Может быть, потому, что детство мое прошло в Смоленске, тоже в крепости, хотя и иной; может быть, потому, что ровно 20 лет назад я метался в лесах родной Смоленщины, выходя из одного окружения и попадая в другое» [Васильев, 2006, 304].

В частном архиве писателя, создаваемом в наши дни известным исследователем его творчества В.А. Карньюшиным, сохранились материалы (например, карта боев за Брестскую крепость), свидетельствующие, насколько важна была для Васильева достоверность в деталях описания крепости¹. Автор так говорит об истории создания романа «В списках не значился»: «Что главное? Рассказать сюжет? Написать историю обороны? Нет, хотелось чего-то большего. Никак не мог понять, каким должен быть герой. Но в 1970-ом году я обнаружил в архивах музея список лейтенантов, прибывших в Брестскую крепость в ночь на воскресенье, накануне войны. Там всего шесть фамилий. Ни один из них не остался жив, хотя Ходцева [заведующая научной частью музея] упорно ищет этих людей. И тут меня осенило. Мой герой так опоздал, что не попал в список, а в пекло-то угодил. Как не попал? А вот забрел в ресторан и опоздал. И он сам себе командир, он может уйти. Он в списках не значится — его никто не осудит. Но он выбирает то, что ему диктует долг чести, нравственности, благородства. Вот высшее мужество» [Васильев, 1980, 13].

Лейтенант Николай Плужников, недавно окончивший военное училище, перед самым началом войны попадает в Особый Западный округ — Брестскую крепость. Николай не успевает встать на довольствие, освоиться на новом месте, даже в списки личного состава гарнизона его еще не внесли. Начавшуюся внезапно войну он встречает в незнакомой ему крепости.

Именно крепость станет для лейтенанта Плужникова полем боя, а ее защита — смыслом и целью личной войны.

В романе нами отмечено 103 упоминания слов «крепость», «крепостной». Еще семь раз встречается слово «цитадель». В словарях [ВЭС, 1983; Ожегов, 1997; БЭС, 2000] отмечено, что слово происходит от итальянского *citadella* (маленький город). В старину так называли крепость, а также ее внутреннюю, наиболее укрепленную центральную часть, приспособленную к самостоятельной обороне. Другими словами, «крепость в крепости». Таким образом, общее количество «крепостных» словоупотреблений в романе — 110.

Подвиг защитников Брестской крепости до Бориса Васильева запечатлел С.С. Смирнов в своей книге «Брестская крепость», сопроводив название подзаголовком с указанием на документальную основу повествования — «Краткий очерк героической обороны 1941 года» [Смирнов, 1957]. Описывая историю крепости, ее устройство, восстанавливая хронику событий первых дней войны, приводя имена и даты, автор не ставил перед собой цель создать художественный образ крепости, в отличие от автора «В списках не значился».

Образ крепости в романе Васильева в его разномасштабных реализациях — от тропов до сложного художественного образа — в исследовательской литературе до настоящего времени целенаправленно не рассматривался. В статьях последних лет, как и раньше, внимание сосредоточено прежде всего на

¹Частный архив Семейный фонд Бориса Васильева. Оп. 15. Д. 72. Благодарим В.А. Карньюшину за предоставленную информацию.

структуре повествования и образной системе. Так, Е.А. Фролова выявляет языковые средства, при помощи которых писатель изображает формирование личности бойца – защитника крепости [Фролова, 2023]. Статья Е.В. Панкратовой посвящена выявлению основного принципа построения фабулы через взаимодействие с развитием образа героя. Автор приходит к выводу, что «строение фабулы как чередование перипетий – ведущих к гибели, если герой действует от своего “я”, и приносящих пользу, если герой действует, подчиняясь другим, – является одним из средств, раскрывающих идею повести – создание обобщенной фигуры русского солдата, героическая смерть которого оказывается символом непобедимости, то есть жизни» [Панкратова, 2024, 208]. Непосредственно о крепости у Б. Васильева, но не как об объекте художественного описания, речь идет в статье «Подвиг Брестской крепости в очерковой литературе» Н.Д. Стрельниковой, которая сравнивает изображение Брестской крепости в романе Б. Васильева и автобиографической книге Н.М. Исполотова «Люди трудной судьбы», посвященной боевым друзьям и тем, кто не вернулся с войны [Стрельникова, 2015].

Вслед за В.С. Баевским в ходе анализа крепости как элемента художественного пространства мы учитываем, что «имеют значения отношения временных и пространственных знаков между собой, их отношения с системой персонажей, фабулой и другими структурными факторами текста» [Баевский, 1990, 98]. При анализе образных характеристик уровня тропов, входящих в описание крепости, мы используем методику Н.В. Павлович, которая считала, что «понять образ означает узнать его парадигму» [Павлович, 1995, 12], а также адаптированную к литературоведческим задачам версию данной методики, предложенную и апробированную Л.В. Павловой [Павлова, 2004].

Первые упоминания крепости в романе носят нейтральный характер. Крепость выступает в своем прямом значении как материальный архитектурный объект – фортификационное оборонительное сооружение. Это упоминаемое в разговорах место, куда по службе направляется командир РККА, лейтенант Николай Плужников, по дороге встречая тех, кто тоже туда держит путь: «в крепость <...> По Каштановой прямо и упрешься» [Васильев, 1994, 171]², «в камеру хранения тоже оказалась очередь, и Коля поволок чемодан с собой, решив прямо оттуда пройти в крепость (172), «ты в крепость нацелился?» (176), «вы не в крепость?» (177), «моя племянница тоже идет в крепость», «ну, а что можно показать гостю в нашем <...> городе <...> Крепость? Таки он в нее едет» (179).

Затем крепость начинает обретать очертания через призму восприятия героя. Подходя к ограде, герой видит всего лишь «приземистый каменный столб» (180), «ничем не примечательный камень» (180), который оказался обозначением границы крепости.

²Роман цитируется по изданию [Васильев, 1994]. Рядом с каждой цитатой в круглых скобках указана страница.

Первое впечатление героя от крепости сродни разочарованию. Николай «ожидал увидеть нечто вроде Кремля. Но впереди зачернело что-то бесформенное» (178), «я ведь думал – стены да башни. А она, оказывается, вон какая, эта самая Брестская крепость...» (181), «может быть, это вообще не Брестская крепость, тем более что никаких стен и башен он так и не заметил» (184). Недоумение героя Васильев передает, реализуя ряд парадигм с общим основанием сопоставления «крепость» и уничижительными образами сопоставления: «крепость → не Кремль», «крепость → что-то бесформенное», «крепость → не крепость».

Полного отторжения не происходит, в мирном ночном спокойствии крепость «очеловечивается» благодаря эпитету «спящая». Сопоставление «крепость → человек» постепенно станет магистральным в образе крепости у Васильева.

Покой и сон нарушены грохотом внезапной бомбежки и обстрелов, «теперь эта крепость предстала перед ним в снарядных всплесках, дыму и пламени» (193), «над крепостью появились бомбардировщики» (216), «и над крепостью с неудержимым, выматывающим воем начали пикировать бомбардировщики» (222), «немцы прочно блокировали берега, ярко освещали крепость ракетами и не прекращали минный обстрел» (234). Крепость и ее обитатели равны перед лицом смерти, крепость предстает как воплощение укрывшихся в ней людей: расстреливают их = расстреливают ее («самолеты низко кружили над крепостью, расстреливая из пулеметов все живое» (216), «отбомбившись, самолеты продолжали кружить над крепостью, расстреливая ее из пушек и пулеметов» (283)).

Окончательное сознание того, что началась война, что враг вторгся в пределы родной страны, приходит к Плужникову, когда он понимает: немцы ворвались в крепость (парадигма «крепость → Родина»).

Ключом обороны цитадели стал костел, отбивать который было поручено Николаю. Именно здесь впервые Плужников вместе с другими защитниками крепости принял бой, впервые увидел уродливое лицо смерти: «Он уже притерпелся к тошнотворному запаху взрывчатки, перемазался в чужой крови, что так щедро лилась сегодня на эту пыльную, развороченную землю» (213). Как пишет В.А. Карньюшин, «натурализованные сцены страшной картины боя Брестской крепости в романе “В списках не значился” во многих деталях схожи со сценами боя, например, из повести Бакланова “Навеки – девятнадцатилетние”. Оба писателя тяготеют к плотной фактуре описания, резкой обнаженности бытовой и психологической детали. Мы видим сгущенную, концентрированную энергию образа-символа, образа-аллегии Поля Боя как имени собственного. Оно имеет цвет, запах, у него есть четкие грани, яркие очертания. Лейтенанты Третьяков и Плужников живут с этим полем одной жизнью потому, что это их война, они сами себе отдали

приказ “защищать” и “сражаться”. Только одна разница между ними: Плужников в списках не значился» [Карньюшин, 2000, 38–39].

Окруженная крепость становится смертельной ловушкой для своих защитников. Бедственное положение подчеркнуто безысходным сопоставлением, прозвучавшим из уст одного из отчаявшихся бойцов, предлагающих покинуть обороняемый объект: «это уже не крепость, это – мешок. Осталось завязать потуже – и не выберемся» (229). Фиксируем наличие парадигмы «крепость → мешок». Сопrotивляющаяся из последних сил крепость напоминает зыбкий огонек свечи, который то замирал, то выравнивался и съеживался, но все равно жил: «и, глядя на него, Плужников почему-то подумал о крепости» (241) («крепость → свеча»). Формирующие образ крепости парадигмы с предметным образом сопоставления значительно уступают парадигмам с образом сопоставления «человек».

Оставаясь укрепленным оборонительным сооружением, крепость вместе со своими защитниками сражается, отбивается, переживает внутреннюю борьбу, отдыхает между боями («притихшая крепость»). Все более она отождествляется с человеком: «живой человеческой кровью истекает», «еще жила, еще огрызалась редкими вспышками перестрелок». Внутренние переживания людей напрямую становятся переживаниями самой крепости: «крепость слушала <...>, беззвучно рыдая» (238), «крепость замерла, не стесняясь слез» (240); она оплакивает женщин и детей, которые были вынуждены сдаться в плен, потому что только плен оставался единственной возможностью остаться в живых. Так же, как люди, крепость измотана «круглосуточными боями, жаждой, бомбежками, голодом» (237).

Существенное значение в формировании образа крепости имеет ее связь с образом Мирры. Если для Плужникова крепость в начале повествования нечто «чужое», то Мирра была здесь «своим» человеком, ее все знали, она приезжала сюда на работу. Именно глазами Мирры Васильев передает чудовищные перемены: она «узнавала и не узнавала знакомой крепости. Здание комендатуры лежало в развалинах, мрачно темнела разбитая коробка костела, а от каштанов, что росли вокруг, остались одни стволы. И никого, ни одной живой души не было на всем белом свете» (286).

Образ крепости меняется на уровне не только военной составляющей сюжета, но и любовной линии по мере развития чувств между Николаем Плужниковым и Миррой: «<...> помнишь, он вез нас когда-то в крепость? Мы еще смотрели столб на дороге, и там я впервые наткнулась на твою руку <...>», – вспоминала Мирра их встречу (314). Несмотря на все ужасающие внешние обстоятельства, крепость является для них не просто местом встречи, а местом надежд и короткого счастья, ее пространство ассоциируется с чувством защиты и безопасности, она теперь их дом, «наша с тобой крепость». Плужников, Мирра и сама крепость становятся вместе сильнее, преодолевая невероятные трудности, не зная, что на самом деле их ждет

вперед. В своих мечтах Плужников уверен, что «где-нибудь к весне вернется сюда, в Брестскую крепость. <...> он твердо рассчитывал дожить. Дожить, встретить своих, доложить, что крепость не сдана, отправить Мирру к маме в Москву <...>» (311).

Крепость отныне является «его крепостью»: «Там все время сновали немцы, и именно там он мог напомнить им, кто хозяин этой крепости» (299). Плужников использует каждую возможность, чтобы это доказать: «Он хорошо стрелял и даже если бы не попал на таком расстоянии, расстроил парад, испортил бы им праздник и еще раз напомнил, что крепость не их, а его, что она не сдана врагу и продолжает воевать» (307); потеряв счет дням, после болезни, «он был жив и по-прежнему ощущал себя хозяином притихшей под снегом Брестской крепости» (319). Отметим первую парадигму, где «крепость» входит в состав образа сопоставления, а не является его основанием, как во всех рассмотренных ранее, – «Плужников → хозяин крепости».

Переломным в образно-мотивном наполнении пространства крепости становится момент, когда крепость не только отождествляется с героями – она с ними сливается. Видя нестигаемость крепости и ее защитников, немцы изменили риторику. Теперь, предлагая сдаться и прекратить «бессмысленное сопротивление», они обращались к тем, кто внутри, – «доблестные защитники крепости». В этот момент крепость «приняла решение»: она не сдастся, она стала единым целым с теми, кого укрыла в своих стенах и кто защищал ее, стоя насмерть. «Голос замолчал, и молчала крепость. Она молчала тяжело и грозно, измотанная круглосуточными боями, жаждой, бомбежками, голодом. И это молчание было единственным ответом на очередной ультиматум противника» (237). В этот момент крепость сама становится «духом бойца», готовая бороться до последнего вздоха.

Встреча со старшиной Семишным, который, несмотря на тяжелое ранение, держался до конца, заставляет Плужникова переосмыслить собственные страхи, преодолеть нежелание бороться дальше. Когда Плужникова покидают силы, старшина призывает его не падать духом и доверяет самое святое – красное знамя. А для этого нужно взять автомат в руки и подняться наверх, чтобы продолжить бить врага, «чтоб знали: крепость жива».

Герой становится частью крепости. Он не просто воин, он – живое продолжение крепости, он тот, благодаря кому Брестская крепость стала «преддверием ада» для фашистов («крепость → преддверие ада»). Несмотря на физическое истощение, у крепости и ее последнего защитника остаются дух сопротивления и стойкость: «крепости я не сдал <...> Крепость не пала. Крепость не пала: она просто истекла кровью. Я – последняя ее капля» (336) («Плужников → капля крови крепости»). В финале романа магистральная парадигма «крепость → человек» трансформируется в зеркальный вариант «человек → крепость».

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что образ Брестской крепости в романе Бориса Васильева «В списках не значился» является семантически многослойным и наделен тремя основными функциями.

Крепость как фортификационное сооружение. Крепость выполняет свою непосредственную роль оборонительного сооружения, которое в условиях войны становится не просто кирпичной постройкой с многовековой историей, а защитным бастионом, сдерживающим натиск врага.

Крепость как участница военных действий. Образная парадигма «крепость → человек» – самая частотная в романе. Она показана не пассивным наблюдателем, а активным, действующим бойцом. Она наравне с защитниками противостоит врагу, переживая те же события и эмоции: страх, отчаяние, тоску, злость, голод, головокружение от тошнотворного запаха разлагающихся трупов. Каждый обстрел и бомбежка становятся таким же испытанием для крепости, как и для ее защитников. Но крепость не только сражается, она при этом является физической защитой и моральной поддержкой для тех, кто внутри.

Крепость как отражение трансформации героя. На протяжении романа Плужников меняется под давлением внешних тяжелых обстоятельств. В итоге крепость и герой образуют единое целое: герой становится крепостью («Я и есть крепость»), а крепость – его духом.

ЛИТЕРАТУРА

- Баевский В.С. Сквозь магический кристалл: монография. М.: Прометей, 1990. 158 с.
- Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1456 с.
- Борхес Х.Л. Проза разных лет: сборник / пер. с исп.; сост. и предисл. И. Тертерян; коммент. Б. Дубина. М.: Радуга, 1984. 320 с.
- Васильев Б. Долг чести // Театр. 1980. № 2. С. 13.
- Васильев Б.Л. В списках не значился // Юность. 1974. № 2(225). С. 3–19; № 3(226). С. 32–57; № 4(227). С. 29–66.
- Васильев Б.Л. Люби Россию в непогоду. М.: Вагриус, 2006. 400 с.
- Васильев Б. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2: Романы и повести. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. 496 с.
- Военный энциклопедический словарь / пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. 863 с.
- Карнюшин В.А. Проза Бориса Васильева о фронтовиках после войны (70–80-е годы): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2000. 175 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
- Павлова Л.В. «У каждого за плечами звери»: символика животных в лирике Вячеслава Иванова. Смоленск: СГПУ, 2004. 267 с.
- Павлович Н.В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.
- Панкратова Е.В. Особенности строения фабулы в романе Б. Васильева «В списках не значился» // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 24 / отв. ред., предисл. О.А. Новикова, М.А. Короткова. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2024. С. 203–208.
- Смирнов С.С. Брестская крепость. М.: Военное издательство, 1957. 170 с.
- Стрельникова Н.Д. Подвиг Брестской крепости в очерковой литературе // Костромской гуманитарный вестник. 2015. № 1(8). С. 48–51.
- Фролова Е.А. «Я – русский солдат»: Лингвостилистический анализ романа Б.Л. Васильева «В списках не значился» (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 60–68.

A.V. Akopyan
Scientific Secretary,
State Museum «Smolensk Fortress»
Smolensk, Russia

The Image of the Brest Fortress in Boris Vasiliev's Novel 'He was Not on the List'

The article presents the main observations and conclusions obtained during the analysis of the image of the fortress in one of the landmark works of the 20th century about the war, Boris Vasiliev's novel «Not on the list», dedicated to the defense of the Brest Fortress in the first days and months of the Great Patriotic War. The image of a fortress as a fortified settlement is one of the most widespread spatial images in world literature. In ancient times, any fortified settlement (city, fortress, stronghold, citadel, bastion, castle, etc.) was called a city. Jorge Luis Borges believed that all the stories of the world could be combined into just four. The first and oldest, in his opinion, is the story of a fortified city that was fought for, died for, and defended, often realizing that resistance was futile. The article defines the functions and meaning of the fortress image in Boris Vasiliev's novel, identifies and characterizes all figurative paradigms based on the comparison «fortress», establishes the connection of the spatial image of the fortress with the images of the characters.

Keywords: Boris Vasiliev; military prose; Brest fortress; artistic space; image of the fortress; figurative paradigm; trope; complex image.

REFERENCES

- Baevskii V.S. Through the Magic Crystal. [Skvoz' magicheskii kristall]. Monograph. Moscow: Prometei, 1990. 158 p. (in Russian).
- The Great Encyclopedic Dictionary [Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar']. Moscow: Great Russian Encyclopedia; Saint-Petersburg: Norint, 2000. 1456 s. (in Russian).
- Borkhes Kh.L. Prose from different years: collection [Proza raznykh let: Sbornik]. Translated from Spanish. Compiled and preface by I. Terteryan. Commented by B. Dubina. Moscow: Raduga, 1984. 320 p. (in Russian).
- Vasil'ev B. Debt of Honor [Dol'g chesti]. *Theater*. 1980. No. 2. P. 13. (in Russian).
- Vasil'ev B.L. Not on the lists [V spiskakh ne znachilsia]. *Youth*. 1974. No. 2 (225). Pp.3–19; No. 3 (226). Pp. 32–57; No. 4 (227). Pp. 29–66 (in Russian).
- Vasil'ev B.L. Love Russia in bad weather [Liubi Rossiia v nepogodu]. Moscow: Vagrius, 2006. 400 p. (in Russian).
- Vasil'ev Boris. Collected Works. In 8 vols. Vol. 2: Novels and Stories [Sobranie sochinenii v 8 tomakh. Tom 2. Romany i povesti]. Smolensk: TRAST-IMAKOM, RUSICH, 1994. 496 p. (in Russian).
- Military Encyclopedic Dictionary [Voennyi entsiklopedicheskii slovar']. Preface and chief editor of the commission N.V. Ogarkov. Moscow: Voenizdat, 1983. 863 p. (in Russian).
- Karniushin V.A. Prose by Boris Vasiliev about front-line soldiers after the war (70–80s) [Proza Borisa Vasil'eva o frontovikakh posle voyny (70-80-e gody)]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Smolensk, 2000. 175 p. (in Russian).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions [Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii]. The 4th edition, added. Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Moscow: Azbukovnik, 1997. 944 p. (in Russian).

Pavlova L.V. "Everyone has animals behind their backs": animal symbolism in the lyrics of Vyacheslav Ivanov [«U kazhdogo za plechami zveri»: simbolika zhivotnykh v lirike Viacheslava Ivanova]. Smolensk: SGPU, 2004. 267 p. (in Russian).

Pavlovich N.V. Language of images: Paradigms of images in Russian poetic language [Iazyk obrazov: Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom iazyke]. Moscow, 1995. 491 p. (in Russian).

Pankratova E.V. Features of the plot structure in B. Vasiliev's novel "He Was Not Listed" [Osobennosti stroeniia fabuly v romane B. Vasil'eva «V spiskakh ne znachilsia»]. *Russian Philology. Scientific Notes of Smolensk State University: Interuniversity Collection of Scientific Articles*. Issue 24. Edited and a preface by O.A. Novikova, M.A. Korotkova. Smolensk: SmolGU, 2024. Pp. 203–208 (in Russian).

Smirnov S.S. Brest Fortress [Brestskaia krepost']. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1957. 170 p. (in Russian).

Strel'nikova N.D. The feat of the Brest Fortress in essay literature [Podvig Brestskoi kreposti v ocherkovoi literature]. *Kostroma Humanitarian Bulletin*. Kostroma: Kostroma Humnitarian University, 2015. Pp. 48–51 (in Russian).

Frolova E.A. "I am a Russian soldier": A linguostylistic analysis of B.L. Vasiliev's novel "He was not listed" (on the 100th anniversary of his birth) [«Ja - russkii soldat»: Lingvostilisticheskii analiz romana B.L. Vasil'eva «V spiskakh ne znachilsia» (k 100-letiu so dnia rozhdeniia)]. *Russian language in school*. Moscow: Nash iazyk, 2023. Pp. 60–68 (in Russian).

С.Е. Бирюков

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-36-47

ГИПЕРТЕКСТ ЭДУАРДА КИРСАНОВА

Ключевые слова: *Эдуард Кирсанов; авангард; литературный круг; гипертекст.*

В статье затрагивается проблема изучения авангардного творчества поэтов поколения 1970-х годов рождения. В 1990-е годы молодые поэты в разных городах России открывали для себя исторический авангард, экспериментировали, объединялись в группы, искали единомышленников по стране. В частности, ряд поэтов нашли таких единомышленников в Академии Зауми, созданной в 1990-м году в Тамбове. В качестве одного из наиболее ярких примеров в статье анализируется творчество смоленского поэта Эдуарда Кирсанова (1972–2003), который сознательно обращался к творчеству русских авангардистов, впитывал зарубежный опыт, занимался переводом, писал на иностранных языках. И в результате создал своеобразный гипертекст, который оказался вписан в более широкий контекст творческого сообщества в городе и стране.

В 1980–1990-е годы в России происходит активизация художественных поисков. Довольно часто такие поиски идут в музыкально-поэтическом направлении. В первую очередь это взлет рок-поэзии: ленинградский, уральский, сибирский рок и так далее. Авторы, заявившие о себе как «просто поэты»,

также часто связаны с музыкальными поисками. Например, Айвенго в Тольятти, участник музыкальных групп, в том числе группы «Олимпийские игры», развивал своего рода иронический авангард. «Общество зрелища» Алексея Шепелева и Александра Фролова со товарищи в Тамбове – смесь панка, гранжа, который они сами определяли как «отгрибизм» или «радикальный радикализм». Виктор Иванів в Новосибирске также связан с музыкальными группами. Но в то же время все названные действовали как литераторы с ориентацией на авангард. А Шепелев, Фролов были членами студии при Академии Зауми, Иванів являлся иногородним участником АЗ, как Арт Иванов (Хабаровск, Южно-Сахалинск), Анна Золотарева и Елена Круглова (Хабаровск, Чита), Эдуард Кирсанов и Александр Асадчий (Смоленск).

О рок-движении (рок-поэзии) существует большая литература, в том числе диссертационная [Доманский, 2010; Гавриков, 2013]. Об авангардистских поэтических прорывах поколения 90-х написано и напечатано пока не так много. Более того, даже о внеисторическом авангарде, развивавшемся в СССР приблизительно с конца 50-х годов, относительно развернутые исследования стали появляться в 2000-е и позже [Бирюков, 2006; 2014; 2024; Фатеева, 2006; Павловец, 2025; Казарновский, 2025]. В большинстве случаев представление молодого авангарда было инспирировано действиями АЗ, конференциями, фестивалями, разного рода изданиями (альманах «Пигмалион» и журнал «Кредо» в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина, альманах Академии Зауми, интернет-журнал радикального авангарда и комбинаторной поэзии «Другое полушарие», журналы «Футурум-арт», «Дети Ра»).

Наибольшую известность получил Виктор Иванів (Виктор Германович Иванов, 1977–2015). Он активно печатался и выступал, что вызывало отклики в печати и Интернете. К тому же он был связан и с научной средой, защитил кандидатскую по творчеству Велимира Хлебникова, выступал как критик. В разное время к его творчеству обращались исследователи [Лощилов, 2005; Полторацкий, 2015; Житенев, 2020]. Сейчас усилиями энтузиастов выходит своеобразное собрание сочинений Виктора Иванова.

Алексей Шепелев, также защитивший кандидатскую (по творчеству Достоевского и Набокова), работающий в разных жанрах и формах творчества, получил большую известность как прозаик, при том что продолжает поэтический поиск как активный участник Академии Зауми [Sames, 2004; Бирюков, 2006].

Здесь следует сказать, что на долю этого поколения выпали и серьезные испытания, и возможность встречи с возвращенным значительным пластом русского искусства – изобразительного и словесного.

В самом деле: Филонов, Кандинский, Малевич, Гончарова, Ларионов, Татлин, Хлебников, Гуро, Крученых, Ремизов, Платонов, Гумилев, Ходасевич, Кржижановский, Хармс, Введенский, да уже и открытые ранее Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Андрей Белый – в более полном объеме. Плюс современные художники и поэты, которые по разным причинам не имели выхода к зрителю и читателю.

В СССР были люди, которым этот пласт был ведом, хотя бы и фрагментами. Если это были художники, то они учитывали работы предшественников, потому что искусство в широком смысле – это взаимодействие с другими и, конечно, с предшественниками. В XX веке это уже стало принципом.

Вообще искусство, начиная с наскальных рисунков и первых попыток словесно запечатлеть охоту на мамонта и до сего дня, – это цепь непрерывных трансформаций.

И если из этой цепи по какой-то причине выпадает звено, неизбежно теряются связи (художественные, психологические) между поколениями. Известно высказывание Андрея Платонова: «Без меня народ не полный». И, естественно, художественно-историческая картина страны, мира неполная. Мы можем распространить эту максиму Платонова в отношении названных и многих еще художников, писателей, поэтов.

В 80–90-е годы открывается целый материк потаенного высокого русского искусства. И приобщение к этому матерiku, постижение искусства предшественников вызывает к творчеству молодых людей 1970-х годов рождения. Это им повезло впервые без ограничений прочесть и увидеть то, что хранилось впрок, если воспользоваться заглавием известного рассказа Платонова.

Эдуард Кирсанов (1972–2023) – один из тех, кто наиболее последовательно осваивал предыдущий опыт и активно с ним взаимодействовал, выстраивая свой путь¹.

В 1993 году он инициировал собственный журнал «Ватерлоо». Учтывая все коннотации этого названия нидерландского селения, выделим главное – попытку Наполеона вернуть свое могущество. Очевидно, что Эдуард Кирсанов вкладывал в название метафорический смысл. Возможно, и с учетом результата исторического Ватерлоо...

Через два года он приходит в литературную студию «Персона», которая издает свой журнал.

И здесь он обретает литературный круг и, что особенно важно, дружеский филологический круг, в котором получает признание.

Его первая и единственная прижизненная книга называлась характерно «Круг чтения. Квадрат окна. Треугольник души».

Кирсанов создал образцовую книгу, в которой разные формы поэзии взаимодействуют друг с другом на каком-то запредельном подсознательном уровне, где эксперимент соседствует с выверенной классической просодией. Но при этом эксперимент возвращает нас к прасмыслу, а классически выстроенный стих оказывается антологией авангардных приемов.

Уже в этой книге Эдуард Кирсанов предстает новым русским гением, которому «внятно все – и острый галльский смысл, // И сумрачный германский гений».

¹ Творчество поэта наиболее полно представлено в книге: Эдуард Кирсанов. Об Эдуарде Кирсанове / сост.: Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. М.: Буки Веди, 2024.

Эдуард не только переводит (Дж. Мильтона, Р. Лоуэлла, А. Гинзберга), но и сам пишет на языках. На английском, немецком и шведском. Эти стихи напомнили мне стихи Василия Кандинского на немецком, написанные им в начале прошлого века, изданные тогда же и произведшие некоторую сенсацию в немецкоязычном художественном пространстве («Klänge»). Скорее всего, Эдуард знал об этих опытах Кандинского, но независимо от знания / незнания он создает на языках вполне оригинальные тексты. Он это может!

В его русских стихах целый ряд поразительных прочтений именно западноевропейских культурных вех, с которыми он практически на Ты. Так именно ему внятны и вечер Винсента, и шедевр Пикассо, и печаль карандашей Ротке, и Ангел Смерти Сильвии Плат. Он проходит по Амстердаму в поисках дома, где жил Безухий (надо ли расшифровывать, кто это?):

△ Амстердамский ноктюрн

Музеум Плайн: по щиколотку воды
Всеамстердамского потопа,
Венецианских здесь не видно лодок,
И то Европа.

Мне полусонному бродить, шатаясь:
Их золь безухен
Тот самый дом, кусочек "рая",
Где жил Безухий.

Его любить здесь было некому. Едва ли
Его им жалко.
Достался бы какой-нибудь в канаве
Ночной русалке.

Прохожие походкой иностранной
Вдоль *штрассе геен*,
И не спасен глоток марихуаны
В тиши кофеен

От перспектив падающих линий
На лиц квадраты,
И от тоски, которую насильно
Привез сюда ты.

Кривые судеб вытянулись в струны
И пальцам больно
Перебирать. И жизнь – рисунок
Непроизвольный.

И, бросив взгляд на прошлое, не знаешь
О предстоящем,
Что ты в грядущем оставляешь
И в настоящем...

Стихотворение «Амстердамский ноктюрн» предстает здесь квинтэссенцией поисков героя – ошибок, разочарований...

Стихотворение зашифровано, но в то же время прозрачно. Каждая строфа просится в заветный поэтический альбом...

Наконец поэт создает нового русского Гамлета («Восвояси»), переподтверждая мысли того же Блока и еще более Достоевского, переходя даже в некий момент на датский.

□ Восвояси

затучкой в небе за какой-нибудь бирюлькой
за дудочкой играющей в углу
ты тянешь ручки пухлые свои
нескладный гамлет мой и никому
колпак дурацкий свой не доверяешь
всё размышляешь бы... или не бы..
и время говорит тебе ку-ку
и взгляд пустой скользит по потолку
есть музыка в молчании и ты
молчишь над буквами оставив без вниманья
рыданья муз и вспливы тишины
молчишь до хрипоты...
тебя смешит мычанье патефона
и плакать хочется от звона бубенцов
хор в вышине молчит но без старанья
короче помраченье на лицо
должно быть в бездне так вселенная вокруг
но лучше бы не чувствовать вселенной
остановить бы этот страшный звук
остановить движенье не-движеньем
да да ты помнишь помнишь что была
была одна всё пела и плыла
плыла и пела думала люблю
куда-то вдаль на запад в западню
ни сонный лес ни птицы ни цветы
не знали этой песни восвояси
её течение несло лишьню
и евдундосья речные нимфы
ей подпевали весело смеясь
и эхо повторяло торопясь
и плеск воды и смехи голоса
до смерти оставалось полчаса
kom, søster, kom med oss они
её с собой звали
в муть омуты и выбраться едва ли
плыви офелия плыви

kom, søster, kom med oss (датск) – иди, сестра, иди с нами

Это стихотворение, сотканное из переклички звуков, на протяжении всего 36 строк воссоздает полную ткань трагедии.

Русский поэт действительно, подобно Гамлету, возвращается восвояси.

Стих настолько естественен, что аналитический подход, дешифровка, пересказ здесь кажутся неуместными. Надо найти нужный голос, чтобы пропеть, пройти и плавными, и носовыми, сбиваясь, и «плыви офелия плыви».

Изображения круга, квадрата и треугольника поэт повторял возле названий стихотворений. Эти первоэлементы, важные для абстрактной и супрематической живописи, он перенес к поэзии. Не хватает только точки, но она есть! Причем появляется в самых разных местах первой книги. Анна Алтухова в статье «“Геометрия” в творчестве Эдуарда Кирсанова» пишет об интересе поэта к теории Кандинского и попытке применения теории в поэтической практике. В частности, она приводит в пример такого интереса текст под названием «Прыжок танцовщицы Палукки», который имеет подзаголовок «Анимация точки (по В. Кандинскому)» [Алтухова, 2024].

Это вызывающе необычное произведение. Прежде всего – это не стихи в обычном понимании. Три столбика напоминают опыты немецкой конкретной поэзии (*konkrete poesie*, Ахляйтнер, Гомрингер, Бремер и др.). Но у Кирсанова эти столбики семантически более насыщены, между словами в столбиках возникает значимое взаимодействие, хотя, на первый взгляд, и не очевидное.

ПРЫЖОК ТАНЦОВЩИЦЫ ПАЛУККИ. АНИМАЦИЯ ТОЧКИ (ПО В. КАНДИНСКОМУ)		
left hand	jump in	right hand
1 ТУДА↑ 2 ПЯТИУГОЛЬНИК. 3 ПАДАЙ. 4 ПА - DIE. 5 ТУДА. 6 (ТУДА↑) 7 НЕУЛЫБАЙСЯ. 8 ЗАПЯТЫЕ 9 ОНИЖЕТУЧКИ. 10 ТОЧКИ. 11 КРУГЛЫЕ. 12 ВНУТРИ. 13 ЧЕТЫРЕ 14 ДЕВЯНОСТО. 15 ТРИ. 16 ФИГУРЫ. 17 ТАНЦЕВАТЬ. 18 ОДНО. 19 МГНОВЕНЬЕ. 20 КАКОЕ. 21 УДОВОЛЬСТВИЕ. 22 СМОТРИ. 23 ВОНТАМ. 24 ПРОСТОЕ. 25 СЛОЖНОЕ. 26 В. 27 ПРОСТОМ. 28 ОН. 29 НЕПОДВИЖЕН. 30 МИМО. 31 МИМО. 32 НЕВЕДОМО 33 А. 34 ЗНАЧИТ. 35 НЕ. 36 ЛЮБИМО.	1 ПУАНТ 2 ПАРЕНЬЕ. 3 СУДОРОГА. 4 СТОПА. 5 ВСЕ. 6 ПРАВИЛЬНО. 7 ПА. 8 ДЕ. 9 ПА. 10 ДЕ. 11 ДЕ. 12 ПА. 13 КРУЖИСЬ 14 КРУЖИТЬСЯ 15 ТАК. 16 ЛЕГКО. 17 СНАРУЖИ. 18 СОГЛАСНЫЕ. 19 ВСЕ. 20 СЪЕДЕНЫ. 21 ПРЫЖОК. 22 НАИВНО. 23 ЧУТОЧКУ. 24 СМЕШНЫЕ. 25 ПРЕДСТАВЛЕНЬЯ. 26 КВАДРАТИК. 27 ПАЛОЧКА. 28 КРУЖОК. 29 ПРЕПЯТСТВИЕ. 30 МАНЕРА. 31 ИСПОЛЬНЕНЬЕ. 32 ИВЫХОД. 33 НОМЕР. 34 ВОСЕМЬ. 35 И. 36 ПАДЕНЬЕ.	1 СЮДА↑ 2 СКОРЕЙ. 3 ТОРОПИТСЯ. 4 РУКА. 5 СЮДА↑ 6 НОГА. 7 ПОДПРЫГНИ. 8 ОДНОТОЧЬЕ. 9 ВСЕ 10 ВЕРТИТСЯ. 11 НЕВЕРИТСЯ. 12 ВКОНЕЦ. 13 НАВЕРНЯКА. 14 СУМЕЕТ. 15 ОТВЕРТЕТЬСЯ. 16 КАКБУДТО. 17 ДВОЕ. 18 ПУСТО. 19 ТЯЖЕЛО. 20 СЛЕДИ. 21 ПОТЕКТУ. 22 ДВА. 23 АБЗАЦА. 24 ПРОЗЫ. 25 ОДИН. 26 ВДРУГОМ. 27 ИОБЪЯСНЕНЬЕ. 28 ПОЗЫ. 29 ПОДРОБНО. 30 НО. 31 СУМБУРНО. 32 ТЯЖЕЛО. 33 КРУЖАТ. 34 НАДНЕЙ. 35 БАЛЕТНЫЕ. 36 СТРЕКОЗЫ.
left leg	falling down	right leg

Для того чтобы понять, в чем тут дело и о чем идет речь, необходимо вспомнить, кто же такая танцовщица Палукки и что за прыжок. Но если мы ничего не знали о такой танцовщице, мы и не можем вспомнить! Кирсанов работает здесь с механизмом переключений: знание / незнание. Мы уже привыкли к тому, что текст часто нуждается в комментарии. Так вот, здесь прямо крайний случай.

Хорошо, мы узнали, что Грет Палукки (1902–1993) – немецкая танцовщица, которая разработала собственную систему неклассического танца и обучения такому танцу и в 1925 году основала в Дрездене собственную школу. Можно найти что-то об основных принципах школы Палукки и попытаться совместить это знание с текстом Кирсанова. Но все-таки этого окажется недостаточно, пока мы не узнаем, что во время известной чудовищной бомбардировки Дрездена британской и американской авиацией Палукки выбежала из подвала, где скрывалась вместе с другими людьми, прямо в огонь и перепрыгнула через стену.

И теперь из этой точки знания попробуем прочитать текст как сценарий некоторого фильма. Столбцы слов обозначены как бы титрами на английском (то есть на языке стран, наносящих удары). Над столбцами мы прочитываем: левая рука – прыжок в – правую руку; под столбцами: левая нога – падает вниз – правая нога. Разумеется, этот текст невозможно свести к однозначному прочтению. Он содержит в себе целый ряд провоцирующих элементов нелинейного письма. Собственно трагического перформанса.

Точка буквально преследует поэта. Уже в следующем тексте «Пейзаж» лирический герой уподобляет себя «маленькой точке», далее точка появляется в заголовке перед доменом ru, а конспективная проекция картины Хуана Миро, которую описывают герои пьесы от А до З, заканчивается высказыванием З «многоточие, точка».

В пионерской статье о творчестве Эдуарда Кирсанова, которая сопровождала первую книгу поэта, Ирина Романова расставляет ряд точных акцентов: «Поэзия Э. Кирсанова – пример постмодернистской поэтики. Ее основные признаки налицо. Модель мироздания представляет собой Текст в Тексте. Не текст существует по законам мира, а мир по законам текста. Образ мира выстраивается на основе внутритекстуальных связей. Культура воспринимается как единственная реальность. Границы между действительностью и литературой размываются» [Романова, 2024, 228].

И далее: «Его стихи – это “игра в бисер” для интеллектуального читателя. В этой игре, в сочетании языков разных эпох и культур, обыгрывании цитат узнаются коды художественных систем, отсылающих к другим временам и культурам. В этом смысле стихотворения Э. Кирсанова требуют развернутых комментариев. Но и без учета подтекста, который почти наверняка есть в каждом тексте, стихотворение остается вполне законченным и самостоятельным произведением» [Романова, 2024, 229].

Это абсолютно верно для текстов, которые подходят под номинацию стихотворения, но не только. Целый ряд текстов выламывается из этой номинации, что вообще характерно для авангарда. Мы легко обнаружим примеры у Хлебникова и Крученых, Каменского, Гнедова, Хармса. Такие тексты можно отнести к перформативным.

У Эдуарда Кирсанова это и «Хор», и тексты, взаимодействующие со стилистикой Алексея Ремизова, – «Испредметное», «Колпаки», «Срамъ», «Удоноша», а также отсылающие одновременно и к Ремизову, и к Хармсу: «Дысаппыаринг» (автор в сноске указывает, что это английское слово, означающее «исчезновение», но он нарочито записывает его кириллицей, в которой оно звучит заумно).

Влияние Хармса было во многом определяющим, в том числе в обращениях к диалогическим, драматическим формам. Причем часто решенных в абсурдистском ключе, напоминающем о «Елизавете Бам» Хармса и других его драматических сочинениях.

Заметим здесь, что Эдуард Кирсанов – один из немногих современных авторов, который вступает с Хармсом на разных уровнях в своеобразный диалог.

Поэтику Хармса он улавливает на фонемном уровне:

Хармс:
 Эти буквы спать легли –
 – ххармс! –
 В пять утра их завели –
 – хормс! –
 Человек хотел читать –
 – ххармс! –
 Человека стало рвать –
 – хормс! –
 Человек хотел уйти –
 – топ-топ! –
 Ну и умер по пути
 – шлеп-шлеп!

Возможный ответ на драматические опыты Хармса «сценарий фильма» «Кровавый обмер мальчик», который строится на игре семантических сбоев, где внезапно возникают рифменные пары, паронимические переключения. В этой игре лингвистические и стиховедческие термины используются в напряженном лексическом кругу, максимально сбивая автоматизм восприятия текста.

К взаимодействию с Хармсом можно отнести и более ранние опыты Эдуарда, а также произведение «Ватерлоо», обозначенное как либретто и посвященное Даниилу Хармсу и Александру Введенскому.

При этом надо держать в уме, что Хармс и Введенский были хорошо знакомы с драматическими (полилогическими) текстами Велимира Хлебникова благодаря дружественному филологу Николаю Степанову, который готовил собрание произведений Хлебникова в 20-е годы.

«Ватерлоо» Кирсанова требует пристального прочтения, поиска претекстов, интертекста.

Даже при первом знакомстве с действующими лицами и их репликами и монологами мы можем уловить, что Бабушка Колюбакина носит фамилию матери и тети Хармса, что Пантелеймон Романович напоминает нам о незаурядном писателе Пантелеймоне Романове, что «Карабистр» возникает из хармсовской заумно-абсурдной «Истории сдыгр аппр», а «Гибельноса» из его же «Столкновения дуба с мудрецом».

Интертекст в либретто выстраивается панорамически, углубляясь в XIII век к «Логической машине» каталонского философа, теолога и поэта Раймонда Лулия, комбинаторные опыты которого по связи всего сущего находят подтверждение уже в более близком времени у Гегеля. Цитаты из Гегеля по-немецки Эдуард заимствует из книги русского религиозного философа Сергея Булгакова «Свет невечерний. Созерцания и умозрения».

Посмотрим, как это представлено. Действующее лицо Лосось производит следующее:

Вы усните для примера,
Глаз закройте, и зевните,
И молитву повторите:
Das reine Sein und das reine Nichts ist dasselbe.
Was die Wahrheit ist, ist weder das Sein /
noch das Nichts, sondern dass das Sein in Nichts,
und das Nichts in Sein – nicht übergeht, sondern
übergegangen ist².
И машину заведите.
(заводит логическую машину Раймонда
Луллия).
И увидите потом:
Что!
Купол неба в виде чашки,
Перевернутой вверх дном,
Не похож на остальное.
То, что я сейчас открою,
Называется Окном (с. 139).

Цитату из Гегеля, названную здесь молитвой, Кирсанов дает без перевода. С одной стороны, солидаризируясь с Сергием Булгаковым, который цитирует на языках, с другой – с Хармсом, который использует (хотя и ограниченно) немецкий в качестве острающего русский, в том числе иронически. Но поверх этих легко читаемых отсылок поэт предлагает текст, который не сразу может освоить и носитель языка, то есть немец! Включение Логической машины еще больше запутывает ситуацию, хотя это и есть своеобразный перевод / переложение постулата Гегеля, ведущее к открытию Окна (Овертона?).

Кондуктор (еще одно лицо) добавляет:

Ха-ха-ха!
Вам впредь наука:
Этого не ждали грюка!
разглядел ты плохо небо, –
Папа крикнул сыну – Кры!,
Морген суп спешит к обеду
И кастрюля.
Все такое непростое:
Где одно, там и другое.
Das es nichts giebt, das nicht ein Mittelzustand
Gwischen Seyn in Seyn und Nichts ist³.

² Чистое бытие и чистое небытие – это одно и то же.

То, что есть истина, – это не бытие и не небытие, но то, что бытие не переходит в небытие, а ничто в бытие – не то, что оно перешло.

³ Что нет ничего, что не было бы средним состоянием между бытием в бытии и ничто.

От драматических опытов тянется нить к прозаическим опытам. Определение «опыт» мы будем понимать как «сын ошибок трудных» и как о-пыт, то есть попытку преодоления невозможной планки, как в какой-нибудь новелле Сигизмунда Кржижановского. К нему обращается Эдуард и стихотворно. Например, вот так, отсылая к новелле «Поэтому».

Поэтому

С. Кржижановскому

Не шевелясь, боясь толчком дыханья
Развеять шелест прораставших строк,
Поэт внимал, был неизменно строг,
Понять пытаюсь тайны мирозданья.

И чудилось, что ключ от потаенных
Глубин блестит уже в руке.
А в затуманенном зрачке
Вертятся лики призрачных вселенных.

Итак, следуя творческим линиям Эдуарда Кирсанова – стихи, перформативные тексты, драматургические (диалогические, полилогические), прозаические опыты, переводы, стихи на иностранных языках, эссе (помимо вербальных произведений представлены также визуальные – оригинальная, выразительная графика, вполне соотносимая с текстами), мы наконец непредумышленно приходим к определению того, что же перед нами. И это, как видится, **гипертекст** – органично складывающийся в процессе (не кафкианском, а кирсановском!).

Но гипертекст может быть создан, но не явлен... В данном случае благодаря дружескому кругу *genius loci* явлен в возможной полноте. А гипертекст (непредумышленный, естественный) продолжился в серии воспоминаний, исследований и, наконец, в стихах, посвященных Эдуарду.

Все посвящения Поэту насыщены высоким чувством. В каждом случае это прямое высказывание, но и взаимодействие с поэзией Эдуарда. Это переключки с другом через его стихи. В ряде случаев стихи прямо пробируют защитный слой воспринимающего и выводят тексты за пределы академического исследования...

В любом случае мы можем констатировать, что гипертекст, создаваемый лидером неформального творческого объединения, порождает своеобразный гипертекст данной группы. Здесь обнаруживается столько линий пересечений, взаимовлияний, которые требуют поиска особых подходов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алтухова А. «Геометрия» в творчестве Эдуарда Кирсанова // Эдуард Кирсанов. Об Эдуарде Кирсанове / сост.: Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. М.: Буки Веди, 2024. С. 235–253.
Бирюков С.Е. Авангард: модули и векторы. М.: Вест-Консалтинг, 2006. 336 с.
Бирюков С.Е. Амплитуда авангарда. М.: Совпадение, 2014. 400 с.
Бирюков С.Е. Авангард и трансформпоэтика. СПб.: Петрополис, 2024. 436 с.

Гавриков В.А. Кого чаще всего цитируют в российских рок-диссертациях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kogo-chasche-vsego-tsitiruyut-v-rossiyskih-rok-dissertatsiyah-bibliografiya-dlya-nachinayuschego-rokoveda>.

Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Intrada – Изд-во Кулагиной, 2010. 232 с.

Житенев А.А. Поэтология Виктора Иванова // Litera. 2020. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.8.33616. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33616.

Казарновский П.А. «Изображение рая»: Поэтика созерцания Леонида Аронсона. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 752 с.

Лоцилов И. Из заметок о литературном Новосибирске // Russian Literature. 2005. LVII–III/IV. P. 327–359.

Павловец М.Г. Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX – начало XXI века. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 536 с.

Полторацкий И.С. «Выньте яму из земли», или Метасюжет преодоления смерти в творчестве Виктора Иванова // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 340–348.

Романова И. Не-вероятность существования: о книге стихов Э. Кирсанова «Круг чтения» // Эдуард Кирсанов. Об Эдуарде Кирсанове / сост.: Л.В. Павлова, И.В. Романова, О.А. Смагина. М.: Буки Веди, 2024. С. 223–234.

Фатеева Н.А. Открытая структура: О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков. М.: Вест-Консалтинг, 2006. 160 с.

Sames B. Linie der Avantgarde in Russland. Transrionale Dichtkunst in der «Akademija Zaumi». Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2004. 133 s.

S.E. Biryukov

*PhD in Cultural Studies, Doctor, Leading Researcher, Laboratory
of Comparative Literature and Cultural Diplomacy,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia*

Hypertext by Eduard Kirsanov

The article addresses the problem of studying the avant-garde works of poets born in the 1970s. In the 1990s, young poets in different cities of Russia discovered the historical avant-garde, experimented, united in groups, and looked for like-minded people across the country. In particular, a number of poets found such like-minded people at the Zaumi Academy, created in 1990 in Tambov. As one of the most striking examples, the article analyzes the works of the Smolensk poet Eduard Kirsanov (1972–2003), who consciously turned to the works of Russian avant-garde artists, absorbed foreign experience, translated, and wrote in foreign languages. As a result, he created a kind of hypertext that was inscribed in the broader context of the creative community in the city and the country.

Keywords: *Eduard Kirsanov; avant-garde; literary circle; hypertext.*

REFERENCES

- Altukhova A. "Geometry" in the works of Eduard Kirsanov [«Geometriya» v tvorchestve Eduarda Kirsanova]. *Eduard Kirsanov. About Eduard Kirsanov*. Editors: L.V. Pavlova, I.V. Romanova, O.A. Smagina. Moscow: Buki Vedi, 2024. Pp. 235–253 (in Russian).
- Biryukov S.E. Avant-garde: modules and vectors [Avangard: moduli i vektory]. Moscow: West-Consulting, 2006. 336 p. (in Russian).
- Biryukov S.E. Amplitude of the avant-garde [Amplituda avangarda]. Moscow: Coincidence, 2014. 400 p. (in Russian).
- Biryukov S.E. Avant-garde and transformpoetics [Avangard i transformpoetika]. Saint-Petersburg: Petropolis, 2024. 436 p. (in Russian).
- Gavrikov V.A. Who is most often cited in Russian rock dissertations [Kogo chashche vsego citiruyut v rossijskih rok-dissertacijah]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kogo-chasche-vsego-tsitiruyut-v-rossijskih-rok-dissertatsiyah-bibliografiya-dlya-nachinayuschego-rokoveda> (in Russian).
- Domansky Yu.V. Russian rock poetry: text and context [Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst]. Moscow: Intrada-Kulagina Publishing House, 2010, 232 p. (in Russian).
- Zhitenev A.A. – Poetology of Viktor Ivaniv [Poetologiya Viktora Ivaniva]. *Litera*. 2020. No. 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.8.33616. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33616 (in Russian).
- Kazarnovsky P.A. "Image of Paradise": The Poetics of Contemplation by Leonid Aronzon [«Izobrazhenie raya»: Poetika sozercaniya Leonida Aronzona]. Moscow: New Literary Review, 2025. 752 p. (in Russian).
- Loshchilov I. From Notes on Literary Novosibirsk [Iz zametok o literaturnom Novosibirske]. *Russian Literature*, 2005. LVII-III/IV. Pp. 327–359 (in Russian).
- Pavlovets M.G. Neo-avant-garde in Russian-language poetry: the second half of the 20th - early 21st century [Neoavangard v russkoyazychnoj poezii: vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2025. 536 p. (in Russian).
- Poltoratsky I.S. "Take the Hole Out of the Ground", or the Meta-plot of Overcoming Death in the Works of Viktor Ivanov [«Vyn'te yamu iz zemli», ili Metasyuzhet preodoleniya smerti v tvorchestve Viktora Ivaniva]. *Criticism and Semiotics*. 2015. No. 2. Pp. 340–348 (in Russian).
- Romanova I. The Improbability of Existence: About the Book of Poems by E. Kirsanov "The Reading Circle" [Ne-veroyatnost' sushchestvovaniya: o knige stihov E. Kirsanova «Krug chteniya»]. *Eduard Kirsanov. About Eduard Kirsanov*. Compilers: L.V. Pavlova, I.V. Romanova, O.A. Smagina. Moscow: Buki Vedi, 2024. Pp. 223–234 (in Russian).
- Fateeva N.A. Open Structure: About the Poetic Language and Text at the Turn of the 20th-21st Centuries [Otkrytaya struktura: O poeticheskom yazyke i tekste rubezha XX–XXI vekov]. Moscow: West-Consulting, 2006. 160 p. (in Russian).
- Sames B. Linie der Avantgarde in Russland. Transrtionale Dichtkunst in der «Akademija Zaumi». Hamburg. Verlag Dr. Kovac, 2004. 133 p. Pp.101–111 (in German).

А.М. Ранчин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 82.09

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-48-58

К ПОЭТИКЕ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ: ОБ ОДНОЙ АЛЛЮЗИИ В «ДАРЕ» ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Ключевые слова: *цитата; реминисценция; аллюзия; В.В. Набоков; Л.Н. Толстой.*

В статье рассматривается поэтика реминисценций на примере содержащейся в романе В.В. Набокова «Дар» скрытой аллюзии на повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Эта аллюзия, прежде не отмеченная исследователями, состоит из двух означающих элементов, отсылающих к одному и тому же фрагменту исходного текста, и выполняет полемическую функцию. Для функционирования неявной, скрытой реминисценции-аллюзии минимальным обязательным условием является совпадение более чем одного элемента – знака в тексте-реципиенте и тексте-доноре, причем эти элементы должны подтверждать реминисцентную природу друг друга, выступая одно по отношению к другому в качестве кодового элемента – маркера, указывающего на сам факт отсылки. Один фрагмент текста-донора может трансформироваться в дистантную аллюзию, разделенную на два означающих элемента. Совпадения в плане выражения не обязательно должны поддерживаться совпадением в плане содержания – здесь может действовать принцип приравнивания, установления эквивалентности между разными с референциальной точки зрения случаями.

Цитату в широком смысле слова принято определять как «“чужое слово”, воспринимаемое как представитель какого-либо текста» [Минц, 1999, 363], то есть как знак знака, в котором означающее указывает не непосредственно на означаемое, а на другое означающее – на элемент цитируемого текста. З.Г. Минц охарактеризовала особенности поэтики цитаты на материале анализа поэзии Александра Блока: «Являясь, прежде всего, представителем “чужого текста”, метонимическим символом-заместителем его, цитата у Блока в качестве одной из своих основных функций имеет функцию отсылки к источнику. Она – сигнал обращения к “чужому тексту”. Поэтому в определенных случаях цитатам функционально тождественны разнообразные перефразировки “чужого текста”, сохраняющие значение сигналов об обращении к этому тексту. Признак же точности / неточности оказывается нерелевантным. Таким образом, цитатами, или реминисценциями, в нашем значении слова, могут быть:

1. Цитаты в собственном смысле – точно воспроизведенные отрывки “чужого текста” (в этом случае “над чужим” у Блока действительно “всегда кавычки” или их типографски эквивалентная замена – курсив);

2. Перефразировки “текста-источника” типа: “Тяжелозвонкое скаканье” (“Медный всадник”) → “Скок по камню / Тяжко-звонок” <...> или: “В час торжественный заката” (“Демон”) → “В час торжественный возврата” <...> и т.д.;

3. Сокращенные знаки-указания на тот или иной “чужой текст”, в каждом из которых в свернутом виде заключен и их “текст-источник” <...>» [Там же, 369].

Примерами реминисценций третьего типа исследователь называет имена, художественные предикаты, атрибуты и мифемы.

Если З.Г. Минц определяет функцию указания на контекст, на место в исходном тексте как свойство только таких реминисценций, как «сокращенные знаки-указания», то Д. Орайч склонна рассматривать эту функцию в качестве основной и обязательной для любых цитат: «Каждая цитатная связь состоит из трех членов: 1. собственного текста, то есть текста, который цитирует, 2. чужого цитируемого текста, т.е. настоящей или шифрованной цитаты и 3. чужого нецитируемого, но подразумеваемого текста, бывшего контекста, из которого взята цитата, т.е. “подтекста” (термин К. Тарановского), “пратекста”, “текста antecedenta” или “прототекста”. <...> Исходя из трех основных членов цитатной связи и следуя традиции де Соссюра, мы могли бы <...> сконструировать особый категориальный треугольник цитатной интертекстуальности, в котором место означающего занимал бы собственный текст (Т), место означаемого – цитата (Ц), а место референта, денотата, т.е. обозначенного предмета – подтекст / прототекст (ПТ), с которым авторский текст устанавливает цитатную интертекстуальную связь <...>» [Oraić, 1988, 115–116].

С трактовкой Д. Орайч нельзя не согласиться: указание на исходной контекст – обязательное свойство реминисценции. Реминисценция связана с текстом-донором по принципу метонимии, как часть по отношению к целому.

Не лишено целесообразности и оправданности разграничение двух видов реминисценции – собственно цитаты и аллюзии, предложенное Н.А. Фатеевой: цитата сохраняет предикацию исходного текста, в то время как «[а]ллюзия – заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и происходит их предикация»; «От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка текста-донора, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы “за текстом” – только имплицитно» [Фатеева, 2000, 128–129]. В дальнейшем понятия «цитата» и «аллюзия» используются в этих значениях, для обозначения и цитаты, и аллюзии применяется термин «реминисценция».

Принципиальным является вопрос о критериях выявления реминисценций: «...нельзя не заметить, что поиск возможных интертекстов, подтекстов и т.п. несколько заслонил фундаментальный вопрос – в каких случаях сходство языковых выражений текстов достаточно для установления интертекстуального отношения, до какой степени могут сходны эти выражения и каковы механизмы интертекстуальной семантизации. Вследствие этого единственной теоретически

последовательной можно считать лишь позицию Р. Барта <...> и французской школы (Ю. Кристева, М. Риффатер и др.), признающей за читателем полную свободу интертекстуализации. В других случаях предлагаются чисто эмпирические критерии историко-литературного характера, сводящиеся в конечном счете к выявлению авторской интенции, что, конечно же, уводит нас в область догадок. В самом деле, как определить, входила ли в замысел Лермонтова, сказавшего “Белеет парус одинокий”, отсылка к поэме Бестужева-Марлинского “Андрей, князь Переяславский”, где встречается точно такое же выражение? Тождественность языковых выражений может являться, но не обязательно является достаточным основанием для установления интертекстуального отношения. С другой стороны, совершенно очевидно, что строка Мандельштама “И перекличка ворона и арфы” в контексте всего стихотворения “Я не слыхал рассказов Оссиана” служит установлению отношений между данным стихотворением и всем контекстом лермонтовского творчества и судьбы, хотя о тождественности языковых выражений не может быть и речи» [Золян, 2014, 171].

Попробуем предложить хотя бы частичное решение сформулированной С.Т. Золяном проблемы. Для установления реминисценции необходимо совпадение каких-то означающих, относящихся к цитирующему и цитируемому(-ым) тексту(-ам). В мандельштамовском стихотворении маркеров – отсылок к лермонтовскому творчеству нет, и поэтому использовать термин «цитата» даже в широком смысле для определения соотношения этого текста со стихотворениями Лермонтова едва ли оправданно, имеется лишь имя *Оссиан*, отсылающее к «оссиановской» традиции в целом, в том числе к ее манифестациям в творчестве Лермонтова. Рассмотрим критерии реминисценции на примере аллюзии на толстовскую повесть «Смерть Ивана Ильича», содержащейся в романе Владимира Набокова «Дар» и прежде, насколько известно автору настоящих строк, не замеченной. Аллюзия эта неявная, скрытая, и именно на таком примере представляется плодотворным выявление признаков, необходимых для обнаружения реминисценций.

Основному тексту «Дара» предшествует эпиграф «Дуб – дерево. Роза – цветок. Олень – животное. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна» с атрибуцией «П. Смирновский. Учебник русской грамматики» [Набоков, 2002, 4, 191], который «точно воспроизводит полный текст упражнения для разбора из гимназического “Учебника русской грамматики”» (17-е изд. М., 1903. С. 78) Петра Владимировича Смирновского (1846–1904)» [Долинин, 2002, 639]. Сам по себе этот эпиграф – точное воспроизведение «чужого слова», а точнее, «чужого текста», то есть как будто бы является цитатой из указанной учебной книги. Однако его содержание – набор примеров, характеризующих существительные, принадлежащие к трем склонениям [Смирновский, 1915, 1, 78, 7], – не имеет никакого отношения к семантике набоковского романа. Отсылка к книге Смирновского – это, с функциональной точки зрения, псевдоцитата. Но одновременно это

переадресованная реминисценция, поскольку реально она указывает на фрагмент из шестой главы повести Толстого: «Иван Ильич видел, что он умирает, и был в постоянном отчаянии».

В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, по просто не понимал, никак не мог понять этого.

Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветтера: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему» [Толстой, 1982, 12, 86].

Оба примера – заимствования, дословно воспроизводящие фрагменты из «чужих текстов». Совпадают жанровые характеристики двух книг, откуда произведены заимствования: «Логика Кизеветтера» – это, как и грамматика Смирновского, учебник: «Иоганн Готфрид Кизеветтер (1766–1819) – немецкий философ, последователь и пропагандист Канта, автор многих работ, в том числе учебника по логике, который был переведен на русский язык. В нем как пример приводился такой силлогизм: “Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен”» [Линков, 1982, 463]. При этом и цитируемый пример из учебника Кизеветтера, и последняя фраза-пример из книги Смирновского говорят о смерти, только у Кизеветтера / Толстого фигурирует краткое прилагательное *смертны* / *смертен*, а у Смирновского / Набокова – однокоренное существительное *смерть*. И одновременно в контексте обоих учебников мотив смерти абсолютно нерелевантен, поскольку оба высказывания являются лишь иллюстрацией формальных принципов – логического и грамматического, соответственно. Наконец, эпитафия и реминисценция из Кизеветтера похожи структурно. И у Толстого, и у Смирновского / Набокова это серия предложений, где предикаты выражены составными именными сказуемыми с опущенной связкой-копулой *есть*.

Однако сама по себе похожесть набоковского эпитафия и пассажа из толстовского романа, устанавливаемая на основании серии признаков, еще не позволяет расценивать выбранный Набоковым эпитафия как отсылку к «Смерти Ивана Ильича», поскольку семантика «Дара» с основной темой творчества и смысл толстовской повести, посвященной теме умирания и духовного воскресения, как будто бы никак не пересекаются, в том числе даже полемически. Частично совпадение означающих *смертны* / *смертен* у Кизеветтера / Толстого и *смерть* у Смирновского / Набокова, сходство синтаксических структур высказываний и смысла ('смертность – свойство всех людей') сами по себе еще недостаточны в качестве признаков реминисценции также и потому, что семантика этих высказываний – не более чем общее место. Фабула толстовской повести является иллюстрацией, подтверждением примера из учебника: Иван Ильич Головин *физически* умирает, как умер или умрет Кай, как умерли или умрут все люди. А ход событий жизни героя набоковского романа отнюдь не подтверждает его смертность, банальные определения, относящиеся к дереву, животному и птице, никак не

соотносятся с дальнейшим текстом. Россию же Федор Годунов-Чердынцев давно покинул и понимает, что ему не суждено в нее вернуться.

Но, несмотря на перечисленные различия, сходство произведений Толстого и Набокова более существенно и указанными выше совпадениями не ограничивается. Сразу за примером из учебника логики, всплывшим в сознании Ивана Ильича, заболевшего и открывшего для себя собственную смертность, в тексте повести следует воспоминание из детства о кожаном мячике: «То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня?» [Толстой, 1982, 12, 86]. А почти в самом начале «Дара», не на большом расстоянии от эпиграфа, приводится стихотворение, приписанное главному герою Федору Годунову-Чердынцеву:

Мяч закатился мой под нянин
комод, и на полу свеча
тень за концы берет и тянет
туда, сюда, – но нет мяча.
Потом там кочерга кривая
гуляет и грохочет зря –
и пуговицу выбивает,
а погода полсухаря.
Но вот выскакивает сам он
в трепещущую темноту, –
через всю комнату, и прямо
под неприступную тахту.

[Набоков, 2002, 4, 197–198]

Определенная похожесть двух детских воспоминаний несомненна. В обоих случаях вспоминаются детство и мяч, который герои-дети воспринимают очень остро, с любовью (Ваня-Иван Ильич) или с исполненным любопытства вниманием (Федор). Сходна семантика соотношения «цитируемых» Набоковым элементов у Толстого (суждение о смертности людей и яркое, проникнутое любовью воспоминание о кожаном мячике) и «воспроизводящих» их элементов в набоковском романе: в обоих случаях представлены антитезы «смерть – детство».

Фрагмент из «Смерти Ивана Ильича» словно разделен в «Даре» на две части: на пример из учебника логики и на воспоминание о мячике – и таким образом спрятан в тексте романа. Перед нами «разделенная», «дисперсионная» реминисценция: к одному и тому же фрагменту толстовской повести в набоковском романе даны две отсылки. Поскольку в «Даре» аллюзия на «Смерть Ивана Ильича» зашифрована, являясь своеобразной

криптоаллюзией, для ее опознания необходимы именно две отсылки – одной было бы недостаточно. Перед нами коррелирующие элементы одной реминисценции: эпитафия-цитата из учебника Смирницкого и мячик. Вне этой корреляции как реминисценция ни один элемент не функционировал бы. Таким образом, один элемент по отношению к другому выступает в атрибутирующей функции. Первый элемент – переадресованная цитата – вне такой корреляции была бы только цитатой из Смирницкого.

Однако для структуры цитат и аллюзий вообще характерно наличие двух или большего числа лексем-означающих даже в случае, когда они не разделены, а образуют единое синтаксическое целое. Обратимся к двум примерам из поэзии Блока, приведенным З.Г. Минц. В выражении *Скок по камню / Тяжело-звонок* отражены обе лексемы из пушкинского словосочетания *тяжелозвонкое скаканье*, а во фрагменте *В час торжественный возврата* – три первых слова из лермонтовской строки *В час торжественный заката*, причем заключительная лексема тоже присутствует в тексте, но имплицитно – посредством рифмы *возврата* – *заката*. Можно возразить: для отсылки к «Медному всаднику» достаточно воспроизвести одну авторскую лексему *тяжелозвонкое*: например, выражение **тяжелозвонкое рыданье* будет также восприниматься как реминисценция из пушкинской «петербургской повести». Но в данном случае отсутствие определяемого слова *скаканье* – это значимое отсутствие / присутствие наподобие нулевого окончания в падежной парадигме. Одиночные лексемы – авторские неологизмы способны выполнять роль означающих в реминисценциях по причине своей уникальности. То же относится к одиночным именам-реминисценциям (например, *Гамлет* или *Дон Жуан*): в этих именах в свернутом виде уже содержатся их атрибуты и предикаты, присущие соответствующим персонажам.

В классификации З.Г. Минц найти место для набоковской аллюзии не очень просто. Ближе всего она к сокращенным знакам-указаниям. Однако примеры, приведенные исследователем, основаны на совпадении или языковой синонимии лексем в цитируемом и цитирующем текстах. Таков случай отсылок-предикатов в блоковском «Когда замрут отчаянье и злоба...»: «И крепко *спим* мы оба / На разных полюсах земли»; «Ты обо мне, быть может, *гредишь*, в эти / Часы...»; «И *вижу* в снах твой образ, твой прекрасный...» и у Лермонтова в «На севере диком...», где сосна «дремлет»; «и снится ей» [Минц, 1999, 368]. *Гредишь*, *спим* приравниваются Блоком к *дремлет*, *снится* Лермонтова – перед нами пример языковой синонимии; *север дикий* и *пустыня далекая*, / *В том крае, где солнца восход* из лермонтовского стихотворения воссозданы в блоковском посредством контекстных синонимов *полюса*. При этом поэт-символист воспроизводит ситуацию неизбежной, метафизической разлуки героев, аллегорически представленную в лермонтовском переводе-переложении из Г. Гейне. В «Даре» и в «Смерти Ивана Ильича» наличие однокоренных лексем *смерть* и *смертны* / *смертен* и почти полное тождество слов *мяч* и *мячик* сами по себе недостаточно

индивидуальные признаки для выявления аллюзии. Значимы оказываются общие семантические поля ‘смертность’ и ‘детство’ и оппозиция смертность человека как топос / пример из учебника ↔ живое, непосредственное восприятие мяча ребенком, относящее в обоих случаях к полю ‘воспоминание’. У книг Кизеветтера и Смирницкого, как они обозначены, соответственно, Толстым и Набоковым (по заглавиям и фамилиям авторов), нет ничего общего, контекстная эквивалентность их устанавливается прежде всего на уровне денотатов: обе книги – учебники. Сходство двух воспоминаний о мячике / мяче образует семантический инвариант, они словно приравняются друг к другу – это в некотором смысле воспоминания об аналогичных ситуациях.

Однако реминисценция должна обогащать семантику текста-реципиента за счет текста-донора. В этом ее отличие от нефункционального заимствования, не приносящего никакого нового смысла. (Примером такого заимствования, несомненно, является приведенное С.Т. Золяном воспроизведение строки из поэмы А.А. Бестужева-Марлинского в начале лермонтовского «Паруса»: между исходным и новым контекстами строки нет никакого сходства, а смысл стиха в обоих случаях равен себе самому – узнавание о его первоисточнике нисколько не обогащает наше восприятия стихотворения.)

Какова же роль рассматриваемой аллюзии в романе «Дар»? На первый взгляд, семантического пересечения со «Смертью Ивана Ильича» здесь нет: у Толстого воспоминание героя трагично, ибо не избавляет от страха смерти, а лишь обостряет его, в то время как у Набокова радостно, оно хранит память об изумлении перед мячиком как чудом. Федор Годунов-Чердынцев, в отличие от автора, вообще не задумывается о смерти. И, в заключение, концовки. Повесть Толстого заканчивается уходом героя из жизни, являющимся для окружающих абсолютным концом, переходом в не-существование, в то время как для самого Ивана Ильича это вступление в новое бытие, начало новой жизни: «Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его клокотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало клокотанье и хрипенье.

– Кончено! – сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. “Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше”.

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [Толстой, 1982, 12, 107].

Пристальное чтение «Дара» показывает, однако, что и в набоковском романе на самом деле мотив смерти присутствует: пропал без вести, видимо погиб, отец Федора, покончил жизнь самоубийством несчастный Яша Чернышевский. В финале «Дара» тоже преодолевается смерть: «Утверждение “смерть неизбежна”, завершающее эпиграф, оказывается совершенно необходимым для того,

чтобы роману было что оспаривать, чтобы он мог не просто провозгласить победу искусства над смертью, но действительно осуществить эту победу на глазах у читателя, показав, как работает тот единственный способ не дать ничему умереть, который прозревает Федор Константинович», – справедливо заметила Е.И. Ляпушкина [Ляпушкина, 2020, 210]. Она продолжила и развила наблюдения С.С. Давыдова [Давыдов, 2004, 135] и А.А. Долинина [Долинин, 2002, 41–43] по поводу финальных строк «Дара», соотнеся заканчивающие роман стихи с высказыванием «Смерть неизбежна», завершающим эпиграф: «Тема конца, изживания жизни, ее завершения открыто звучит в заключительных строках “Дара”, написанных онегинской строфой. Стихотворный финал романа начинается с прощания: “Прощай же, книга! Для видений – отсрочки смертной тоже нет” <...>. Эти строки вторят истине эпиграфа: смерть неизбежна – в том числе для книги, для ее образов, для “видений”. Однако дальнейшее развитие темы опровергает это решение: “И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, – и для ума внимательного нет границы – там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка”. Финал книги – это ответная реплика на заключительный фрагмент эпиграфа» [Ляпушкина, 2020, 209]. Но смерть в «Даре», в отличие от финала толстовской повести, преодолевается метафорически. И еще одно важное различие. Толстой преодолевает, «отменяет» смерть этически. Набоков – эстетически, через творчество – в том числе словно превращая «черный мешок, в который просовывала» Ивана Ильича «невидимая непреодолимая сила», «черную дыру», пролезть в которую ему мешало «признание того, что жизнь его была хорошая» [Толстой, 1982, 12, 106], в загадочную и манящую «трепещущую темноту». В свете параллели со «Смертью Ивана Ильича» трепещущая темнота неожиданно начинает восприниматься как метафора небытия; но одновременно это «настоящая» темнота няниной комнаты. Концовка романа – утверждение «и не кончается строка» [Набоков, 2002, 4, 541]. Но не физическое существование человека. Как заметил А.А. Долинин: «Замещая и возмещая все утраты в свободном творчестве, герой “Дара” с благодарностью принимает жизнь и свою личную судьбу, видя в них обещание грядущего бессмертия»; «В последнем абзаце “Дара”, написанном хотя и в строчку, но стихами – четырехстопным ямбом и онегинской строфой – доселе скрытое авторское “я” впервые открыто заявляет о себе, по-пушкински прощаясь с законченной книгой и приглашая читателя на праздник его перечитывания и переосмысления» [Долинин, 2004, 130, 142].

Д. Орайч, классифицируя разновидности цитат, выделила случай цитатности, когда «[с]емантическая детерминация <...> идет от <...> (цитирующего. – А.Р.) текста или обнаруженных цитат». Здесь имеет место быть «принцип контраста или гомологии» и действует «закон координации между несвязанными и равноправными элементами» [Oraić, 1988, 116]. Это «иллю-

минативный тип цитатности», этот «тип цитатности мы можем назвать и л л ю м и н а т и в н ы м , поскольку члены цитатного соотношения равноправны, так что получается взаимное семантическое освещение из перспективы собственного. Поскольку в цитатной иллюминации интертекстуальная связь не мотивирована подтекстом, здесь возможны два типа соотношения: 1. обратная детерминация чужого из перспективы собственного, т.е. полемика текста против подтекста (схематически: $T \rightarrow Ц \leftarrow ПТ$) и 2. открытый диалог текста и подтекста, который ведется через деконтекстированные цитаты (схематически: $T \&Ц \leftarrow ПТ$)» [Там же, 117]. Случай аллюзии на «Смерть Ивана Ильича» относится скорее к первому типу, хотя само разграничение полемической и диалогической установок достаточно условно: полемика – тоже вид диалога. По мнению исследовательницы, один из вариантов прагматического функционирования цитаты в авангарде – «загадка, которую читатель должен *расшифровать*» [Там же, 126]. Независимо от того, в какой степени поэтике «Дара» присуща или не присуща связь с авангардом, эту характеристику можно отнести и к аллюзии на повесть Толстого, но с существенной оговоркой: игнорирование, не-обнаружение этой отсылки не наносит ущерб основному смыслу набоковского романа, но обедняет его. Чтобы найти эту аллюзию, требуется неоднократное поступательное и возвратное движение восприятия читающего по тексту романа: словно ткацкий челнок, оно проводит по нему новые смысловые нити и воссоздает реминисценцию, вплетает в текстовую ткань толстовские мотивы.

Таким образом, точная цитата из одного текста может быть переадресована и исполнять роль аллюзии на другой текст: это переадресованная цитата. Для функционирования неявной, скрытой реминисценции-аллюзии минимальным обязательным условием является совпадение более чем одного элемента – знака в тексте-реципиенте и тексте-доноре, причем эти элементы должны подтверждать реминисцентную природу друг друга, выступая одно по отношению к другому в качестве кодового элемента – маркера, указывающего на сам факт отсылки. Один фрагмент текста-донора может трансформироваться в дистантную аллюзию, разделенную на два означающих элемента. Совпадения в плане выражения не обязательно должны поддерживаться совпадением в плане содержания – здесь может действовать принцип приравнивания, установления эквивалентности между разными с референциальной точки зрения случаями.

ЛИТЕРАТУРА

- Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004 [1982]. 158 с.
- Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Две вершины – «Приглашение на казнь» и «Дар» // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода / сост. Н. Артеменко-Толстой СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4 / предисл. А. Долинина; примеч. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. С. 9–43.

Долинин А. Примечания // Набоков В.В. Собр. соч. русского периода / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4 / предисл. А. Долинина; примеч. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. С. 600–768.

Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.

Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS, 2014. 336 с.

Линков В.Я. Комментарии // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 12. С. 437–476.

Ляпушкина Е.И. «Карусель истины» (Смысл эпитафии в романе В.В. Набокова «Дар») // Русская литература. 2020. № 1. С. 205–210.

Минц З.Г. Функции реминисценции в поэтике Александра Блока // Минц З.Г. Блок и русский символизм. Избранные труды. В 3 кн. СПб.: Искусство – СПб, 1999. Кн. 1: Поэтика Александра Блока. С. 362–388.

Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4 / предисл. А. Долинина; примеч. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. 784 с.

Смирновский П. Учебник русской грамматики для младших классов средних учебных заведений. 26-е изд., печатанное без перемен с 25-го издания <...>. [Б. м., 1915]. Ч. I: Этимология. 102 с.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 12. 478 с.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Oraić D. Цитатность // Russian Literature. 1988. Vol. XXIII. P. 113–132.

A.M. Ranchin

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of the History of Russian Literature,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Towards the Poetics of Reminiscences: on One Allusion in Vladimir Nabokov's «The Gift»

The article examines the poetics of reminiscences using the example of a hidden allusion to L.N. Tolstoy's story «The Death of Ivan Ilyich» contained in V.V. Nabokov's novel «The Gift». This allusion, previously unnoted by researchers, consists of two signifying elements referring to the same fragment of the source text and performs a polemical function. For the functioning of an implicit, hidden reminiscence-allusion, the minimum mandatory condition is the coincidence of more than one element – a sign in the recipient text and the donor text, and these elements must confirm the reminiscent nature of each other, acting in relation to each other as a code element – a marker indicating the very fact of reference. One fragment of the donor text can be transformed into a distant allusion divided into two signifying elements. Coincidences in terms of expression do not necessarily have to be supported by coincidences in terms of content – the

principle of equating, establishing equivalence between cases that are different from a referential point of view, may operate here.

Keywords: *quotation; reminiscence; allusion; V.V. Nabokov; L.N. Tolstoy.*

REFERENCES

Davydov S. "Matryoshka Texts" by Vladimir Nabokov ["Teksty-matreshki" Vladimira Nabokova]. Saint-Petersburg: Kirtsideli, 2004 [1982]. 158 p. (in Russian).

Dolinin A. The True Life of the Writer Sirin: Two Peaks – "Invitation to Execution" and "The Gift" [Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina: Dve vershiny – "Priglasenie na kazn'" i "Dar"]. Nabokov V.V. Collected Works of the Russian Period. Compiled by N. Artemenko-Tolstaia. Saint-Petersburg: Simpozium, 2002. Vol. 4. Preface by A. Dolinin, commentary by O. Skonechnaia, A. Dolinin, Iu. Leving, G. Glushanok. Pp. 9–43 (in Russian).

Dolinin A. Notes [Primechaniia]. Nabokov V.V. Collected Works of the Russian Period. Compiled by N. Artemenko-Tolstaia. Saint-Petersburg: Simpozium, 2002. Vol. 4. Preface by A. Dolinin, commentary by O. Skonechnaia, A. Dolinin, Iu. Leving, G. Glushanok. Pp. 600–768 (in Russian).

Dolinin A. The True Life of the Writer Sirin: Works on Nabokov [Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove]. Saint-Petersburg: Academic project, 2004. 400 p. (in Russian).

Zolian S.T. Semantics and Structure of the Poetic Text [Semantika i struktura poeticheskogo teksta]. The 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: URSS, 2014. 336 p. (in Russian).

Linkov V.Ia. Commentary [Kommentarii]. Tolstoy L.N. Collected Works: In 22 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982. Vol. 12. Pp. 437–476 (in Russian).

Liapushkina E.I. "Carousel of Truth" (The Meaning of the Epigraph in V.V. Nabokov's Novel "The Gift") ["Karusel' istiny"] (Smysl epigrafa v romane V.V. Nabokova "Dar"). *Russian literature*, 2020. No. 1. Pp. 205–210 (in Russian).

Mints Z.G. Functions of Reminiscence in the Poetics of Alexander Blok [Funktsii reministsentsii v poetike Aleksandra Bloka]. Mints Z.G. Blok and Russian Symbolism. Selected Works: In 3 books. Saint-Petersburg: Iskustvo – SPb, 1999. Book. 1. Poetics of Alexander Blok. Pp. 362–388 (in Russian).

Nabokov V.V. Collected Works of the Russian Period. Sobranie sochinenii russkogo perioda. Compiled by N. Artemenko-Tolstaia. Saint-Petersburg: Simpozium, 2002. Vol. 4. Preface by A. Dolinin, commentary by O. Skonechnaia, A. Dolinin, Iu. Leving, G. Glushanok. 784 p. (in Russian).

Smirnovskii P. Textbook of Russian Grammar for Junior Classes of Secondary Schools. [Uchebnik russkoi grammatiki dlia mladshikh klassov srednikh uchebnykh zavedenii]. The 26th edition, printed unchanged from the 25th edition <...>. [1915]. Part I. Etymology. 102 p. (in Russian).

Tolstoy L.N. Collected Works [Sobranie sochinenii]. In 22 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982. Vol. 12. 478 p. (in Russian).

Fateeva N.A. Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts [Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov]. Moscow: Agar, 2000. 280 p. (in Russian).

Oraić D. Citation [Tsitatnost']. *Russian Literature*, 1988. Vol. XXIII. Pp. 113–132 (in Russian).

Н.С. Журавлева

Государственный университет просвещения
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-59-73

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОМБИНАЦИИ КАК ЧАСТЬ
МИКРОСТРУКТУРЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА
И.А. ЕФРЕМОВА**

Ключевые слова: лексические комбинации; идеографический словарь; авторский словарь; научно-фантастический дискурс; футурологическая модель цивилизации; «космические» романы; И.А. Ефремов.

Статья отражает опыт применения оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» к эмпирическому материалу по «космическим» романам И.А. Ефремова. Лексические комбинации рассматриваются, во-первых, как один из элементов словарной статьи, наравне с грамматическими пометами, частотностью, употребленными в текстах предикатами и словосочетаниями, а во-вторых, как метод исследования семантических граней писателя-фантаста, под которыми понимаются семантические конструкторы создания футурологической модели цивилизации. К таким конструкторам на основании анализа трехкомпонентных лексических комбинаций мы относим следующие: человек будущего как реципиент; человек будущего во взаимодействии с обществом; человек прошлого; человек как преобразователь природы; технологии будущего; исследование космического пространства будущего. Выделенные семантические грани соответствуют денотативно-идеографическим сферам словаря языка И.А. Ефремова. Лексические комбинации в «космических» романах оформляют космическо-приключенческий нарратив (сюжетные линии с путешествием в космическом пространстве) и идейное содержание (философский замысел писателя-футуролога). Частотная лексическая комбинация Земля – планета – человек (112) характеризует преобразованные объекты действительности в космополитической картине мира И.А. Ефремова. Параметры фильтров программного комплекса позволили определить градацию концептуальных понятий: Человек – Природа – Наука, что в очередной раз доказывает: первостепенное понятие для научно-фантастического дискурса – Человек.

Словарь языка писателя направлен на выделение индивидуально-авторских черт, характерных для личности определенной эпохи. При решении вопроса о концепции словаря необходимо определиться с «масштабностью» исследуемой личности писателя, его значимостью для русского литератур-

ного языка, для русской национальной культуры, для литературы. Исследователи авторской лексикографии отмечают, что от выбранной автором концепции зависит точка зрения адресата на писателя [Шведова, 1988; Караулов, 1976; Шестакова, 2011; Шуравлев, 2004].

Тексты И.А. Ефремова воплощают в себе несколько признаков образа автора: советская языковая личность с научным типом мышления, писатель-фантаст, футуролог. Значимость данной фигуры уже была показана в монографиях литературоведов: О.А. Ереминой, Н.Н. Смирновой, В.И. Дмитриевского, Е.П. Брандиса, П.К. Чудинова, Ю.М. Медведева, Е.И. Парнова, А.И. Шалимова, М.С. Листова. Однако перечисленные исследования распространялись на литературный аспект личности И.А. Ефремова [Осьмухина, 2020; Головачева 2014] и биографический [Еремина, 2013]. С позиции языковой личности писатель-фантаст рассматривался косвенно в нескольких диссертациях [Дюгаева, 1983; Агапитова, 2017], полномасштабное комплексное исследование языковой личности в лексикографическом аспекте в настоящее время отсутствует.

Методом исследования языковой личности И.А. Ефремова был выбран авторский словарь с понятийно-логическим распределением языкового материала. Такой принцип позволил выделить одиннадцать денотативно-идеографических сфер: 1) Человек как живое существо (355 лексем, 8536 словоупотреблений); 2) Человек и его внутренний мир (468 лексем, 4063 словоупотребления); 3) Социальная сфера жизни человека (1534 лексемы, 14 579 словоупотреблений); 4) Язык и речь (131 лексема, 1732 словоупотребления); 5) Искусство и религия (237 лексем, 1875 словоупотреблений); 6) Еда (32 лексемы, 188 словоупотреблений); 7) Окружение человека и предметы быта (379 лексем, 2885 словоупотреблений); 8) Живая природа (255 лексем, 5798 словоупотреблений); 9) Неживая природа (306 лексем, 10 389 словоупотреблений); 10) Наука (1551 лексема, 66 018 словоупотреблений); 11) Общие понятия (521 лексема, 28 204 словоупотребления) [Журавлева, 2023].

В теории лексикографии с точки зрения универсальности идеальная словарная статья представляется следующим образом: «Сведя воедино все лингвистические, психологические, социологические, семиотические и стилистические релевантные свойства различных возможных структур словарных статей, можно получить идеальную универсальную структуру словарной статьи как полную “развертку” всех возможных для данного лексического массива формальных и семантических признаков слова... Идеальная универсальная словарная статья должна иметь, по меньшей мере, следующие компоненты: 1) заглавное слово; 2) его формальные характеристики (грамматические, орфоэпические, орфографические и т.д.); 3) его семантизацию; 4) извлечения из текстов, иллюстрирующие ту или иную формальную или семантическую особенность заглавного слова; 5) указание на “соседей” заглавного слова в лексической системе языка по разным осям семантического пространства языка; 6) отсылки и справки разного характера и назначения» [Денисов, 1993, 217].

К параметрам структуры словарной статьи Идеографического словаря И.А. Ефремова относятся: заглавное слово – грамматическая характеристика, частотность, сочетаемость в «космических» романах, лексические комбинации.

Цель такого исследования состоит в определении необходимости параметра «лексическая комбинация» в микроструктуре Идеографического словаря И.А. Ефремова, основополагающей концепцией которого является отражение не только индивидуально-авторских черт языка писателя-фантаста, но и футурологической модели цивилизации, представленной в «космических» романах. Важно отметить, что исследования представляют собой фрагментарное описание языковой личности, так как анализируются только «космические» романы, к которым относим романы «Туманность Андромеды», «Час Быка» и повесть «Сердце Змеи». Единое ономастическое пространство, сквозные персонажи, модель цивилизации «Великое кольцо» позволили объединить произведения в цикл для исследования.

Параметр «сочетаемость» в микроструктуре словаря фиксирует словосочетания, в которые объединяются слова; исследователь это делает вручную на основании семантико-грамматических связей слов. Например, сочетаемость лексемы *человек* в «космических» романах: *облик человека, психика человека (3), человек Земли (9), могущество человека, жест человека, архаическое в человеке, примером человека, понятие для человека, изображение человека, выход для человека, беспомощность человека*. Также к данному параметру в словаре относятся предикаты: *рождаться, заставлять, содрогаться, ощущать, крушить, увеличить; тормозить, объять, заменять, добиваться, гордиться, ломать, располосовать, бороться, расплываться, подниматься, находить, уничтожать*. Этот параметр ориентирует адресата словаря на образное содержание элементов научно-фантастического дискурса. Под образным содержанием мы понимаем «аксиологическую функцию объекта, совокупность всех оценок объекта воспринимающей личностью, интерпретационный смысл» [Халикова, 2004, 12]. Номинативная и предикативная сочетаемость лексем воспроизводят отношение автора к образу человека как к индивиду с присущими потребностями в развитии, достижении и борьбе, а также свойственными недостатками природного начала – *беспомощность человека, архаическое в человеке, человек уничтожил*. На основе воплощенного в словарной статье параметра «сочетаемости» словарной единицы *Человек* выделим предикатные признаки: ‘почерпнуть’, ‘преодолеть’, ‘понимать’, ‘помогать’, ‘чувствовать’, ‘совершенствоваться’, ‘бороться’, ‘беречь’, ‘действовать’, ‘воспитывать’, ‘изучать’. Таким образом, Человек – это представитель правового общества, готовый вступить в борьбу на пути к познанию мира, фундаментом которого является труд, основанный на изобретении не только технических средств, но и гуманитарных дисциплин, используя такие каналы передачи информации, как осязание, зрение, говорение.

В отличие от параметра сочетаемости, который имеет семантико-грамматические характеристики для определения их исследователем и включения в словарную статью, параметр «лексическая комбинация» характеризуется отсутствием семантических или грамматических связей между словами, но наличием образно-ассоциативных связей, способом выявления которых становится программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте». Показателем для выделения лексической комбинации является расположение слова в «соседстве» с другим и повторяемость такого «соседства». Данные отрезки художественного текста со словами-спутниками показывают стереотипность когниции при описании действительности, под чем мы понимаем представление определенного объекта в художественном тексте теми же лексемами. Например, если из текста в текст по биографии А.С. Пушкина будут повторяться лексемы: Михайловское – Царскосельский лицей – Болдино – ссылка – дуэль и др., это будет характерно для каждого текста, так как невозможно сообщить биографические данные без этих этапов жизни А.С. Пушкина. Однако использование программы на художественном тексте продемонстрирует, каким семантическим комплексом автор создает тот или иной объект в своем тексте. Например, Бог в лирике В. Иванова входит в семантический комплекс *Бог – дух – хор – пение* [Павлова, Романова, 2013], что характеризует семантические и речевые клише автора и его модели мира. Применительно к «космическим» романам И.А. Ефремова лексическая комбинация позволяет увидеть мыслительный конструкт при создании футурологической модели цивилизации.

Идея о повторяющихся лексических комбинациях как цепочках слов, которые повторяются в разных фрагментах текста или в разных стихотворениях, была предложена и воплощена в Смоленской филологической школе профессора В.С. Баевского (СмолГУ), представители которой используют компьютерные технологии и применяют математические и статистические методы в своих исследованиях [Баевский, 2001]. Как пишут И.В. Романова и Л.В. Павлова о единстве лексического окружения, «...лексическое окружение некоторых частотных слов может повторяться в разных текстах, формируя таким образом некий семантический комплекс» [Павлова, Романова, 2013, 141].

В Смоленском центре квантитативной филологии исследовательской группой создан программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» [Павлова, Романова, Самойлова, 2013, 314–323], ставший методологической основой анализа лексических комбинаций в «космических» романах И.А. Ефремова. Прежде всего, нужно отметить актуальность данной методики, так как с каждым годом растет число исследований, посвященных выявлению и описанию лексических комбинаций в литературном творчестве [Павлова, Романова, 2023; Федоскин, 2021; Абишева, Молдагали, 2021]. Такой тип межтекстовой связи необходимо фиксировать в авторских словарях для более глубокого анализа идейного

содержания художественных произведений. Применяется данная программа для составления лексических комбинаций в поэзии и анализа образно-мотивных ситуаций.

Была и попытка применить программный комплекс к прозе в монографии «“И цифры как-то сходятся в слова”: поэзия И. Бродского в фокусе квантитативной филологии», подготовленной рядом авторов (И.В. Романова, Л.В. Павлова, С.Н. Андреев, В.С. Андреев), где объектом стал фрагмент прозаического текста – первая часть первого тома романа Пастернака «Доктор Живаго». Лексические комбинации прозы исследователями характеризуются следующим образом: компоненты антропонимов; составное глагольное и составное именное сказуемое; слова с относительным местоимением *который* [«И цифры как-то сходятся в слова», 2023, 92]. На втором этапе анализа прозы программа применялась локально, в особо значимых местах. Вывод данного лингвистического эксперимента следующий: появление этих слов рядом всегда мотивировано в тексте «либо реалиями описываемой ситуации, либо авторской установкой на формирование внутритекстовых связей» [«И цифры как-то сходятся в слова», 2023, 93].

В рамках Школы молодых ученых «Квантитативная филология – 2021», проходившей на базе Смоленского государственного университета, организованной Ассоциацией «Смоленский центр гуманитарных исследований» совместно со Смоленским центром квантитативной филологии и поддержанной Фондом президентских грантов, были продемонстрированы преимущества программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте», а также другие квантитативные методики. Благодаря участию в программе нам также открылся доступ к использованию данного комплекса для изучения футурологической модели цивилизации и научной картины мира писателя-фантаста И.А. Ефремова.

Лингвистический эксперимент состоял из нескольких этапов. Первый этап – сбор эмпирического материала: группировка трех художественных произведений в один файл формата txt. Второй этап – настройка программы Motiv: загрузка языкового материала и выбор параметров. Третий этап – анализ полученных данных. Всего было выделено 2 417 113 лексических комбинаций. Принимая опыт научной школы, не будем считать лексическими комбинациями устойчивые сочетания многокомпонентных антропонимов; составных именных и глагольных сказуемых; сочетания с местоимениями, наречиями, именами числительными и служебными частями речи. Самая частотная лексическая комбинация, вычисленная программой в «космических» романах, – *Земля планета – человек* с индексом частотности 112, что полностью отвечает жанрово-тематическому единству произведения с несколькими сюжетными линиями – космические путешествия человека будущего и преобразования планеты Земля человеком будущего. Человек рассматривается во всех аспектах жизнедеятельности: и как

часть природы, и как часть социума, и как субъект вещественного мира. Каждый аспект имеет внутреннюю структуру со своими гиперо-гипонимическими связями. Понятие Планета содержит лексико-семантические классы «Живая природа» и «Неживая природа», между которыми также отмечаются гиперо-гипонимические связи. Понятие Земля является частью разветвленного ономастического пространства, функцией которого выступает создание ирреальности действительности. Самая частотная лексическая комбинация – основная гиперонимическая лексическая комбинация, которая становится концептологической основой творчества писателя.

Принцип частотности – основополагающий принцип при исследовании лексических комбинаций и лексических единиц в «космических» романах И.А. Ефремова. Высокий индекс частотности характеризует ядерные лексические комбинации, фундаментальные для футурологической модели цивилизации, а низкий индекс частотности – периферию модели. Выделяются следующие комбинации с высоким индексом частотности: *жизнь – планета – человек* (99); *жизнь – Земля – человек* (92); *жизнь – Земля – планета* (70); *жизнь – общество – человек* (61); *звездолет – корабль – планета* (57) и др. Они соответствуют идейному содержанию «космических» романов: использование ресурсов природы и науки на благо всего человечества; невозможность конфронтации природы и человека как единого целого; ответственность каждой личности за развитие человеческой цивилизации и даже Вселенной – фантастическая система цивилизации И.А. Ефремова «Великое кольцо». Именно они определяют выделенные нами рубрики-константы Идеографического словаря языка И.А. Ефремова.

Шестикомпонентные комбинации (1 382 439), пятикомпонентные (2 103 258), четырехкомпонентные (3 225 175) отражают нарратив «космических» романов. Например, *планета – Родис – Чойо – Яна – Ях; владыка – Родиса – Фай – Яна – Яха*. Так выделяем одну из задач писателя-фантаста – создание приключенческого сюжета в космическом пространстве. Однако важно отметить, что данная задача не была первостепенной для И.А. Ефремова. Из эксперимента нами исключаются многокомпонентные антропонимы «космических» романов, где имя состоит из нескольких знаменательных слов из языка-этнуса, к которому принадлежали предки человека: *Ветер – глаз – Дар – Мас – Мвен*, где слова «ветер», «дар» являются компонентами антропонима.

Наибольший интерес для исследования семантических комплексов научно-фантастического дискурса представляют трехкомпонентные комбинации, исходя из преобладания триады доминант концептуальных понятий – рубрик, выделенных в Идеографическом словаре И.А. Ефремова. Возьмем первую тысячу лексических комбинаций без устойчивых сочетаний и по их содержанию разобьем на шесть семантических граней «космических» романов: 1) человек будущего как реципиент: *планета – сказать – человек* (54), *жизнь –*

становиться – человек (46), каждый – мочь – человек (44), жизнь – понимать – человек (45), земля – становиться – человек (44), жизнь – человек – чувство (43), высокий – жизнь – человек (42), жизнь – сказать – человек (42), жизнь – природа – человек (37), знать – сказать – человек (37), больший – земля – человек (35), жизнь – лет – человек (35), жизнь – мира – планета (36), больший – жизнь – человек (34), говорить – планета – человек (34), жизнь – знать – человек (34), жизнь – тема – человек (34), земля – лет – человек (34), земля – мира – планета (34), земля – человек – человечество (34), понимать – сказать – человек (34), глаз – земля – человек (33), глаз – лицо – человек (33), жизнь – развитие – человек (33), жизнь – человек – человечество (33), время – понимать – человек (32), мира – понимать – человек (33), высокий – жизнь – планета (32), женищина – мужчина – человек (32), земля – человек – чувство (32), высокий – земля – человек (31), время – становиться – человек (30), высокий – общество – человек (30), глаз – планета – человек (30), большой – земля – человек (29), большой – мира – человек (29), большой – планета – человек (29), земля – лицо – человек (26), земля – огромный – человек (26), говорить – земля – человек (26), жизнь – земля – земной (26), жизнь – подобный – человек (26), жизнь – прекрасный – человек (26), земля – казаться – человек (29), глаз – рука – человек (28), земля – землянин – планета (27), земля – сильный – человек (27), знать – мира – человек (27), жизнь – земной – человек (28), жизнь – сильный – человек (28), земля – землянин – человек (28), земля – мысль – человек (28), лицо – рука – человек (28), понимать – становиться – человек (28), высокий – понимать – человек (27), глаз – женищина – лицо (27), глаз – лицо – рука (27), жизнь – труд – человек (27), жизнь – казаться – человек (27); 2) человек будущего во взаимодействии с обществом: планета – торманс – человек (48), женищина – земля – человек (39), земля – общество – человек (38), высокий – планета – человек (37), великое – кольцо – человек (36), общество – развитие – человек (33), общество – понимать – человек (30), время – общество – человек (28), планета – совет – человек (28), жизнь – общество – планета (27); 3) человек прошлого: древний – земля – человек (39), древний – жизнь – человек (33), древний – земля – планета (29), планета – темный – человек (28), время – древний – человек (27), древний – планета – человек (27), жизнь – история – человек (27); 4) человек как преобразователь природы: жизнь – мира – человек (58), время – жизнь – человек (54), время – земля – человек (54), земля – земной – планета (42), земля – мира – человек (42), земля – рука – человек (42), общество – планета – человек (42), жизнь – сила – человек (41), земля – понимать – человек (41), земля – знать – человек (40), земля – планета – становиться (40), земля – сказать – человек (40), земной – планета – человек (40), планета – становиться – человек (40), планета – понимать – человек (36), планета – человек – человечество (36), планета – природа – человек (31), жизнь – земля – мира (30), жизнь – земной – планета (30), жизнь – лет – планета (30), жизнь – новый –

человек (30), жизнь – смерть – человек (30), земля – оставаться – человек (30), земля – планета – путь (30), земля – тема – человек (30), земля – лет – планета (26), земля – знать – планета (29), земля – природа – человек (29), землянин – планета – человек (29), кольцо – планета – человек (29), время – жизнь – земля (28), время – жизнь – планета (28), жизнь – планета – человечество (27); 5) технологии будущего: звездолет – корабль – планета (57), время – земля – планета (34), звездолет – пламень – темный (49), звезда – звездолет – планета (45), знать – планета – человек (45), великое – кольцо – планета (39), звездолет – земля – корабль (36), корабль – пламень – темный (34), пламень – темный – человек (32), великое – земля – кольцо (29), земля – кольцо – планета (28), земля – кольцо – человек (28), жизнь – планета – становиться (27); 6) исследование космического пространства будущего: звездолет – земля – человек (52), звездолет – корабль – человек (52), звездолет – земля – планета (51), звездолет – планета – человек (51), земля – путь – человек (49), земля – планета – торманс (47), земля – земной – человек (46), время – планета – человек (45), земля – торманс – человек (45), звезда – земля – планета (44), пламень – планета – темный (40), земля – корабль – человек (37), корабль – планета – человек (37), земля – корабль – планета (35), жизнь – звездолет – планета (35), звезда – звездолет – корабль (34), планета – путь – человек (34), звезда – корабль – планета (33), жизнь – торманс – человек (32), звездолет – корабль – становиться (33), звездолет – корабль – чужой (33), земля – темный – человек (33), лет – планета – человек (33), звезда – планета – солнце (32), жизнь – планета – торманс (29), звездолет – земля – лет (29), земля – планета – человечество (26), земля – пространство – человек (26), звезда – планета – становиться (26), звездолет – корабль – экипаж (26), звездолет – корабль – экран (26), атмосфера – земля – планета (26), время – звездолет – земля (26), звездолет – земной – корабль (29), жизнь – земля – путь (28), земля – планета – темный (28), время – звездолет – корабль (27), жизнь – знать – планета (27), звездолет – планета – становиться (27), звездолет – командир – корабль (27), звездолет – корабль – пространство (27), звездолет – планета – путь (27), звездолет – земной – планета (27), жизнь – планета – путь (27). Выделенные семантические грани соответствуют денотативно-идеографическим сферам авторского словаря.

Наибольший интерес при исследовании картины мира И.А. Ефремова представляют лексемы, которые входят в частотные лексические комбинации, так как основополагающий принцип составления словаря – принцип частотности. Эти лексемы определяют когнитивные признаки футурологической модели цивилизации «космических» романов и позволяют подчеркнуть индивидуально-авторские черты писателя-фантаста советской эпохи. При использовании программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» на материале «космических» романов И.А. Ефремова составим лексические комбинации констант научно-

фантастического дискурса, к которым относим концептуальные понятия Человек – Природа – Наука. Функция фильтра в программном комплексе позволяет отобрать лексические комбинации с интересующей исследователя лексемой. Применение фильтра при составлении микроструктуры словаря обусловлено объемом имен нарицательных (около 5000 лексем) в «космических» романах. Фильтр со словом *человек* представил самые частотные лексические комбинации, перечисленные выше. При выборе слова *природа* для фильтра программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» выделяются лексические комбинации: *жизнь – природа – человек* (37); *планета – природа – человек* (31); *Земля – природа – человек* (29); *общество – природа – человек* (26); *природа – путь – человек* (22); *время – природа – человек* (21). Наименее выражен индекс частотности у лексических комбинаций с входящим словом *наука*: *жизнь – наука – человек* (19); *наука – общество – человек* (18); *наука – человек – человечество* (18); *время – наука – человек* (15). Если распределить по входящему слову поиска лексические комбинации, то они будут располагаться следующим образом: человек (78 678); природа (3377); наука (2406). Это позволило нам доказать, что в споре литературоведов, какой именно концепт является для писателя наиболее важным, приоритет отдается все-таки человеку, осознающему свое место в природе, ищущему свою цель и смысл жизни и т.п.

На основе данных программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» при двусоставных словосочетаниях соберем семантическую парадигму слов-партнеров в научно-фантастическом дискурсе: Человек – *Земля, жизнь, мочь, планета, время, машина, развитие, голова, кольцо, тело, мысль*; Природа – *человек, жизнь, планета, Земля, общество, время, путь, развитие, наука, человечество*; Наука – *человек, жизнь, время, Земля, планета, ученый, человечество, общество, развитие, природа, искусство*. На основании вышеперечисленных семантических парадигм демонстрируется взаимодействие и взаимовлияние выделенных нами констант научно-фантастического дискурса.

Необходимость введения параметра «лексическая комбинация» обусловлена концептуальным подходом к составлению Идеографического словаря языка И.А. Ефремова, где словарная статья представляет собой образно-ассоциативное поле концепта, а лексические системы внутри денотативно-идеографических сфер – номинативное поле концепта. Лексические единицы, наполняющие рубрику словаря Природа и группирующиеся в лексико-семантические поля, представляют совокупность средств изображения концепта. Например, по данным словаря И.А. Ефремова был собран лингвоконцепт Природа в футурологической модели цивилизации, где лексико-тематические группы *Процесс, Измерение, Количество, Время, Материя, Физические понятия, Химические понятия, Математические понятия, Технические понятия, Технические процессы, Названия растений, Части растений, Ботанические*

термины, Названия животных, Части тел животных, Биологические термины представляют собой номинативное поле концепта. Лексические комбинации и сочетаемость будут эксплицитно выражать семантические и речевые клише автора при создании концепта. Образно-ассоциативный уровень концепта Природа – когнитивные признаки *природа – свойство – естественность – инстинкт – врожденное – анимальная сущность; природа – поражение – естество и его законы; жестокость – хаос – безжалостность – враг*, которые были упорядочены по принципу сочетаемости и лексическим комбинациям. Символический уровень концепта Природа в «космических» романах И.А. Ефремова отражался через фитонимическое пространство. Так, семантический комплекс направлен на расширение семантической структуры концепта, когда слова-«соседи» помогают исследователю определить когнитивные доминанты концепта.

Также программный комплекс позволит определять ядро, основную зону и периферию семантических граней «космических» романов – частотность лексической комбинации с определенной лексемой. Зона ядра уже была определена нами: тринадцать лексических комбинаций без устойчивых сочетаний с частотностью от максимальной до 50, куда относятся лексемы *человек, планета, Земля, жизнь, общество, мир, звездолет, корабль, время, сказать*. К периферии же семантических граней «космических» романов будут относиться лексемы лексико-тематических групп «предмет» и «процесс»: *завывание, звонкость, хлопок, хруст, венчик, веревка, горшок* и др.

Определим место параметра «лексическая комбинация» в микроструктуре словаря. Первая зона – зона грамматических сведений (по материалам Национального корпуса русского языка). Вторая зона – зона частотных сведений (индекс частотности лексемы в «космических» романах и количество словоупотреблений).

Третья зона – зона сочетаемости (что делает человек? Какой человек? Для кого человек? Человек с чем? Человек против чего? Человек у чего? и др.). Приведем фрагмент третьей зоны лексической единицы «Человек (1558), м.р.»: *КАКОЙ? земной человек (7), молодой человек (6), сильный человек (4), отдельный человек (4), высокий человек (3), средний человек (3), любимый человек (3), обыкновенный человек (2), умный человек (2), другой человек (2), обычный человек (2); человек мудрый (2), несчастный человек (2), человек невоспитанный (2), настоящий человек (2), маленький человек (2); рядовой человек (2); желтолицый человек (2); единый человек, последний человек; С ЧЕМ? человек с непокорно торчащими рыжими волосами; человек с искривленной психологией; человек с густой и короткой черной бородой, похожий на старинный портрет эпохи ЭРМ; человек с многозарядной винтовкой; человек с резкими чертами большого лица; В ЧЕМ? человек в красной накидке, человек в голубой одежде, человек в белой накидке; человек одетый в лиловое человек; ЧЕГО? человек Земли (9), мозг*

человека (4), психика человека (3), существование человека (3), радость человека (3), воспитание человека (3), развитие человека (3), руки человека (3), предки человека (3), право человека (3), мысль человека (3), сигнальная система человека (3), дело человека (2), свойство человека (2), жизнь человека (2), сознание человека (2), могущество человека (2), мучения человека (2), преступление человека (2), счастье человека (2), достоинство человека (2), богатство человека (2), силы человека (2), справедливость человека (2), воля человека (2), величие человека (2), эмоции человека (2), судьба человека (2), жизнь человека (2), ум человека (2), чувства человека (2), глаза человека (2); КОМУ? КЕМ? О КОМ? служение человеку (2), небрежение к человеку, шаг к человеку; пренебрежение к человеку, польза человеку; симпатия к человеку, страх перед человеком, опустошение человеком, наблюдение за человеком, уединение с человеком, представления о человеке, архаическое в человеке.

Четвертая зона – лексические комбинации (семантический комплекс лексемы *человек* – характеристика граней исследуемого понятия). Однако важно отметить наличие четвертой зоны у лексической единицы с высоким индексом частотности лексических комбинаций (от максимальной частотности до 50). Например, выше уже был продемонстрирован перечень лексических комбинаций лексики *человек*. А вот словарные статьи таких лексем, как *кедр*, *небо*, *позолота* и др., не содержат четвертой зоны ввиду их низкого индекса частотности, что доказывает их иллюстративно-объяснительную функцию в «космических» романах. Такая микроструктура словаря позволит комплексно проанализировать лексическую единицу и ее семантические связи в «космических» романах. Применение параметра «лексическая комбинация» обеспечит новизну и актуальность исследования языка И.А. Ефремова методом словарного описания.

Таким образом, при помощи программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» был описан один из параметров микроструктуры Идеографического словаря И.А. Ефремова, который позволяет составить семантическую парадигму научно-фантастического дискурса на примере «космических» романов И.А. Ефремова и раскрыть мыслительные конструкты, из которых писатель-фантаст строит футурологическую модель цивилизации. Это исследование стало очередным доказательством того, что центральное положение в идейном содержании «космических» романов занимает фигура человека, без соответствующих изменений в человеке как физическом существе, как социальном существе, как части природы невозможно достичь идеального космополитического будущего, где, по идее автора, каждый человек несет ответственность не только за себя, но и за развитие всей цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

Абишева С.Д., Молдагали М.Б. Поэтическая колористика А. Кушнера: опыт исследования с привлечением программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» // Квантитативная филология. 2021. № 1. С. 81–88.

Агапитова Е.К. Фантастический мир И.А. Ефремова: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2017. 244 с.

«И цифры как-то сходятся в слова»: поэзия И. Бродского в фокусе квантитативной филологии: коллективная монография / С.Н. Андреев [и др.]. СПб.: Издательство РХГА, 2023. 328 с.

Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 332 с.

Букаренко С.Г. Отражение фрагментов русской языковой картины мира в предикативных стереотипных сочетаниях. М.: МГОУ, 2009. 350 с.

Головачева И.В. О соотношении фантастики и фантастического // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 1. С. 33–42.

Дюгаева Л.И. Проблема связи времен в художественном творчестве И.А. Ефремова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 179 с.

Еремина О.А. Иван Ефремов. М., 2013. 668 с. («Жизнь замечательных людей».)

Журавлева Н.С. Методика составления идеографического частотно-грамматического словаря И.А. Ефремова // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: материалы Всероссийской научной конференции студентов. М.: МГОПУ, 2023. С. 19–23.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Ленанд, 1976. 360 с.

Мушин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 230 с.

Осьмухина О.Ю. Специфика конструирования фантастического мира в романе И. Ефремова «Час Быка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 31–36.

Павлова Л.В., Романова И.В. Доминантные и факультативные компоненты лексических комбинаций в русской поэзии // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. 2020. № 13. С. 103–117.

Павлова Л.В., Романова И.В. Опыт применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в художественном тексте» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 6. С. 138–148.

Павлова Л.В., Романова И.В. Поэтика цвета «*cattleya labiata*» в лирике Владимира Набокова: данные словаря лексических комбинаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 22(2) С. 98–108.

Павлова Л.В., Романова И.В., Самойлова Т.А. Решение филологических проблем с помощью программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2(22). С. 314–323.

Ружицкий И.В. Может ли писательский словарь стать методом? // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 466–475.

Федоскин А.В. Метод выявления лексических комбинаций на примере «древнеримских» стихотворений литературного объединения «Персона» (Смоленск): опыт применения компьютерного исследования // Смоленский филологический сборник. Вып. 13. Смоленск, 2021. С. 114–122.

Халикова Н.В. Категория образности художественного прозаического текста: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 411 с.

Шведова Н.Ю. Лексическая система и ее отражение в толковом словаре // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 152–166.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 404 с.

Шуравлев А.М. Ассоциативно-концептуальный словарь культурного кода русской литературы 19 века: учебное пособие. Уфа: БИРО, 2004. 143 с.

N.S. Zhuravleva

Postgraduate student,
Faculty of Russian Philology,
Chair of Modern Russian Language named after P.A. Lekant,
State University of Education
Moscow, Russia

Lexical Combinations as Part of the Microstructure of the Ideographic Dictionary of I.A. Efremov's Language

The article reflects the experience of using the original software package «Hypertext search for satellite words in a literary text» to empirical material on I.A. Efremov's «space» novels. Lexical combinations are considered, firstly, as one of the elements of a dictionary entry, along with grammatical features, frequency, predicates and phrases used in texts, and, secondly, as a method of studying the semantic aspects of the work of a science fiction writer, which in this study are understood as semantic constructions of creating a futurological model of civilization. Based on the analysis of three-component lexical combinations, we refer to such constructs: a man of the future as a recipient; a man of the future in interaction with society; a man of the past; a man as a converter of nature; technologies of the future; exploration of the outer space of the future. The highlighted semantic facets correspond to the denotative-ideographic spheres of I.A. Efremov's dictionary of the language. Also, lexical combinations of «space» novels broadcast a space-adventure narrative (storylines with a journey in outer space) and ideological content (the philosophical idea of a futurist writer). For example, the most frequent lexical combination Earth-planet-man (112) characterizes the transformed objects of reality in I.A. Efremov's cosmopolitan worldview. The parameters of the filters of the software package made it possible to determine the gradation of conceptual concepts: Man – Nature – Science, which once again proves the primary concept for science fiction discourse – the concept of Man.

Keywords: *lexical combinations; ideographic dictionary; author's dictionary; science fiction discourse; futurological model of civilization; «space» novels.*

REFERENCES

- Abisheva S.D., Moldagali M.B. Poetic coloring of A. Kushner: a research experience using the software package “Hypertext search for companion words in author's texts” [Poeticheskaya koloristika A. Kushnera: opyt issledovaniya s privlecheniem programmnogo kompleksa «Gipertekstovyy poisk slovsputnikov v avtorskih tekstah»]. *Quantitative Philology*. 2021. No. Pp. 81–88 (in Russian).
- Agapitova E.K. The Fantasy World of I.A. Efremov: Problems and Poetics: [Fantasticheskij mir I.A. Efremova: problematika i poetika]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Petrozavodsk, 2017. 244 p. (in Russian).
- Andreev S.N., Andreev V.S., Pavlova L.V., Romanova I.V. "And the numbers somehow converge into words": the poetry of I. Brodsky in the focus of quantitative philology: a collective monograph [«I cifry kak-to skhodyatsya v slova»: poeziya I. Brodskogo v fokuse kvantitativnoj filologii: koll. Monografiya]. Saint-Petersburg: RHGA, 2023. 328 p. (in Russian).

Baevskij V.S. Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature [Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'yuternye modeli v istorii i teorii literatury]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. 332 p. (in Russian).

Bukarenko S.G. Reflection of fragments of the Russian linguistic picture of the world in predicative stereotypical combinations [Otrazhenie fragmentov russkoj yazykovoj kartiny mira v predikativnyh stereotipnyh sochetaniyah]. Moscow: MGOU, 2009. 350 p. (in Russian).

Golovacheva I.V. On the Relationship between Science Fiction and the Fantastic [O sootnoshenii fantastiki i fantasticheskogo]. *Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 9, Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2014. No. 1. P. 33. (in Russian).

Dyugaeva L.I. The problem of the connection of times in the artistic work of I.A. Efremov [Problema svyazi vremen v hudozhestvennom tvorchestve I.A. Efremova]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 1983. 179 p. (in Russian).

Eremina O.A. Ivan Efremov [Ivan Efremov]. Moscow: ZHSL, 2013. 668 p. (in Russian).

Zhuravleva N.S. Methodology for compiling an ideographic frequency-grammatical dictionary by I.A. Efremov [Metodika sostavleniya ideograficheskogo chastotno-grammaticheskogo slovarya I.A. Efremova]. *Lexicology and grammar of the Russian language and stylistics of fiction: Proceedings of the All-Russian scientific conference of students*. Moscow: MGOPU, 2023. Pp. 19–23 (in Russian).

Karaulov YU.N. General and Russian ideography [Obschchaya i russkaya ideografiya]. Moscow: Lenand, 1976. 360 p. (in Russian).

Muhin M.YU. Lexical statistics and conceptual system of the author: M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, M. Sholokhov [Leksicheskaya statistika i konceptual'naya sistema avtora: M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, M. Sholokhov]. Yekaterinburg: Ural State University, 2010. 230 p. (in Russian).

Os'muhina O.YU. The Specifics of Constructing a Fantasy World in I. Efremov's Novel "The Hour of the Bull" [Specifika konstruirovaniya fantasticheskogo mira v romane I. Efremova «Chas Byka»]. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2020. Vol. 13. Issue 1. Pp. 31–36 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Dominant and optional components of lexical combinations in Russian poetry [Dominantnye i fakul'tativnye komponenty leksicheskikh kombinacij v russkoj poezii]. *ACTA UNIVERSITATIS LODZIENSIS. FOLIA LITTERARIA ROSSICA*. No. 13, 2020. Pp. 103–117 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Experience of using the software package "Hypertext search for companion words in fiction" [Opyt primeneniya programmnogo kompleksa «Gipertekstovyy poisk slov-sputnikov v hudozhestvennom tekste»]. *Bulletin of Moscow State University. Series. 9. Philology*. 2013. No. 6. Pp. 138–148 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. The Poetics of the Color "cattleya labiata" in Vladimir Nabokov's Lyrics: Data from the Dictionary of Lexical Combinations [Poetika cveta «sattleya labiata» v lirike Vladimira Nabokova: dannye slovary leksicheskikh kombinacij]. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2023. No. 22 (2) Pp. 98–108 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V., Samojlova T.A. Solving Philological Problems with the Help of the Software Package "Hypertext Search for Companion Words in Authors' Texts" [Reshenie filologicheskikh problem s pomoshch'yu programmnogo kompleksa «Gipertekstovyy poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstah»]. *Bulletin of Smolensk State University*. 2013. No. 2 (22). Pp. 314–323 (in Russian).

Ruzhickij I. V. Can a writer's dictionary become a method? [Mozhet li pisatel'skij slovar' stat' metodom?]. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language*. 2016. No. 7. Pp. 466–475 (in Russian).

Fedoskin A.V. Method of identifying lexical combinations using the example of "ancient Roman" poems of the literary association "Persona" (Smolensk): experience of using computer research [Metod vyyavleniya leksicheskikh kombinacij na primere «drevnerimskikh» stihotvorenij literaturnogo ob"edineniya «Persona» (Smolensk): opyt primeneniya komp'yuternogo issledovaniya]. *Smolensk Philological Collection*. 2021. No. 13. Pp. 114–122 (in Russian).

Halikova N.V. Category of imagery in artistic prose text [Kategoriya obraznosti hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Moscow, 2004. 411 p. (in Russian).

Shvedova N.Yu. The lexical system and its reflection in the explanatory dictionary [Leksicheskaya sistema i ee otrazhenie v tolkovom slovare]. *Russian Studies Today. Language: the system and its functioning*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 152–166 (in Russian).

Shestakova L.L. Russian author's lexicography: theory, history, modernity. [Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost']. Moscow: Languages of slavic cultures, 2011. 404 p. (in Russian).

Shuravlev A.M. Associative-conceptual dictionary of the cultural code of Russian literature of the 19th century: a study guide [Assosiativno – konceptual'nyj slovar' kul'turnogo koda russkoj literatury 19 veka: uchebnoe posobie]. Ufa: BIRO, 2004. 143 p. (in Russian).

О.Е. Похаленков, К.В. Мазин

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия*

В.С. Ковалева

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 821.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-73-83

ОЛЬФАКТОРНАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РОМАНЕ Э.М. РЕМАРКА «ТРИ ТОВАРИЩА»

Ключевые слова: литература о «потерянном поколении»; Э.М. Ремарк; роман «Три товарища»; функции ольфакторной лексики в романе.

Роман Э.М. Ремарка «Три товарища» является одним из популярных в мировой литературе произведений о дружбе и любви. Как и все произведения о «потерянном поколении», роман характеризуется простотой языка, авторским повествованием от первого лица, изображением простых людей, столкнувшихся с проблемами послевоенного времени: нищетой, утратой близких и разрушением традиционных устоев. В статье рассматривается феномен ольфакторной лексики, связанной с запахами и обонянием в целом, и ее роль в создании художественных образов, передаче эмоциональных состояний персонажей и общей атмосферы произведения. Сравнивается оригинальный текст (на немецком языке), в котором представлена послевоенная атмосфера Германии – мир Веймарской республики, полный глубокого отчаяния и зыбкой надежды, с его переводами на русский и английский языки. Предлагается, что анализ ольфакторной лексики, связанной с описанием обоняния, одного из самых сложных среди пяти человеческих чувств, позволит глубже проникнуть в художественный мир произведения.

Имя Эриха Марии Ремарка (1898–1970) – знаменитого немецкого писателя-антифашиста – давно и хорошо знакомо как отечественным, так и зарубежным читателям.

бежным любителям качественной литературы. Несмотря на то что пик его популярности пришелся на 1950–1960-е годы XX века, его произведения по-прежнему вызывают читательский интерес. Однако научный интерес к его творчеству не всегда совпадал с общественным. За рубежом Ремарк долгое время оставался автором бестселлера «На Западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues», 1928). И даже по прошествии времени – уже после выхода антифашистских романов «Возлюби ближнего своего» («Liebe Deinen Nächsten», 1941), «Триумфальная арка» («Arc de Triomphe», 1945), «Ночь в Лиссабоне» («Die Nacht von Lissabon», 1962) и др. – критики обвиняли писателя в трафаретности и образов, и сюжетной организации текста. Внимание обращалось преимущественно на темы и мотивы, связанные с эмиграцией во время нацистского режима в Германии в период Второй мировой войны, или на публичную жизнь самого Ремарка (см., например: [Antkowiak, 1983; Murdoch, 2006; Taylor, 1989; Wegener, 1991]). Во многом была похожей ситуация с критическим разбором произведений писателя и в советском «ремарковедении». Краткий обзор основных подходов к творчеству Ремарка в Советском Союзе дал И. Фрадкин в статье «Ремарк и споры о нем» [Фрадкин, 1963].

Среди современных исследований, в которых затрагиваются разнообразные филологические аспекты, связанные с творчеством писателя, упомянем такие работы, как [Енекеску, 2024; Поршнева, 2010; Похаленков, Фролов, 2021; Матвеев, 2014; 2016]; среди зарубежных заслуживает внимания деятельность доктора Т.Ф. Шнайдера («Центр мира им. Эриха Марии Ремарка», г. Оснабрюк), автора многочисленных статей и монографий по творчеству писателя, ответственного редактора ежегодного сборника статей «Erich Maria Remarque Yearbook» (см., например: [Schneider, 1994; 1998]).

Весьма популярной историей о дружбе и любви в мировой литературе является роман Эриха Марии Ремарка «Три товарища», относящийся к литературе о «потерянном поколении». Это литературное направление возникло в межвоенный период (1920–1930-е годы) и объединило писателей, в чьих произведениях отразились травмы и дезориентация людей, переживших Первую мировую войну. Литературный стиль данного направления характеризуется простотой языка, авторским повествованием от первого лица и акцентом на образах простых людей, столкнувшихся с проблемами послевоенного времени: нищетой, утратой близких и разрушением традиционных устоев.

В фокусе настоящего исследования находится феномен ольфакторной лексики (в оригинале – на немецком, и переводах – на английском и русском) и ее роль в создании художественных образов и передаче эмоциональных состояний персонажей в романе Ремарка «Три товарища» («Drei Kameraden», 1936).

Ольфакторная поэтика – относительно недавно появившаяся область анализа художественного текста, объектом которой является изучение обонятельных ощущений в плане влияния запахов на создание художественной реальности произведения, формирование его образной структуры, описание

предметов интерьера и экстерьера, характеристику персонажей, передачу их душевного состояния, раскрытие взглядов самого автора на описываемые события, а также декларируемые им ценностные ориентации.

Включение такой художественной детали, как запах, в анализ образного мира произведения, на наш взгляд, может быть весьма перспективным. Нельзя не отметить, что запахи играют значительную роль в человеческом познании внешнего мира (см., например: [Pause, 2020; Баранова, 2019] и др.). Они позволяют людям распознавать друг друга, отличать близких от чужаков, фиксировать приятные ощущения и избегать неприятных ассоциаций. Известно, что каждый человек обладает своим собственным уникальным запахом, способствующим идентификации личности. Запахи, вызывающие положительные эмоции, связывают с приятными впечатлениями и радостными воспоминаниями, тогда как негативно оцениваемые закрепляют неприятие объектов или ситуаций. Уже с древних времен запахи служили важным элементом представления различных аспектов природного и культурного бытия. Символика запаха зависит от контекста и обстоятельств появления того или иного запаха.

Ольфакторная лексика, связанная с запахами и с обонянием в целом, является важным элементом в языке литературы, поскольку запахи могут вызывать сильные ассоциации и эмоциональные отклики, зачастую скрытые в подсознании. Часто запахи связаны с воспоминаниями, позитивными и негативными, то есть они могут вызывать в памяти события прошлого. Для каждого человека ольфакторный опыт индивидуален и уникален. В отличие от визуальных образов, запахи часто ассоциируются с бессознательным, связанным с выражением восторга, тревоги, чувства комфорта или, наоборот, дискомфорта, и т.п.

В литературе запахи, как уже отмечалось выше, обладают уникальной способностью передавать не только физические характеристики окружающего мира, но и глубинные эмоциональные состояния, обонятельные ощущения персонажей, различные ассоциации, связанные с личными переживаниями, оценками.

В лингвистическом плане ольфакторная лексика представляет собой специфическую часть языка, которая включает в себя слова и выражения, описывающие запахи и ароматы. Развитие концепции ольфакторной лексики и ее описание как лингвистического явления связано с рядом значимых исследований.

Сам термин «ольфакция» ввел в научный оборот российский ученый Г.Е. Крейдлин в работе «Невербальная семиотика». Он определяет ольфакцию как «дисциплину, занимающуюся изучением языка запахов, смысловых значений, связанных с ними, и роли запахов в коммуникативных процессах» [Крейдлин, 2002, 22]. Ученый обращает внимание на физиологическую активность тела, медицинскую диагностику, особенности взаимодействия между людьми и животными, а также сферы парфюмерии и формирование визуальных образов. Культурологический аспект ольфакции особенно интересен для филолога-исследователя, поскольку запахи существенно влияют на эстетику текста, делая образы ярче и многограннее. Их лексическое выражение используется как буквально, так и метафорически.

В работе «Язык запахов. Психология восприятия запахов» Е.Ю. Антоненко подчеркивает важность запахов в психоэмоциональном восприятии человека, «когда запахи способны создавать целый спектр эмоциональных оттенков» [Антоненко, 2011]. В статье А.В. Шилиной «Лингвокультурологический аспект изучения лексики ольфакторного восприятия» ольфакторная лексика рассматривается с точки зрения национально-культурной специфики данного явления, автором подчеркнута «особенность ее влияния на чувство отдельного индивида» [Шилина, 2013, 255–258].

На наш взгляд, анализ ольфакторной лексики в романе «Три товарища» позволяет глубже проникнуть в художественный мир произведения, в котором представлена послевоенная атмосфера Германии – мир Веймарской республики, полный глубокого отчаяния и зыбкой надежды.

Выделим два важных аспекта, которые учитываются при анализе ольфакторной лексики в романе Э.М. Ремарка «Три товарища»: а) запахи могут быть использованы не только для создания атмосферы повествования, но и б) как средство создания психологического портрета персонажей. Например, такие запахи, как дым, свежесть воздуха или его затхлость, могут выступать символами определенных эмоциональных состояний персонажей: от удушья и боли до чувства надежды или освобождения. В контексте перевода с немецкого на английский и русский языки важно обратить внимание на то, как различия в отборе переводчиками ольфакторной лексики могут повлиять на восприятие произведения читателями.

Ниже в таблице 1 представлены примеры из первых трех глав романа, взятые из оригинального текста и русского и английского переводов.

Таблица 1

Сопоставление оригинального текста и переводов романа Э.М. Ремарка «Три товарища»

Оригинал на немецком языке (Ремарк Э.М.)	Перевод на русский язык (Шрайбер И.М.)	Перевод на английский язык (Уин А.В.)
Sie kam jeden Morgen zwei Stunden... aber hinter Schnaps war sie wie die Ratte hinterm Speck	Она приходила каждое утро часа на два... а вот спиртное действовало на нее, как сало на крысу	She used to come to us for two hours every morning... but schnapps she could smell out as far as off as a rat a slice of bacon
В немецкой и русской версиях акцента на запахе нет, в то время как в английском переводе заостряется внимание на обонянии: горничная способна найти, «учуять» шнапс, как мышь чувствует запах бекона		
Als ihre dunkle, etwas rauhe Stimme geisterhaft plötzlich in Frau Zalewski Vorzimmer zwischen Wildschweinsköpfen, Fettgeruch und Küchengeklirr leise und etwas langsam, als dächte sie vor jedem Worte	И когда ее низкий, хрипловатый голос, словно по волшебству, зазвучал вдруг во владениях фрау Залевски, среди кабаньих голов, запахов жира и звякающей посуды, – зазвучал медленно, тихо, так,	Then when the deep, slightly husky voice spoke out suddenly like a ghost into the smell of fat and clatter of dishes from Frau Zalewski's parlour – a soft voice speaking slowly, as if it pondered

nach, sprach, verschwand auf einmal meine Unzufriedenheit	будто она раздумывала над каждым словом, мое недовольство жизнью сняло как рукой	each word – all my discontent vanished
В данном примере пробудившийся у главного героя благодаря любви к девушке интерес к жизни противопоставляется обстановке, в которой он вынужден жить. Волшебный голос любимой примиряет его с мрачной атмосферой снимаемого им жилья, где постоянно пахнет жиром		
Sie starrte auf meinen Schnaps, als wäre es ein verfaulte Fisch	Она с таким видом уставилась на мой коньяк, точно это была тухлая рыба	She glared at my schnapps as if it were stinking fish
Тухлая рыба может вызывать неприязнь на двух уровнях восприятия. Кто-то может представить тухлую рыбу визуально, а кто-то способен «почувствовать» или представить, извлечь из памяти соответствующий запах – и то и другое вызывает отвращение. Так Ремарк передает неприязненное отношение героини к алкоголю		
Der Rum war stark und frisch. Er schmeckte nach Sonne	Ром был крепок и свеж. Он пах солнцем	The rum was strong and fresh, and tasted of the sun
Пожалуй, это самый неоднозначный пример в романе. В немецкой и английской версиях используются слова «schmecken», «to taste», что переводится «быть на вкус», в русском переводе используется именно ольфакторная единица – «пахнуть» («пахнуть солнцем»). Эта метафора передает на уровне обоняния ощущение настоящего на солнце теплого запаха, напоминающего о погожем летнем дне		

Приведенные примеры, содержащие ольфакторную лексику, позволяют судить о ее функциях, а именно о том, что подчеркивалось нами выше: о создании общей атмосферы повествования и о раскрытии эмоционального состояния героев, важного для их характеристики. Эти примеры объединены приемом использования запахов как многослойного инструмента, который не только описывает внешнюю среду, но и позволяет глубже понять внутренний мир персонажей, а также проследить динамику сюжета.

1. Запах алкоголя.

В немецком оригинале:

«Wie weit war das schon wieder weg – fast vergessen im perlgrauen Rauch des Alkohols» [Remarque, 2021, 53].

В русском переводе:

«А как далеко отодвинулось – почти забылось в жемчужно-сером чаду алкоголя» [Ремарк, 2024, 58].

В английском переводе:

«How far off it seemed – forgotten almost in the pearl-grey fumes of alcohol» [Remarque, 2023, 45].

Из текста следует, что английская версия акцентирует внимание на ольфакторных аспектах через слово *fumes* (*испарения*), тогда как в немецком оригинале используется более нейтральная лексема *Rauch* (*дым*). Русский вариант сохраняет символику, но тоже не так явно передает запах. С точки зрения сюжетной линии необходимо прояснить следующее: герой романа «Три

товарища» Роберт Локамп вспоминает встречу с Патрицией и свой любовный интерес, неожиданно проснувшийся в нем, но из-за алкогольного опьянения он теряется во временных границах, забывая, что это было вчера. Герою не стыдно за свое состояние, наоборот, он видит плюсы в употреблении алкоголя, который «стягивает в один узел твою жизнь, зато между вечером и утром оставляет зазоры, в которых умещаются целые годы» [Ремарк, 2024, с. 22–23]. Видимо, поэтому Ремарк и использует необычное сочетание «perlgrau» и «Rauch», показывающее читателю, что герой привык к этому состоянию: оно его вдохновляет и представляется приятным.

2. *Запах пищи.*

Еще раз обратимся к сцене, когда после напряженной автогонки герои с особой остротой ощущают запах жаренной с луком печени, и это вызывает у них сильный эмоциональный отклик.

В немецком оригинале:

«Aus dem kleinen Gasthaus drang der Duft gebratener Leber. Auch Zwiebeln waren dabei» [Remarque, 2021, 128].

В русском переводе:

«Из тесного зала донесся запах жареной печенки и лука» [Ремарк, 2024, 138].

В английском переводе:

«From the inn issued a smell of frying liver. Onions, too» [Remarque, 2023, 134].

Здесь вполне конкретный запах символизирует домашний уют и семейное тепло. Во всех версиях передается сходное настроение, однако в английском переводе сделан акцент на конкретных элементах запаха, что добавляет описанию больше выразительности. С сюжетной точки зрения обращает на себя внимание факт использования автором данной лексики для противопоставления двух описываемых ситуаций, а именно: уютного вечера в кафе и предшествующей ему бешеной гонки на автомобилях. Быстрая, резкая погоня сменяется тихим вечером с запахом домашней еды, который дарит персонажам чувство успокоения.

Запах жареной печени с луком, вызывающий у героев чувство спокойствия и умиротворения, одинаково интерпретирован как в оригинальном тексте, так и в переводах, что подчеркивает универсальность запаха как культурного символа домашнего тепла. Однако в английской версии использование слова *swelled* (наши сердца «раздулись») усиливает эмоциональную реакцию на запах, добавляя оттенок драматичности.

3. *Запах парфюма.*

Запах парфюма служит важным элементом, характеризующим героиню. «Парфюмное облако / облако парфюма» дает характеристику девушке, которой более важно производимое ею внешнее впечатление, важна внешняя привлекательность, в том числе создаваемая и запахом духов. Нельзя

исключать того, что чрезмерное внимание к своей персоне может настроить читателя на негативное отношение к героине, так как Ремарк подчеркивает, что босс, на которого работает Пат, возможно, и нанял ее за внешний вид, кроме того, она намеренно стремилась произвести впечатление на своих поклонников.

В немецком оригинале:

«Eine Wolke Parfüm kam heraus» [Remarque, 2021, 178].

В русском переводе:

«Сквозь щель пробивался густой запах косметики» [Ремарк, 2024, 158].

В английском переводе:

«A cloud of scent issued from it» [Remarque, 2023, 167].

В этих примерах немецкий и русский тексты подчеркивают интенсивность и тип запаха, тогда как в английском переводе запах описан более абстрактно: переводчик не заостряет внимания на том, что пристрастие к духам присуще большинству представительниц прекрасного пола.

Переводы романа «Три товарища» на русский и английский языки в определенной степени служат демонстрацией того, как различия в подходах к описанию запахов могут влиять на восприятие текста читателем.

Например, в сцене с «перламутровым дымом алкоголя» немецкая лексема *Rauch* (дым) передает более нейтральное ощущение, связанное с визуальной (невербальной) характеристикой. В английской версии используется слово *fumes* (испарения), которое усиливает ольфакторный аспект, вызывая у читателя ассоциацию прежде всего с насыщенным запахом и только потом с визуальным образом. Описываемая сцена становится более чувственной, добавляя слой физического дискомфорта и эмоциональной тяжести. Русский перевод остается ближе к немецкому, сохраняя метафоричность, здесь акцент на запахе несколько нивелируется.

Подобные различия в передаче запахов показывают, что восприятие читателем конкретной сцены может меняться в зависимости от акцентов, сделанных переводчиком. Немецкий текст, на наш взгляд, остается наиболее сбалансированным в выражении как ольфакторных, так и визуальных образов. Английский и русский переводы адаптируют лексический материал, отражая культурные особенности языков перевода, и при этом несколько смещают эмоциональные акценты. Эти различия иллюстрируют, насколько важно для переводчика учитывать не только значение ольфакторной лексики, но и ее воздействие на читателя.

В некоторых случаях переводчик предлагает читателю воспользоваться своим индивидуальным ольфакторным опытом.

Так, в русском переводе читаем: «Небо уже чуть-чуть посветлело, пахло утром» [Ремарк, 2024, 22]. Если сказать, что утренний запах свежий, – это вряд ли будет необычной характеристикой. Но за прилагательным «свежий» у каждого читателя кроется свой «набор» обонятельных характеристик.

Или: «Я долго не отпускал ее, ощущая теплоту ее кожи и легкий аромат волос» [Ремарк, 2024, 18]. Чем могут пахнуть волосы любимой девушки? Парфюмированным моющим средством или травой, могут иметь свой неповторимый запах... И в этой ситуации на помощь читателю также приходит его собственный опыт, пробуждающий воспоминания о первом романтическом чувстве и об ароматах, связанных с любимой.

Еще пример: «Все стало вдруг близким и теплым: лестница, устоявшийся запах подъезда, холодный, поблескивающий резиново-серый асфальт...» [Ремарк, 2024, 25]. Каким бывает устоявшийся запах подъезда? У каждого он свой и связан или с приготовляемой жителями едой, или с давно не вытиравшейся пылью, или с редко проветриваемым помещением, или, наоборот, с запахом хлорки от периодически проводимой уборки – словом, переводчик предоставляет читателю возможность вновь руководствоваться своим ольфакторным опытом.

Роман «Три товарища» переведен на десятки языков, по популярности он лишь немного уступает роману «На Западном фронте без перемен», но уже в течение многих десятилетий и у переводчиков, и у читателей произведение пользуется стабильным спросом. В него погружаешься, как в хорошо знакомую комфортную атмосферу, в том числе и благодаря ольфакторному восприятию текста.

В самом деле, ольфакторная лексика, значительно уступая в любом тексте словам, описывающим сенсорные отношения, прежде всего слуховые и зрительные [Колбенева, 2010, 234], тем не менее становится важным инструментом передачи эмоций и настроений персонажей, особенностей изображаемой атмосферы произведения.

Обращение к разным языковым версиям перевода романа Э.М. Ремарка «Три товарища» показывает, как переводчики интерпретируют запахи, и это определенным образом влияет на восприятие произведения читателями. Данный факт подчеркивает важность ольфакторной лексики как части художественного текста и ее значимую роль в передаче культурных и психологических оттенков повествования.

ЛИТЕРАТУРА

- Антоненко Е.Ю. Язык запахов. Психология восприятия запахов. Харьков: Фоліо, 2011. 153 с.
- Баранова Е.А. Перевод ольфакторной лексики с английского языка на русский // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 2, № 11. С. 93–97.
- Енекеску А.Г. Библейские мотивы и аллюзии сквозь призму концептов Вера vs. Безверие (на материале романа Э.М. Ремарка «Черный обелиск») // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 19(25). С. 23–32.
- Колбенева М.Г. Органы чувств. Эмоции и прилагательные русского языка. Лингвopsи-xологический словарь. М.: Языки славянской культуры, 2010. 330 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

- Матвеев М.А. Журналистика Э.М. Ремарка как один из факторов формирования поэтики писателя // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 4. С. 87–90.
- Матвеев М.А. Принципы формирования поэтики ранних произведений Э.М. Ремарка: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2016. 187 с.
- Поршнева А.С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М. Ремарка: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 256 с.
- Похаленков О.Е., Фролов Д.М. Феномен «потерянного поколения» в творчестве Э.М. Ремарка // Германские и романские языки в высшей школе России. Калуга, 2021. С. 173–178.
- Ремарк Э.М. Три товарища (Remarque E.M. Three comrades). СПб.: КАРО, 2023. 512 с.
- Ремарк Э.М. Три товарища. М.: АСТ, 2024. 480 с.
- Фрадкин И. Ремарк и споры о нем // Вопросы литературы. 1963. № 1. С. 92–119.
- Шилина А.В. Лингвокультурологический аспект изучения лексики ольфакторного восприятия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 46. С. 255–258.
- Antkowiak A. Erich Maria Remarque: Leben und Werk. Westberlin: Verl. Das Europ. Buch. 1983. 163 S.
- Murdoch B. The novels of Erich Maria Remarque. Sparks of life. Rochester/NY, Woodbridge: Camden House, 2006. P. 195–224.
- Pause Bettina M., Shirley M. Seul: Alles Geruchssache. Wie unsere Nase steuert, was wir wollen und wen wir lieben. München: Piper, 2020. 272 S.
- Remarque E.M. Drei Kameraden. Köln: Verl. Kiepenheuer & Witsch, 2021. 590 S.
- Schneider T.F. «Am Besten nichts neues?» Zum Stand der Remarque-Forschung // Erich Maria Remarque Jahrbuch / Yearbook (1998): Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung. Osnabrück: Rasch, 1998. S. 123–156.
- Schneider T. Remarque E.M. Ein militanter Pazifist: Texte und Interviews, 1929 1966. Edited by Thomas F. Schneider. Cologne: Kiepenheuer and Witsch, 1994. 160 s.
- Taylor Harley U. Erich Maria Remarque. A literary and film biography // American University studies. 1989. № I(65). P. 171–180.
- Wegener H. Understanding Erich Maria Remarque // Understanding modern European and Latin American literature. 1991. № 2. P. 100–106.

O.E. Pokhalenkov

PhD in Philology, Doctor, Professor,

Chair of English,

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Kaluga, Russia

V.S. Kovaleva

PhD in Philology, Associate Professor,

Chair of Russian,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

K.V. Mazin

Postgraduate Student,

Chair of English,

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Kaluga, Russia

Olfactual Lexis and Its Functioning Features in E.M. Remarque's Novel «Three Comrades»

E.M. Remarque's novel «Three Comrades» is one of the most popular works in world literature about friendship and love. Like all works about the «lost

generation», the novel is characterized by its simple language, first-person narrative, and portrayal of ordinary people facing the challenges of post-war life, such as poverty, loss of loved ones, and the destruction of traditional values. The article examines the phenomenon of olfactory vocabulary related to smells and the sense of smell in general, and its role in creating artistic images, conveying the emotional states of characters, and shaping the overall atmosphere of a work. The original text (in German), which presents the post-war atmosphere of Germany – the world of the Weimar Republic, full of deep despair and fragile hope – is compared to its translations into Russian and English. It seems that an analysis of the olfactory vocabulary associated with the description of one of the most complex of the five human senses – smell – will allow us to delve deeper into the artistic world of the work.

Keywords: literature about the «Lost Generation»; E.M. Remarque; the novel «Three Comrades»; the functions of olfactory vocabulary in the novel.

REFERENCES

- Antonenko E.Yu. The language of smells. The psychology of smell perception [Yazyk zapakhov. Psikhologiya vospriyatiya zapakhov]. Khar'kov: Folio, 2011. 153 p. (in Russian).
- Baranova E.A. Translation of olfactory vocabulary from English into Russian [Perevod ol'faktornoy leksiki s angliyskogo yazyka na russkiy]. *Bulletin of the Student Scientific Society of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University"*. Vol. 2. No. 11. 2019. Pp. 93–97 (in Russian).
- Enekesku A.G. Biblical motifs and allusions through the prism of concepts of Faith vs. Disbelief (based on the novel "The Black Obelisk" by E. M. Remarque [Bibleyskie motivy i allyuzii skvoz' prizmu kontseptov Vera vs. Bezverie (na materiale romana E. M. Remarka «Chernyy obelisk»). *World literature in the context of culture*. No. 19 (25). 2024. Pp. 23–32 (in Russian).
- Kolbeneva M.G. Sensory organs. Emotions and adjectives of the Russian language. Linguistic and psychological dictionary [Organy chuvstv. Emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka. Lingvopsikhologicheskiy slovar']. Moscow: Languages of Slavic culture, 2010. 330 p. (in Russian).
- Kreydlin G.E. Non-verbal Semiotics: Body Language and Natural Language [Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 p. (in Russian).
- Matveev M.A. E.M. Remarque's Journalism as one of the Factors shaping the writer's poetics [Zhurnalistika E.M. Remarka kak odin iz faktorov formirovaniya poetiki pisatelya]. *Issues of Udmurt University*. No. 4. 2014. Pp. 87–90 (in Russian).
- Matveev M.A. Principles of forming the poetics of the early works of E.M. Remarque [Printsipy formirovaniya poetiki rannikh proizvedeniy E.M. Remarka]. *Dissertation ... Candidate of Philological sciences*. Ivanovo, 2016. 187 p. (in Russian).
- Porshneva A.S. The space of emigration in the novel work of E.M. Remarque [Prostranstvo emigratsii v romannom tvorchestve E.M. Remarka]. *Dissertation ... Candidate of Philological sciences*. Ekaterinburg, 2010. 256 p. (in Russian).
- Pokhalenkov O.E., Frolov D.M. The phenomenon of the "lost generation" in the works of E.M. Remarque [Fenomen «poteryannogo pokoleniya» v tvorchestve E.M. Remarka]. *Germanic and Romance Languages in Russian Higher Education*. Kaluga, 2021. Pp. 173–178 (in Russian).
- Remark E.M. Three comrades [Tri tovarishcha]. Moscow: KARO, 2023. 512 p. (in English).
- Remark E.M. Three comrades [Tri tovarishcha]. Moscow: AST, 2024. 480 p. (in Russian).
- Fradkin I. Remark and the controversy about him [Remark i spory o nem]. *Issues of literature*. 1963. No.1. Pp. 92–119 (in Russian).

Shilina A.V. The linguistic and cultural aspect of studying the vocabulary of olfactory perception [Lingvokulturologicheskiy aspekt izucheniya leksiki ol'faktornogo vospriyatiya]. *Current issues in the humanities and natural sciences*. No. 46. 2013. Pp. 255–258 (in Russian).

Antkowiak A. Erich Maria Remarque: life and work [Erich Maria Remarque: Leben und Werk]. Westberlin: Verl. Das Europ. Buch. 1983. 163 p. (in German).

Murdoch B. The novels of Erich Maria Remarque. Sparks of life. Rochester/NY, Woodbridge: Camden House, 2006. 224 p. (in English).

Pause Bettina M, Shirley M. Seul: It's all a matter of smell. How our nose controls what we want and who we love [Seul: Alles Geruchssache. Wie unsere Nase steuert, was wir wollen und wen wir lieben]. Piper, München. 2020. 272 p. (in German).

Remarque E.M. Drei Kameraden [Tri tovarishcha]. Köln: Verl. Kiepenheuer & Witsch. 2021. 590 p. (in German).

Schneider T.F. "Best of all, nothing new?" The state of the art of Remarque research [«Am Besten nichts neues?» Zum Stand der Remarque-Forschung]. *Erich Maria Remarque Jahrbuch. Yearbook*. Osnabrück: Rasch, 1998. Pp. 123–156 (in German).

Schneider T. Remarque E.M. A Militant Pacifist: Texts and Interviews, 1929 1966 [Ein militanter Pazifist: Texte und Interviews, 1929 1966]. Edited by Thomas F. Schneider. Cologne: Kiepenheuer and Witsch, 1994. 160 p. (in German).

Taylor Harley U. Erich Maria Remarque. A literary and film biography. *American University studies*. No. I (65), 1989. Pp. 171–180. (in English).

Wegener H. Understanding Erich Maria Remarque. *Understanding modern European and Latin American literature*. No. 2, 1991. Pp. 100–106 (in English).

А.С. Епимахова

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова
Архангельск, Россия*

УДК 81'25

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-83-97

«ПРИМЕТЫ ПОГОДЫ» В ПЕРЕВОДЕ Д.А. ЛУХМАНОВА КАК ЧАСТЬ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *Дмитрий Афанасьевич Лухманов; приметы погоды; морская коммуникация; лингвокультура; поэтический перевод.*

В статье рассматривается творческое наследие Д.А. Лухманова – российского и советского мореплавателя, теоретика парусных судов, писателя, преподавателя и руководителя морских учебных заведений. Его перу принадлежат научные статьи на русском и английском языках, научно-популярные издания, методические рекомендации, прикнижные отраслевые словари, художественные произведения в стихах и прозе. Среди произведений Д.А. Лухманова особое место занимает подборка поэтических примет погоды, которые представляют собой переводы англоязычных «weather proverbs». Многие из них вошли в русскую лингвокультуру, они используются в профессиональной

коммуникации моряков. О том, что данные приметы не воспринимаются как переводные или заимствованные, свидетельствует их использование в художественных произведениях, методических рекомендациях, повседневной коммуникации. При этом наблюдается вариативность, свойственная фольклорным произведениям. С одной стороны, запоминаемость примет делает их эффективным инструментом мнемотехники. С другой – большая интернациональность морских примет погоды по сравнению с другими приметами позволила им интегрироваться в русскую лингвокультуру. Несомненно, это произошло благодаря творческому подходу Д.А. Лухманова, который объединил работу над поэтической формой с богатым опытом профессиональной, педагогической и наставнической деятельности. Сопоставительный анализ показывает, что Д.А. Лухманов не только продолжал переводить приметы, но и дорабатывал уже имеющиеся переводы в период между 1910 и 1943 годами.

Перевод профессионально ориентированных текстов изначально связан с дискуссиями о том, что представляет большую ценность: знания из области лингвистики и теории перевода или владение предметной областью. Последнее тем важнее, чем меньше имеется ресурсов (в том числе словарей, справочников), позволяющих лингвисту разобраться в новой для него научной или технической тематике. Создание переводов зачастую способствует появлению таких ресурсов: комплекса комментариев, прикнижных словарей, справочников, словарей – академических изданий. Переводчики внесли значительный вклад в развитие отечественной научной мысли и формирование терминологии [Таунсенд, 2020, 31, 91]. В морской сфере особый интерес представляет изучение переводческой и лексикографической деятельности таких выдающихся специалистов, как И.Л. Голенищев-Кутузов, Н.Г. Курганов, Г.Г. Кушелев, А.С. Шишков, в XX в. А.Н. Крылов [Епимахова, 2023б]. В настоящей статье рассматривается творческая деятельность Д.А. Лухманова, связанная с переводом, и ее отражение как в его собственных произведениях, так и в отечественной культуре.

Творческое наследие Д.А. Лухманова и перевод. Дмитрий Афанасьевич Лухманов (1867–1946) был очень разносторонней личностью. Он прошел путь от матроса до капитана дальнего плавания, оставив целый ряд художественных произведений, содержащих воспоминания о различных этапах его профессиональной деятельности (первые плавания на российских и зарубежных судах, работа в Доброфлоте на Дальнем Востоке, переход учебного парусника «Товарищ» из Мурманска в Аргентину в 1926 году). Своим профессиональным опытом он делился в преподавательской деятельности, возглавлял морские учебные заведения (в Ленинграде и Потти), а также писал учебные пособия. Д.А. Лухманов является автором научных, научно-популярных произведений, профессионально ориентированных статей, в том числе статей на английском языке в зарубежных изданиях.

О переводческой и лексикографической деятельности Д.А. Лухманова говорится мало, однако в его насыщенной событиями жизни нашлось место и для нее. Д.А. Лухманов составил Краткий словарь морских терминов и выражений, который был издан как часть художественных и учебно-методических произведений (подробно см.: [Епимахова, 2023а]). Более того, его поэтические переводы широко известны, однако зачастую воспринимаются как часть русской культуры.

Интерес к языку и языкам, видимо, проявился у Д.А. Лухманова с ранних лет. Приняв решение стать моряком, он особое внимание уделяет математике и языкам [Лухманов, 1985, 12]. В воспоминаниях о самых ранних плаваниях он отмечает, какими языками пользовались на судах, какую терминологию употребляли. Уже в начале своей карьеры Д.А. Лухманов хорошо владел английским языком, «порядочно» – французским и немецким, немного – итальянским [Колмогоров, 2013, 98]. К этому следует добавить дальнейшую четырехлетнюю службу в Гонконге и работу морским агентом в Нагасаки, публикацию статей на английском языке в журналах *Nautical Magazine*, *The Rudder* и др. [Колмогоров, 2013, 317–319]. Д.А. Лухманов, несомненно, работал с иностранной научной литературой (в историческом очерке «Парусные суда» и книге «Вооружение парусно-моторных судов» он ссылается не только на отечественные, но и на зарубежные источники). В книге «Парусные суда» присутствует сноска с информацией о том, что история пирата Бенито де Сото представляет собой пересказ из книги Basil Lubbock «*The Blackwall Frigates*» [Лухманов, 1941, 26], и позже дается перевод цитаты из этой книги [Лухманов, 1941, 55].

Зарубежные источники обогатили и литературное творчество Д.А. Лухманова. В предисловии к сборнику рассказов «На палубе» (1928) он отмечает существующий в русской литературе интерес к переводным произведениям морской тематики наряду с оригинальными. Он находит в переводной морской литературе недостатки, связанные, во-первых, с отбором самих произведений («неправдоподобные, чисто приключенческие, не освещающие действительной жизни торгового моряка» [Лухманов, 1928, 3]) и, во-вторых, с переводом, который выполняется людьми, незнакомыми с морем, вследствие чего «не только термины, но и самое описание различных маневров почти всегда искажены до неузнаваемости и карикатурности» [Лухманов, 1928, 3–4]. В этот сборник Д.А. Лухманов включает собственные оригинальные произведения (11 рассказов) и истории, сюжет которых развивает фабулы английских и американских моряцких рассказов, – это рассказы «Пришли», «У золотых ворот», «Капитанша», «Ключ от кильсона», «Шквал с подветра», «Испытание», «Адмирал». Сам Д.А. Лухманов отмечает, что в сборнике нет «ни одного переводного рассказа в буквальном смысле этого слова» [Лухманов, 1928, 4], и подчеркивает, что перенос некоторых сюжетов в действительность другой страны происходит

легко, так как «служба на море интернациональна по своему существу» [Лухманов, 1928, 5]. В частности, «Адмирал» – это переложение рассказа В. Джекобса «Admiral Peters», написанного в 1903 году и уже имевшего несколько переводов на русский язык, рассказ был опубликован в российской прессе в 1910-е годы [Адмирал Петерс]. Некоторые истории оказались затем вплетены в автобиографические произведения Д.А. Лухманова. Например, «Капитанша» становится частью книги «Соленый ветер» наряду с основанным на реальных фактах рассказом «Капитан Вотерман» (обе истории рассказываются членами команды судов), а также «Под флагом “Великой страны демократических свобод”», где описаны события из жизни самого Лухманова. Такое вольное отношение к зарубежным произведениям, возможно, перенято Д.А. Лухмановым у его матери – писательницы Надежды Александровны Лухмановой. Прежде чем приобрести известность, она зарабатывала переводами и зачастую очень вольно относилась к текстам. Н.А. Лухманова признавалась в своем дневнике: «Работала с фантазией, вольными отступлениями, концовками, и даже вводя новых персонажей. Названия переводам давала произвольно, указывая лишь язык страны – с испанского, португальского, шведского – и подписывая именем первого попавшегося автора» [Колмогоров, 2013, 129]. Д.А. Лухманов передал интерес к языкам и переводу своим детям. Его сын Николай стал дипломатом и военным переводчиком (он владел японским, китайским и двумя европейскими языками), имел двухгодичный стаж преподавания на курсах переводчиков при разведотделе, опубликовал две книги военной тематики, в том числе «Справочник командира ОКДВА¹ по японскому языку» (в соавторстве) [Колмогоров, 2013, 354, 379–381]. Справочник [Лухманов, 1934] включает словарь общеупотребительных слов, политическую, географическую и военную терминологию, в том числе лексику для опроса пленного и японо-русский словарь. Жизнь Н.Д. Лухманова закончилась трагически: он был арестован и расстрелян в 1938 году, что отразилось также на судьбе его близких.

Представленные выше примеры перевода отдельных слов, цитат, пересказа литературных произведений, конечно, трудно назвать целенаправленной переводческой работой. Однако с большой долей уверенности можно сказать, что международные плавания, представительство Доброфлота в Гонконге, работа морским агентом в Нагасаки неоднократно требовали от Д.А. Лухманова международной и межкультурной коммуникации, возможно, и выполнения переводов.

«Приметы погоды» в переводе Д.А. Лухманова. Широко известны переведенные Д.А. Лухмановым рифмованные приметы, которые вошли в статью «Метеорология с точки зрения морской практики» [Лухманов, 1910], сборник стихов «На суше и в море» [Лухманов, 1911] и далее в переработанном виде в учебное пособие «Морская практика для юнг» [Лухманов,

¹ ОКВДА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия.

1943]. Кроме того, наверняка Д.А. Лухманов передавал эти приметы своим ученикам в процессе преподавания. Не умаляя опытности российских моряков, он отмечает: «Старые английские моряки попробовали для более удобного запоминания выразить стихами некоторые известные им предсказания погоды. Эти стихи старых капитанов не блещут поэтической красотой, но настолько характерны и удобны для запоминания, что я привожу их здесь в более или менее дословном переводе» [Лухманов, 1910, 48]. В статье приводятся также многочисленные наблюдения в прозе. Помещая стихи в учебное пособие, Д.А. Лухманов иначе формулирует их переводной статус: «Здесь приводится русский перевод этих стихов, дополненный собственными наблюдениями автора этой книги» [Лухманов, 1943, 80].

В публикациях 1910 и 1911 годов приметы приводятся по разделам: «Предсказания ожидаемой погоды по виду неба», «Приметы во время шквальной погоды», «Замечания относительно морских птиц», «Предсказания по наблюдению над барометром» (12 небольших стихотворений со сквозной нумерацией). В 1943 году порядок следования разделов изменен и дополнен: «По барометру», «По барографу», «При шквалах», «По виду неба», «По морским птицам», «Сезон ураганов и тайфунов» (18 пронумерованных стихотворений), некоторые тексты переработаны.

Нам удалось обнаружить оригинальные тексты большинства примет как в опубликованных источниках, так и на тематических сайтах. По-английски данные единицы обычно называются *weather proverbs*, хотя отмечается, что термин *proverb* здесь не совсем верен, так как приметы, как правило, не имеют переносного значения, не допускают расширенной интерпретации [Grzybek, 2016].

Поиск затрудняется тем, что народным приметам свойственна вариативность. Скорее всего, Д.А. Лухманов собрал приметы в процессе ведения профессиональной деятельности из разных источников, в том числе из устной речи команды судов. Поэтому уже сама возможность найти оригинал текста, на который нет прямой ссылки, говорит о близости перевода к оригиналу. Интересно, что некоторые из источников изданы Военным министерством США, которое даже специально собирало такие приметы для изучения [Hazen, Dunwoody, 1883, 5–6]. В условиях, когда метеорологические прогнозы могли оказаться ненадежными и недолгосрочными, а технологии связи и техническое оснащение парусных судов оставляли желать лучшего, народные приметы погоды, отражавшие опыт поколений, были очень полезны моряку и в XX веке. Конечно, российские моряки тоже имели многолетние наблюдения за погодой, однако придание им рифмованной формы способствовало запоминанию (не случайно многие русские пословицы и поговорки также содержат рифмы).

Проанализируем некоторые переводы.

Широко известна на русском языке примета, связанная с поведением чаек:

Ходят чайки по песку,
Моряку сулят тоску,
И, пока не лезут в воду,
Штормовую жди погоду.

[Лухманов, 1910, 50; 1911, 36; 1943, 83]

Предположительно, оригинальный текст на английском языке:

Seagull, seagull sit on the sand. It's never good weather while you're on the land [Lutfi, 2020, 3841].

Данная примета существенно изменена при переводе: четыре строки вместо двух, имеет место замена (чайки не сидят, а ходят), конкретизация (штормовая погода), добавление («Моряку сулят тоску»). Тем не менее суть остается неизменной: чайки на берегу предвещают плохую погоду. Сохранена и цель стихотворения: оно легко запоминается благодаря рифме и ритму. Видимо, именно поэтому Д.А. Лухманов ничего не изменил в тексте за тридцать с лишним лет, которые прошли между созданием двух авторских версий примет.

Эта примета включена в повесть Е. Коковина «Детство в Соломбале». Появившиеся на берегу чайки – дурная примета для деда, который знает стих в немного измененной форме: чайки «бродят», также изменена пунктуация (тире в конце первой и третьей строк) [Коковин, 1972, 150]. Существуют и другие варианты: в первых двух строках может использоваться единственное число, третья строка: «И пока не сядет в воду» [Солнышкина, 2005, 228]. Автор данной статьи также слышала эту примету в формулировке: «Если чайка села в воду, жди хорошую погоду. // Чайка бродит по песку, моряку сулит тоску». Вариативность наблюдается при цитировании примет в различных произведениях (например: [Введение в специальность, 2023, 60–61]), даже в предисловии к книге Д.А. Лухманова «Жизнь моряка» за авторством В. Соболева [Лухманов, 1985, 6].

Подобные приметы существуют и в других странах, например в Португалии: «Gaivotas em terra tempestade no mar» [Leite, Dourado, Morgado, Antunes, 2019, 13] (досл.: «Чайки на суше – шторм на море»).

Передаваясь из уст в уста, примета стала восприниматься как народная. С народными приметами ее сближает вариативность, краткость и образность [Кулькова, 2011, 13], причем последние два признака наряду с рифмой способствуют запоминанию. Интересно, что образное мышление связывается с поэтической формой, поскольку стихи и проза обрабатываются мозгом по-разному [Скулачева, Костюк, 2021].

Рассмотрим другую известную примету:

Если небо красно с вечера,
Моряку бояться нечего;
Если ж красно поутру,
Моряку не по нутру.

[Лухманов, 1910, 48; 1911, 35; 1943, 81]

Оригинал:

A red sky in the morning,
Sailors take warning.
A red sky at night,
A Sailor's delight.

[Allen, 1995, 12]

При переводе этой приметы первая и вторая части поменяны местами, в остальном же перевод очень близок к тексту оригинала. Данная примета воспроизводится в книге «Мальчики с бантиками» В. Пикуля. Примету на занятии озвучивает преподаватель с комментарием: «Кто из вас читал книгу Лухманова “Соленый ветер”? ... Лухманов, бывший капитан парусного судна, написал стихи... Многовековой опыт мореплавателей выявил ряд удивительно точных примет погоды. Лухманов, чтобы легче запомнить, изложил эти приметы в стихах» [Пикуль, 1985, 112]. Таким образом, авторство примет приписывается самому Д.А. Лухманову (в его произведение «Соленый ветер» они не включены). В. Пикуль приводит также другие приметы, оригиналы которых удалось обнаружить. Первая:

Вечером небо коль полно огня,
Утром же зорю туман застилает, –
Верные признаки чудного дня,
Старый моряк парусов прибавляет.

[Лухманов, 1910, 48; 1911, 35; 1943, 81]

Оригинал:

Evening red and morning gray
Are sure signs of a fine day;
But the evening gray and morning red,
Make the sailor shake his head.

[Allen, 1995, 12]

Вторая:

Радуга утром – дело плохое,
Радуга вечером – дело иное.

[Лухманов, 1943, 82]

Оригинал:

Rainbow at night, sailor's delight;
Rainbow in morning, sailor's warning.

[Hazen, Dunwoody, 1883, 71]

Особенно интересна третья примета, цитируемая в книге. Вариант 1943 года (именно его цитирует В. Пикуль) переработан по сравнению с предыдущим: первая и вторая половина поменяны местами.

Вариант 1910 года:

Если солнце село в тучу,
Берегись, – получишь бучу,
Если ж солнце село в воду,
Жди хорошую погоду.

[Лухманов, 1910, 49; 1911, 35]

Вариант 1943 года:

Если солнце село в воду,
Жди хорошую погоду;
Если солнце село в тучу,
Берегись, – получишь бучу.

[Лухманов, 1943, 81]

Нам удалось обнаружить англоязычную примету, соответствующую только одной половине стихотворения Д.А. Лухманова:

When the sun sets in a clear
An easterly wind you need not fear.

[Hazen, Dunwoody, 1883, 83]

Восточный ветер считается в англоязычном морском фольклоре признаком плохой погоды. Возможно, существует более полный вариант или же переводчик дополнил перевод собственным наблюдением.

Рассмотрим еще одну примету, в которую были внесены существенные изменения между первой и последней публикацией.

Вариант 1910/1911 года:

«Барашки»* ль по небу бегут,
Иль «небо ангелы метут»**,
Коль в трюме груза не имеешь,
Сбавь парусов, – не пожалеешь.
*) «барашки» – перисто-кучевые облака – cirro cumulus.
**) «Небо ангелы метут» – перистые облака – cirrus.

[Лухманов, 1910, 48; 1911, 35]

Вариант 1943 года:

«Барашки» ль по небу бегут,
Иль небо метлами метут,
Коли рангоут твой высок,
Оставь лишь марсели да фок.

[Лухманов, 1943, 82]

Предполагаемый оригинал:

If clouds look as if scratched by a hen
Get ready to reef your topsails then.
Mackerel sky and mare's tails,
Make lofty ships carry low sails.

[Hazen, Dunwoody, 1883, 15]

Переработанный вариант гораздо ближе к оригиналу, хотя в нем используется больше терминологии: «рангоут» – собирательное слово для обозначения всех деревянных частей корабля, в том числе мачт, «марсели» – вторые снизу прямые паруса, «фок» – нижний парус на фок-мачте (определения даны по словарю Д.А. Лухманова [Лухманов, 1933, 195, 193, 198]). В ожидании сильного ветра нужно не просто «сбавить парусов», а убрать верхние паруса. Для моряков, являющихся реципиентами данного перевода, использование терминологии не должно представлять трудность.

Из варианта 1943 года также исключены упоминание ангелов и примечания, введенные изначально потому, что не все заложенные в основу перевода образы были понятны (легко догадаться, что такое «барашки», но не «метущие небо ангелы»). В оригинальном тексте используются другие образы: курица, скребущая землю, лошадиный хвост («mare's tails» – перистые облака), рыба чешуя («mackerel sky» – небо в барашках). Чаще эта примета формулируется короче, например, «Mackerel sky and mare's tails, / Make tall ships carry low sails» [Jenkins, 1869, 8].

При сопоставлении переводов 1910/1911 и 1943 годов выявлено, что изменения внесены почти во все стихи. Некоторые из них переработаны полностью, иногда изменения невелики и представляют собой уточнения: «Ко встрече с ветром будь готов» > «Ко встрече с штормом будь готов», «Если тучи, сплотившись, по небу летят» > «Если тучи сплотятся и быстро летят».

Приведем пример еще одной переработанной приметы.

Вариант 1910/1911 года:

При низком барометре стрелки паденье
Требует в море вниманья и бденья,
И шкипер разумный тогда лишь заснет,
Когда он высоко и кверху идет.

[Лухманов, 1910, 50; 1911, 37]

Вариант 1943 года:

При низком барометре стрелки паденье
Требует в море вниманья и бденья;
Тогда капитан лишь покойно заснет,
Коль стрелка высоко и кверху пойдет.

[Лухманов, 1943, 80]

Предполагаемый оригинал:

At sea with low and falling glass, soundly sleeps a careless ass,
Only while it's high and rising, truly rests a careful wise one.

[King, 1874, xi]

При переработке приметы лексема «шкипер» заменена на «капитан». Объяснение этому мы вновь находим в словаре Д.А. Лухманова: «ШКИПЕР

или ШХИПЕР – капитан торгового корабля, старый, выходящий из употребления термин» [Лухманов, 1933, 199]. Архаизм был расценен им как нежелательная единица в учебном пособии для юнг.

Данная примета интересна еще и тем, что поэтическую форму приметы принимает наблюдение над приборами. В изданиях 1910/1911 года предсказания по наблюдению над барометром помещены Д.А. Лухмановым в последний раздел примет, в учебном пособии 1943 года предсказания дополнены наблюдениями над барографом, и эти два раздела открывают список примет погоды.

Такие стихотворения подтверждают эффективность формы поэтической приметы как мнемотехнического инструмента. В отличие от старинных примет, основанных на наблюдении за погодой и поведением птиц, более современные приметы, в которых зафиксированы рекомендации по использованию приборов, менее известны, так как понятны только профессионалам. Нам пока не удалось обнаружить в опубликованных источниках англоязычные приметы, которые соответствовали бы приметам Д.А. Лухманова о наблюдениях над барографом. Возможно, это и есть дополнения, основанные на его собственном опыте, то есть стихи, созданные в одной стилистике с переводными.

Идея с приданием важным правилам художественной формы реализована Д.А. Лухмановым не только при переводе примет погоды. При изложении такого важного раздела, как «Международные правила для предупреждения столкновений на море» [Лухманов, 1943, 130–138], он продолжил использовать данный прием мнемотехники, как и его зарубежные коллеги: подобные стихи существуют также на английском языке [Allen, 1995, 12–13]. В пособии правила изложены дважды: сначала дается «Официальный текст», затем рифмованная «Вольная переработка для запоминания».

Например:

Официальный текст

Судно, идущее бейдевинд левым галсом, должно уступить дорогу судну, идущему бейдевинд правым галсом.

Для запоминания

Кто бейдевинд крутой идет, –
Дороги встречным не дает.
Но коль два судна привели,
И оба бейдевинд легли,
Тот должен в сторону свернуть,
Кто левым галсом держит путь.

[Лухманов, 1943, 131].

Трудно не согласиться, что рифмованный текст новичку запомнить проще, чем официальный.

Дидактический потенциал примет состоит не только в их запоминаемости, но и в том, что каждая примета содержит в себе имплицитное или

эксплицитное руководство к действию в определенной ситуации (инструкцию, совет, запрет) [Кулькова, 2011, 12; Lutfi, 2017, 303]. Отмечается, что приметы погоды известны населению и вызывают у людей большое доверие [Leite, Dourado, Morgado, Antunes, 2019]. Кроме того, для примет, принадлежащих разным культурам, отмечаются общие черты и ценностные ориентиры [Кулькова, 2011, 46; Lutfi, 2020], что позволило переводным произведениям органично вписаться в русскую лингвокультуру.

Особенность морских примет погоды (в отличие от примет, связанных, например, с земледелием) состоит в их большей интернациональности. Многие морские приметы оказываются верны для мореплавания в разных регионах, поэтому схожие приметы обнаруживаются в разных европейских языках, в том числе в результате заимствования при коммуникации между моряками [Kochman-Haładaj, 2021, 147].

И в наши дни, несмотря на достижения науки и техники, рифмованные приметы используются при обучении моряков (например: [Введение в специальность, 2023, 60–61]). Поскольку от погоды зависит для них успешность плавания и сама жизнь, сообщение информации о ней признается важнейшей частью профессиональной коммуникации и передачи опыта от поколения к поколению [Viallon, Jannet, 1997, 4].

О том, что приметы погоды в переводе Д.А. Лухманова стали частью морской культуры, свидетельствует их присутствие в приложении к морскому словарю вместе с тостами и розыгрышами [Солнышкина, 2005, 228], рассмотрение их в составе военно-морского фольклора [Литвин, 2023, 52]. Некоторые поэтические переводы примет «ушли в народ», а также стали частью литературных произведений, они воспринимаются как оригинальные или даже фольклорные произведения. Схожесть с русскими народными приметами, запоминаемость являются инвариантом перевода наряду с содержанием. Благодаря им приметы в переводе Д.А. Лухманова легко вошли не только в профессиональный дискурс моряков, но и некоторые – в русскую культуру в целом. Впрочем, это характерно только для отдельных примет: тех, понимание которых возможно при наличии житейских фоновых знаний [Иванищева, Лян, 2020, 189]. Нетрудно запомнить связь между цветом неба или поведением чаек и погодой, так как эти образы знакомы практически любому русскоговорящему человеку, в то время как приметы, требующие знаний об устройстве судна, специальных приборах и владения морской терминологией, используются лишь в учебном и профессиональном дискурсе моряков.

Знание иностранных языков, опыт международной коммуникации и перевод сыграли важнейшую роль в судьбе и профессиональной жизни капитана Д.А. Лухманова, сделав возможной его морскую и дипломатическую службу, обогатив его научную, педагогическую и литературную деятельность. И в наши дни, несмотря на развитие современных технологий, разработки Д.А. Лухманова остаются актуальными. Они представляют интерес как для

морской сферы, так и для филологических исследований. Сопоставление вариантов перевода, а также версий словарей, опубликованных в разные годы в разных источниках (мемуары, художественные произведения для детей, учебные пособия, методические пособия, научные издания), позволяет сделать вывод, что Д.А. Лухманов постоянно продолжал работу над своими материалами, дополняя их и адаптируя к потребностям читателя. В переводе стихов он стремился сохранить цель создания примет: точно передать смысл, а также сделать текст на русском языке легко запоминающимся. Не только в специальной и учебной литературе, но и в художественных произведениях Д.А. Лухманов остается профессионалом, который делится с молодым поколением знаниями и дает практические советы, в чем ему помогает переводческая работа.

ЛИТЕРАТУРА

Адмирал Петерс // Журнал Лаборатории Фантастики. URL: <https://fantlab.ru/work651071> (дата обращения: 15.07.2024).

Введение в специальность: матрос: учебное пособие для среднего профессионального образования / А.И. Новиков [и др.]. М.: Юрайт, 2024. 396 с. URL: <https://urait.ru/book/vvedenie-v-specialnost-matros-543418> (дата обращения: 29.02.2024).

Епимахова А.С. Лексикографическая деятельность Д.А. Лухманова: краткий словарь морских терминов и выражений // Лексикография и коммуникация – 2023: сборник материалов IX Международной научной конференции / отв. ред. А.П. Седых. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023а. С. 36–42.

Епимахова А.С. Перевод и переводчики в истории российской морской лексикографии // Перевод как профессия, наука, творчество: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Е.А. Похолкова, М.В. Полубоярова, К.И. Таунзэнд. В 2 т. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023б. С. 305–314.

Иванищева О.Н., Лян М. Познавательная функция примет // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1(144). С. 188–194.

Коковин Е.С. Детство в Соломбале // Коковин Е.С. Корабли моего детства. М.: Детская литература, 1972. С. 122–445.

Колмогоров А.Г. Мне доставшееся. Семейные хроники Надежды Лухмановой. М.: Аграф, 2013. 464 с.

Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2011. 52 с.

Литвин В.Б. Некоторые жанры военно-морского фольклора в произведениях русских писателей XX–XXI вв. // Danish Scientific Journal. 2023. № 73. С. 50–52.

Лухманов Д.А. Жизнь моряка. Л.: Лениздат, 1985. 511 с.

Лухманов Д.А. Метеорология с точки зрения морской практики // Русское судоходство. 1910. № 3. С. 47–72.

Лухманов Д.А. Морская практика для юнг. М.: Морской транспорт, 1943. 152 с.

Лухманов Д.А. На палубе: Рассказы и очерки из жизни моряков торгового флота. М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. 192 с.

Лухманов Д.А. На суше и в море: стихотворения. Мариуполь: Электро-тип. бр. Э. и А. Гольдрин, 1911. 52 с.

Лухманов Д.А. Парусные суда: краткий исторический очерк. М.–Л.: Военмориздат, 1941. 88 с.

Лухманов Д.А. Соленый ветер. М.: Молодая гвардия, 1933. 200 с.

- Лухманов Н., Ли Сер-сон. Справочник командира ОКДВА по японскому языку. Хабаровск, 1934. 250 с.
- Пикуль В.С. Мальчики с бантиками. Петрозаводск: Карелия, 1985. 248 с.
- Скулачева Т.В., Костюк А.Э. Стих и проза: лингвистические различия и их функции // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4(56). С. 5–14.
- Солнышкина М.И. Словарь морского языка. М.: Academia, 2005. 279 с.
- Таунсенд К.И. О переводе и переводчиках в России XVIII века. М.: Р. Валент, 2020. 199 с.
- Allen J. Nautical Rhymes recalled from the past // All Hands. 1996. December 1995. P. 12–13.
- Grzybek P. On whether weather proverbs are weather proverbs. Towards a fresh look at weather lore and meteo-prognostic paroemias // Proceedings of the Ninth Interdisciplinary Colloquium on Proverbs / eds. O. Lauhakangas, R. J. B. Soares. Tavira: IAP, 2016. P. 273–290.
- Hazen W.B., Dunwoody C. Weather Proverbs. Washington: Government Printing Office, 1883. 152 p.
- Jenkins T.A. The Barometer, Thermometer, Hygrometer, and Atmospheric Appearances at Sea and on Land. Washington: Government Printing Office, 1869. 78 p.
- King J. W. Pilot's Handbook for the English Channel. London: William Clowes and Son, 1874. 128 p.
- Kochman-Haladyj B. Weather Proverbs/sayings as modes of exhorting people to take or refrain from action // Reproducibility of multiword expressions in paremiological and linguo-cultural studies / ed. J. Szerszunowicz. Vol. 10. Bialystok: University of Bialystok Publishing House, 2021. P. 139–157. URL: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/12086/1/B_Kochman_Haladyj_Weather_Proverbs.pdf (дата обращения: 15.07.2024).
- Leite L., Dourado L., Morgado S., Antunes M. Teacher education and popular culture: proverbs about the climate and weather // Journal of Turkish Science Education. 2019. 16(1). P. 1–17.
- Lutfi A. Linguistic Analysis of English and Arabic Weather Proverbs // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. 24(4). P. 3828–3845.
- Lutfi A. Weather Proverbs and Speech Acts // Journal of Education College Wasit University. 2018. 1(2). P. 296–304.
- Viallon P., Jannet A.-M. La météo entre science et sens commun // Sciences de la société. 1997. n°41 La médiatisation de l'information scientifique. Le cas de la météo. P. 3–18.

A.S. Epimakhova

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Translation Technology and Practice at AKM-WEST,
Higher School of Social Sciences, Humanities
and International Communication,
Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russia*

**«Weather Proverbs» Translated by Dmitry Likhmanov
in Russian Linguoculture**

Dmitry Likhmanov (1867–1946) is a Russian and Soviet navigator, theorist of sailing ships, writer, teacher and head of naval educational institutions. He authored scientific papers in Russian and English, manuals and handbooks for seamen, specialised glossaries, literary works (autobiographical novels, short stories and poetry). A collection of rhymed English weather proverbs translated by Dmitry Likhmanov into Russian was first published in 1910 as a part of his paper devoted to weather prediction, then in 1911 in a book of his own verse. When he included this

collection in a handbook for sea cadets in 1943, many translations were improved and a number of proverbs added. Some of these weather proverbs have entered Russian linguoculture; they are used by sailors in their professional communication and taught to students of naval educational institutions. People who live by the sea use them in their daily life. Weather proverbs are also present in fictional prose texts. These short poems are perceived as a part of Russian (sea) folklore rather than as translated or borrowed units. Short poetic form made it easier for weather proverbs to be integrated by Russian linguoculture; at the same time, weather lore tends to be international due to numerous contacts among sailors. A comparative analysis shows that between 1910/1911 and 1943 he continued to translate weather proverbs, but also refined existing translations. The creative approach of Dmitry Lukhmanov combined with his rich professional and pedagogical experience made from weather proverbs an effective mnemonic device for young seamen.

Keywords: Dmitry Lukhmanov; weather proverbs; weather sayings; weather lore; sea communication; linguoculture; poetry translation.

REFERENCES

- Admiral Peters [Admiral Peters]. *The Magazine of Fantasy and Science Fiction*. Available at: <https://fantlab.ru/work651071> (accessed on July 15, 2024) (in Russian).
- Allen J. Nautical Rhymes recalled from the past. *All Hands*. 1996. December 1995. Pp. 12–13 (in English).
- Epimakhova A. S. Captain Dmitry Lukhmanov and lexicography: concise glossary of sea terms and expressions [Leksikograficheskaya deiatel'nost' D.A. Lukhmanova: kratkii slovar' morskikh terminov i vyrazhenii]. *Lexicography and Communication – 2023: Proceedings of the IX International Scientific Conference*. Edited by A.P. Sedykh. Belgorod: Belgorod State National Research University, 2023a. Pp. 36–42 (in Russian).
- Epimakhova A.S. Translation and translators in the history of Russian naval lexicography [Perevod i perevodchiki v istorii rossiiskoi morskoi leksikografii]. *Translation as a Profession, Science, and Creativity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Vol. 1. Edited by E.A. Pokholkova, M.V. Poluboyarova, K.I. Taunzend. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2023b. Pp. 305–314 (in Russian).
- Grzybek P. On whether weather proverbs are weather proverbs. Towards a fresh look at weather lore and meteo-prognostic paroemias. *Proceedings of the Ninth Interdisciplinary Colloquium on Proverbs*. Edited by O. Lauhakangas, R.J.B. Soares. Tavira: IAP, 2016. Pp. 273–290 (in English).
- Hazen W.B., Dunwoody C. *Weather Proverbs*. Washington: Government Printing Office, 1883. 152 p. (in English).
- Ivanishcheva O.N., Liang M. Cognitive function of signs [Poznavatel'naya funktsiia primet]. *Issues of Volgograd State Pedagogical University*. 2020. No. 1 (144). Pp. 188–194 (in Russian).
- Jenkins T.A. *The Barometer, Thermometer, Hygrometer, and Atmospheric Appearances at Sea and on Land*. Washington: Government Printing Office, 1869 (in English).
- King J. W. *Pilot's Handbook for the English Channel*. London: William Clowes and Son, 1874. 128 p. (in English).
- Kochman-Haladyj B. Weather Proverbs/sayings as modes of exhorting people to take or refrain from action. *Reproducibility of multiword expressions in paremiological and linguo-cultural studies*. Edited by J. Szerszunowicz. Vol. 10. Bialystok: University of Bialystok Publishing House, 2021. Pp. 139–157. Available at: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/12086/1/B_Kochman_Haladyj_Weather_Proverbs.pdf (accessed on February 28, 2024) (in English).

Kokovin E. S. Childhood in Solombala [Detstvo v Solombale]. Kokovin E.S. *Ships of my childhood*. Moscow: Detskaya literatura, 1972. Pp. 122–445 (in Russian).

Kolmogorov A.G. I Have Inherited: Family Chronicles of Nadezhda Lukhmanova [Mne dostavsheesia. Semeinye khroniki Nadezhdy Lukhmanovoi]. Moscow: Agraf, 2013. 464 p. (in Russian).

Kulkova M. A. Cognitive and semantic space of folk signs [Kognitivno-smyslovoe prostranstvo narodnoi primety]: *Abstract of dissertation ... Doctor of Philological Sciences*. Kazan: Tatar State University of Humanities and Education, 2011. 52 p. (in Russian).

Leite L., Dourado L., Morgado S., Antunes M. Teacher education and popular culture: proverbs about the climate and weather. *Journal of Turkish Science Education*. 2019. 16 (1). Pp. 1–17 (in English).

Litvin V. Several genres of naval folklore in the works of Russian writers of the XX-XXI centuries [Nekotorye zhanry voenno-morskogo fol'klora v proizvedeniiakh russkikh pisatelei XX-XXI vv.]. *Danish Scientific Journal*, 2023. No. 73. Pp. 50–52 (in Russian).

Lukhmanov D. A. "On land and at sea": Poems ["Na sushe i v more": Stikhotvoreniia]. Mariupol: electro-printing-house. br. E. and A. Goldrin, 1911. 52 p. (in Russian).

Lukhmanov D. A. A brief history of sailing ships [Parusnye suda: Kratkii istoricheskii ocherk]. Moscow-Leningrad: Voenmorizdat, 1941. 88 p. (in Russian).

Lukhmanov D. A. A Sailor's Life [Zhizn' moriaka]. Leningrad: Lenizdat, 1985. 511 p. (in Russian).

Lukhmanov D. A. Meteorology with regard to sailorising [Meteorologiya s tochki zreniya morskoi praktiki]. *Russian shipping*. 1910. No. 3. Pp. 47–72 (in Russian).

Lukhmanov D. A. On deck: Stories and essays from the life of merchant seamen [Na palube: Rasskazy i ocherki iz zhizni moriakov torgovogo flota]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1928. 192 p. (in Russian).

Lukhmanov D. A. Sailorising for sea cadets [Morskaia praktika dlia iung]. Moscow: Morskoi transport, 1943. 152 p. (in Russian).

Lukhmanov D. A. Salty wind [Solenyi veter]. Moscow: Molodaya gvardia, 1933. 200 p. (in Russian).

Lukhmanov N., Lee Ser-sung. Japanese language: Special Red Banner Far Eastern Army (OKDVA) commanding officer's handbook [Spravochnik komandira OKDVA po iaponskomu iazyku]. Khabarovsk, 1934. 250 p. (in Russian).

Lutfi A. Linguistic Analysis of English and Arabic Weather Proverbs. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 2020. 24(4). Pp. 3828–3845 (in English).

Lutfi A. Weather Proverbs and Speech Acts. *Journal of Education College Wasit University*. 2018. 1(2). Pp. 296–304 (in English).

Novikov A.I., Vladetsky D.O., Bokov G.V., Burtsev V.K. Introduction to the specialty: sailor: textbook for secondary vocational education [Vvedenie v spetsial'nost': matros: uchebnoe posobie dlia srednego professional'nogo obrazovaniia]. Moscow: Urait, 2024. 396 p. Available at: <https://urait.ru/book/vvedenie-v-specialnost-matros-543418> (accessed on July 15, 2024) (in Russian).

Pikul V. S. Boys with bows [Mal'chiki s bantikami]. Petrozavodsk: Karelia, 1985. 248 p. (in Russian).

Skulacheva T.V., Kostyuk A.Ye. Verse and prose: linguistic peculiarities and their functions [Stikh i proza: lingvisticheskie razlichia i ikh funktsii]. Issues of Smolensk State University. 2021. No. 4(56). Pp. 5–14 (in Russian).

Solnyshkina M. I. Dictionary of sea language [Slovar' morskogo iazyka]. Moscow: Academia, 2005. 279 p. (in Russian).

Taunzend K. I. About translation and translators in Russia in the 18th century [O perevode i perevodchikakh v Rossii XVIII veka]. Moscow: R. Valent, 2020. 199 p. (in Russian).

Viallon P., Jannet A.-M. Weather report between science and common sense [La météo entre science et sens commun]. *Sciences de la société*. 1997. n°41 La médiatisation de l'information scientifique. Le cas de la météo. Pp. 3–18 (in French).

В.В. Гаврилов

Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Россия

УДК 81

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-98-111

ДИНАМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОГРАММА КИНОТЕКСТА «АБОРИГЕН» КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЮГОРСКОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: кинопотекст; динамическая концептограмма; концепт; «Абориген»; ментальное поле; локус; свертпотекст; лингвокультурология; филологическая регионалистика.

Статья посвящена анализу кинопотекста «Абориген» (1986 год, реж. Е. Николаева) как составляющей югорского текста. Цель статьи – в рамках лингвокультурологического подхода исследовать на концептуальном уровне кинопотекст по двум направлениям: синтагматическому (сюжет (скрипт)) и парадигматическому (интенции, устремления, мотивы протагониста). Автор статьи приходит к выводу о том, что с целью объективации концептуального анализа выбранного кинопотекста, с целью обеспечения целостности и полноты анализа необходимо использовать динамическую концептограмму (понятие вводится в научный оборот впервые, чем во многом определяется новизна исследования). Использование концептограммы позволило описать не только циклическую композицию кинопотекста, но и внутренние мотивы главного героя в рамках концептуального пространства кинопотекста. Герой кинопотекста вступает в борьбу с фатумом, но, не находя поддержки у родных и друзей, терпит поражение. Его мечта покинуть северный край и оказаться на южном море не осуществляется. Ключевым в статье становится вывод о том, что кинопотекст «Абориген», созданный не жителями Югры, тем не менее может быть включен в югорский свертпотекст на основании корреляции концептосфер.

В настоящее время в России и в ряде стран идеи глобализации становятся все менее актуальными. Отказ от западных ценностей является заметным сигналом для исследователей в различных научных отраслях (философия, культурология, социология, филология и др.) акцентировать свое внимание на особенностях региона, на индивидуальных чертах того или иного народа, проживающего на определенной территории.

В поле научного внимания все чаще оказываются культурные трансформации на уровне ментального поля нации и отдельных ее представителей. В этой связи следует отметить особую роль писателей, прежде всего региональных, «национальных» (то есть представителей коренных народов), которые обращаются к проблемам своего народа, к вопросам формирования, развития этноса в

рамках конкретного локуса. Это вовсе не означает, что авторы начинают избегать «вечных тем», – через частные случаи, через региональные проблемы и конфликты они пытаются выйти на универсальные обобщения.

Именно поэтому филологическая регионалистика переживает настоящий подъем. Известно, что эта наука имеет почти столетнюю историю, однако сейчас, в условиях обозначенных выше современных социокультурных трансформаций, происходит ее бурное развитие. Широко известны и заслуживают пристального внимания исследования таких регионалистов, как Н.П. Анциферов, Л.В. Полякова, Д.В. Ларкович, В.А. Храпова, Н.Е. Меднис, Е.Ш. Галимова и многие других.

Исследователь Н.П. Анциферов в свое время ввел в научный оборот термин «власть места». Власть эта, по мнению автора, довлеет «над сознанием и поступками обитателей города», определяет специфику «населения изучаемого города» [Анциферов, 2009, 16]. Д.В. Ларкович говорит о локусе как об особом «территориальном образовании», культурно-историческом пространстве, обладающем «неповторимым ментальным ландшафтом» [Ларкович, 2019, 41]. Итак, совершенно очевидно, что в рамках регионального текста локус становится «сверхместом», чем-то надгеографическим, переходит в культурную, ментальную плоскость. Не последнюю роль в данном процессе играют художественные произведения. Все это требует выбора особых методов для изучения феномена локального пространства, ментального поля этноса.

Л.В. Полякова пишет: «Сейчас самое время для становления особой методологии изучения литературно-художественного факта на базе анциферовского метода локально-исторического исследования, учитывающего первостепенную роль конкретной социальной реальности. Такого рода методика направлена на изучение связей писателя с регионом. Она определяется содержанием и характером произведений, поэтикой, специфическими топонимическими сюжетами, типом и именами персонажей» [Полякова, 2015, 8]. Это означает, что филологическая регионалистика может дать литературоведам, лингвокультурологам богатый инструментарий для анализа художественных произведений, позволит открыть, увидеть нечто новое в региональных текстах. Основную задачу региональной журналистики исследовательница видит в системном описании генезиса, базы того или иного литературно-художественного явления, учитывающем особенности духовной жизни социума и человека как его неотъемлемой и базовой части [Полякова, 2015].

Таким образом, произведения, созданные в рамках конкретного локуса и общего ментального поля, можно изучать как целостный комплекс, как единый региональный текст, как культурный феномен. Так, в настоящее время активно исследуются «алтайский», «крымский», «северный», «московский», «петербургский», «уральский» и другие локальные тексты.

Благодаря трудам таких исследователей, как Д.В. Ларкович, Т.А. Сироткина, В.В. Гаврилов, С.В. Галян, в научный обиход вводится понятие

«югорский текст», который, в соответствии с географическим критерием, относится к «северному тексту», хотя, безусловно, имеет ряд существенных отличий и может считаться самостоятельным и уникальным.

Цель статьи – представить динамическую концептограмму кинотекста «Абориген» как составляющей югорского текста.

Для анализа был выбран кинотекст «Абориген» (реж. Е. Николаева, 1986 год). В рамках лингвокультурологического подхода на основе концептуального анализа представлена «динамическая концептограмма» (в научный оборот термин вводится впервые) кинотекста. Данный вид анализа позволяет оценить кинотекст не только с точки зрения синтагматики (как линейный, имеющий сюжет), но и с точки зрения парадигматики (то есть через связь с культурой этноса, ментальным ее полем). Также использовались традиционные научные методы: анализ, синтез, обобщение, моделирование.

Перед исследователями стоит ключевой вопрос о том, какие объективные критерии следует брать за основу при отнесении того или иного текста или корпуса текстов к региональному тексту / свертхтексту. Так, помимо очевидного «географического», свертхтекст, по мнению Д.В. Ларковича, обладает признаками «многомерности, интертекстуальности, культурной значимости, символичности и этнонациональной идентичности» [Югорский текст как культурный феномен, 2023, 55]. Добавим сюда единую мифологию, особенности социального устройства, традиции и обычаи.

Однако, по нашему глубокому убеждению, уникальность югорского текста состоит прежде всего в том, что, «...несмотря на очевидную связь регионального текста с конкретным географическим пространством, следует все-таки говорить об уникальном едином ментальном пространстве авторов, которое возникает на определенной территории в силу ряда факторов и которое, собственно, организует региональный текст, обеспечивает его целостность. Это, впрочем, не умаляет и не отменяет самобытности каждого отдельного автора. Напротив, разнообразие подходов к решению той или иной художественной задачи и определяет региональный текст как единую уникальную систему, отличную от прочих» [Гаврилов, 2021, 70].

Как мы полагаем, стержневыми, смыслообразующими, то есть обеспечивающими целостность ментального пространства элементами являются концепты, универсальные понятия высокой степени обобщенности («смысловые сгустки» в терминологии Ю.С. Степанова), в которых, как в зеркале, отражается языковая картина мира жителей Югры.

В свое время мы, используя программу «Адвего», проанализировали около 1000 художественных произведений югорских авторов: «В процессе анализа мы выделили следующие концепты, определяющие региональный (югорский) текст: *нефть, человек, север, снег, огонь (костер), вода (река, болото), рыба, тайга (лес), олень, зверь, медведь, дети, сердце, земля, природа, ночь, дорога (путь), жизнь, ночь и день*. Кроме того, к культурнообразующим,

универсальным понятиям мы также относим топонимы (Сургут, Югра, Покачи, Нефтеюганск, Мегион, Лянтор, Когалым, Обь, Иртыш, Сосьва и др.), а также антропонимы, имена известных людей, внесших заметный вклад в развитие региона, ставших легендой (Ф. Салманов, В.Л. Богданов, Г.М. Кукуевский и др.)» [Гаврилов, 2021, 72]. Полученные данные дают нам право подойти к югорскому тексту с лингвокультурологических позиций.

Термин «югорский текст» мы понимаем в самом широком смысле, включая сюда (на основе обозначенного выше критерия), кроме художественных произведений, и фольклорные, и креолизованные, и журналистские тексты, принадлежащие к различным знаковым системам, труды критиков, краеведов, мемуары, свидетельства очевидцев. В этой связи кинотекст также может быть отнесен к югорскому сверхтексту, если в основе его лежат базовые концепты края, выделенные нами эмпирическим путем, если он создан в рамках ментального поля Югры, его обогащает, дополняет или даже трансформирует.

Понятие «кинотекст» получило свое научное обоснование в начале 80-х годов прошлого века. Этим вопросом занимались такие исследователи, как Ю.М. Лотман, Ю.Г. Цивьян, Е.Б. Иванова, Ю.Н. Усов, Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова и др. Так, Ю.Г. Цивьян в одной из своих работ пишет следующее: «В определенном приближении любой фильм можно определить как дискретную последовательность непрерывных участков текста. Назовем эту последовательность кинотекстом. Непрерывные сегменты кинотекста будем называть кадрами. ... Кинотекст – это цепочка ядерных кадров. ... Таким образом, некое сообщение, присущее кинотексту, может быть выявлено лишь после рассмотрения как минимум двух ядерных кадров и выяснения, какой из типов присоединения они осуществляют. То есть единицей кинотекста всегда является пара ядерных кадров. Назовем ее базовой цепочкой или базовой синтагмой кинотекста» [Цивьян, 1984, 109–111]. Кинотекст динамичен, подвижен, анализировать его, чтобы понять интенции, посыл автора, мотивы героев, можно только при сопоставлении как минимум двух «ядерных кадров», а лучше в системе, создав динамическую модель кинополотна.

Исследователь Е.Б. Иванова дает следующее определение кинотексту как знаку культуры: это «связное семиотическое пространство. Фильм определяется как зафиксированная на пленке или другом материальном носителе последовательность кадров, представляющих собой фотографическое или рисованное изображение, обычно сопровождаемое звуковым рядом (речью, музыкой, шумами)» [Иванова, 2001, 151].

Ю.Н. Усов полагает, что кинотекст является одним из способов выражения автором собственных интенций, мировоззренческих установок. По его мнению, кинотекст – это «динамическая система пластических форм, которая существует в экранных условиях пространственно-временных измерений и аудиовизуальными средствами передает последовательность развития мысли художника о мире и о себе» [Усов, 1993, 17].

Исследователь Ю.М. Лотман говорит о синтезе в кино двух повествовательных тенденций: изобразительной («движущаяся живопись») и словесной [Лотман, 1973]. То есть, по сути, ученый предлагает рассматривать кинотекст как креолизованный текст. «Слово представляет собой не факультативный, дополнительный признак киноповествования, а обязательный его элемент (существование немых фильмов без титров или звуковых фильмов без диалога только подтверждает это, поскольку зритель постоянно ощущает здесь отсутствие речевого текста; слово дано в них как «минус-прием»» [Слышкин, Ефремова, 2004].

В.А. Кухаренко выделяет двенадцать основных категорий художественного текста: членимость, связность, перспекцию и ретроспекцию, антропоцентричность, локальную и темпоральную отнесенность, информативность, системность, целостность, модальность и прагматическую направленность [Кухаренко, 1098, 70–79]. Все эти категории могут быть применены и к кинотексту [Слышкин, Ефремова, 2004].

Нам близко определение, которое в свое время в работе «Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа)» (2004) дали исследователи Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова, поскольку в данной дефиниции есть принципиально важное для нас указание на особую природу кинотекста (выход на культурологический уровень), а многие кинотексты советской эпохи («Бриллиантовая рука», «Белое солнце пустыни», «В бой идут одни старики», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Трое из Простоквашино») авторы предлагают рассматривать как прецедентные, то есть закрепленные в ментальном поле нации, в сознании граждан в виде устойчивых и воспроизводимых высказываний (в широком понимании термина), то есть как культурный феномен. Итак, кинотекст – это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с *замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов* (курсив наш. – В. Г.), зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Слышкин, Ефремова, 2004]. Авторы акцентируют внимание на том, что кинотекст создан в рамках коллективного сознания, то есть в границах ментального поля этноса или определенной социальной группы. Исследователи говорят об использовании в кинотекстах определенных «кинематографических кодов». Данные коды имеют, как мы полагаем, непосредственное отношение к культуре народа. Это семиотические знаки, которые должны быть понятны всем, кто находится в рамках ментального поля, иначе кинотекст не будет иметь достаточного воздействующего эффекта, посыл художника не будет понят.

Изучив результаты научных исследований по данному вопросу, а также алгоритмы, связанные с анализом кинотекста, мы пришли к выводу, что в рамках лингвокультурологического подхода мы не обладаем достаточным инструментарием.

В науке существует разработанная и прекрасно себя зарекомендовавшая схема концептуального анализа художественного текста (см., например, исследования Казарина и Бабенко [Бабенко, Казарин, 2005]). Основными понятиями подобного анализа становятся следующие. *Концепт* – универсальное понятие, «смысловой сгусток» или «сгусток культуры» (Ю.С. Степанов), непосредственным образом связанный с культурой народа, включенный в ментальное поле этноса. *Концептуальная схема (концептосхема)* – определенным образом организованная система концептов или детальная схема одного концепта, чаще всего базового. *Фрейм* – статический мыслительный образ, многокомпонентный концепт, объемное представление об объекте, совокупность знаний о нем. *Сценарий (скрипт)* в лингвокультурологии – это динамическая когнитивная структура, предписания особого рода, последовательность концептов на основе базового. Так, фреймы представляют общую схему события в статике, а сценарии – развитие базового концепта, семы в динамике.

Основным инструментом в данном случае становится создание концептосферы: базовый концепт, основные концепты ближайшей периферии, дальняя периферия, описание связей, цепочек концептов [Бабенко, Казарин, 2005].

Несмотря на достаточную проработанность данного вопроса в лингвокультурологии, мы все же предлагаем ввести в научный оборот термин «динамическая концептограмма», поскольку вышеназванные понятия и инструменты не могут, как нам кажется, предоставить достаточные основания для объективного и полного анализа кинотекста, который мы понимаем не просто как художественный текст, но как текст креолизованный.

Недостаток фрейма и концептосферы заключается в их статичности. Динамическая структура сценария (скрипта) имеет структуру все-таки линейную. Нам бы не хотелось описывать кинотекст исключительно как последовательность событий, когда одно вытекает из другого и все подчинено законам жанра и логике обстоятельств. В этом смысле динамическая концептограмма, как мы полагаем, может дать исследователю большую свободу действий при анализе кинотекста, поскольку позволяет определять его не только как синтагматическую, но и как парадигматическую структуру. Наиболее близко такое понимание семиотической структуры кинотекста идеям Ю.Г. Цивьян, которая считает основной его единицей «ядерные кадры», которые во взаимосвязи с другими сходными элементами в определенной последовательности порождают «синтагму кинотекста» [Цивьян, 1984]. Однако нетрудно заметить, что, несмотря на учет автором особой природы кинотекста (его креолизацию), анализ все же остается линейным и последовательным. Если же анализировать в кинотексте только «кинокоды» [Слышкин, Ефремова, 2004], то анализ сместится в область парадигматики, будет достаточно абстрактным.

Для нас же важно представить целостную концепцию кинотекста в виде графической модели, описать лингвокультурологическую структуру кинотекста, через которую мы можем выйти на внутренние мотивы героя и

интенции автора (художника), на сверхидею произведения. Базовой единицей для нас остаются концепты, поскольку они являются определенными мостиками между миром материальным и идеальным (миром культуры), между языком и мышлением, между человеком и социумом, между адресатом и адресантом в процессе порождения и восприятия кинотекста.

Мы исходим из того, что концепты имеют одновременно признаки и статики, и динамики. Безусловно, концепты прежде всего статичны, поскольку составляют основу культуры народа, вокруг них организуется ментальное поле нации. Однако, оказываясь в рамках системы, например, детерминируя языковую картину мира автора (личности), вступают во взаимодействие с другими концептами, образуют устойчивые связи, система становится динамичной и способна развиваться. Как фонема может реализоваться в живой речи в различных звуках (вариантах и вариациях), так и концепт, становясь единицей текста как феномена культуры, реализуется в конкретных лексико-семантических вариантах. Повторим, если бы в концепте не был заложен динамический потенциал, системы, в основе которых лежат те или иные концепты, не могли бы развиваться, оставались неизменными. Однако на практике мы видим иное.

Ментальное поле нации, отдельные его тексты как культурные феномены, организованные вокруг набора определенных концептов, от поколения к поколению формируются, видоизменяются, обогащаются. Это происходит потому, что индивиды, члены социума не являются только объектами, на которых осуществляется воздействие социума. Безусловно, традиции, культуросообразные, религиозные, нравственные и языковые нормы внедряются в сознание реципиентов благодаря образованию и воспитанию, СМИ, искусству (в том числе – художественной литературе и кинематографу). Однако на определенных этапах своего существования и развития в рамках социума реципиент становится субъектом, актором, участвующим в формировании текста культуры. Чем выше интеллектуальный потенциал личности, уровень ее образования, энергии, тем сильнее это воздействие. Индивид как бы иницирует изменения в заданное концептуальное пространство, привносит субъективный взгляд на вещи. Если эти инициативы принимаются социумом, они становятся всеобщим достоянием, нормой. В этой связи мы можем даже говорить о некой пассионарности (в терминологии Л.Н. Гумилева) личности в деле формирования ментального поля нации.

При этом отметим, что глобальные изменения в концептосфере этого поля происходят крайне редко (статичность системы). Для подобных изменений нация, этнос или отдельная личность должны пережить сильнейший кризис. В остальных случаях глобальные изменения для системы нежелательны, поскольку нарушают ее устойчивость, могут привести к деформации или распаду. В последнем случае это будет означать, что социум или отдельная личность (если мы говорим, скажем, о мировоззрении автора) утратит свою самостоятельность, уникальность, перестанет существовать.

В эпоху глобализации подобные процессы мы, к сожалению, наблюдаем постоянно. Возврат к традициям, к корням этноса или отдельной личности является, как мы полагаем, единственным способом сохранения собственной уникальности и самостоятельности.

Итак, описав теоретическую основу исследования, обратимся к анализу кинотекста «Абориген», созданного, как мы попробуем доказать, в рамках концептуального пространства Югры и являющегося, следовательно, частью югорского текста.

Драма вышла на экраны кинотеатров в СССР в 1989 году. Снята режиссером Еленой Николаевой по сценарию Юрия Короткова. В Советском Союзе картину посмотрели 1,5 млн зрителей (она, безусловно, не прошла незамеченной). Съемки проходили в Сургуте и его окрестностях, на реке Оби, так что даже сейчас, спустя почти полвека, сургутяне без труда узнают некоторые локации: берега реки или, скажем, пятиэтажку на улице Просвещения, где проживала семья главного героя Борьки Хромова.

Как уже говорилось, кинотекст развивается по двум направлениям: синтагматическому, линейному, сюжетному (скрипт) и парадигматическому (интенции, внутренние мотивы героя).

Синтагматический уровень (ось абсцисс, горизонтальная ось концептограммы (см. рис. 1) имеет кольцевую композицию: герой просыпается на реке (рождение) и погибает на реке. Исхода из замкнутого пространства нет. Все остальные эпизоды обеспечивают динамику сюжета, но также ограничены локусом. Интерес представляет сюжетный рефрен: в какой бы ситуации герой ни оказывался, его столкновение с другими людьми заканчивается (за редким исключением) скандалом, дракой или мстостью. О причинах такого поведения мы можем только догадываться. Герой терпит неудачи по всем направлениям, он озлоблен, он хочет покинуть это место, мстит за свои неудачи. Но все, что он предпринимает, не приносит положительного результата. И герой злится, чувствуя свою беспомощность, хотя нет сомнений, что Борька Хромов – натура сильная, энергичная, целеустремленная. Однако даже такой человек, как он, оказывается беспомощным перед фатумом. Перед нами, по сути, маленькая жизнь маленького человека, показанная от рождения до смерти. Борька терпит неудачу, выйдя один на один с судьбой. Чем-то этот сюжетный ход и общая атмосфера кинотекста напоминают произведения Ф. Кафки, особенно его «Замок»: замкнутое пространство, безвыходная ситуация, отсутствие помощи от близких.

Парадигматический уровень (ось ординат, вертикальная ось концептограммы (см. рис. 1) представляет намерения, интенции главного героя. Задачи Борьки Хромова меняются на протяжении фильма, но основная цель остается неизменной – собрать достаточное количество денег и уехать в южные края, к теплему морю, подальше от северной реки (Оби),

на которой он родился (в буквальном смысле¹), вырос, которую так хорошо знает и которая стала его домом. На пути к мечте он пытается обрести поддержку близких, почувствовать доброе к себе отношение. Но дома его ждет циничный и жадный отчим, матери он не нужен (есть младший ребенок), значит, и дома в обычном смысле у героя нет: его дом – река. Отношения с девушками не складываются (сцена у клуба), дружат с ним небескорыстно (история со стройотрядовцем), в финансовых делах он также не слишком преуспел (лодку хочет отнять отчим, скупщица рыбы обсчитывает его, знакомый отказывается обменять водку на горячее и т.д.). Члены стройотряда утверждают, что в столице он никому не нужен, а дружат с ним здесь из-за рыбы, которую он мастерски ловит для них и отдает на уху бесплатно.

Для всех он чужой, пугало, дикий человек – одним словом, «абориген». Соглашаясь на эту роль, Борька намеренно идет на конфликт, мстит окружающим за свои обиды и неудачи. Он озлоблен. Он разочарован в окружающем мире. Он чужой в родном доме. Поддерживает его только мечта о юге. Но порой он и сам понимает, что мечта эта несбыточна, что это красивая сказка. В борьбе за свою мечту герой погибает на реке (его убивают с целью отнять лодку сбежавшие заключенные). Судьба оказывается сильнее героя.

Стягивают, объединяют парадигматическое и синтагматическое направления концепты, которые наполняют символикой не только сюжетную линию, но и то, что остается за кадром (уровень культуры, ментального пространства). Базовым для данного кинотекста является концепт «Сургут» («дом»). Его ближайшую периферию (срединный вектор) составляют такие концепты, как *река, тайга, моторная лодка (горючее, снасти, мотор, волна, винт), пойманная рыба (уха, икра, потроха, кровь), семья, любовь, дружба, месть, море (юг, свобода)*. Нетрудно заметить, что многие из них совпадают с концептами югорского текста, которые мы перечислили выше. В рамках концептограммы базовый и ближайшие к нему концепты оказываются взаимосвязанными, проявляют свою динамическую природу, то есть представляют метаязыковой уровень кинотекста в логическом развитии, а не в статике и обособленно. При этом обращает на себя внимание движение по кругу как скрипта, так и внутренних переживаний героя: все начинается и заканчивается на реке.

Итак, по нашему мнению, динамическую концептограмму кинотекста «Абориген» можно представить в следующем виде (рис. 1).

¹ Борька Хромов родился в лодке, когда отец вез его мать в роддом.

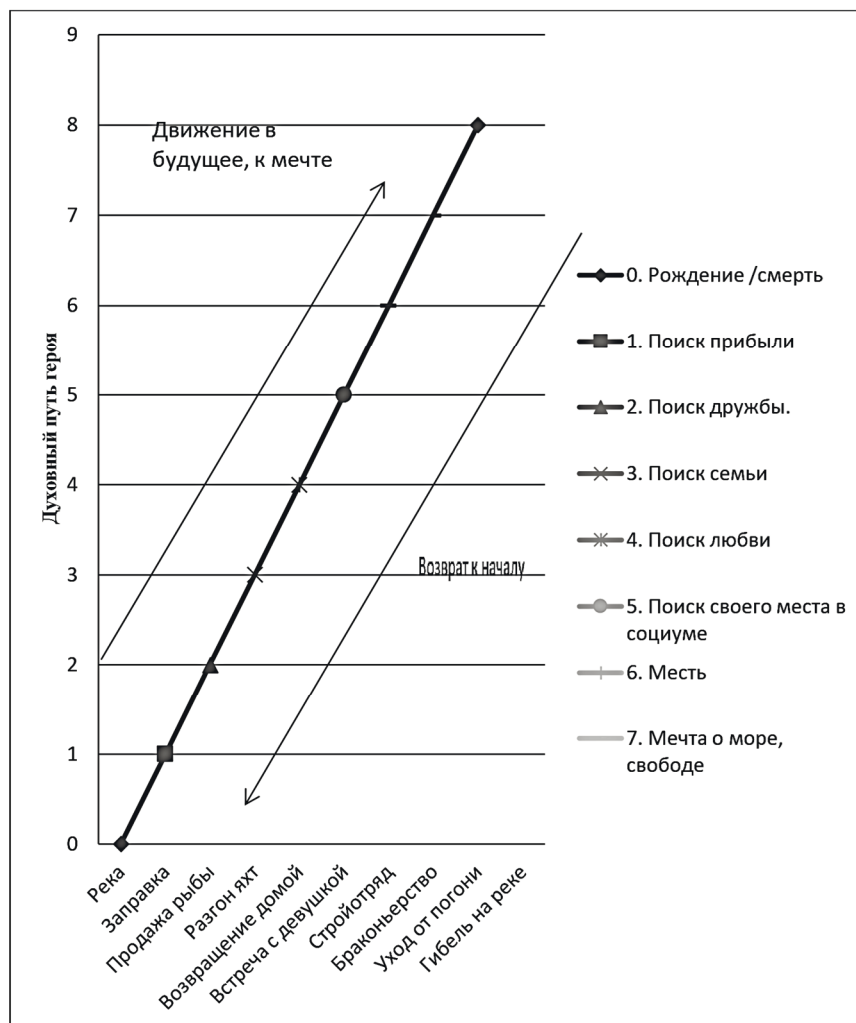

Рис. 1. Динамическая концептограмма кинотекста «Абориген». Базовый концепт «Сургут»

Наши выводы, сделанные на основе динамической концептограммы, подтверждает и анализ постера к фильму (рис. 2). Если рассматривать его как креолизированный текст, при всей лаконичности, скупости выразительных средств он оказывается весьма нагружен смыслами.

Центральное место занимает окровавленная, распотрошенная рыба на крючке. За нею протагонист. Фоном – дощатая стена и надпись (название фильма) как на посылке.

Концепт «рыба» был и до сих пор остается одним из ключевых для Сургута. Около 70 лет (и в годы войны, и в 60-е, в период освоения нефтяных месторождений, и даже в трудные 90-е) в городе работал рыбокомбинат. Свою деятельность он прекратил в 2004 году [Страницы истории Сургутского рыбокомбината, 2025].

Рис. 2. Постер к фильму «Абориген».

Источник: <https://s2.afisha.ru/mediastorage/36/c7/44eb9b7b14f84922810f6a1dc736.jpg>

Добыча и переработка рыбы в Сургуте² продолжались даже тогда, когда основным ресурсом края стали углеводороды. И постер подкрепляет этот образ. Однако перед нами рыба, пойманная браконьером. Это и привязка героя фильма к месту (рыба на крючке, как и протагонист, который копит деньги, чтобы уехать в теплые края, но никогда не уедет), и предсказание трагической гибели героя на реке. Рыба в данном случае выступает как некий *genius loci*, дух, ревностно оберегающий неповторимую атмосферу места и людей, проживающих на данной территории. *Невозможность покинуть край* является достаточно устойчивым архетипом жителей Сургута и – шире – Югры. Показателен в этом отношении припев песни «Югорская звезда», последние две строчки которого давно уже являются для югорчан прецедентными:

Малиновый закат
В густом лесу растаял.
Над городом зажглась
Югорская звезда.
Мы много здесь нашли
И много потеряли.
*Приехали на год,
Остались навсегда.*

[Текст песни «Югорская звезда», 2025]

Таким образом, по нашему мнению, постер точно отражает основную идею фильма о трагической судьбе героя, безысходность его существования, отсутствие возможности покинуть локус. Подобный диссонанс между традиционным возвеличиванием Югры и Сургута, любовью местных жителей к Югре, выраженной в художественных произведениях, и основными идеями

² Само наименование «Сургут», по одной из версий, переводится с хантыйского как «рыбное место».

фильма объяснить достаточно просто. Сценарий был написан, а фильм снят не сургутянами, а представителями столичной кинематографической школы, которым показался интересным, колоритным местный материал.

Фильм «Абориген» – это взгляд деятелей киноискусства на северный край со стороны, то, как воспринимают Югру и Сургут на «большой земле». Но тем данный кинотекст и интересен для исследователей. А поскольку, как мы смогли убедиться, фильм «Абориген» базируется на ключевых концептах югорского текста как культурного феномена, мы с полным правом можем и его отнести к данному тексту. Это означает, что создавать произведения в рамках югорского текста могут и авторы, не проживающие на данной территории, но включенные в лингвокультурную систему координат, творящие на основе ее концептосферы.

Итак, любой кинотекст мы предлагаем рассматривать с лингвокультурологических позиций: как тест культуры, как часть регионального (в нашем случае – югорского) текста при условии корреляции концептосферы кинотекста и базовых концептов регионального текста. При этом мы отдаем себе отчет в том, что кинотекст имеет ряд отличий от художественного текста: он является креолизированным, обладает как статическими, так и динамическими свойствами. Анализ научной и методической литературы по данному вопросу привел нас к необходимости расширить научно-исследовательский аппарат. Опыт использования динамической концептограммы при анализе кинотекста «Абориген» позволил провести анализ не только синтагматического уровня (скрипта), но и уровня парадигматического (интенций, внутренних мотивов героя). Связующим звеном между данными векторами оказываются концепты. Их анализ во взаимосвязи позволил нам определить ключевой посыл автора, сверхидею кинотекста: борьба сильной личности с фатумом и неизбежность поражения в данном противостоянии. Корреляция концептосферы югорского текста и концептосферы кинотекста «Абориген» позволяет нам сделать вывод о том, что он создан в рамках ментального поля Югры, а следовательно, его можно считать частью югорского текста как феномена культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 581 с.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. М., 2005. 495 с.

Гаврилов В.В. «Югорский текст» как культурный феномен: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 67–77.

Иванова Е.Б. К вопросу о языке кино. Волгоград: Перемена, 2001. 161 с.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

Ларкович Д.В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник утведения. 2019. Т. 9, № 1. С. 40–52.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.

Полякова Л.В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2015. № 3–4(15–16). С. 7–16.

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с. URL: <https://studfile.net/preview/7098096/> (дата обращения: 24.12.2024).

Страницы истории Сургутского рыбокомбината. URL: <https://skmuseum.ru/news/stranitsyi-istorii-surgutskogo-ryibokombinata/> (дата обращения: 22.12.2024).

Текст песни «Югорская звезда». URL: <https://skmuseum.ru/news/stranitsyi-istorii-surgutskogo-ryibokombinata/> (дата обращения: 22.12.2024).

Усов Ю.Н. Основы экранной культуры. М., 1993. 91 с.

Цивьян Ю.Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам, 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма / отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1984. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 641). С. 109–121.

Югорский текст как культурный феномен: коллективная монография. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2023. 384 с.

V.V. Gavrilov

*PhD in Pedagogics, Associate Professor,
Chair of Philological Education and Journalism,
Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia*

Dynamic Conceptogram of the Film Text «Aborigine» as a Component of the Yugra Text

The article is devoted to the analysis of the film text «Aborigine» (1986, directed by E. Nikolaeva) as a component of the Yugra text. The purpose of the article is to explore the film text at the conceptual level in two directions within the framework of a linguistic and cultural approach: syntagmatic (plot (script) and paradigmatic (intentions, aspirations, motives of the protagonist). The author of the article comes to the conclusion that in order to objectify the conceptual analysis of the selected film text, in order to ensure the integrity and completeness of the analysis, it is necessary to use a dynamic conceptogram (the concept is being introduced into scientific circulation for the first time, which largely determines the novelty of the research). The use of the conceptogram made it possible not only to describe the cyclic composition of the film text, but also the inner motives of the protagonist within the framework of the conceptual space of the film text. The hero of the film text enters into a struggle with fate, but, not finding support from relatives and friends, he is defeated. His dream of leaving the northern territory and ending up in the South Sea is not being realized. The key conclusion in the article is that the film text «Aborigine», created by non-residents of Ugra, can nevertheless be included in the Ugra supertext based on the correlation of their conceptual spheres.

Keywords: *film text; dynamic conceptogram; concept; «Aborigine»; mental field; locus; supertext; linguoculturology; philological regionalism.*

REFERENCES

Antsiferov N.P. Problems of urbanism in Russian fiction: the experience of building an image of Dostoevsky's city of St. Petersburg based on an analysis of literary traditions [Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature: opyt postroeniya obraza goroda - Peterburga Dostoevskogo - na osnove analiza literaturnyh tradicij]. Moscow: IMLI RAS, (Moscow: Nauka), 2009. 581 p. (in Russian).

Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice [Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika]. *Textbook; practicum*. Moscow, 2005. 495 p. (in Russian).

Gavrilov V.V. «Ugra text» as a cultural phenomenon: towards a problem statement [«Yugorskij tekst» kak kul'turnyj fenomen: k postanovke problemy]. *Philology: scientific research*, 2021. No. 11. Pp. 67–77 (in Russian).

Ivanova E.B. On the question of the language of cinema [K voprosu o yazyke kino]. Volgograd: Peremena Publ., 2001. Pp. 151–161 (in Russian).

Kukhareno V.A. Interpretation of the text [Interpretaciya teksta]. *Textbook. Manual for students of pedagogical institutes on spec. No. 2103 «Foreign language»*. The 2nd revised edition. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p. (in Russian).

Larkovich D.V. «The Ugra text» as a literary reality: towards a problem statement [«Yugorskij tekst» kak literaturnaya real'nost': k postanovke problemy]. *Bulletin of Ugrovology*, 2019. No. 9(1). Pp. 40–52 (in Russian).

Lotman Yu.M. Semiotics of cinema and problems of kinoesthetics [Semiotika kino i problemy kinoestetiki]. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 92 p. (in Russian).

Polyakova L.V. Philological regionalism as a science: towards a problem statement [Filologicheskaya regionalistika kak nauka: k postanovke problemy]. *Philological regionalism*, 2015. No. 3–4 (15–16). Pp. 7–16 (in Russian).

Slyshkin G.G., Efremova M.A. Kinotext (experience of linguistic and cultural analysis) [Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)]. Moscow: Aquarius Publishers, 2004. 153 p. Available at: <https://studfile.net/preview/7098096> (accessed on December 24, 2025) (in Russian).

Pages of the history of the Surgut fish processing plant. Available at: <https://skmuseum.ru/news/stranitsyi-istorii-surgutskogo-ryibokombinata> (accessed on December 22, 2025) (in Russian).

Lyrics of the song Yugorskaya Zvezda [Tekst pesni yugorskaya zvezda]. Available at: <https://skmuseum.ru/news/stranitsyi-istorii-surgutskogo-ryibokombinata> (accessed on December 22, 2025) (in Russian).

Usov Yu.N. Fundamentals of screen culture [Osnovy ekrannoj kul'tury]. Moscow, 1993. 91 p. (in Russian).

Tsivyan Yu.G. Towards a metasemiotic description of narration in cinematography [K metasemioticheskomu opisaniyu povestvovaniya v kinematografe]. *Proceedings on sign systems, 17. The structure of dialogue as the principle of the semiotic mechanism*. Edited by Yu. Lotman. Tartu. *Scientific Journal. Tartu State University*. Issue 641. 1984. Pp. 109–121 (in Russian).

The Ugra text as a cultural phenomenon: a collective monograph [Yugorskij tekst kak kul'turnyj fenomen]. Tyumen: CPI «Express», 2023. 384 p. (in Russian).

О.П. Аделева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-112-128

ТИПЫ АТРИБУТОВ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ ТЕДА ХЬЮЗА И СИЛЬВИИ ПЛАТ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: *Тед Хьюз; Сильвия Плат; индивидуальный стиль; атрибутивные типы; коэффициент вариации; экспоненциальная функция.*

В статье рассматривается частота различных типов определений в стихотворных текстах английского поэта Теда Хьюза и американской поэтессы Сильвии Плат. Выбор атрибута автором всегда основан на его предпочтениях в манере, характере письма, исследование определений является показательным при анализе индивидуального стиля. Целью работы является проведение сравнительного анализа атрибутивных типов, характерных для ранней лирики поэтов. К исследованию привлекается сборник стихотворений Теда Хьюза «Ястреб под дождем» («The Hawk in the Rain») и сборник «Колосс и другие стихотворения» («The Colossus and Other Poems») Сильвии Плат. Указанные поэтические сборники поэтов создавались и были опубликованы примерно в одно время, при этом каждый из молодых поэтов уже имел свой сформировавшийся яркий поэтический голос. В связи с этим интересно проследить черты сходства и различия в реализуемой авторами атрибутивной структуре. Новизна исследования заключается в том, что впервые к анализу произведений авторов привлекаются такие статистические процедуры, как подсчет коэффициента вариативности и экспоненциальная функция. Результаты проведенного анализа дают возможность судить о сходстве и различии в атрибутивных схемах, реализуемых в творчестве поэтов, выявить их индивидуальные черты.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей распределения атрибутов различного типа в стихотворных произведениях американской поэтессы Сильвии Плат и английского поэта Теда Хьюза. Исследование атрибутов является крайне показательным при изучении индивидуального стиля автора. Это связано с тем, что автор выбирает те или иные определения, исходя исключительно из собственных предпочтений, выбор атрибута определяется манерой письма автора, характерным для него стилем [Андреев, 2023]. Предлагаемое вниманию исследование является логическим продолжением наших более ранних работ, посвященных изучению атрибутивных типов в лирике Теда Хьюза и Сильвии Плат [Аделева,

2024; 2024a]. В данном случае значительно расширен материал исследования и привлекаются не использовавшиеся ранее статистические процедуры, открывающие новые возможности для анализа данных.

Актуальность исследования обусловлена привлечением статистического аппарата, поскольку статистическое измерение текста является источником достоверных данных, позволяет судить о характере идиостиля того или иного автора. В своей работе мы опираемся на результаты применения таких статистических процедур, как экспоненциальная функция и коэффициент вариации. Применение статистических методов на материале поэтических произведений Теда Хьюза и Сильвии Плат составляет основу нашего исследования.

Тед Хьюз (1930–1998) – английский поэт, автор книг для детей и взрослых, переводчик, поэт-лауреат (1984–1998), муж Сильвии Плат. В нашем исследовании мы обращаемся к его первому сборнику стихотворений «The Hawk in the Rain» («Ястреб под дождем»), опубликованному в 1957 году. В начале своей творческой биографии Тед Хьюз произвел впечатление на критиков новаторством в ритме и языке. Тед Хьюз – поэт Природы, стихотворения его посвящены ландшафтам, животным, человеку. В своих произведениях он стремится уловить и передать сущность пейзажа, он словно проникает внутрь живого существа, дает читателю возможность взглянуть на мир его глазами. Хьюз изображает как красоту, так и жестокость мира животных. Анализ содержательного плана сборника проведен в наших более ранних статьях, а также в работе А.Д. Пейсахович, О.И. Графовой [Аделева, 2024; Пейсахович, 2017].

Сильвия Плат (1932–1963) – американская поэтесса, первая жена Теда Хьюза. Дебютный сборник стихотворений Сильвии Плат «The Colossus and Other Poems» («Колосс и другие стихотворения») увидел свет в 1960 году. Она посвятила его своему мужу, «образцу для подражания» [Plath, 1981]. Ее лирика – о судьбе женщины, об отношениях внутри семьи, о поиске собственной идентичности.

Молодые поэты имели общие поэтические пристрастия, увлеченно читали поэзию У.Б. Йейтса, Д. Томаса, Д.Г. Лоуренса, были первыми читателями и критиками стихотворений друг друга [Bate, 2016]. Сильвия Плат знала многие из стихотворений Теда Хьюза. Именно он помог сформироваться ее уникальному поэтическому голосу.

При этом каждый из молодых поэтов имел яркий узнаваемый стиль. Сильвия Плат обращается к внутреннему миру, пишет о глубоких психологических переживаниях и боли, часто в ее стихах звучит тема саморазрушения и смерти. Стихотворения отличаются исповедальным тоном. Общая тональность сборника меланхолична. Тед Хьюз часто обращается к природе, к мифу, пишет о борьбе и выживании в природе. Он описывает внешний мир, но через него говорит и о темных сторонах человеческой природы. У Хьюза природа – зеркало человеческих страстей. Сборник характеризуется агрессивной, энергичной тональностью.

В связи с вышесказанным интересно выяснить, прослеживаются ли в их поэзии черты сходства или же в творчестве каждого автора преобладают уникальные индивидуальные черты.

Материалом исследования послужили стихотворения из сборника Теда Хьюза «The Hawk in the Rain» (C1) и сборника «The Colossus and Other Poems» Сильвии Плат (C2). Каждый сборник включает в себя 40 стихотворных произведений, полный список которых приводится в Приложении 1. Количество строк в стихотворениях Теда Хьюза варьирует от 8 до 45, у Сильвии Плат – от 8 до 91. Общее число стихотворных строк сборника Теда Хьюза равно 980, у Сильвии Плат – 1226.

В привлекаемых к исследованию стихотворениях были выявлены все атрибуты в соответствии с частью речи, которая заполняет синтаксическую позицию атрибута. Определен тип каждого атрибута.

В работе применяется атрибутивная схема, разработанная С.Н. Андреевым и используемая в целом ряде исследований на материале армянского текста, лирики Федора Тютчева [Андреев, 2023; 2023а; 2024], творчества Теда Хьюза [Аделева, 2024], поэзии Олдоса Хаксли [Никифорова, 2024]. Атрибутивная схема приведена в таблице 1. В скобках даны сокращенные наименования типов определений, используемые в статье далее. Класс детерминативов включает в себя местоимения разных типов (указательные, неопределенные, отрицательные, определительные, притяжательные и возвратные).

Таблица 1

Схема атрибутивных типов исследования

Тип определения	Примеры атрибутов из сборника Теда Хьюза	Примеры атрибутов из сборника Сильвии Плат
Имя прилагательное (А)	– Like <i>cheap</i> tarts – to the <i>dark</i> heaven	– the <i>blue</i> mussels – a <i>queer crusty</i> scrabble
Адъективное словосочетание (АУ)	– A glass <i>half full</i> of wine – Six young men, <i>familiar</i> to their friends	– mud / <i>Pleasurable</i> under claws – a shield <i>large</i> / <i>As itself</i>
Причастие (РТ)	– Of the <i>flaming</i> moon – The treaty <i>sealed</i> , lands <i>allotted</i>	– in a <i>converging</i> stream – the <i>waking</i> head
Причастный оборот (РТУ)	– <i>Pictured here</i> , their expressions listen yet – the trees <i>casting</i> their crowns	– In the wary otherworld / <i>Eyeing me</i> – The crab-face, <i>etched and set</i> there
Атрибутивная фраза (РН)	– they were all <i>world</i> beaters – Every gentle <i>pedigree</i> dove	– Small <i>mud</i> knobs – <i>Dawn</i> tide stood dead low
Генитивная конструкция (G)	– the swallowing <i>of</i> the earth's mouth – the horses <i>of</i> the sun	– Confidence <i>of</i> <i>safe-conduct</i> – the kingdom <i>of</i> the fading <i>apparition</i>
Притяжательный падеж (PS)	– Morsel in the <i>earth's</i> mouth – A <i>fox's</i> nose touches twig	– the <i>river's</i> / Backtracking tail – A <i>sly world's</i> hinges
Существительное с предлогом (R)	– a spoiled appetite <i>for</i> some delicacy – a cage <i>of</i> wire-ribs	– stations <i>in</i> bronze, wood, stone – blood <i>in</i> the ears

Наречие (ADV)	– The tent-lamp <i>out</i> – the night <i>before</i>	– that clangor / <i>Far off</i> – Hand <i>aloft</i>
Инфинитив (I)	– no better way <i>to know</i> us – and massive lock / <i>To hold</i> rivers	– a machine <i>to breathe</i> – death <i>to taste</i>
Приложение (AP)	– then this one, <i>his best friend</i> – Aged Mother, <i>Mary</i>	– Meat, / <i>Blood-spoor of the austere tragedies</i> – The great gods, <i>Stone-Head, Claw-Foot</i>
Придаточное предложение (RC)	– Four decades <i>that have faded</i> – the star <i>that lights the face</i>	– The day <i>she visited the dissecting room</i> – The oracular ghost <i>who dwindles on pin-legs</i>
Местоимение (DET)	– The world has burned away beneath <i>his</i> book – Down <i>some</i> black hole	– Knights might doff <i>their</i> casques – <i>That</i> question ended it

В рамках нашей выборки в стихотворениях Т. Хьюза было выявлено 1409 атрибутов разных типов, в стихотворениях С. Плат – 1667. При этом общее количество слов в сборнике Т. Хьюза составляет 7227, у С. Плат – 7247. Общий уровень описательности текстов, который определяется как отношение всех типов атрибутов ко всем словам, у Теда Хьюза равен 19,5%, у Сильвии Плат – 23,0%.

Использование критерия хи-квадрат показывает, что расчетное значение $\chi^2 = 26,35$. Это намного превышает критическое значение χ^2 на уровне $p = 0,05$ для одной степени свободы (3,84), что свидетельствует о статистической значимости различий в уровне интенсивности использования атрибутов.

Рассмотрим теперь, какие типы атрибутов использовались этими поэтами в сборниках. Количественные данные приведены в таблице 2. Атрибуты ранжированы по нисходящей частоте. В скобках указан процент от общего числа атрибутов.

Таблица 2

Количество атрибутов разных типов в стихотворениях авторов

Тип определения	Количество атрибутов в сборнике Теда Хьюза	Тип определения	Количество атрибутов в сборнике Сильвии Плат
A	411 (29,3%)	A	631 (37,9%)
DET	403 (28,7%)	DET	385 (23,1%)
G	168 (12%)	G	219 (13,1%)
PT	147 (10,5%)	PT	104 (6,2%)
PS	68 (4,8%)	PH	101 (6,1%)
RC	65 (4,6%)	PTY	89 (5,3%)
PTY	62 (4,4%)	PS	58 (3,5%)
PH	39 (2,8%)	RC	28 (1,7%)
R	13 (0,9%)	R	17 (1%)
ADV	9 (0,6%)	AY	13 (0,8%)

AY	8 (0,6%)	I	11 (0,7%)
I	8 (0,6%)	AP	8 (0,5%)
AP	4 (0,3%)	ADV	3 (0,2%)
Итого	1405 (100%)	Итого	1667 (100%)

Проведя анализ этих частот, можно сделать вывод, что наиболее представленными типами атрибутов у обоих авторов являются имя прилагательное и местоимение. В лирике Теда Хьюза имена прилагательные и местоимения обладают примерно одинаковой частотностью, тогда как у Сильвии Плат прилагательные значительно более частотны, чем местоимения. Можно также отметить, что верхние четыре строки в таблице частотности совпадают у обоих авторов. Вслед за прилагательными и местоимениями по степени частотности идут генитивная конструкция и причастие. Причем использование причастий в большей степени характерно для Теда Хьюза. Более низкой частотностью у обоих авторов (2–6% случаев) обладают притяжательный падеж, придаточное предложение, причастный оборот и атрибутивная фраза. У Теда Хьюза чаще встречаются притяжательный падеж и придаточное предложение, а у Сильвии Плат – атрибутивный кластер и причастный оборот. Причем атрибутивный кластер по частотности лишь немного уступает причастию. Среди наименее частотных атрибутов у обоих авторов (1% случаев и менее) отметим существительное с предлогом, наречие, адъективное сочетание, инфинитив и приложение.

Для аппроксимации распределения ранжированных частот используется экспоненциальная функция плюс 1 [Mistecky, Altmann, 2019]:

$$y = 1 + a * e^{-b*x},$$

где a , b – параметры.

Результаты аппроксимации представлены в таблицах 3 и 4 и на рисунках 1 и 2. В таблицах приведены частоты, наблюдаемые в тексте, частоты, которые высчитываются теоретически согласно указанной формуле, а также разница между наблюдаемыми и ожидаемыми (теоретическими) частотами. Кроме того, в таблицах показаны значения коэффициента детерминации r^2 . Он может изменяться от 0 до 1 и характеризует успешность аппроксимации – при значениях $r^2 > 0,8$ аппроксимация считается успешной.

Таблица 3

**Аппроксимация распределения частот типов атрибутов
в сборнике Т. Хьюза (C1)**

Тип атрибута	Наблюдаемая частота	Ожидаемая частота	Разница наблюдаемой и ожидаемой частот
A	411	446,62	-35,62
DET	397	307,39	89,61
G	167	211,67	-44,67
PT	147	145,85	1,15
RC	73	100,59	-27,59
PS	68	69,48	-1,48
PTY	62	48,08	13,92
PH	39	33,37	5,63
R	15	23,26	-8,26
ADV	10	16,30	-6,30
AY	8	11,52	-3,52
I	8	8,24	-0,24
AP	4	5,97	-1,97
$r^2 = 0,948$ $a = 648,10$ $b = 0,37$			

Таблица 4

**Аппроксимация распределения частот типов атрибутов
в сборнике С. Плат (C2)**

Тип атрибута	Наблюдаемая частота	Ожидаемая частота	Разница наблюдаемой и ожидаемой частот
A	631	626,09	4,91
DET	385	381,55	3,45
G	219	232,68	-13,68
PT	104	142,04	-38,04
PH	101	86,87	14,13
PTY	89	53,27	35,73
PS	58	32,82	25,18
RC	28	20,37	7,63
R	17	12,80	4,20
AY	13	8,18	4,82
I	11	5,37	5,63
AP	8	3,66	4,34
ADV	3	2,62	0,38
$r^2 = 0,991$ $a = 1026,77$ $b = 0,50$			

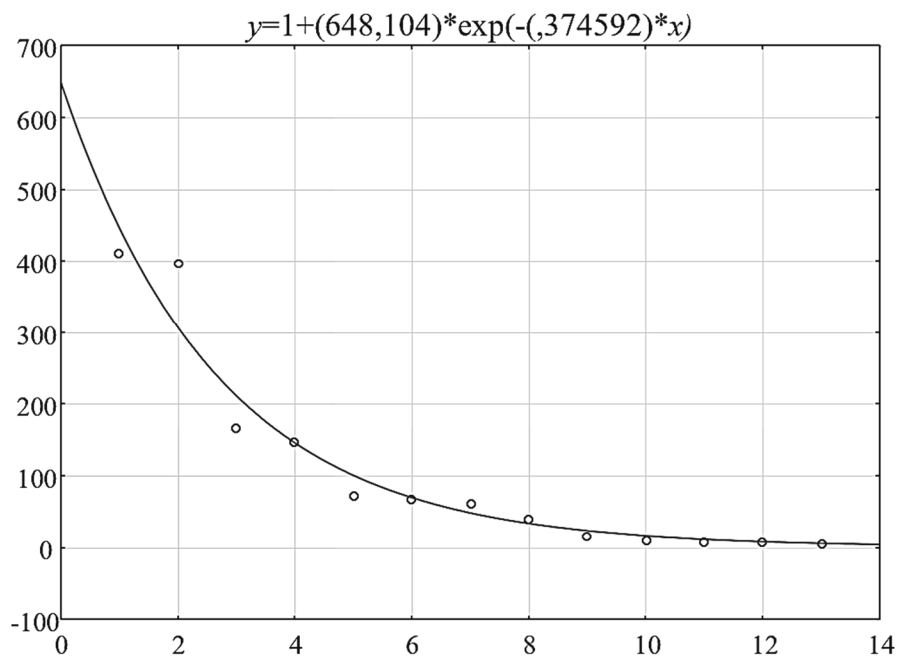

Рис. 1. Распределение частот атрибутов в сборнике C1

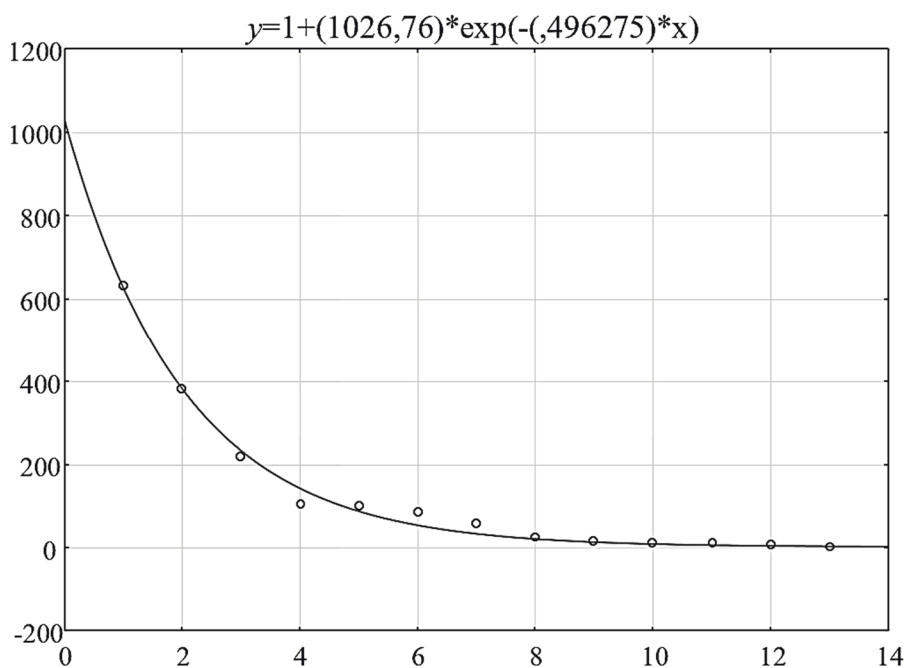

Рис. 2. Распределение частот атрибутов в сборнике C2

На рисунках кружками обозначены наблюдаемые частоты, линия отражает частоты, ожидаемые согласно функции.

В обоих случаях функция достаточно хорошо отражает распределение атрибутов. Коэффициент детерминации у Т. Хьюза равен $r^2 = 0,948$, у С. Плат он еще выше – $r^2 = 0,991$. Кружки на рисунках находятся достаточно близко к линии, что подтверждает успешность отражения распределения частот этой функцией.

Параметр b отражает интенсивность изменения частот (пологость или крутизну спада), он у двух авторов различается: у Плат он больше, чем у Хьюза. Чем больше параметр b , тем круче спад частот (частота быстрее убывает с ростом ранга). Это указывает на более концентрированное, менее разнообразное использование атрибутов. Напротив, чем меньше параметр b , тем спад частот более пологий, а частота убывает медленнее. Это указывает на более равномерное, более разнообразное использование атрибутов [Andreev et al., 2017; Zörnig et al., 2015].

Таким образом, у С. Плат использование атрибутов более сконцентрировано. Она в значительно большей степени полагается на несколько самых частых типов (в данном случае прилагательные и местоимения), в то время как частота использования остальных типов определения резко падает. У Т. Хьюза ($b = 0,37$) использование атрибутов более разнообразно и равномерно. Разрыв в частотах между высокоранговыми и низкоранговыми атрибутами не такой большой. Он чаще переключается от одних к другим различным типам определений, демонстрируя более гибкий и разнообразный синтаксический репертуар.

Интерпретация остатков при этой модели показывает, что у Плат наблюдаются большие положительные остатки у PTY, PS и PH. Она их использует чаще, чем предсказывает ее модель. У Хьюза имеет место большой положительный остаток у атрибута DET (89,61). Это свидетельствует о том, что он использует местоимения (указательные, определительные и др.) для большей точности выражения. Отрицательные остатки у A, G, RC говорят о том, что он избегает перегружать текст основными типами атрибутов.

На следующем этапе сопоставления атрибутивных систем у двух авторов было проанализировано распределение атрибутов по различным стихам внутри каждого из сборников. Для этого было проведено сопоставление частот различных типов атрибутов, используемых поэтами в каждом из стихотворений в рамках сборников 1 и 2. Поскольку привлекаемые к исследованию произведения обладают различным объемом, анализ проводится на основе относительных, а не абсолютных частот. Относительные частоты рассчитаны для объема в 100 слов, они получены путем деления абсолютных частот на количество слов в каждом стихотворении, а затем умножены на 100. Произведено округление до сотых долей. Данные по относительным частотам представлены в Приложении 2.

Для анализа атрибутивной структуры и оценки того, насколько системно авторы используют типы определений в разных стихотворениях,

можно применить коэффициент вариации. Этот показатель рассчитывается как отношение стандартного отклонения к средней частоте (выражается в процентах) и показывает, насколько равномерно или, наоборот, неравномерно распределены атрибуты в текстах каждого автора. Формула приведена ниже:

$$V = \frac{\sigma}{M} * 100 \%,$$

где V – коэффициент вариации, σ – среднее квадратическое отклонение, а M – среднее арифметическое.

Результаты подсчетов коэффициента вариации приведены в таблицах 5 и 6. Данные расположены по мере увеличения степени вариативности.

Таблица 5

Коэффициент вариации атрибутивных типов сборника Теда Хьюза «The Hawk in the Rain»

Тип атрибута	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Коэффициент вариации
A	2,09	5,49	38,15
DET	2,74	5,49	49,98
G	1,40	2,21	63,27
PT	1,64	1,93	84,98
PTY	0,75	0,85	88,56
PH	0,55	0,54	102,34
PS	1,02	0,89	113,75
RC	1,65	1,13	146,25
R	0,36	0,23	157,23
I	0,21	0,10	214,50
ADV	0,52	0,18	286,00
AP	0,17	0,05	333,32
AY	0,66	0,18	358,44

Степень вариативности можно интерпретировать следующим образом: $V \leq 30\%$ – низкая степень вариативности; $30\% < V \leq 60\%$ – вариативность средней силы; $V > 60\%$ – сильная вариативность. При превышении значения в 100% речь идет о сверхсильной степени вариативности.

Опираясь на данные таблицы 5, можно отметить, что в целом сборник Теда Хьюза «The Hawk in the Rain» характеризуется высокой степенью вариативности атрибутивных типов. Согласно нашим данным, атрибутов со стабильной, низкой вариативностью не отмечено. Средняя степень вариативности характерна для имен прилагательных и детерминативов. Повышенной, сильной вариативностью обладают генитивная конструкция, причастие и причастный оборот. Все остальные типы атрибутов характеризуются сверхсильной степенью вариативности. Отметим среди них наиболее вариативные: инфинитив, наречие, приложение, адъективное словосочетание.

Таблица 6

**Коэффициент вариации атрибутивных типов сборника Сильвии Плат
«The Colossus and Other Poems»**

Тип атрибута	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Коэффициент вариации
A	2,83	9,01	31,41
DET	2,38	5,37	44,39
G	1,53	2,85	53,69
PTY	0,93	1,17	79,53
PT	1,42	1,45	98,08
PS	1,04	0,92	112,70
PH	1,41	1,25	112,74
RC	0,64	0,35	181,54
R	0,56	0,28	200,59
I	0,33	0,14	242,04
AY	0,32	0,13	245,46
AP	0,41	0,14	285,15
ADV	0,20	0,05	381,53

Как видно из таблицы 6, сборник Сильвии Плат «The Colossus and Other Poems» также характеризуется крайне высокой степенью вариативности используемых автором атрибутов. Наиболее стабильным является использование имен прилагательных, детерминативов и генитивной конструкции. Однако и они обладают средней степенью вариативности. Использование причастных оборотов и причастий вариативно в еще большей степени. Сверхсильной вариативностью обладают остальные типы атрибутов. Среди них в наибольшей мере вариативно использование инфинитивов, адъективных словосочетаний, приложений и наречий.

Сравнивая степень вариативности различных типов атрибутов в рассматриваемых сборниках, необходимо отметить, что стабильность, единообразие в описании в большей степени выдерживается за счет наиболее частотных атрибутов, а именно: имен прилагательных, детерминативов и генитивных конструкций. У обоих авторов проявляется высокая степень вариативности в использовании причастий и причастных оборотов. Сверхсильная вариативность отмечена для наименее частотных атрибутивных типов (притяжательный падеж, атрибутивный кластер, придаточное предложение, существительное с предлогом, инфинитив, адъективное словосочетание, приложение, наречие).

Нами также была подсчитана сумма всех атрибутов без учета их типа в каждом произведении. Полученный в данном случае коэффициент вариации демонстрирует относительную стабильность использования авторами различных атрибутов в своих стихотворениях. Данные приведены в таблице 7.

Таблица 7

**Коэффициент вариации атрибутов безотносительно их типа
в сборниках Т. Хьюза и С. Плат**

	Стандартное отклонение	Среднее арифметическое	Коэффициент вариации
Т. Хьюз	0,04	0,19	21,66
С. Плат	0,05	0,23	21,61

Таким образом, можно прийти к заключению, что при достаточно большой вариативности типов атрибутов по произведениям в то же время в каждом отдельном произведении наблюдается суммарная константа количества определений, используемых авторами. Происходит в некотором роде компенсация, когда один тип заменяется другим, но при этом поддерживается относительно постоянный уровень описания. Сходные данные были получены при подсчете коэффициента вариации на материале атрибутов лирики Олдоса Хаксли [Никифорова, 2024].

Проведенный анализ позволил установить ряд общих черт и значительные различия в атрибутивных системах двух поэтов. Сильвия Плат использует атрибутивные конструкции значительно чаще, чем Тед Хьюз. Это является фундаментальным различием в их идиостиле, которое можно считать одной из важных индивидуальных черт.

Распределение частот атрибутов различных типов у обоих авторов хорошо отражается экспоненциальной функцией. Высокие значения коэффициента детерминации доказывают, что закономерность является статистически строгой и неслучайной. Различие в параметрах модели, когда параметр b у Плат больше, чем у Хьюза, отражает разную степень концентрации их стиля на самых частых типах атрибутов. У Плат имеет место сфокусированный, интенсивный стиль, что достигается частым повторением ключевых атрибутивных типов. Она полагается в большей степени на адъективные атрибуты (А, DET). Хьюз использует набор атрибутов более равномерно, его стиль описания более сбалансированный, более разнообразный в плане определений.

Индивидуальной чертой Плат является сверхчастое использование частных оборотов (РТУ), притяжательного падежа (PS) и атрибутивных фраз (РН), что углубляет психологическую и чувственную насыщенность ее текстов.

Индивидуальной чертой Хьюза является экстремально частое использование детерминативов (DET), что служит краеугольным камнем его объектно-ориентированного стиля.

Уровень вариативности использования всех атрибутов в целом у Хьюза и Плат практически идентичен. Оба автора в равной мере склонны к тому, чтобы общее количество атрибутов в каждом стихе было бы постоянным.

Используемый подход может быть применен для сравнения поэтов как одного и того же литературного направления, так и разных школ (например, модернизм vs. постмодернизм), что позволит выявить не только индивидуальные, но и групповые стилистические черты. Еще одним перспективным направлением будет привлечение к анализу механизмов использования атрибутов единиц других языковых уровней, с одной стороны, и детализации синтаксического плана исследования – с другой. В первом случае интерес может представлять выявление соотношений между семантическими типами атрибутов и их частотой, во втором – соотношение частоты использования атрибутов и типа предложения (простое / сложное), синтаксическая функция определяемого слова и др. Это позволит создать комплексную количественную модель идиостиля каждого автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Аделева О.П. Атрибутивная структура лирического сборника Теда Хьюза «Ястреб под дождем» // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 4(68). С. 130–143.
- Аделева О.П. Атрибутивные типы в лирике Сильвии Плат (на материале поэтического сборника «The Colossus and Other Poems») // Квантитативная лингвистика. Смоленск, 2024а. Вып. 11. С. 32–41.
- Андреев С.Н. Атрибутивная структура армянского текста // Квантитативная филология. 2023. № 1(5). С. 53–63.
- Андреев С.Н. Атрибутивная структура лирических циклов «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Мандельштама // Известия Смоленского государственного университета. 2023а. № 2(62). С. 28–38.
- Андреев С.Н. Соотношение частей речи в лирике Ф.И. Тютчева // Квантитативная лингвистика. Смоленск, 2024. Вып. 11. С. 4–17.
- Никифорова Н.А. Атрибутивная схема стихов в сборнике Олдоса Хаксли «Cicadas» // Квантитативная лингвистика. Смоленск, 2024. Вып. 11. С. 57–69.
- Пейсахович А.Д. Исследование идиостиля в качестве предпереводческого анализа (на материале сборника Т. Хьюза «Ястреб под дождем») // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 131–136.
- Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts // Glottometrics. 2017. Vol. 38. P. 77–106.
- Bate J. Ted Hughes: The Unauthorised Life. London: William Collins, 2016. 672 p.
- Hughes T. Collected Poems. London: Faber and Faber, 2003. 1766 p.
- Mistecky M., Altmann G. Tense and person in English: modelling attempts // Glottometrics. 2019. Vol. 46. P. 98–104.
- Plath S. Collected Poems, ed. with an introduction by Ted Hughes. New York: Harper & Row, 1981. P. 424.
- Plath S. The Colossus and Other Poems. London: Heinemann, 1960. 83 p.
- Zörnig P. in cooperation with Stachowski K., Popescu I.-I., Tayebbeh M.M., Panchanan M., Kelih E., Chen R., Altmann G. Descriptiveness, Activity and Nominality in Formalized Text Sequences // Studies in quantitative linguistics. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2015.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Стихотворные произведения, привлекаемые к анализу, и их индексы

Стихотворения Теда Хьюза	Индекс	Стихотворения Сильвии Плат	Индекс
Parlour-Piece	H1	The Companionable Ills	P1
Phaetons	H2	Frog Autumn	P2
Secretary	H3	I Want, I Want	P3
Soliloquy	H4	Aftermath	P4
Complaint	H5	Faun	P5
The Decay of Vanity	H6	The Times are Tidy	P6
September	H7	Strumpet Song	P7
The Dove Breeder	H8	The Hermit at Outermost House	P8
Meeting	H9	Departure	P9
The Conversion of the Reverend Skinner	H10	Flute Notes from a Reedy Pond	P10
Vampire	H11	The Manor Garden	P11
Childbirth	H12	Man in Black	P12
Fair Choice	H13	The Bull of Bendylaw	P13
Incompatibilities	H14	The Beekeeper's Daughter	P14
October Dawn	H15	Two Views of a Cavader Room	P15
The Hawk in the Rain	H16	Night Shift	P16
The Jaguar	H17	Sculptor	P17
Two Phases	H18	Suicide Off Egg Rock	P18
Invitation to the Dance	H19	Medallion	P19
Two Wise Generals	H20	Watercolor of Grantchester Meadows	P20
Bayonet Charge	H21	A Winter Ship	P21
A Modest Proposal	H22	Moonrise	P22
The Thought-Fox	H23	Spinster	P23
Wind	H24	The Colossus	P24
Billet-Doux	H25	The Eye-Mote	P25
Song	H26	Mushrooms	P26
The Hag	H27	The Burnt-Out Spa	P27
Law in the Country of the Cats	H28	All the Dead Dears	P28
The Ancient Heroes and the Bomber Pilot	H29	Blue Moles	P29
Fallgrief's Girl-Friends	H30	Lorelei	P30
Macaw and Little Miss	H31	Snakecharmer	P31
The Casualty	H32	Full Fathom Five	P32
Egg-Head	H33	Hardcastle Crag	P33
Roarers in a Ring	H34	Sow	P34
The Man Seeking Experience Enquires His Way of a Drop of Water	H35	The Stones	P35
The Horses	H36	The Thin People	P36
Famous Poet	H37	Point Shirley	P37
Griefs for Dead Soldiers	H38	The Disquieting Muses	P38
The Martyrdom of Bishop Farrar	H39	The Ghost's Leavetaking	P39
Six Young Men	H40	Mussel Hunter at Rock Harbor	P40

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Относительные частоты атрибутов в лирике Т. Хьюза

	H1	H2	H3	H4	H5	H6	H7	H8	H9	H10
A	7,84	4,41	4,85	2,27	4,27	2,26	4,04	5,62	10,66	4,43
AY	3,92	0	0	0	0	0	0	0	0,82	0
PT	1,96	1,47	0	0	5,13	0,75	0	0	2,46	0
PTY	0	0	0	2,27	2,56	0	2,02	0	0,82	1,27
PH	0	0	0,97	0	1,71	0	0	2,25	0,82	0
G	0	2,94	2,91	2,27	3,42	0,75	1,01	0	1,64	1,90
PS	0	1,47	0	0	3,42	0	0	0	0,82	0
R	0	0	0,97	1,14	0	0,75	0	0	0	0,63
ADV	0	0	0	0	0	0,75	0	0	0,82	0
I	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,63
AP	0	0	0	0	0,85	0	0	0	0	0
DET	1,96	8,82	2,91	1,14	8,55	11,28	5,05	12,36	1,64	6,96
RC	1,96	0	0,97	10,23	1,71	2,26	0	0	1,64	0
	H11	H12	H13	H14	H15	H16	H17	H18	H19	H20
A	3,95	4,31	8,28	4,76	2,31	5,81	2,86	5,00	5,78	7,98
AY	0	0	0	0	0,77	0	0	0	0	0
PT	1,32	2,59	1,38	0,79	2,31	5,23	2,29	1,25	1,16	6,75
PTY	0,66	1,72	1,38	0,79	1,54	0,58	0	0	0,58	0
PH	0,66	0	0	0,79	0	0,58	1,71	0	0	0,61
G	1,32	3,45	2,76	2,38	4,62	2,91	2,29	0	2,31	0
PS	1,97	1,72	1,38	0	0	2,33	0,57	0	1,16	0,61
R	0	0,86	0,69	0	0	0	0	0	0	0
ADV	0	0	0	0,79	0,77	0	0	0	0	0,61
I	0	0	0	0	0,77	0	0	0	0	0,61
AP	0	0	0	0	0	0,58	0	0	0	0
DET	8,55	2,59	7,59	7,94	3,08	5,81	2,29	6,25	6,36	4,29
RC	0	0,86	0	1,59	0	1,16	0,57	2,50	0,58	1,23
	H21	H22	H23	H24	H25	H26	H27	H28	H29	H30
A	8,06	6,88	6,57	4,90	2,89	2,19	6,96	4,13	5,62	3,21
AY	0	0	0	0	0	1,09	0,43	0	0	0
PT	4,30	2,65	2,19	1,47	1,73	0,55	0,43	0,46	0,56	0,80
PTY	1,08	0,53	0	2,45	1,73	1,09	0	1,83	0,56	1,20
PH	0,54	0	0,73	0,98	0,58	0	0,43	0,46	0,56	1,20
G	2,15	2,12	2,19	1,96	0	1,09	2,61	2,29	5,62	1,20
PS	0,54	1,06	2,19	0	0	3,28	0,87	0,46	0	0,40
R	0	0	0,73	0,49	1,16	0	0	0	0	0,40
ADV	0,54	0	2,92	0	0	0	0	0	0	0
I	0	0,53	0	0	0	0	0	0	0	0,40
AP	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
DET	5,38	3,70	3,65	2,45	5,78	8,20	4,78	3,67	9,55	4,42
RC	2,15	0,53	1,46	0,98	0,58	0	0,43	0,46	0	1,61
	H31	H32	H33	H34	H35	H36	H37	H38	H39	H40
A	6,95	4,71	6,73	4,43	8,21	7,30	9,80	5,70	5,09	7,52
AY	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,28
PT	3,09	3,03	5,29	0,99	2,14	4,01	1,96	2,56	1,50	0,84
PTY	1,54	0,34	0,96	0,49	0	1,09	0,39	1,14	0,60	0,84

PH	0,39	0,67	0,96	0,99	1,07	0,36	0,78	0,28	0,30	0
G	3,09	2,69	5,77	1,97	4,29	1,46	3,92	1,99	1,80	1,39
PS	1,54	0	3,37	0	2,14	0,36	1,18	0,28	1,50	1,11
R	0,39	0	0	0	0,36	0	0	0,28	0,30	0
ADV	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
I	0	0,34	0	0	0	0	0,39	0	0,30	0
AP	0	0	0	0	0	0,36	0	0	0	0,28
DET	3,86	3,70	3,85	4,93	4,29	4,74	3,14	5,41	9,58	8,91
RC	0,77	1,68	0,48	1,48	1,07	0	0,78	1,99	1,20	0,28

Относительные частоты атрибутов в лирике С. Плат

	P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7	P8	P9	P10
A	7,69	5,56	15,15	7,95	4,65	7,06	16,00	12,37	12,07	8,05
AY	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
PT	1,92	0	0	2,27	2,33	2,35	1,00	1,03	2,59	0
PTY	1,92	0	0	2,27	1,16	1,18	2,00	3,09	1,72	0,67
PH	0	0	0	1,14	1,16	0	0	1,03	3,45	0,67
G	1,92	1,85	3,03	2,27	3,49	3,53	1,00	2,06	2,59	5,37
PS	3,85	0	4,55	1,14	0	1,18	1,00	0	2,59	0,67
R	1,92	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ADV	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
I	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
AP	0	0	0	1,14	0	0	0	2,06	0	0
DET	0	3,70	1,52	9,09	5,81	4,71	14,00	6,19	3,45	2,68
RC	0	0	0	0	3,49	0	1,00	0	0,86	0
	P11	P12	P13	P14	P15	P16	P17	P18	P19	P20
A	8,85	13,86	11,11	10,37	10	7,02	12,93	6,29	10,81	12,07
AY	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
PT	0,88	0,99	0,74	0	1,76	7,02	1,72	0,57	3,38	3,45
PTY	0	0,99	0	0,61	1,76	1,75	0,86	1,71	2,03	0,57
PH	0	5,94	2,22	1,83	2,35	0	0	1,71	0	2,30
G	4,42	0,99	0	4,27	5,29	1,75	1,72	1,71	0	2,87
PS	0,88	0	2,22	0	1,18	0,88	1,72	1,71	1,35	0,57
R	0	0	0	0	0	0,88	2,59	0	0,68	0,57
ADV	0,88	0	0	0	0	0,88	0	0	0	0
I	0	0	0	0,61	0	0	0	1,71	0	0
AP	0	0	0	0,61	0	0	0	0	0	0
DET	7,08	4,95	2,96	6,71	3,53	7,02	6,90	4,00	6,76	5,75
RC	0	0	0,74	0,61	0,59	0	0	0	0	0
	P21	P22	P23	P24	P25	P26	P27	P28	P29	P30
A	10,19	11,21	11,61	7,41	4,46	5,31	8,65	6,34	7,95	9,55
AY	0	0	0	0	0,99	0,88	0	0	0	0,56
PT	0,93	0	0	0,93	1,98	0	1,44	0	0,42	1,12
PTY	0,46	0,47	0,65	0,93	1,98	0	0,96	2,93	0,84	2,25
PH	0,46	0,93	1,94	0	0,50	0	1,92	1,46	0,84	0,56
G	4,63	1,87	3,23	4,17	2,97	0,88	3,85	0,98	2,93	3,93
PS	0	0,47	1,94	0	0	0	0	0	1,26	0,56
R	0	0	0,65	0,93	0,99	0	0	0,49	0	0
ADV	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
I	0,46	0,47	0,65	0	0	0	0	0	0	0,56

AP	0,93	0	0	0,46	0,50	0	0	0	0	0
DET	4,63	4,67	7,10	5,56	1,98	5,31	5,77	8,29	4,18	5,06
RC	0	0	0	0	0	0	0,48	0,49	0	0
	P31	P32	P33	P34	P35	P36	P37	P38	P39	P40
A	6,22	7,08	9,15	9,30	5,99	8,11	6,77	5,83	9,54	9,73
AY	0	0	0	0,78	0	1,35	0	0,28	0	0,42
PT	0,44	4,87	1,96	1,94	0,70	1,01	1,88	0,56	1,97	1,90
PTY	0	0,44	1,96	2,33	0,70	0,68	0,38	1,11	0	3,38
PH	0	0,44	1,31	5,04	0,70	1,69	4,14	0,83	1,32	2,11
G	4,00	3,10	5,56	3,10	3,87	2,70	1,88	1,11	6,58	2,33
PS	0,44	1,33	0,33	0,39	0	0,34	1,50	0,28	0,99	1,69
R	0,44	0	0	0,39	0	0	0	0,56	0	0
ADV	0	0	0	0	0	0	0	0	0,33	0
I	0	0	0	0	0,35	0,68	0	0	0	0
AP	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
DET	8,89	6,19	7,19	6,59	4,23	4,39	4,89	5,28	4,28	3,38
RC	0,44	0,44	0,65	0,39	0,35	0	0,75	1,67	0,99	0,21

O.P. Adeleva

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of English,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Types of Attributes in the Early Lyrics of Ted Hughes and Sylvia Plath: the Linguistic Analysis of English Poetic Texts

The article examines the frequency of different types of attributes in the poetic texts of the English poet Ted Hughes and the American poet Sylvia Plath. The choice of an attribute is always based on the author's preferences in the manner and character of writing and the study of attributes is important for the study of individual style. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of the attributive types characteristic of the poets' early lyrics. The research involves the collection of poems by Ted Hughes «The Hawk in the Rain» and the collection «The Colossus and Other Poems» by Sylvia Plath. These poetry collections of poets were created and published by them at about the same time, while each of the young poets already had a bright poetic voice. In this regard, it is interesting to trace the similarities and differences in the attributive structure implemented by the authors. The novelty of the research lies in the fact that for the first time statistical procedures such as calculating the coefficient of variation and the exponential function are involved in the analysis of the authors' works. The results of the analysis make it possible to come to the conclusions about the similarities and differences in attributive schemes implemented in the works of poets, to identify their individual features.

Keywords: *Ted Hughes; Sylvia Plath; individual style; attribute types; coefficient of variation; exponential function.*

REFERENCES

Adeleva O.P. The attributive structure of Ted Hughes' lyrical collection "Hawk in the Rain" [Atributivnaya struktura liricheskogo sbornika Teda Khyuza «Yastreb pod dozhdem»]. *Issues of Smolensk State University*. 2024. No. 4 (68). Pp. 130–143 (in Russian).

Adeleva O.P. Attributive types in the lyrics of Sylvia Plath (based on the poetry collection «The Colossus and Other Poems») [Atributivnyye tipy v lirike Silvii Plat (na materiale poeticheskogo sbornika «The Colossus and Other Poems»)]. *Quantitative Linguistics*. 2024. No. 11. Pp. 32–41 (in Russian).

Andreev S.N. Attributive structure of the Armenian text [Atributivnaya struktura armjanskogo teksta]. *Quantitative Philology*. 2023. No 1(5). Pp. 53–63 (in Russian).

Andreev S.N. Attributive structure of the lyrical cycles “Angel of Armenia” by Sergei Gorodetsky and “Armenia” by Osip Mandelstam [Atributivnaya struktura liricheskikh ciklov «Angel Armenii» Sergeja Gorodeckogo i «Armenija» Osipa Mandel'shtama]. *Issues of Smolensk State University*. 2023. No. 2 (62). Pp. 28–38 (in Russian).

Andreev S.N. Relationship of parts of speech in the lyrics of F.I. Tyutchev [Sootnosheniye chastey rechi v lirike F.I. Tyutcheva]. *Quantitative Linguistics*. 2024. No. 11. Pp. 4–17 (in Russian).

Nikiforova N.A. Attributive scheme of poems in Aldos Huxley's collection «Cicadas» [Atributivnaya skhema stikhov v sbornike Oldosa Khakslia «Cicadas»]. *Quantitative Linguistics*. 2024. No. 11. Pp. 57–69 (in Russian).

Pejsahovich A. D. The study of idiostyle as a pre-translation analysis (based on the material of T. Hughes's collection "The Hawk in the Rain") [Issledovanie idiostilja v kachestve predperevodcheskogo analiza (na materiale sbornika T. H'juza "Jastreb pod dozhdem")]. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2017. No. 2. Pp. 131–136 (in Russian).

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts. *Glottometrics* 38. 2017, RAM-Verlag. Pp. 77–106 (in English).

Bate J. Ted Hughes: The Unauthorised Life. London: William Collins, 2016. 672 p. (in English).

Hughes T. Collected Poems. London: Faber and Faber, 2003. 1766 p. (in English).

Mistecky M., Altmann G. Tense and person in English: modelling attempts. *Glottometrics*. 2019. Vol. 46. Pp. 98–104 (in English).

Plath S. Collected Poems. Edited with an introduction by Ted Hughes. New York: Harper & Row, 1981. 424 p. (in English).

Plath S. The Colossus and Other Poems. London: Heinemann, 1960. 83 p. (in English).

Zörnig P. in cooperation with Stachowski K., Popescu I.-I., Tayebbeh M.M., Panchanan M., Kelih E., Chen R., Altmann G. Descriptiveness, Activity and Nominality in Formalized Text Sequences. *Studies in quantitative linguistics*. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2015. (in English).

К.В. Андреева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-129-144

**ДИСКУРС МЕЖПАРТИЙНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ
(на примере телеканалов Fox News и MSNBC)**

Ключевые слова: американский политический дискурс; дискурс противостояния; дискурс СМИ; медиадискурс; межпартийное противостояние.

Статья посвящена рассмотрению специфики использования приемов языкового воздействия американскими средствами массовой информации, вовлеченными в дискурс противостояния оппозиционных политических партий. Приводится обзор исследований, связанных с противостоянием в политическом дискурсе, а также с непосредственной вовлеченностью СМИ в политические процессы. Делается заключение об ангажированности многих современных СМИ и об использовании ими манипулятивных приемов с целью влияния на аудиторию. Дается краткая историческая справка о двух основных оппозиционных партиях в США, об истории их возникновения и не прекращающегося с тех пор противостояния. В качестве материала для анализа выбраны новостные выпуски прореспубликанского телеканала Fox News и продемократического MSNBC, посвященные переизбранию Д. Трампа. Для исследования используется классификация коммуникативных стратегий в политическом дискурсе О.Л. Михалевой, а также «классический» перечень приемов манипулятивного воздействия, разработанный американскими специалистами. В работе применяются следующие методы исследования: общенаучные методы, описательный метод, метод дискурсивного анализа, контекстуальный анализ, интерпретативный метод, приемы сравнительно-сопоставительного анализа. Результатами исследования являются выводы о том, что в дискурсах FOX NEWS И MSNBC нарушается стандарт беспристрастного новостного вещания, задействуются коммуникативные стратегии с целью воздействия на публику. Описываются сходство и различия в выборе оппозиционными комментаторами манипулятивных тактик и приемов, большая часть которых нацелена на очернение противника. Перспективным в плане дальнейшего исследования данной темы представляется анализ дискурса политического противостояния в американских развлекательных телепередачах.

Современную политику невозможно представить себе в отрыве от коммуникации. Многие ученые полагают, что политическая деятельность вообще сводится к деятельности языковой. Так, американский политолог и

социолог М. Эдельман утверждал, что «...*language is an integral facet of the political scene: not simply an instrument for describing events but itself a part of events*, shaping their meaning and helping to shape the political roles officials and the general public play» («...язык является неотъемлемым аспектом политической сцены – не просто инструмент для описания событий, но и сам часть событий, формирующая их смысл и помогающая выявить политические роли официальных лиц и широкой общественности как участников пьесы»¹) [Edelman, 1977, 10].

Политики используют речь не только и не столько для внутреннего профессионального общения, сколько для коммуникации с массовым адресатом. В этом им помогают средства массовой информации, и содействие представляется весьма весомым. Как отмечает политолог из цюрихского университета Й. Стромбак, «our knowledge or impressions of politicians, political issues <...> comes primarily from the media» («наше знание и впечатление о политиках и политических вопросах <...> мы получаем в первую очередь из СМИ»). По мнению исследователя, медиатизация политики перерастает в настоящую «интервенцию» СМИ в политическую жизнь. В качестве примера такого вмешательства ученый приводит телеканал CNN и его трансляцию дебатов между Бараком Обамой и Джоном Маккейном в 2008 году. Тогда на экран, помимо непосредственно дебатов, были выведены текстовые сообщения от зрителей с их персональной оценкой, а также рейтинг вероятного побеждающего и проигрывающего в режиме реального времени. Такое активное и целенаправленное вмешательство, считает Стромбак, не могло не оказать влияние на то, как люди воспринимали кандидатов и их выступления [Strömbäck, 2009].

Однако и без непосредственного вмешательства в политические процессы СМИ могут воздействовать на мнение публики. Так, исследователи А. Блэ и М. Бойе, изучавшие влияние дебатов на выборы в Канаде, пришли к выводу, что *последующий комментарий* и анализ дискуссии *средствами вещания* оказывает такое же или даже большее влияние на избирателей, как и сами дебаты: «...the indirect effect could be greater among non-watchers (as they do not have first-hand information to countervail that coming from friends or the media) than among watchers» («...косвенный эффект может быть больше среди не смотревших дебаты (поскольку у них нет информации из первых уст, которую можно было бы сравнить с информацией от друзей или средств массовой информации), чем среди смотревших») [Blais, Boyer, 1996].

В рамках своего содействия политикам средства массовой информации вовлекаются в *дискурс противостояния*. Под дискурсом противостояния мы, вслед за Р.В. Белютиным, будем понимать коммуникативные отношения, в рамках которых индивиды или группы находятся в состоянии

¹ Здесь и далее перевод наш. – К. А.

длительной целенаправленной *конфронтации*, которая имеет деструктивный характер и соотносится с окружающим социальным и/или иным (в нашем случае – политическим) контекстом [Белютин, 2024].

Ученые изучают противостояние в политическом дискурсе с разных ракурсов. Так, многие лингвисты [Щербина, 2012; Громова, 2019; Набообі, 2022; Космодемьянская, 2024] в своих работах анализируют *речевую агрессию* как уже неотъемлемую часть современной политической коммуникации. Агрессивность, как отмечают исследователи, вызвана конфликтной природой политической сферы. В пылу борьбы за власть «слуги народа» с целью скрытого воздействия на аудиторию также используют *речевые стратегии* [Михалева, 2009; Stobbs, 2012; Raza, 2024], содержащие различные *манипулятивные техники* [Кара-Мурза, 2009; Horvath, 2010; Казаков, 2013]. Одним из традиционных приемов политической борьбы является разграничение «своих» и «чужих», создание «МЫ-группы» через очернение противника [Иссерс, 1997; Демьянков, 2003; Ghazani, 2016; AlAfnan, 2022]. Политики в своих выступлениях и с помощью подконтрольных СМИ пытаются сформировать в общественном сознании «*образ врага*», то есть некое представление о том, кто (что) является угрозой для данной социальной общности в определенный момент и что необходимо предпринять для защиты от недруга [Денисов, 2009; Минаева, Русинов, 2010; Чес, 2015; Кравец, 2021]. Иногда этот «враг» внешний, например другое государство, а иногда внутренний, скажем другая политическая партия.

В фокусе нашего внимания в данной статье – *межпартийное политическое противостояние в США, реализуемое средствами массовой информации*.

В американском политическом медиаполе наблюдается выраженная *ангажированность* некоторых *СМИ* в пользу одной из двух главенствующих партий. Исследователи из Гарвардского университета, проведя анализ освещения президентской избирательной кампании 2016 года средствами массовой коммуникации и социальными сетями, пришли к выводу, что с каждой из сторон («правой» и «левой») существуют целые «экосистемы» *СМИ*, продуцирующие контент для своей целевой аудитории [Faris, URL].

Сами американские средства вещания также регулярно уличают друг друга в ангажированности. К примеру, в статье «Fox News is the Republican Party. Here are over 400 examples proving it» новостного интернет-издания «Media Matters» приводится целых 400 доводов в доказательство предвзятости телеканала Fox News в пользу республиканской партии (1). Другая онлайн-газета «Independent Sentinel» в публикации «MSNBC Producer: MSNBC’s “Indistinguishable” from Democratic Party» приводит слова одного из продюсеров телеканала MSNBC, где тот признает: «Этот новостной канал неотличим от демократической партии» (2).

Обвинения в ангажированности СМИ исходят и от политиков. Так, Дональд Трамп очень активно использует термин *fake news* по отношению ко множеству телеканалов и печатных изданий. К примеру, вот сообщение, опубликованное Трампом на своем официальном канале в августе 2025 года: «Despite a very high popularity and, according to many, among the greatest 8 months in Presidential History, ABC & NBC FAKE NEWS, two of the worst and most biased networks in history, give me 97% BAD STORIES. IF THAT IS THE CASE, THEY ARE SIMPLY AN ARM OF THE DEMOCRAT PARTY AND SHOULD, ACCORDING TO MANY, HAVE THEIR LICENSES REVOKED BY THE FCC. I would be totally in favor of that because they are so biased and untruthful, an actual threat to our Democracy!!!» (3) («Несмотря на очень высокую популярность и, по мнению многих, одни из величайших восьми месяцев в президентской истории, фейковые новости ABC и NBC, два худших и наиболее предвзятых телеканала в истории, освещают меня на 97% В НЕГАТИВНОМ СВЕТЕ. ЕСЛИ ЭТО ТАК, ТО ОНИ ПРОСТО ЯВЛЯЮТСЯ ИНСТРУМЕНТОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И, ПО МНЕНИЮ МНОГИХ, ИХ ЛИЦЕНЗИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТОЗВАНЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КОМИССИЕЙ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ. Я бы полностью поддержал это, потому что они настолько предвзяты и лживы, что представляют реальную угрозу нашей Демократии!!!»).

Проявления ангажированности средств массовой коммуникации зачастую связаны с использованием ею манипулятивных технологий. В.А. Евдокимов полагает, что *манипулирование* имеет тенденцию стать главной функцией массмедиа [Евдокимов, 2016]. В связи с этим особый интерес для лингвиста приобретает изучение речевой манипуляции и реализации коммуникативных стратегий в политической коммуникации.

В данной работе мы рассмотрим специфику использования *приемов языкового воздействия* в рамках *медиадискурса противостояния американских оппозиционных политических партий* на примере новостных выпусков телеканалов Fox News и MSNBC.

Для исследования воспользуемся классификацией коммуникативных стратегий в политическом дискурсе О.Л. Михалевой. Исследователь выделяет *стратегию на повышение* (стремление говорящего возвысить собственный статус), *стратегию на понижение* (стремление развенчать позиции соперника), а также *стратегию театральности* (стремление произвести определенное впечатление на аудиторию) и соответствующие им тактики [Михалева, 2009]. Кроме того, мы апеллируем к перечню приемов манипулятивного воздействия, сформулированному американскими специалистами и включающему в себя *приклеивание или навешивание ярлыков* (name calling); *сияющие обобщения* (glittering generality); *перенос, или трансфер* (transfer); *ссылку на авторитеты, «по рекомендации»*

(testimonial); «свои ребята», или *игру в простонародность* (plain folks); *подтасовку карт* (card stacking); «общий вагон», или «фургон с оркестром» (band wagon) [Грачев, 1999].

Прежде чем перейти к анализу монологов, кратко остановимся на истории межпартийного противостояния в США. Демократическая партия – старейшая в Америке – была основана в 1828 году и опиралась на *поддержку южных рабовладельческих штатов*. Республиканская партия была образована в 1854 году в качестве оппонента демократам и выступала *против рабства*. Современные позиции партий также расходятся по принципиальным вопросам.

Так, по информации авторитетного российского новостного интернет-портала РБК, в сфере *экономики* республиканцы традиционно выступают за снижение роли государства и сокращение бюджетных расходов и налогов. Демократы же считают, что государство должно играть более активную роль в регулировании бизнеса и поддерживать систему социального обеспечения за счет более высоких налогов для богатых граждан и корпораций.

Республиканцы придерживаются традиционных и религиозных *ценностей*, особенно в вопросах ограничения абортов, а демократы отстаивают принцип разделения религии и государства и недопустимости дискриминации по признаку гендера, расы или сексуальной ориентации.

В сфере регулирования *миграции* республиканцы поддерживают ужесточение законодательства, а демократы придерживаются более либерального подхода. Однако в вопросе оборота огнестрельного *оружия* республиканцы, напротив, являются сторонниками более либерального законодательства, а демократы добиваются ограничений.

Таким образом, начавшееся в XIX веке противостояние продолжается по сей день [РБК].

Материалом исследования послужили выпуски прореспубликанского телеканала Fox News «Jesse Watters: Trump did it, because you did it» (4) и продемократического MSNBC «Donald Trump wins 2024 election» (5), посвященные переизбранию Дональда Трампа на второй срок в 2024 году.

Джесси Воттерс – ведущий собственной новостной рубрики на традиционно прореспубликанском телеканале Fox News – в выпуске от 07.11.2024 воодушевленно комментирует переизбрание республиканца Д. Трампа на президентский пост. Вступительная часть его речи насыщена манипулятивными приемами.

The greatest comeback in American political history. Donald Trump defeating Kamala Harris in a landslide. «Axios» is calling him «one of the most transcendent political figures of our time». <...> The Machine lost and the Obama-Biden dynasty went down with it (4).

Политический комментатор, явно симпатизирующий новоизбранному президенту, начинает свое выступление с гиперболы, называя победу

Д. Трампа «величайшим возвращением в современной истории американской политики». Представление кого-либо в привлекательном свете детерминирует использование *тактики презентации*. Далее ведущий говорит о «поражении» кандидата в президенты от оппозиционной демократической партии Камалы Харрис, добавив еще одну гиперболу – «с огромным отрывом» (*in a landslide*). Этими приемами он задает тон всему монологу, рисуя картину грандиозного исторического события, *битвы*, в которой республиканец одержал победу благодаря избирателям.

Затем ведущий приводит цитату интернет-газеты «Аксиос», называющей Трампа «одной из самых необыкновенных политических фигур нашего времени». Таким образом Джесси добавляет больший вес своему мнению о новом президенте, ведь его разделяет авторитетное новостное издание. Всего в 10-минутный ролик включено 12 видеофрагментов, в которых другие политические обозреватели подкрепляют мысли ведущего, – наглядный пример использования манипулятивного приема «ссылка на авторитеты».

Следующее высказывание начинается с диффамации: «Машина проиграла...». Энциклопедия «Британника» определяет политическую машину как «партийную организацию, которая вербует своих членов с помощью материальных стимулов (таких, как деньги или политические должности) и характеризуется высокой степенью контроля руководства над деятельностью членов организации» [Encyclopædia Britannica, URL]. Так, *навешивая этот ярлык*, ведущий имплицитно коррumpирует оппозиционную партию.

Данный эффект усиливается следующей далее сатирой – «the Obama-Biden dynasty», комизм которой состоит в соединении концептуально несовместимых реалий: Обама и Байден – демократически избранные лидеры, а династия – это последовательность монархов из одного рода. Таким образом, выбирая термин «династия», комментатор намекает на недемократические процессы, сопровождавшие их приход к власти. Далее в своей речи Воттерс употребит связку Обама-Байден в еще одном сатирическом замечании: «The Obama-Biden rainbow coalition». Буквально «радужная коалиция» – это намек на вышедшее за рамки разумного и осуждаемое республиканцами покровительство демократами ЛГБТ-сообщества. Применение ведущим *тактики иронизирования* преследует цель дискредитировать противников. Кроме того, каждый повод «навесить ярлык» и посмеяться над либералами – это одновременно точка соприкосновения и единения для консерваторов, мощный инструмент консолидации «своих».

Liberals woke up this morning confused. How could a dictator win the popular vote and take the Senate and probably the house? The answer is simple: they lied to you, <...>. They told you the border was secure, the economy was humming and Joe Biden was an Olympic Athlete <...>. If you had a problem with that they censored you <...>, they called you fascist garbage <...>. The last 4 years we witnessed the Democrats go crazy. They loaded illegals into airplanes

and flew them here; they emptied jails, made up genders, handed out free sex changes and printed money like Zimbabwe (4).

Далее ведущий продолжает иронизировать над оппонентами. Он приписывает демократам смятение от безоговорочной победы кандидата, которого они считают диктатором: «Либералы проснулись в замешательстве. Как мог диктатор выиграть народное голосование и заполучить Сенат и, вероятно, Палату?» Воттерс задает риторический вопрос от лица демократов, но тут же сам дает ответ, в котором применяет *тактику обличения*: «Они лгали вам». В следующем предложении он приводит три примера обмана. При этом первый пример стилистически нейтрален («Они говорили, что граница была в безопасности»), во втором приводится саркастическая метафора («экономика цвела пышным цветом»), в которой комический эффект состоит в несоответствии реального, по мнению ведущего, состояния экономики и слов оппонентов. В третьем примере Воттерс повышает градус сарказма, доведя его до абсурда за счет актуализации спорта как источникового домена («...а Джо Байден был олимпийским атлетом...»), чтобы одновременно уличить демократов во лжи и представить их лидера в нелепом свете.

Ведущий продолжает реализовывать коммуникативную *стратегию на понижение*. Он *обличает* демократов (*вас подвергали цензуре; они обзывали вас фашистским мусором*), *оскорбляет* их (*мы наблюдали, как демократы сходят с ума*), затем, снова в рамках *тактики обличения*, приводит примеры «сумасшествия» демократов: они «загружали нелегалов в самолеты и привозили их сюда, опустошили тюрьмы, придумывали гендеры, раздавали бесплатные операции по смене пола и печатали деньги, как Зимбабве». В последнем примере комментатор приводит саркастичное сравнение со «страной третьего мира», чтобы вызвать у соотечественников праведный гнев на демократов. Подобный каскад негативной информации – образец использования манипулятивного приема *подтасовка карт*. Суть его как раз заключается в отборе только отрицательных фактов и домыслов об оппоненте. Многократно употребленное местоимение «they» призвано провести четкую черту между «нами» – «хорошими» и «ими» – «плохими», реализуя *тактику размежевания*.

Перейдем к рассмотрению возвращения к власти Трампа глазами демократов.

Джен Псаки, в прошлом пресс-секретарь при администрации Байдена, в настоящее время является политическим обозревателем на демократическом телеканале MSNBC. 6 ноября 2024 года она в прямом эфире огласила победу Дональда Трампа на выборах и дала персональный комментарий этому событию.

Псаки коротко информирует аудиторию о возвращении Трампа в Белый дом в качестве 47-го президента и затем отмечает, что «очень многим зрителям эту новость будет, мягко говоря, трудно переварить» (*that news is,*

to say the least, a lot to digest). Ведущая реализует *тактику анализ-минус*: имплицитно характеризует событие как травмирующее, от которого еще предстоит оправиться.

Далее Д. Псаки переходит к *тактике обличения* (часть стратегии на понижение). Так, она перечисляет проступки и недостатки вновь избранного главы государства:

After he lost four years ago he refused to accept the outcome and incited a violent insurrection on our nation's capital. He's campaigned while facing criminal indictments related to his efforts to overturn the 2020 results and he's run as a convicted felon. During this campaign he has also promised to essentially be an authoritarian leader, to use power like no American president ever has before, and wield that power to go after his political enemies. This is a man who's also bragged about overturning «Roe v. Wade» and stripping away women's bodily autonomy, he's promised to conduct mass deportations to crack down on the rights of millions of Americans. Donald Trump is an anti-democratic force but he's just been elected democratically in our country (5).

Ведущая подбирает исключительно негативные примеры и тем самым реализует манипулятивный прием *подтасовка карт*. Такой поток нелестной информации рисует образ Трампа как авторитарного преступника, не имеющего положительных качеств. Соответственно, и будущее граждан, ведомых таким лидером, представляется мрачным и безрадостным, вызывает у них чувство страха. Для создания этого эффекта используется множество языковых единиц с негативным значением. В первую очередь обращают на себя внимание юридические термины (с пометкой *law* (закон) в словаре): *criminal indictments*² (уголовные обвинения) и *convicted felon*³ (осужденный преступник, уголовник), несущие в себе мощный негативный «заряд». В дефинициях слов *incite*⁴ (подстрекать, разжигать) и *insurrection*⁵ (восстание) присутствует значение *violence / violent* (жестокость, жестокий). В речи Псаки слово *insurrection*, и без того подразумевающее жестокость, еще и сопровождается определением *violent* для усиления эффекта. Слова *authoritarian*⁶ (авторитарный) и *brag*⁷ (хвастаться) имеют в словарях пометку *disapproving* (с неодобрением). Фразовый глагол *to crack down on*⁸ означает *стать более жестким, суровым*, Псаки употребила его по отношению к «правам миллионов американцев». *To strip away*⁹ словарь определяет как *устранить что-либо важное*

²Cambridge Dictionary, URL.

³Cambridge Dictionary, URL.

⁴Oxford Learner's Dictionaries, URL.

⁵Oxford Learner's Dictionaries, URL.

⁶Collins Dictionary, URL.

⁷Collins Dictionary, URL.

⁸Collins Dictionary, URL.

⁹Cambridge Dictionary, URL.

или что-то существовавшее долгое время. Именно так, по словам Псаки, Трамп обошелся с правами женщин.

Завершает этот пассаж прием *навешивание ярлыков* (соответствует тактике оскорбления в стратегии на понижение по Михалевой): «Donald Trump is an anti-democratic force». Инвектива «антидемократическая сила» (возможно, самое страшное оскорбление в кругах демократов) также направлена на дискредитацию оппонента.

Далее Псаки предлагает взглянуть глубже на причины такого исхода выборов, но считает необходимым эмоционально подготовить к этому аудиторию.

And here, here's what might be the hardest part to hear but we have to talk about and we have to say, and it is a hard part to digest for all of us, but we have to be honest about what we saw in this election (5).

Выбирая такие выражения, как «the hardest part to hear», «a hard part for to digest for all of us», комментатор снова говорит о результатах выборов как о шокирующем событии, которым аудитория, без сомнения, должна быть потрясена. Если вырвать этот отрывок из контекста выборов, может показаться, что речь идет о трагедии национального масштаба. Одну только метафору «переваривание новости», иллюстрирующую вероятное ошеломление публики, Псаки употребит в своем монологе трижды с целью нагнетания атмосферы.

Псаки предполагает эмоциональную подавленность аудитории и словно извиняется перед зрителями за намерение поговорить о выигрышной стратегии Трампа (*мы должны поговорить об этом; мы должны сказать; мы должны быть честны*), как будто в данный момент уместно только горевать. При этом используется инклюзивное «we», «all of us», задействуя манипуляцию *общий вагон*. Этот прием ориентирован на выбор суждений, высказываний, требующих настроя на единообразие в поведении, призванных убедить массы, будто бы похожим образом действуют все [Грачев, 1999]. Таким образом, Псаки *подсказывает* своей аудитории «правильную» реакцию на избрание представителя оппозиционной партии: истинный демократ обязан быть эмоционально раздавлен этой новостью.

But in this moment it's also important to remember that our democracy is not built around one person, or one job and I have every confidence that pro-democracy forces in this country will continue to stand up and make their voices heard. That's what we saw after 2016 as well. Some of those voices will be governors, some of them will be elected officials, some will be institutions and organizations standing up for rights and standing up for women's bodily autonomy and standing up for our climate. Some will be citizens and many of you sitting at home right now, digesting this news right now, some of them will be you (5).

В монологе обозревателя читается надежда на светлое будущее, ведь *наша демократия не построена вокруг одного человека*. То есть перспектива счастья возможна лишь при условии противодействия Трампу «продемократических сил». Джен перечисляет возможных противников Трампа: среди них

будут и губернаторы, и организации, и простые граждане. Анафора «some of them» делает акцент на каждом из возможных оппонентов. Другая анафора «standing up for...» подчеркивает, за что именно нужно бороться.

В завершающем предложении этого фрагмента Псаки реализует *тактику побуждения* из стратегии театральности (*some of them will be you*), приглашая зрителей присоединиться к борьбе. Однако, взывая к согражданам, Псаки выбирает неопределенные выражения «stand up for», «make their voices heard», из-за чего и весь призыв становится неконкретным, размытым. Не очень понятно, как именно «бороться за климат», в отличие, например, от классической просьбы проголосовать за нужного кандидата.

I can tell her [daughter] that there are still lots of good forces out there, forces for good in this country, and that they are going to be getting to work (5).

В завершение монолога Псаки уповаet на *хорошие силы, силы добра*, которые еще есть в этой стране и которым пора *приняться за работу*. Упомянув ранее продемократические силы в положительном ключе и похожем контексте, а также назвав Трампа «антидемократической» силой, она показывает, что именно продемократические силы являются теми самыми «силами добра» (такая подмена понятий с целью вызвать одобрение – яркая иллюстрация приема *сияющие обобщения*), а оппозиционные им, соответственно, силами зла. Таким образом, ведущая внушает слушателям, что речь идет *не просто о политическом противостоянии двух партий* – на самом деле разворачивается экзистенциальная битва *света против тьмы*. И снова, манипулируя эмоцией страха, Джен пытается мобилизовать граждан для общей (хоть и довольно расплывчатой) цели.

Итак, анализ выступлений политических обозревателей, принадлежащих к оппозиционным «лагерям», позволяет заключить, что оба ведущих активно реализовывали коммуникативные стратегии и манипулятивные приемы с целью произвести определенное впечатление на аудиторию. Выступление Джесси Воттерса было пронизано сатирой, а монолог Джен Псаки – драматизмом, но такие разные подходы к подаче информации выполняли одну и ту же задачу – привлечение публики на свою сторону через дискредитацию оппонентов.

Оба комментатора задействовали *стратегию театральности*. В ее рамках были применены риторические приемы: анафоры, метафоры, гиперболы, пафос, сравнение. Иронично, что тактику информирования (приведение фактов, не сопровождаемое личным отношением говорящего), наиболее уместную в новостном формате СМИ, комментаторы практически не применяли. Из отличий: выступление Джесси Воттерса содержало тактики иронизирования и размежевания, а монолог Псаки – тактику побуждения.

В русле *стратегии на понижение* оба ведущих использовали тактики обличения и оскорбления, Джен Псаки также применила тактику анализ-минус.

Стратегия на повышение представлена лишь в одном эпизоде тактикой презентации, применил ее Джесси Воттерс. Это подтверждает наш вывод о том, что первостепенная задача комментаторов в рассмотренных выступлениях именно в дискредитации оппонентов, а не в похвале сторонникам.

С точки зрения использования манипулятивных приемов ведущими также отмечаются сходство и различия. Оба комментатора «навешивают ярлыки», «подтасовывают карты» и используют эффект «общего вагона». Из отличий: Джесси Воттерс также активно приводил «ссылки на авторитеты», а Джен Псаки делала «сияющие обобщения».

Анализ материала позволяет констатировать высокий градус противостояния в дискурсе оппозиционных американских СМИ, особенно в период выборов. Дихотомия «свои – чужие» дошла до экстремальных точек, где «чужие» демонизируются, а «свои» представляются непогрешимыми, «без полутонов».

Разные телеканалы транслируют совершенно полярные точки зрения на одно и то же событие. Неопределившемуся избирателю в таком случае всегда сложно сделать выбор, ориентируясь только на СМИ. Очевидно, стремление к манипулятивному воздействию на аудиторию и основополагающие принципы журналистики: объективность и беспристрастность – несовместимы.

Перспективным представляется дальнейшее рассмотрение данного дискурса и дихотомии «свои – чужие», репрезентированных в американских ток-шоу и развлекательных телепередачах. Эти «неочевидные» участники политической коммуникации активно используют сатиру для дискредитации неугодного политика и тем самым вносят свой вклад в поляризацию общества.

ЛИТЕРАТУРА

Белютин Р.В. «Вошли в коммуникативный клинч»: дискурс противостояния в субкультуре футбольных фанатов (на примере Рурского дерби «Шальке 04» vs «Боруссия» (Дортмунд)) // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1(65). С. 119–130.

Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999. 235 с.

Громова Н.С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия // Политическая лингвистика. 2019. № 2(74). С. 150–155. DOI: 10.26170/pl19-02-17.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.

Денисов Д.А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РРГУ. 2009. № 1. С. 113–126.

Евдокимов В.А. Масс-медиа как сфера применения политических технологий: учебное пособие для студентов направления подготовки высшего образования – бакалавриата «Журналистика». Омск: Изд-во ОмГА, 2016. 356 с.

Иссерс О.С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 51–54.

Казakov А.А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. № 3(45). С. 87–90.

Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2009. 380 с.

Космодемьянская В.И., Лисенко М.В., Малыхина М.В. Агрессия в политическом дискурсе как институализированный вид речевой конфронтации // Политическая лингвистика. 2024. № 3(105). С. 60–64.

Кравец П.С. Формирование образа врага посредством СМИ в процессе манипуляции общественным сознанием // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-2(61). DOI: 10.24412/2500-1000-2021-10-2-146-149.

Минаева Н.С., Русинов С.А. Оценка манипулятивного воздействия средств массовой информации при создании «образа врага». 2010. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4101/3/prv-19-09.pdf?ysclid=mfw83e3gw1761315617> (дата обращения: 15.06.2025).

Маслаков С.И. Формирование «образа врага» как средство манипулятивного воздействия на социальные группы // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 19–20 ноября 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Зубок. Воронеж; Белгород, 2015. С. 507–512.

Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

РБК: Партии в США: история, сходства, различия. URL: <https://www.rbc.ru/base/28/10/2024/671f8f719a79476974e9e085> (дата обращения: 20.06.2025).

Чес Н.А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. 2015. № 11–12(83–84). С. 36–39.

Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.

Alafnan M.A. Public discourse: Systemic functional analysis of Trump's and Biden's inaugural speeches // Journal of Language and Linguistic Studies. 2022. № 18(1), С. 1–14. DOI: 10.52462/jlls.162. URL: <https://www.jlls.org/index.php/jlls/article/view/2384/949> (дата обращения: 20.06.2025).

Blais A., Boyer M.M. Assessing the impact of televised debates: The case of the 1988 Canadian election // British Journal of Political Science. 1996. № 26(2). P. 143–164. URL: https://www.researchgate.net/publication/316674723_Assessing_the_Impact_of_Televised_Debates_The_Case_of_the_1988_Canadian_Election (дата обращения: 16.06.2025).

Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. New York: Academic Pr., 1977. 164 p.

Faris R. Partisanship, Propaganda, and Disinformation: Online Media and the 2016 U.S. Presidential Election / R. Faris, H. Roberts, B. Etling, N. Bourassa, E. Zukerman, Y. Benkler // The Berkman Klein Center for Internet & Society at Harvard University. 2017. URL: <https://cyber.harvard.edu/publications/2017/08/mediacloud> (дата обращения: 17.06.2025).

Fox News. VK Video. URL: https://vkvideo.ru/video-232554525_456239017 (дата обращения: 05.06.2025).

Ghazani A.Z. Study of Persuasive Strategies in Selected American Presidential Speeches // International journal of humanities and social sciences. 2016. URL: https://www.academia.edu/91238915/Study_of_Persuasive_Strategies_in_Selected_American_Presidential_Speeches?nav_from=0f850abe-314c-42ec-a638-fa6624387751 (дата обращения: 16.06.2025).

Haboobi Z.R.H.A., Rikabi A.A.A. The (Im)politeness of political fallacies: A pragmatic analysis // Journal of Language and Linguistic Studies. 2022. № 18 (Special Issue 1). P. 705–720.

Horvath J. Critical Discourse Analysis of Obama's Political Discourse. 2010. URL: https://www.academia.edu/30932023/Critical_Discourse_Analysis_of_Obamas_Political_Discourse (дата обращения: 17.06.2025).

Imran S., Raza S., Saeed Z. Critical Discourse Analysis of Discursive Strategies Utilized in Donald Trump and Joe Biden's Inaugural Speeches // Al-Mahdi Research Journal. 2024. Vol. 5, Is. 4. P. 560–573.

Strömbäck J. Shaping Politics: Mediatization and Media Interventionism // Strömbäck Jesper, Frank Esser – Zurich Open Repository and Archive. URL: https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/29325/1/Strömbäck_%26_Esser_2009_Mediatization_%28Lundby%29.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

Stobbs J.G. Critical Discourse Analysis of Barack Obama's 1st Inaugural Speech. 2012. URL: http://www.researchgate.net/publication/234058394_Critical_Discourse_Analysis_of_Barack_Obama%27s_First_Inaugural_Speech (дата обращения: 19.06.2025).

Cambridge Dictionary. Strip away. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/strip-away> (дата обращения: 20.07.2025).

Cambridge Dictionary. Felon. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/felon> (дата обращения: 20.07.2025).

Cambridge Dictionary. Indictment. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/indictment> (дата обращения: 20.07.2025).

Collins Dictionary. Crack down (on). URL: <https://www.collinsdictionary.com/search/?dicTCode=english&q=crack+down+on> (дата обращения: 20.07.2025).

Collins Dictionary. Brag. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/brag> (дата обращения: 20.07.2025).

Encyclopædia Britannica: Political machine. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-machine> (дата обращения 16.06.2025).

New Generation Dictionary. Hyperpartisan. URL: <https://goong.com/word/hyperpartisan-meaning/> (дата обращения: 20.06.2025).

Oxford Learner's Dictionaries. Incite. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/incite?q=incite> (дата обращения: 20.07.2025).

Oxford Learner's Dictionaries. Insurrection. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=insurrection> (дата обращения: 20.07.2025).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. <https://www.mediamatters.org/fox-news/fox-news-republican-party-here-are-over-400-examples-proving-it> (дата обращения: 18.06.2025).

2. <https://www.independentsentinel.com/msnbc-producer-mnbc-indistinguishable-from-democrat-party/> (дата обращения: 18.06.2025).

3. https://t.me/real_DonaldJTrump/18499 (дата обращения: 28.08.2025).

4. https://vkvideo.ru/video-232554525_456239017 (дата обращения: 06.06.2025).

5. https://vkvideo.ru/video-232554525_456239018 (дата обращения: 06.06.2025).

K.V. Andreyeva

Postgraduate student,

Chair of German,

Smolensk State University

Smolensk, Russia

The Discourse of Bipartisan Confrontation in Modern American Media (A Case Study of Fox News and MSNBC Television Channels)

The article is devoted to the specifics of the use of linguistic influence techniques by the American mass media involved in the bipartisan political discourse. The article provides an overview of research related to the confrontation in political discourse, as well as the direct involvement of the media in political processes. The conclusion is made about the bias of many modern media and their

use of manipulative techniques to influence the audience. A brief historical summary is given of the two main opposition parties in the United States, the history of their emergence and the ongoing confrontation since then. The news releases of the pro-Republican Fox News channel (hosted by Jesse Watters) and the pro-democratic MSNBC (hosted by Jen Psaki) devoted to the re-election of Donald Trump were selected as the material for the analysis. The study uses the classification of communicative strategies in political discourse by O.L. Mikhaleva, as well as the «classic» American list of manipulative influence techniques. The article makes use of general scientific methods, descriptive method, method of discursive analysis, contextual analysis, interpretive method, methods of comparative analysis. The author comes to the conclusion that none of the presenters adhered to the standard of impartial news broadcasting, on the contrary, both actively used communication strategies in order to influence the public. The article describes the similarities and differences in the choice of manipulative tactics and techniques by opposition commentators, most of which are aimed at denigrating the opponent. The same political event is given a diametrically opposed assessment by media representatives, which makes it difficult for the voter to make a choice. The analysis of political confrontation discourse in American entertainment television shows seems promising in terms of further research of this topic.

Keywords: American political discourse; confrontation discourse; media discourse; bipartisan confrontation.

REFERENCES

Belyutin R. V. «They Held Each Other in a Communicative Clinch»: a Showdown in Football Fans' Subculture (by the Example of the Revier Derby Schalke 04 vs Borussia Dortmund) [«Voshli v kommunikativnyy klinch»: diskurs protivostoyaniya v subkul'ture futbol'nykh fanatov (Na primere Rurskogo derbi «Shal'ke 04» vs «Borussiya» Dortmund)]. *Issues of Smolensk State University*, 2024. No. 1(65). P. 120 (in Russian).

Grachev G.V., Melnik I.K. Personality manipulation. Organization, methods and technologies of information and psychological impact. [Manipulirovanie lichnost'yu. Organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya] Moscow: RAS. Institute of Philosophy. 1999. 235 p. (in Russian).

Gromova N.S. Speech aggression in political communication: causes and consequences [Recheyaya agressiya v politicheskoy kommunikatsii: prichiny i posledstviya]. *Political linguistics*, 2019. No. 2 (74). Pp. 150–155. DOI 10.26170/pl19-02-17 (in Russian).

Demyankov V.Z. Interpretation of political discourse in the media [Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI]. *Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research: A Textbook*. Edited by M.N. Volodina. Vol. 1. Moscow, 2003. (in Russian).

Denisov D.A. Identification of the enemy image in political communication [Identifikatsiya obraza vraga v politicheskoy kommunikatsii]. *Bulletin of RGGU*, 2009. No. 1. Pp. 113–126 (in Russian).

Evdokimov V.A. Mass media as a sphere of application of political technologies: a textbook for students of higher education – Bachelor's degree in Journalism [Mass-media kak sfera primeneniya politicheskikh tekhnologiy: uchebnoe posobie dlya studentov napravleniya podgotovki vysshego obrazovaniya – bakalavriata «Zhurnalistika»]. Omsk: OmGA Publishing House, 2016. 356 p. (in Russian)

Issers O.S. Pasha-"Mercedes", or a speech strategy of discrediting [Pasha-«Mersedes», ili Recheyaya strategiya diskreditatsii]. *Bulletin of Omsk University*, 1997. No. 2. P. 112 (in Russian).

Kazakov A.A. Methods of linguistic manipulation in political media discourse: an attempt at systematization [Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v politicheskom mediadiskurse: popytka sistematizatsii]. *Political linguistics*, 2013. No. 3 (45). Pp. 87–90 (in Russian).

Kara-Murza S.G. The power of manipulation. [Vlast' manipulyatsii]. Moscow: Academic Project, 2009, 380 p. (in Russian).

Kosmodemyanskaya V.I., Lisenko M. V., Malykhina M. V. Aggression in political discourse as an institutionalized type of verbal confrontation [Agressiya v politicheskom diskurse kak instutualizirovanny vid rechevoy konfrontatsii]. *Political linguistics*, 2024. No. 3 (105). Pp. 60–64 (in Russian).

Kravets P.S. Shaping the image of the enemy through the media in the process of manipulating public consciousness [Formirovanie obraza vruga posredstvom SMI v protsesse manipulyatsii obshchestvennym soznaniem]. *International journal of humanities and natural sciences*, 2021. No. 10–2 (61) (in Russian).

Minaeva N.S., Rusinov S.A. Assessment of the manipulative influence of mass media in creating an "enemy image" [Otsenka manipulyativnogo vozdeystviya sredstv massovoy informatsii pri sozdanii «obraza vruga»]. 2010. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4101/3/pv-19-09.pdf?ysclid=mdipbxugay179449091> (accessed on June 15, 2015). (in Russian)

Maslakov S.I. The formation of the "enemy image" as a means of manipulative influence on social groups [Formirovanie "obraza vruga" kak sredstvo manipulyativnogo vozdeystviya na sotsial'nye gruppy]. *Risks in a changing social reality: the problem of forecasting and management: works of the international scientific and practical conference*. Belgorod, 2015. Pp. 507–512 (in Russian).

Mikhaleva O.L. Political discourse: The specifics of manipulative influence [Politicheskiy diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009, 256 p. (in Russian).

Ches N.A. Constructing the image of the enemy in the metaphorical picture of the world in the context of information warfare (based on the material of English-language political discourse) [Konstruirovaniye obraza vruga v metaforicheskoy kartine mira v usloviyakh informatsionnoy voyny (na materiale angloyazychnogo politicheskogo diskursa)]. *Human capital*, 2015. No. 11–12 (83–84). Pp. 36–39 (in Russian).

Shcherbinina Yu. V. Speech aggression. Territory of enmity [Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy]. Moscow: Forum, 2012, 400 p. (in Russian).

AlAfnan M.A. Public discourse: Systemic functional analysis of Trump's and Biden's inaugural speeches. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 2022. No. 18(1). Pp. 1–14. Doi: 10.52462/jlls.162. Available at: <https://www.jlls.org/index.php/jlls/article/view/2384/949> (accessed on June 20, 2025) (in English).

Blais A., Boyer M. M. Assessing the impact of televised debates: The case of the 1988 Canadian election. *British Journal of Political Science*, 1996. No. 26(2). Pp. 143–164. Available at: https://www.researchgate.net/publication/316674723_Assessing_the_Impact_of_Televised_Debates_The_Case_of_the_1988_Canadian_Election (accessed on June 16, 2025) (in English).

Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. New York: Academic Pr., 1977. 164 p. (in English).

Faris R., Roberts H., Etling B., Bourassa N., Zukerman E., Benkler Y. Partisanship, Propaganda, and Disinformation: Online Media and the 2016 U.S. Presidential Election. *The Berkman Klein Center for Internet & Society at Harvard University*. 2017. Available at: <https://cyber.harvard.edu/publications/2017/08/mediacloud> (accessed on June 17, 2025) (in English).

Ghazani A.Z. Study of Persuasive Strategies in Selected American Presidential Speeches. *International journal of humanities and social sciences*. 2016. Available at: https://www.academia.edu/91238915/Study_of_Persuasive_Strategies_in_Selected_American_Presidential_Speeches?nav_from=0f850abe-314c-42ec-a638-fa6624387751 (accessed on June 16, 2025) (in English).

Haboobi Z.R.H.A., & Rikabi A.A.A. The (Im)politeness of political fallacies: A pragmatic analysis. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 2022.No. 18 (Special Issue 1). Pp. 705–720 (in English).

Horvath, J. Critical Discourse Analysis of Obama's Political Discourse. *Academia*. 2010. Available at: https://www.academia.edu/30932023/Critical_Discourse_Analysis_of_Obamas_Political_Discourse (accessed on June 17, 2025) (in English).

Imran S., Raza S., Saeed Z. Critical Discourse Analysis of Discursive Strategies Utilized in Donald Trump and Joe Biden's Inaugural Speeches. *Al-Mahdi Research Journal*, 2024. Vol. 5. Issue 4. Pp. 560–573 (in English).

Strömbäck J., Esser F. Shaping Politics: Mediatization and Media Interventionism. Zurich Open Repository and Archive. 2009. Available at: https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/29325/1/Strömbäck_%26_Esser_2009_Mediatization_%28Lundby%29.pdf (accessed on June 20, 2025) (in English).

Stobbs J.G. Critical Discourse Analysis of Barack Obama's 1st Inaugural Speech. 2012. Available at: http://www.researchgate.net/publication/234058394_Critical_Discourse_Analysis_of_Barack_Obama%27s_First_Inaugural_Speech (accessed on June 19, 2025) (in English).

Strip away. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/strip-away> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Felon. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/felon> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Indictment. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/indictment> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Crack down (on). *Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/search/?dictCode=english&q=crack+down+on> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Brag. *Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/brag> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Political machine. *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/topic/political-machine> (accessed on June 16, 2025) (in English).

Hyperpartisan. *New Generation Dictionary*. Available at: <https://goong.com/word/hyperpartisan-meaning/> (accessed on June 20, 2025) (in English).

Incite. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/incite?q=incite> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Insurrection. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/search/english/?q=insurrection> (accessed on July 20, 2025) (in English).

Parties in the USA: history, similarities, differences. [Partii v SSHA: istoriya, skhodstva, razlichiya]. *RBK*. Available at: <https://www.rbc.ru/base/28/10/2024/671f8f719a79476974e9e085> (accessed on June 20, 2025) (in Russian).

С.И. Дубинин

Самарский национальный исследовательский университет
им. С.П. Королева
Самара, Россия

УДК 181.11-112

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-145-161

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ И НАРРАТИВ ПРЕССЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Ключевые слова: Третий рейх; пресса; нацистская медиapolитика; пропаганда; «Der Angriff»; концептосфера; немецкий язык; паралингвистические средства; креолизация текста.

Статья посвящена критическому анализу взаимосвязи доминант нарратива нацистской прессы 1930-х годов в Третьем рейхе с ее особым визуальным контентом, передающим селективируемую информацию через типографический дизайн, колористику и изображения (фотографии, рисунки, карикатуры, логотипы). Наглядным примером послужила газета «Der Angriff» («Атака»), «гауляйтерское издание» Берлина, трансформировавшееся в ходе упрочения режима в весомый компонент системы нацистских печатных медиа. Особое внимание уделяется типографике (комбинирование «патриотических» фразктуры и неоготики с «нейтральной» антиквой) как важному паралингвистическому средству визуализации политической агрессии и тоталитарной пропаганды в прессе Германии 1930-х годов. Обращается внимание на семантику и перевод номинаций в нацистской прессе (заголовки, идеологемы, реалии и др.). Полученные результаты актуальны для методологии и инструментария комплексного семиотического, дискурсивного и лингвистического анализа немецкоязычных печатных медиа Германии первой половины XX века и их индоктринальной основы.

Традиционно визуальный контент и его элементы сопровождали текстовый материал или являлись автономной единицей содержания немецкоязычной прессы первой половины XX века – самого бурно развивавшегося представителя медиа Германии. Наглядная иллюстрация, карикатура к тексту передавали атмосферу события, комментируя или привлекая внимание к материалу, а коллажи применялись для сравнения нескольких элементов, демонстрируя ситуацию «до / после». Визуальность прессы улучшала восприятие материала, позволяла читателю в короткое время понять смысл публикации, сосредоточившись на значимой информации и на время отвлекаясь от основного текста. Это стимулировало интерес к прочтению всего газетного текста, а изображение подчеркивало его привлекательность, «познавательность».

Пропаганда в Третьем рейхе изначально, в период борьбы нацистов за власть в 1920-х годах, уделяла особое внимание визуальному воздействию в печатных медиа, включая выбор типографики, дизайн и построение изображения, и выработала единый визуальный стиль и инструментарий. Многофакторный дискурс нацистской прессы жестко контролировался государством для манипуляции общественным сознанием и поведением.

Региональные руководители НСНРП (гауляйтеры) как опора нацистской диктатуры на местах назначались лично Гитлером и курировались до 1941 года Рудольфом Гессом – его заместителем по партии. С 1933 года их роль значительно усилилась с началом интеграции всех сфер жизни в рамках политики «*Gleichschaltung* (унификация)», с внедрением нацистской идеологии и культов. Многие гауляйтеры совмещали партийные и государственные должности, обеспечив влияние НСНРП на местную администрацию, что размывало границы между партией и государством. В 1933–1939 годах гауляйтеры превратились в ключевых проводников нацистской политики индоктринации, обеспечив консолидацию власти НСНРП как сочетание террора, пропаганды и административного контроля тоталитарного режима.

При исследовании изданий лидеров НСНРП, в частности гауляйтеров, особенно наглядно сопоставление трансформаций визуального стиля известных, по-своему негативно ярких и первоначально компактных нацистских газет, которые в разной мере сближались с агитационной медиасферой НСНРП или с «желтой прессой». Они издавались региональными руководителями крупных партокругов – центров политической жизни и «движения», осуществлявшими делегируемое политруководство с полномочиями автономии, граничившими с наместничеством. Отечественные исследования этой темы акцентируют сочетание семиотического и лингвистического подходов, но пока недостаточно масштабны [Игнатова, 2007; Штыркина, 2011; Дубинин, 2025 и др.].

Еженедельник «Атака»: 1927–1933 годы. Переход от оппозиционного к официальному формату, особую креолизацию и типографику демонстрирует значимая партийная газета столичного региона «*Der Angriff* (Атака)», по-своему отразившая эволюцию нацистского режима. Она была основана в 1927 году как вечернее еженедельное издание с «этническим» подзаголовком «*Das deutsche Abendblatt in Berlin*» («Немецкий вечерний выпуск в Берлине»). Мотивом была реакция на запрет НСНРП и потребность в укреплении ее позиций в Берлине. «Атака» восполнила необходимость в менее официальном органе пропаганды, использующем более доступный широкий массам язык, чем главная газета НСНРП «*Völkischer Beobachter*» / «VB» («Народный обозреватель»).

Это была креатура одной из ключевых фигур нацистского движения и диктатуры Йозефа Геббельса, активного регионального партлидера, бесменного гауляйтера Берлина (с 1926 года), депутата рейхстага (с 1928

года), руководителя отдела пропаганды НСНПП (с 1930 года). В формате небольшой вечерней газеты он сделал ставку на оперативность, сенсационность «горячих» новостей в их быстрой интерпретации, что было востребовано в мегаполисе. Содержательной основой служила смесь агрессивной политики и легких материалов – коротких, неформальных по тону и бульварных по стилю заметок.

Газета официально не числилась изданием НСНПП, иногда анонсируясь как «Die Zeitung des arbeitenden Volkes» («Газета трудящегося народа»), выходя лабильно (иногда по понедельникам) и первоначально локально (Rotadruk GmbH) или в малых издательствах (Scherl Verlag, Verlag «Der Angriff» GmbH). В дальнейшем «Атаку» рекламировали как второй после «VB» по важности «Zentralorgan der Bewegung» (центральный орган движения), оформляя их с 1933 года в единой подписке.

По-агитаторски лаконичное название «Атака» предложил Геббельс как символ идеологического наступления и акциональный призыв от имени «агрессивного авангарда» в рамках нацистской медиадоктрины. Оно выразило программу газеты, целью которой была не защита «движения», а переход от обороны к конкретному действию, что маркировалось употреблением определенного артикля. Геббельс подчеркивал, что название должно выражать программу одним словом, вызывая ассоциации с воинственностью. Визуальная идентичность бренда «Атаки» воплощалась в названии-лозунге, служа визуально-смысловым манифестом агрессивной политики НСНПП. Встречаются и русские переводы «Штурм», «Натиск», а исследователи отмечают изначальное обилие в газете военной лексики [ЭТР, 1996].

Названием «Атака» выделилась среди возникших во многих партокругах официальных газет, напрямую подчиненных гауляйтеру или местному руководству НСНПП. Они часто имели названия типа «[Название гау] Beobachter» (ср. «Westfälischer Beobachter»), или «[Название гау] Zeitung / Gauzeitung / Nachrichten». С 1933 года гауляйтеры лично или через свои пресс-отделы осуществляли надзор за прессой партийного округа. Региональные «гауляйтерские» газеты были винтиками общегосударственной пропаганды, работавшей на тотальный контроль над сознанием населения и поддержку нацистского режима. Они являлись не отдельным типом изданий, а воплощением подконтрольности прессы региона, используемой гауляйтером как инструмент власти и пропаганды в тоталитарной системе.

«Атака» приобрела особый статус и свои форматы. Важнейшие пропагандистские установки нацизма, концепты, визуальные образы и мифы Третьего рейха впервые появились и вербализировались на ее страницах [Lemmons, 1994]. Подзаголовком издания служил ранний, рассчитанный на привлечение в НСНПП и СА сторонников «левых» и ставший затем индифферентным девиз нацистов: «Für die Unterdrückten gegen die Ausbeuter!» («За

угнетенных против эксплуататоров!»). С учетом семантики предназначенности предложения *für* возможен перевод: «Для угнетенных против эксплуататоров!», который представляет газету орудием борьбы.

Геббельс подавал через упрощенный контент газеты антисемитизм и подавление демократических институтов как основные стратегии «борьбы за справедливость», завуалированные под заботу, в частности, об интересах рабочих как целевой аудитории «Атаки». Издание позиционировалось и как голос простых «обиженных» немцев, заложив основы медиастратегии нацизма по созданию «альтернативной реальности».

Соредакторами выходившей вначале в основном на партсредства с переменной периодичностью газеты – ксенофобского таблоида, напоминавшего подборку листовок, были местные пропагандисты, коллеги Геббельса. Первыми его соратниками стали литератор-публицист, биограф Геббельса Вилли Краузе, в дальнейшем функционер в сфере культуры и кинодраматург, а затем группенфюрер СА Юлиус Липперт – журналист-политик, комиссар НСНРП по Берлину (с 1933 года), будущий обер-бургомистр столицы (с 1937 года).

Газета (объем 12–16 с.) не имела больших тиражей: первоначально 2000, в 1930 году уже 60 000, в 1931 году – 80 000, в 1932 году – 110 600, к 1933 году около 120 000 экземпляров. Некоторое время она как личный рупор выражала взгляды Геббельса. С целью укрепления личного авторитета и создания культа шеф-редактора – «народного трибуна» на первой полосе в правой авторской колонке помещались полемическо-скандальные статьи с узнаваемой подписью «Dr. G.», которые визуально доминировали над другими материалами (персональный брендинг). Установкой Геббельса было не только привлечение новых партийцев, завоевание массового читателя в берлинской метрополии при помощи газеты, обозначенной первоначально как «Groß-Berliner Montagsblatt» («Понедельничное издание метрополии Берлина»), но и гибкое отстаивание «респектабельности» партпропаганды. Поэтому «Атаку» отличали ксенофобия и антисемитизм несколько более «культурного свойства».

Для продвижения издания применялись и грубое давление на уличных газетных торговцев, провокационные медиакампании, а скандалы стали инструментом роста «Атаки». Так, когда в 1931 году власти города временно запретили газету, Геббельс превратил это в пиар-ход и выпустил спецномер с заголовком «“Атака” запрещена!», создав образ «жертвы системы». В результате тираж вырос, а газета перешла на двухразовый недельный выпуск.

Геббельс акцентировал использование визуальных средств как ключевой инструмент нацистской пропаганды, считая ее «сродни живописи». Визуальные стратегии «Атаки» направлялись на эмоциональное воздействие, мобилизацию реальных и потенциальных сторонников, упрощая идеологические концепции нацизма. Агрессивность пропаганды реализовывалась не только через скандалы-перформансы, подачу конфликтов с властью как доказательства

«правдивости» издания, но и через провоцирование направленных на поляризацию общества реакций (страх, гнев, ненависть, надежда) в опоре на методы «умственного упрощения», «вдалбливающего повторения». Ее дизайн отличался насыщенной символикой, ориентацией на массовое восприятие, заимствуя приемы креолизации у нацистской плакатистики. Поэтому газета вывешивалась в публичных витринах [Lemmons, 1994].

Агитационно-плакатный стиль отличал первую полосу геббельсовской газеты. Наглядные заголовки «Атаки» были краткими, резкими, лозунговыми, с повторением негативных метафор («Еврейское нашествие!», «Коммунистская чума!») и ключевых слов или фраз с семантикой призыва («Развернем знамена!», «Наши погибшие взывают!»), нередко в форме обвинения или оскорбления. Распространялись плакаты-анонсы к выпускам, агитационные листовки единого формата, отрывки из речей Геббельса — «Wortlaut» («речение»). Перед выходом, например, первого номера в рамках визуальной кампании размещались броские, «загадочные», интригующие плакаты: «Der Angriff?, Der Angriff wird am <...> folgen!» («Атака? Атака начнется в... !»), возбуждающие событийный интерес вокруг готовящейся публикации (провокационный предпродажный «вирусный маркетинг»).

Рис. 1. Заголовочный комплекс и плакат (1933 год)

Привлечение, «возбуждение» читателей реализовывались разнообразием приемов визуализации, но креолизация преобладала над иллюстративностью. Крупное «экспрессионистское» оформление агрессивно-пропагандистского названия «Атаки» в виде наклонного курсивного росчерка в плакатном

стиле «атакующим» шрифтом, сочетание в заголовочном комплексе «патриотичной» готики и антиквы напоминало рекламный блок-баннер или транспарант, что отличало партиздания [Дубинин, 2024, 132–133]. Броскую надпись – узнаваемый логотип Геббельс, как «эмоциональный» пропагандист-практик, придававший большую роль слоганистике и символике, вынес на титулы личного цитатника – «Краткого букваря национал-социалиста» («Der Angriff. Das kleine ABC des Nationalsozialisten», 1929 год) и сборника опубликованных в «Атаке» статей («Der Angriff. Aufsätze aus der Kampfzeit», 1935 год).

Рис. 2. Логотип «Атаки» на титулах сочинений Геббельса

Изначальная агрессивность имиджа газеты обусловила простоту ее макета. «Атака» печаталась в формате новостного издания (лист А3: 32,2 × 48 см) с упрощенной версткой в четыре колонки. Визуальный стиль был лаконичным, с акцентом на кричащем заглавии и/или изображении: огромные заголовки жирной неоготикой, доминирующие лапидарные, эмоционально заряженные карикатуры, рисунки, фотоиллюстрации. Иногда пустое пространство вокруг них использовалось для усиления воздействия. Краткие тексты имели вид блоков в тезисной, содержательно повторяемой форме, что делало послыл быстро читаемым, а минимализм текста переносил акцент на образы. В колористике титульной страницы использовалась черно-белокрасная комбинация государственных цветов Германской империи, отраженных и на национальном флаге Третьего рейха в 1933–1935 годах.

В обильно креолизованной «Атаке» (особенно в ее воскресных спецвыпусках и на первой полосе) размещались подобранные для создания драматического эффекта фотографии (митинги, лидеры НСНРП в эффектных позах, уличные столкновения с акцентом на пострадавших нацистах). Доминировали визуализация культа Гитлера как мессии, спасителя Германии, сильного и решительного лидера, а также демонстрация единства, динамизма «движения» (митинги, марши СА, партсезды). Минималистская верстка статей отмечалась крупной постановочной фотоиллюстрацией для фокусировки внимания. Удачные визуальные решения «Атаки» охотно перепечатывали региональные издания НСНРП и даже «VB».

Чаще использовались карикатуры, особенно в первые годы «Атаки». Центром визуального ряда, маркером визуальной агрессии, конфронтации были и пропагандистские рисунки. Они подавали реальность как простые бинарные схемы (герои – предатели, порядок – хаос), насыщались образной семантикой «нацистской альтернативы» разрушению, упадку, визуально упрощенным разделением без критического осмысления на «свой – чужой» с антисемитским уклоном, издевательским показом политических противников дегенеративными

мемами «всеобщей угрозы». Карикатурная антиэстетика «Атаки» должна была вызвать гнев и отвращение к персонажам как «архиврагам».

Штатный автор карикатур Ганс Швайцер, друг и соратник Геббельса по партгруппе Берлина, один из соучредителей «Атаки», работал в партструктурах и крупных нацистских изданиях, например в «VB», иллюстрировал и сочинения Геббельса. Этот известный в Третьем рейхе художник-график, плакатист, активист НСНРП имел псевдоним-мифоним *Mjölnir* (боевой сакральный молот-сокрушитель германского бога-громовержца Тора в идеологии арийско-германской расы). Метафорическая этимология слова (др. сканд. **mjoll* «сияние, молния, молниеносец») ассоциируется с квазиязыческим культом нацистов, визуализируемым в «молниеподобном» руническом логотипе СС. Швайцер использовал как «ударные» логотипы молот, бьющий по наковальне (олицетворение вражеской системы), и молнию. Плакаты Швайцера были популярны в оформлении шествий СА. За авторство нацистских постеров и геральдики он в 1933 году был назван Гитлером «Zeichner der Bewegung» («рисовальщик движения»), получив звание профессора искусствоведения и почетный чин оберфюрера СС. Швайцер занял ряд высоких постов в культурно-политической сфере, в частности председателя Имперского комитета иллюстраторов прессы.

Рисунки и карикатуры этого инициативного арт-пропагандиста при их грубоватой простоте, лаконичности, навязчивой повторяемости их мобилизующего символизма отличали динамизм, экспрессионистичность, широта тематики, разнообразие персонажей. Швайцер слыл создателем медиастереотипов «нордического героя», «штурмовика СА», «фюрера». Его рисунки обрамляли броские подписи и слоганы, нередко готические, чаще за его авторством.

Рис. 3. Рисунки и карикатура Швайцера

Геббельс, создав свою «Атаку», заложил основы визуализации пропаганды, нацистских стратегий передела медиаландшафта Третьего рейха, принципы адаптации контента под аудиторию и упрощенной агрессивной риторики, апробировав в этой «лаборатории» методы и сценарии манипуляции массовым сознанием и эмоционального воздействия через прессу.

Метаморфозы «Атаки» после 1933 года. С возвышением Геббельса в должности рейхсминистра народного просвещения и пропаганды, занятием ряда постов, переключением на обязанности рейхслайтера (госруководство пропаганды) как высшего функционера НСДАП и уходом осенью 1933 года с поста редактора влияние издания ослабло. Исчезли и прежний «образ врага-демократа», необходимость громких призывов к политической борьбе. Тираж «Атаки» уменьшился, хотя в 1933 году она получила в поддержку госмонополию на рекламу в Берлине.

В новой ситуации на роль шеф-редакторов Геббельс выдвигал вместо «неэффективного» Липперта протеже – деятельных соратников-пропагандистов, видных нацистских журналистов, медиафункционеров, политиков, чинов СА и СС, сделав «Атаку» административно-редакторской «школой кадров». Это Кароли Кампманн (1933–1934), депутат рейхстага, в дальнейшем руководитель пресс-отдела Имперской службы труда, сотрудник Немецкого информбюро. Его сменил в 1934–1937 годах умелый берлинский газетчик Ганс Шварц ван Берк, член руководимой рейхсминистром Имперской палаты культуры, сотрудник пресс-службы Германского трудового фронта, будущий лидер информслужб ведомства Геббельса и нацистской международной журналистики. В 1938–1939 годах редакторствовал Карл Ханке, депутат рейхстага, референт Геббельса берлинского периода, его секретарь в министерстве, вице-президент Имперской палаты культуры [Lemmons, 1994].

В ключевом для становления диктатуры 1934 году, отмеченном радикальной трансформацией нацистами прессы, «Атака» из ежедневника берлинского партокруга ненадолго стала малотиражным (около 15 000 экземпляров) вечерним выпуском с подзаголовком «Die national-sozialistische Abendzeitung» («Национал-социалистическая вечерняя газета»). Издание, ослабив прежний атакующий потенциал, акцентировало новостной контент, выгодно перейдя в главное издательство НСНРП «Eher-Verlag» и «унифицируясь» с партийной прессой. Потеряв свою эпатажность, «Атака» сместила фокус с прямой агитации на «легитимный» пиар, индоктринацию идей и сценариев лояльности к режиму. Ее визуальный стиль стал ближе к официозу изданий НСНРП. Ранее отсутствовавшая на титуле нацистская партийная геральдика ненадолго появилась именно в 1934 году, создав эффект «узнаваемости и доверия».

Рис. 4. Заголовочный комплекс 1934 года

Успешным маркетинговым и политико-рекламным ходом «Атаки» была публикация с санкции Геббельса осенью 1934 года резонансной серии иллюстрированных репортажей со смягченной антисемитской тональностью под рубрикой «Ein Nazi fährt nach Palästina» («Некий нацист едет в Палестину»). Речь шла о якобы «сотрудничестве» режима с сионистским движением в квазипроекте по приемлемому «решению еврейского вопроса» через создание эмиграционного государства в Палестине. Публикацию отметили, частично перепечатав в «Völkischer Beobachter» [Meier, 1999]. Была выпущена одноименная брошюра, а подписчики получили памятный жетон с «мирным соседством» на аверсе звезды Давида со свастикой и логотипом «Атаки» на реверсе [Radl, 2024]. Показательно, что на фоне отпечатанных готикой статей шрифтовое оформление заголовка, жетона и рекламы репортажа было выполнено «нейтральной» антиквой.

Рис. 5. Жетон «проекта», заголовок статей и реклама публикации

С 1935 года в стратегии «делегированной» поддержки руководимого главой аппарата НСРП рейхсляйтером Робертом Леем Германского трудового фронта (Deutsche Arbeitsfront / DAF, основан в 1933 году) газета упрочилась, переименовавшись в «Die Tageszeitung der Deutschen Arbeitsfront» («Ежедневная газета Германского трудового фронта»). Используя опыт агитации рабочих Берлина, «Атака» координировала усилия с DAF в освещении рабочих тем, войдя в блок основных печатных медиа построенного по модели нацистской партии массового квазипрофсоюза со статусом

с 1934 года «присоединенного союза» НСНРП. Газета играла новую, «созидательную» роль в трудовой пропаганде и мобилизации населения через унификацию общественного мнения.

Став общегосударственным изданием, креатура Геббельса разнообразила свое содержание, используя и отработанные приемы социальной демагогии, сменив ключевую тематику на социально-трудовые вопросы, транслируя директивы и рекламу проектов DAF. Ее старый титульный лозунг был убран. Увеличив тираж (1935 год – 120 000 экземпляров, 1939 год – около 150 000), «Атака» иногда выходила дважды (утреннее / вечернее издания), оставаясь стабильно популярной в Берлине.

Рис. 6. Заголовочный комплекс (1938)

В «Атаке» как ежедневнике снизилась доля фрактуры, поскольку она обналачивалась как орган DAF – самой массовой организации Третьего рейха, распространяясь и за рубежом. Впрочем, Геббельс не был ортодоксальным приверженцем фрактуры и однообразия дизайна печати. Череспособица с антиквой не лишала здесь «немецкий шрифт» выразительности и нужных коннотаций. Газету отличала пестрота шрифтового оформления как заголовков, рубрикаторов, колонтитула, так и текстов (чаще малоформатных): фактура, псевдоготика, антиква (чаще в информационных публикациях), футура, зюттерлин. Раздел рекламы и объявлений обозначался узнаваемой метафорой «Plakatsäule» («афишная тумба»). Иногда заголовки набирались малым кеглем с «пестрым» шрифтом: «загадочные» титулы побуждали вчитаться для понимания. Важные статьи и лозунги выделялись жирными рамками и подчеркиванием.

Рис. 7. Шрифтовое оформление рубрик и заголовков

С отходом «Атаки» от пафоса стратегий «периода борьбы», дистанцированием от редакторства Геббельса реже привлекали к участию карика-

туриста Швайцера. Визуальность «крика ненависти» и призыва к борьбе нивелировалась. Необходимо было прославление НСНРП, ее структур как успешной правящей партии и особенно DAF. На первое место вышли фото-репортажи (партсезды, парады, выступления лидеров режима, Гитлер в динамичных триумфальных позах) как ключевые элементы сообщения, визуальное доказательство народной поддержки, единства под руководством нацистов. С 1933 года текстовый объем в «Атаке» постепенно сократился, нередко фотоиллюстрации занимали 50% площади полос. Для малообразованных читателей акцент делался на плакатных фото, а для интеллигенции – на «документальных» кадрах.

Фотографы все чаще использовали низкие точки съемки, придавая монументальность вождям и марширующим колоннам, резкие, создающие ощущение движения и мощи ракурсы. Крупные планы лиц лидеров и восторженной толпы усиливали эмоциональное воздействие. Из-за технологических ограничений (качество бумаги, растровая печать) снимки часто были контрастными, с глубокими тенями, яркими бликами, усиливавшими драматический, иногда агрессивный эффект, что вписывалось в пропагандистский нарратив. Потерю детализации компенсировали крупные планы, контраст, легко читаемые простые композиции. Кадры повторялись, режиссировались, объединялись в композиции для достижения пропагандистского эффекта.

Но фотооформление «Атаки» не было иллюстративным – оно создавало эмоционально заряженный, упрощенный, динамичный, манипулятивный визуальный контент. Фотомонтаж в технике плаката использовался реже, чаще фото компоновались, сопровождалась графикой (стрелки, надписи) для усиления посыла. Кадры разных событий монтировались, визуализируя единое «триумфальное событие». В традиции «Атаки» краткие, емкие, идеологически выверенные подписи направляли восприятие читателя, не допуская интерпретации фотоизображения. Они часто были лозунговыми, оформлялись в стиле псевдоготики.

Созданная как нацистский таблоид с агрессивными передовицами, обновленная «Атака» видоизменилась в «респектабельное» издание – одну из ведущих ежедневных газет Берлина. Она успешно участвовала в столице в «Неделе нацистской прессы» 1936 года – в год проведения олимпиады. Газета постоянно позиционировалась в тандеме с флагманом прессы НСНРП – «VB» под лозунгом «С “Атакой” и “Народным обозревателем” за идеи Гитлера!».

Наиболее заметный из редакторов новой «Атаки» Г. Шварц ван Берк осознал, что прежние форматы газеты эффективны как эмоциональные «инструменты борьбы», а не как средства информирования и индоктринации. Он стремился придать ей «серьезный», «информационный» вид, расширив тематику за рамки партлозунгов, освещая повседневность, берлинские новости. Селективно размещались реклама, хроники происшествий, анонсы событий – рубрика «Jeder Berliner liest den “Angriff”!» («Каждый берлинец

читает «Атаку»)), биржевые сводки, некрологи, кроссворды, беллетристика. Выделялся раздел о спорте «Sport im Angriff» – демонстрация «арийского» здоровья и силы. Использовался медиабум олимпиады (Берлин, 1936 год) для создания контента, характерного для популярного издания.

Требование массового визуального контента определило уход от «красной эстетики» – символа нацистской революции и крови, связывавшей газету с «борьбой». Доминантный в заголовках «Атаки» красный цвет сменился на красно-черно-белые имперские тона с акцентом серо-стальных оттенков, символизируя «единство нации», дисциплину. В заголовочных комплексах издания закрепилось варьирование тандема типошрифтов: «патриотичная» неоготика – антиква.

Рис. 8. Типошрифты заголовка и подзаголовка (1939 год)

В 1935–1939 годах «Атака» позиционировалась как «средство коммуникации» руководства DAF с массой его членов (почти все работающее население страны) и увеличила число рубрик, получив обязательное распространение через ячейки предприятий. Глава DAF Лей, владея отторгнутыми у профсоюзов огромными ресурсами и медиаактивами, в частности издательством «Verlag der DAF GmbH», пытался создать автономную пропагандистскую империю в «государстве в государстве» с контентом управления «снизу», напрямую влияя на рабочих. Отдел прессы и пропаганды DAF возглавил Карл Буш, видный партжурналист, работавший в редакции «VB», влиятельный политик, литератор.

Но «Атака» не стала главным печатным органом DAF, контролируясь партиздатством «Eher-Verlag». Контрастируя «боевым» названием с «мирной» прессой DAF (ср. «Der Aufbau» («Строительство»), «Das Arbeiter-tum» («Рабочее сословие») и др.), она пересекалась с ними функционально, уступая в тираже. В новостях и фотоматериалах «Атаки», ставшей для DAF рупором партконтроля, преобладали данные упомянутого геббельсовского Немецкого информбюро как центральной партслужбы. Геббельс как сторонник микроменеджмента централизовал управление прессой через унитарное планирование и исполнение пропаганды. Он жаловался Гитлеру на непрофессионализм, примитивную «самодеятельность» медиапропаганды DAF, которая якобы мешала единой линии НСНПП, назвав Лея «некомпетентным демагогом». Рейхсминистр ориентировал медиа на нацию в целом, подчиняя прессу задачам тотальной мобилизационной пропаганды и считая рабочую тематику второстепенной. Он не поощрял «параллельную прессу»

DAF, контролируя отдел Буша и лишив Лея права назначать редакторов, отводя ему роль администратора соцпрограмм НСНРП.

В ситуации легитимации режима, прославления нацистской социальной политики ключевыми для «Атаки» стали пропаганда «новой трудовой элиты» (Arbeitsadel), «социального мира», освещение установок и успехов DAF. Это организация отдыха в программе «Kraft durch Freude» / «KdF» («Сила через радость»), возведение оборонных заводов, предприятий «Volkswagen» (выпуск KdF-Wagen), культурные акции, жилищное строительство, профобучение. Внедрялись мобилизационные идеи «трудового фронта сражений», энтузиазма, «чести и красоты труда» (Ehre und Schönheit der Arbeit), ликвидации классовой борьбы, создания «народного сообщества» (Volksgemeinschaft), где «плодотворно трудящиеся немцы» (schaffende Deutsche) сплочены, руководимые фюрером и DAF, на благо нации в «Leistungsgemeinschaft» (производительное сообщество). Иллюзия «соцпартнерства» маскировала контроль экономики и «трудовую повинность» (Arbeitseinsatz) [VNS, 2007, 136].

В идеологическом охвате и подчинении населения «Атака», сохраняя интенции «геббельсовского периода», следовала трансформациям пропагандистских установок, внедряя постулаты нацизма (антисемитизм, расизм, милитаризм, антикоммунизм, культ фюрера), упрощая вопросы экономики, добавив к «врагам рейха» вредителей, лодырей, саботажников, асоциальные элементы. Использовались форматы «подстрекательских статей» (Netzberichte), «стратегия слухов», «серая пропаганда»: штатные пропагандисты фабриковали «письма рабочих», публиковалась статистика без указания источников. «Заведомо успешные» инициативы DAF подавались как «воля коллектива», а не директивы НСНРП.

Визуализация газеты второй половины 1930-х годов акцентировала мощь, единство, динамизм DAF: фото массовых мероприятий – митинги, парады, локации KdF, праздники. Стала чаще появляться реклама товаров поддерживавших режим фирм-производителей в «патриотичном» неоготическом шрифтовом оформлении. Это детища программы «Общественный продукт» (Gemeinschaftserzeugnis), нацистской автаркии, поставщики созданного в 1935 году вермахта.

Рис. 9. Реклама электроламп концерна «Osram» (1935 год)

Показателем приоритета визуализации для «Атаки» был приход в редакцию ответственным за оформление (Bilderdienst) Ганса Дибова, доктора

искусствоведения, видного нацистского литератора, журналиста, специалиста по наглядной агитации. Этот сотрудник «VB» прославился редактурой известной антисемитской брошюры «Der ewige Jude» (1937). Примечательно появление во внешнеполитических публикациях пропагандистски выгодных фотоматериалов иностранных агентств, например «Associated Press», а также постепенная ориентации газеты на зарубежье – раздел «Was die Welpresse sagt» («Что сообщает мировая пресса»).

В целом в визуальной стратегии «Атаки» идеологически маркированные типошрифты (фрактур, неоготика) служили выделению сообщения, а не его передаче, используя, например, в заголовках для привлечения внимания. Тенденциозная типографская политика была более характерна для радикальных нацистских изданий «крови и почвы» и т.п., где она служила инструментом для исключения, расовой дискриминации, гендерных стереотипов, для обозначения границ «арийского» сообщества, бросая вызов представлению о печатном языке как о чем-то изначально инклюзивном [Дубинин, 2025, 197].

В «Атаке» после 1935 года (антисемитские Нюрнбергские законы, усиление вермахта) заметен мотив агрессивной сегрегации евреев. Стали активнее позиционироваться концепты: поливалентный милитарный «Front» и новый экспансионистский «Großdeutschland» («Великая Германия»), а также тема подготовки к войне (фото военной техники). Обозначилась и военная символика: шлемы, мечи, орлы и т.п. (см. лозунг с изображением ранжированной «триады» военизированных подразделений НСНРП: штурмовик СА – член Национал-социалистического механизированного корпуса – эсэсовец (рис. 10)).

Рис. 10. Креолизованный агрессивный заголовок-лозунг

«Атака» – личный проект Геббельса – демонстрирует эволюцию нацистского еженедельника, «боевого листка» столичного партокруга, оружия мобилизации в массовую газету-ежедневник как пропагандистский информационно-идеологический инструмент Трудового фронта, крупнейшей подчиненной НСНРП псевдопрофсоюзной организации Третьего рейха. Курируемая основателем, она как элемент тоталитарной нацистской медиасистемы перешла к монологу от имени власти, сыграв важную роль в становлении и развитии нацистской пропагандистской машины.

«Атака» обнаружила связь идеологического контента с визуальными стратегиями как ключевым элементом нацистской пропаганды. Визуально

она сменила формат маргинального «листка» авангардной медиапровокации, эпатажа как средств борьбы за власть на образцово-бюрократический шаблон стандартизации прессы в духе партийной монолитности. Маркером изменения был переход от провокативного диалога с обществом к монологу властной диктатуры, что иллюстрирует закон визуального языка тоталитарной пропаганды: креативность необходима до захвата власти и впоследствии заменяется униформированием.

Нацистский нарратив, синергия упрощенно-эмоционального контента и визуальности «Атаки» были механизмами пропаганды: тексты подкреплялись плакатной эстетикой, особой графикой, медиакампаниями. Геббельс создал инструмент «атаки» на сознание, эталон тоталитарного «мобилизационного» медиа, инкубаторный образец нацистских СМИ: визуальные элементы (плакатность, изображение, в меньшей степени – шрифт) и нацистское содержание работали на взаимоусиление. Рейхсминистр реализовал монополию на нацистский нарратив и его формирование, создав «эмоциональную зависимость» читателей от нацистской пропаганды. Визуальный стиль он развил в 1940-е годы в газете «Das Reich» («Империя»).

Однако невербалика – успешный инструмент монотонной индоктринации 1930-х годов – обнаруживала неэффективность в долгосрочной перспективе. Запрет альтернативных визуальных нарративов, однообразие сюжетов, шаблонность образов лишали визуальность нацистской прессы и ее материалы эмоциональной глубины, убедительности, вызывая «визуальное утомление» в обществе [Клемперер, 1998, 360]. Недостатки визуализации нацистской прессы были системны: примитивизация, унификация, тотальность, безальтернативность теряли эффективность, выродившись в мрачное однообразие контента.

ИСТОЧНИКИ

Der Angriff (Nachdruck). URL: <https://web.archive.org/web/20131207143054/http://zeitungszeugen.de/ausgaben/>.

Der Angriff (Sonderausgaben, 1932). URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/QSQLO325ASMDU4MXJZBX6D2VL3MPDWI3>.

Der Angriff (01.1933). URL: <https://archive.org/details/Der-Angriff-1933-01-30-Nr-25;https://library.frenschan.org/book/1063>.

Der Angriff (12.1935). URL: <http://propagandahefte.bplaced.net/angriff.htm>.

ЛИТЕРАТУРА

Дубинин С.И. «Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30(3). С. 128–141.

Дубинин С.И. Пропагандистский дискурс Третьего рейха и креолизация текстов нацистской прессы // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2(41). С. 188–199.

Игнатова Е.М. Шрифт и идеология: о готическом шрифте в Третьем рейхе // Вестник МГЛУ. Серия: Лингвистика. 2007. Вып. 541(2). С. 72–76.

Клемперер В. ЛТИ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

Штыркина О.В. Особенности содержания и оформления печатных изданий в 1920–1930 гг. в Германии (на примере газеты «Фелькишер беобахтер») // Меди@льманах. 2011. № 1. С. 41–48.

Энциклопедия Третьего рейха (ЭТР) / сост. С. Воропаев. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996. 587 с. URL: https://encyclopediya_3go_reicha.academic.ru/ (дата обращения: 12.02.2025).

Lemmons R. Goebbels and «Der Angriff». Kentucky: University Press, 1994. URL: <https://archive.org/details/goebbelsderangri0000lemm> (дата обращения: 12.02.2025).

Meier A. Die Artikelserie «Ein Nazi fährt nach Palästina». URL: <https://www.bpb.de/themen/nationalsozialismus-zweiter-weltkrieg/die-wohnung/195248/die-artikelserie-ein-nazi-faehrt-nach-palaestina/> (дата обращения: 12.02.2025).

Radl K. The History of ‘Der Angriff’s’ Famous ‘Nazi-Zionist’ Palestine Memorial Coin (2024). URL: <https://www.renegadetribune.com/the-history-of-der-angriffs-famous-nazi-zionist-palestine-memorial-coin/> (дата обращения: 12.02.2025).

Vokabular des Nationalsozialismus (VNS) / Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin – New York: W. de Gruyter, 2007. 717 S.

Waldeck M. Typography and nationalism: the past and modernism under Nazi rule // Journal of Visual Political Communication. 2020. 6(1). URL: https://centaur.reading.ac.uk/91676/1/11May2021Journal_Visual_Poltical_Communication_6_1_Mila_Waldeck.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

S.I. Dubinin

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of German Philology,*

*Samara National Research University named after S.P. Korolev
Samara, Russia*

Visual Content and Narrative of the Press of the Third Reich

The article is devoted to a critical analysis of the relationship between the dominant narrative of the Nazi press of the 1930s in the Third Reich and its special visual content that conveys/frames the selected information through typographic design, coloristics and images (photographs, drawings, cartoons, logos). A good example was the newspaper «Der Angriff» («Attack»), Berlin's «Gauleiter's edition», which transformed into a significant component of the Nazi print media system during the consolidation of the regime. Special attention is paid to typography (the combinatorics of «patriotic fractions» and neo-Gothic with «neutral» antiques) As an important paralinguistic means of visualizing political aggression and totalitarian propaganda in the German press of the 1930s, attention is drawn to the semantics and translation of nominations in the Nazi press (headlines, ideologems, realities, etc.). The results obtained are relevant for the methodology and tools of a comprehensive semiotic, discursive and linguistic analysis of German-language print media in Germany in the first half of the twentieth century and their indoctrinal basis.

Keywords: *the Third Reich; the press; Nazi media policy; propaganda; «Der Angriff»; paralinguistic means; creolization of the text; conceptual sphere; German language.*

REFERENCES

- Dubin S.I. "The confrontation of fonts: Gothic vs antique" in the language policy of the Third Reich ["Protivoborstvo shriftov: gotika vs antika" v jazykovej politike Tretjeho reikha]. *Issues of Samara University. History, Pedagogics, Philology*, 2024. Vol. 30 (3). Pp.128–141 (in Russian)
- Dubin S.I. The propaganda discourse of the Third Reich and the creolization of the texts of the Nazi press [Propagandistskij diskurs Tretjeho reikha i krelisazija tekstov nazistskoj nazistskoj pressy]. *Verhnevolzhsk Philological Bulletin*. 2025. No. 2 (41). Pp. 188–199 (in Russian).
- Ignatova E.M. Font and ideology: about the Gothic font in the Third Reich [Shrift i ideologija: o goticheskom shrifte v Tretjem reikhe]. *Issues of MGLU: linguistics*. Vol. 541 (2). Moscow: MGLU, 2007. Pp.72–74 (in Russian)
- Klemperer V. LTI. The language of the Third Reich. Philologist's Notebook [LTI. Jazyk Tretjeho reikha. Zapisnaja knizhka filologa]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsija, 1998. 381 p. (in Russian).
- Shtyrkina O.V. Features of the content and design of printed publications in 1920-1930 in Germany (on the example of the newspaper "Völkischer Beobachter") [Osobennosti soderzhaniya i oformleniya pechatnykh izdanij v Germanii v 1920-1930 gg. (na primere gazety "Völkischer Beobachter")]. *Media@Imanakh*, 2011. No. 1. Pp. 41–48 (in Russian).
- Encyclopedia of the Third Reich [Enthyklopedija Tretjeho reikha]. Edited by S. Voropaev Moscow: Lokid-Mif, 1996. Available at: https://encyclopedia_3go_reicha.academic.ru/ (accessed on February 12, 2025) (in Russian).
- Lemmons R. Goebbels and „Der Angriff“. Kentucky: university Press, 1994. Available at: <https://archive.org/details/goebbelsderangri0000lemm> (accessed on February 12, 2025) (in English).
- Meier A. Die Artikelserie "Ein Nazi fährt nach Palästina" (1934). Available at: <https://www.bpb.de/themen/nationalsozialismus-zweiter-weltkrieg/die-wohnung/195248/die-artikelserie-ein-nazi-faehrt-nach-palaestina/> (accessed on April 12, 2025) (in German).
- Radl K. The History of ‘Der Angriff’s’ Famous ‘Nazi-Zionist’ Palestine Memorial Coin (2024). Available at: <https://www.renegadetribune.com/the-history-of-der-angriffs-famous-nazi-zionist-palestine-memorial-coin/> (accessed on February 12, 2025) (in German).
- Vokabular des Nationalsozialismus (VNS). Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin – New York: W. de Gruyter, 2007. 717 S. (in German).
- Waldeck M. Typography and nationalism: the past and modernism under Nazi rule. *Journal of Visual Political Communication*, 2020. No. 6(1). Available at: https://centaur.reading.ac.uk/91676/1/11May2021Journal_Visual_Poltical_Communication_6_1_Mila_Waldeck.pdf (accessed on February 14, 2025) (in English).

А.А. Терещук

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-162-174

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ КАРЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: интерференция; карлистский дискурс; языковые контакты; немецкий язык; испанский язык.

Статья посвящена изучению немецкоязычного дискурса испанского карлизма. В 1830-е годы многие выходцы из германских государств приняли участие в карлистском движении. Одним из иностранных добровольцев в Испании стал А. фон Гебен. В статье анализируются его воспоминания об участии в Первой Карлистской войне, опубликованные в 1841 году в Ганновере. В тексте на немецком языке фиксируется 115 маркированных автором иноязычных элементов (отдельных слов, словосочетаний или предложений), которые определяются в настоящей работе как интерференции. Основным языком-источником является испанский (93); также в тексте присутствуют интерференции из французского, английского, латинского, каталанского и баскского языков. Анализируется глоссирование иноязычных элементов в тексте. Делается вывод, что автор использует интерференции в следующих случаях: для передачи специфической для Испании того времени политической лексики; для придания национального культурного колорита (функция стилизации); для передачи прямой речи. Перенос А. фон Гебеном карлистского сленга и специфической политической терминологии в текст на немецком языке служит для усиления воздействия на читателя и позволяет отнести его мемуары к карлистскому политическому дискурсу.

Актуальной темой в современной лингвистике является изучение карлистского политического дискурса. Карлизм оформился в качестве отдельного субъекта в испанской политике в 1833 году, с началом конфликта, вошедшего в историю как Первая Карлистская война. Идеологически карлисты находились на правом фланге политического спектра, и основой их доктрины являлись монархизм, консерватизм, формализм и критика либеральных преобразований [Айусо Торрес, 2019]. Некоторые антицерковные меры, принятые либеральным правительством в Мадриде, привели к тому, что Католическая церковь поддерживала карлистское движение практически с момента его появления [Терещук, 2022, 202].

В 1830-е годы карлизм привлек к себе внимание всей Европы, и многие сочувствовавшие идеям легитимизма аристократы из Англии, Франции, Австрии, германских и итальянских государств отправились на Пиренейский полуостров и примкнули к сторонникам дона Карлоса. Соответственно, карлистский дискурс, понимаемый как лингвосомиотический способ осуществления политической деятельности, существовал в полилингвальном коммуникативном пространстве. К карлистскому дискурсу относятся тексты не только на испанском и на миноритарных идиомах Испании, но и на французском, английском, немецком и других языках.

Большая часть исследований в этой области обращена к анализу испаноязычного карлистского дискурса (см., например: [Протасенко, 2010; Терещук, 2024; Agudín, 2024; Feijoo, 2018; Rujula, 2014; Urquijo, 1998]). В то же время его манифестации в других лингвокультурах остаются практически неизученными. Несколько лет назад специалист из Страсбургского университета А. Дюпон выпустил книгу, в которой проанализировал сложную систему взаимодействия между испанскими карлистами и сочувствовавшими им французскими легитимистами [Dupont, 2021]. Монография вводит в научный оборот большое количество ранее неизвестных документальных источников и мемуарных свидетельств, однако в работе, находящейся на стыке исторической науки и политологии, отсутствует собственно лингвистический анализ. Вопрос об англоязычном карлистском дискурсе затрагивается в докторской диссертации (Ph.D.) М.Р. Гутьеррес [Gutiérrez, 2023].

«Белым пятном» остается немецкоязычный карлистский дискурс. Можно выделить несколько научных публикаций, вскользь затрагивающих данную проблематику. Статья М. Бельтрана обращается к анализу освещения событий Первой Карлистской войны в прессе германских государств. В большей части публикации рассматривается история функционирования крупнейших газет в Германии XIX века, в то время как собственно дискурс немецкоязычных сторонников дона Карлоса остается вне фокуса внимания автора [Beltrán, 2019]. Х.М. Фаральдо в коллективной монографии, посвященной роли выходцев из Германии в истории испанской армии, уделяет некоторое внимание немецким офицерам в армии дона Карлоса и делает краткий обзор их биографий [Faraldo, 2015, 145–150]. Публикация Х.М. Фаральдо обращается к теме участия германских добровольцев в карлистском движении с позиций военной истории, исследование П. Торры находится в рамках литературоведения. Исследователь анализирует различные интерпретации воспоминаний участника карлистского движения князя Ф. фон Лихновски в каталонской литературе [Torra, 2018].

Одним из наиболее интересных текстов, созданных германскими добровольцами в карлистской армии в ходе войны 1833–1840 годов, является книга Августа фон Гебена «Четыре года в Испании. Карлисты, их появление, их борьба и их поражение. Записки и воспоминания о гражданской войне

А. фон Гебена, подполковника Генерального штаба Испанской королевской армии» [Goeben, 1841], опубликованная в Ганновере в 1841 году. Автор – по оценке Х.М. Фаральдо, «пожалуй, наиболее значимый из всех прусских военных в Испании» [Faraldo, 2015, 146] – провел в рядах карлистской армии четыре года, побывал в плену у правительственных войск, получил несколько ранений и закончил войну в чине подполковника. Впоследствии он сделал блестящую карьеру в прусской армии и дослужился до генерала от инфантерии. Несмотря на участие в молодости в восстании карлистов против мадридского правительства, в 1859 году А. фон Гебен был назначен прусским военным наблюдателем при испанской армии [Raposo, 2014, 95].

В.А. Андреева отмечает, что биографический нарратив «широко используется в политическом дискурсе» [Андреева, 2019, 39]. Как показывает А. Дюпон, воспоминания иностранных добровольцев о Первой Карлистской войне служили важным инструментом пропаганды идей карлизма на протяжении всего XIX века; в 1870-е годы некоторые европейские легитимисты присоединялись к карлистам, вдохновленные мемуарной литературой о конфликте 1833–1840 годов [Dupont, 2021, 51–77]. В рамках настоящего исследования представляется обоснованным рассматривать воспоминания А. фон Гебена как текст, относящийся к карлистскому политическому дискурсу. С.В. Токарева пишет, что «коммуникация в рамках политического дискурса имеет четкую цель, которая заключается в устранении оппонентов и захвате власти» [Токарева, 2022, 109]. Прусский мемуарист повествует о своем боевом опыте и одновременно пытается оказать воздействие на читателя, вызвать у него симпатии к карлистам и способствовать тем самым их победе в борьбе за престол.

Книга представляет интерес не только как ценный исторический источник, но и как материал для изучения особенностей немецкоязычного карлистского дискурса. А. фон Гебен включает в текст на немецком языке большое количество слов, словосочетаний и отдельных предложений на испанском, каталанском, английском, французском и латинском языках. Некоторые из них выделены типографически: книга набрана готическим шрифтом, но некоторые иноязычные элементы напечатаны прямым (латинским). В настоящей работе данные элементы будут определяться как интерференции, то есть случаи «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [Вайнрайх, 1979, 22]. В отличие от заимствований, которые представляют собой слова, «that at some point in the history of a language entered its lexicon as a result of borrowing (or transfer, or copying)» [Haspelmath, 2009, 36], интерференции являются нестабильным явлением и не находят отражения в словарях. Использование иноязычных элементов в анализируемом тексте мы не будем рассматривать как переключение кодов («code-switching»), которое является

более сложным способом взаимодействия между разными языками, проявляющимся также на морфосинтаксическом уровне [Poplack, 2018, 157]. В настоящей статье анализируются функции маркированных иноязычных интерференций на лексико-семантическом уровне в тексте книги А. фон Гебена.

Включение в письменный текст иноязычных интерференций бывает обусловлено различными факторами, например, отсутствием в принимающем языке понятия для выражения значения, передаваемого иностранным словом («deficit hypothesis»), или использованием иностранных слов в качестве своего рода социального маркера («dominance hypothesis») [Hoque *et al.*, 2021, 161]. В случае с текстом А. фон Гебена едва ли можно говорить о престиже испанского или других языков-источников интерференций по сравнению с немецким. Более того, автор включает в немецкий текст три маркированные интерференции из каталанского языка, который в ту эпоху сосуществовал с испанским в ситуации диглоссии в положении «низкой» разновидности [Moreno Fernández, 2005, 207–208].

В тексте фиксируется 115 маркированных иноязычных интерференций. Большая часть происходит из испанского языка – 93 единицы. Частотность остальных интерференций значительно ниже: 11 из французского, 4 из английского, по 3 интерференции из латинского и каталанского, 1 из баскского. Обращает на себя внимание присутствие всего одной баскской интерференции. Существенную часть армии дон Карлоса составляли баски, некоторые из них даже не говорили по-испански. Более того, баскский язык в некоторых коммуникативных ситуациях использовался при дворе претендента на престол: князь Ф. фон Лихновски описывает церковную службу в присутствии дон Карлоса, после которой прозвучала проповедь сначала на испанском, а затем на баскском языке [Lichnowsky, 1841, 40–41]. Сам А. фон Гебен делает точные наблюдения относительно баскского языка, указывая на то, что его грамматика существенно отличается от грамматики остальных «известных языков» и что в баскском существует большое количество диалектов, которые не всегда взаимопонятны [Goeben, 1841, 48]. По всей видимости, А. фон Гебен, говоривший на французском, испанском, английском, латинском, итальянском и шведском языках¹ [Ruíz Hernández, 1960, 112], навыками коммуникации на баскском не овладел и решил не включать баскские элементы в свой текст. Единственная интерференция из баскского – лексема *chapelgorris* («чапельгоррис»; досл.: «красные шляпы») [Goeben, 1841, 66], обозначающая участников некоторых иррегулярных подразделений в армии либералов. В 1830-е годы это слово часто встречалось в текстах о войне в Испании на разных языках (см., например, на английском языке: [Honan, 1836, 50]).

¹ Конечно, сейчас невозможно определить уровень лингвистической компетенции А. фон Гебена в этих языках, однако принципиальным является сам факт, что мемуарист использовал данные идиомы в коммуникации, в том числе и при написании анализируемой книги, то есть являлся полилингвальной личностью [Кумчий, 2025, 5].

Большая часть испанских интерференций в книге А.К. фон Гебена глоссируется², что представляется закономерным, так как текст был выпущен в Германии и ориентировался на немецкоязычного читателя, незнакомого с испанским языком и культурными реалиями Пиренейского полуострова. В большинстве случаев автор использует внутритекстовое глоссирование. Он употребляет испанскую интерференцию, после которой следует ее перевод на немецкий: *fidelidad al Rey – Treue dem Könige* («верность Королю») [Goeben, 1841, 602]. Другой вариант: в тексте сначала следует слово на немецком, а затем приводится его перевод на испанский: *Basken-Barett (la voyna)* («баскский берет») [Goeben, 1841, 15]. Отметим, что А. фон Гебен использует вариант орфографии *voyna*, хотя в современном испанском языке эта лексема пишется по-другому: *boina*. Данная лексическая единица была впервые включена в Словарь королевской академии испанского языка только в 1843 году, через два года после выхода книги А. фон Гебена [Diccionario de la lengua castellana, 1843, 106].

Некоторые испанские интерференции употребляются без глоссирования, например: *capellania* («капелланство»; *sic*, без знака графического ударения) [Goeben, 1841, 335] – слово, которое могло быть понятно немецкому читателю и без перевода. В отдельных случаях значение иноязычного элемента объясняется в сноске внизу страницы: например, при первом употреблении в тексте словосочетания *voluntarios realistas* оно сопровождается сноской с переводом на немецкий *Königliche Freiwillige* («Королевские добровольцы») и пояснением того, что из себя представляла данная военизированная организация [Goeben, 1841, 17]. В дальнейшем маркированная интерференция *voluntarios realistas* еще три раза фиксируется в тексте, но употребляется уже без глоссирования.

А. фон Гебен глоссирует два каталанских имени собственных, являющихся прозвищами командиров карлистских партизанских отрядов в Каталонии: *Llarj de Copons, der Lange von Copons* («Длинный из Купонс») [Goeben, 1841, 503]; *Ros de Eroles, der Rothe von Eroles* (кат. «Блондин из Эролес», нем. «Рыжий из Эролес») [Goeben, 1841, 504]. Во втором случае мемуарист допускает ошибку: в соответствии с Большим словарем каталанского языка, лексема *ros* обозначает цвет волос «между светло-каштановым и золотистым» [Gran Diccionari de la llengua catalana], в то время как А. фон Гебен переводит данное прозвище как *Rothe* («рыжий»). Интерференции из английского, французского и латинского в книге не глоссируются. Возможно, автор полагал, что читатель должен обладать определенным уровнем компетенции в этих языках. Употребление латинских слов и выражений в немецкоязычных военных текстах было распространенной практикой еще с XVI–XVII веков [Staiano-Daniels, 2020, 149–150]. Французский на момент

² В настоящей работе принимается широкое толкование понятия «глосса»: под «глоссами» будут пониматься не только интерлинейные или маргинальные пояснения непонятных слов, но и внутритекстовые (линейные) (о типологии глосс см.: [Руднев, Шарихина, 2024, 20]).

написания книги являлся языком международного общения; кроме того, аристократия в германских государствах традиционно испытывала сильное влияние французского языка и культуры [Илюкович, 2025, 85]. Знакомство А. фон Гебена и его потенциальных читателей с английским языком было связано с тем, что автор был родом из Ганновера (в этом же городе напечатана анализируемая книга), а королевство Ганновер до 1837 года состояло в унии с Великобританией.

Большую часть иноязычных интерференций в книге можно разделить на несколько категорий: 1) политическая лексика; 2) ксенонимы, выполняющие функцию стилизации (нативизации); 3) прямая речь. Под ксенонимом обычно понимается «a term referring the reader to a unique element of a particular culture» [Beloglazova, 2023, 205]. К ксенонимам в политическом дискурсе часто относят названия организаций, партий и имена политических деятелей. При этом, естественно, не все ксенонимы относятся к сфере политики; часто они служат для создания определенного культурного фона, стилизуют «текст под иноязычные речевые практики» [Белоглазова *et al.*, 2019, 44].

Присутствие в тексте испанской политической лексики представляется закономерным: как известно, далеко не всегда можно удачно перевести на другой язык тот или иной политический термин. Например, А. фон Гебен приводит на испанском языке слово *fueros* («фуэрос»), которое он глоссирует нем. *Privilegien* («привилегии») [Goeben, 1841, 297]. Идеологема *fueros*, являющаяся одной из наиболее релевантных для карлистского дискурса, отражает сложную форму социально-экономических отношений отдельных районов Испании с центральными властями. Ни нем. *Privilegien*, ни лексема *вольности*, встречающаяся в некоторых русскоязычных научных публикациях [Протасенко, 2010, 197–198], не отражают всю семантику исп. *fueros*.

Отдельного внимания заслуживает испанская политическая лексика, характерная для разговорно-сниженного регистра коммуникации. А. фон Гебен включает в свою книгу лексему *negros* («черные») – автор комментирует, что это слово использовалось в качестве оскорбительного наименования либералов [Goeben, 1841, 50]. О распространении этой лексики среди карлистов свидетельствует тот факт, что она также встречается в воспоминаниях других немецкоязычных участников карлистского движения [Lichnowsky, 1841, 144; Rahden, 1840, 124]. Другой пример политической лексики из карлистского сленга – лексема *ojalateros*, которая происходит от исп. *ojalá* («лишь бы, хоть бы»). Она обозначала сторонников дона Карлоса, которые не участвовали в боевых действиях, но рассуждали о будущей победе и о тех выгодах, которые они получают после нее. Прусский офицер указывает, что эта лексическая единица использовалась преимущественно солдатами [Goeben, 1841, 187].

Многие лексические единицы, обозначающие политические реалии, включаются А. фон Гебеном в немецкий текст без выделения шрифтом и без глоссирования, например: *Revolutionäre* («революционеры») [Goeben,

1841, 2], *Anarchisten* («анархисты») [Goeben, 1841, 11], *Ultra-Royaliste* («ультрароялист») [Goeben, 1841, 514]. Хотя интерпретация данных лексем в контексте политической коммуникации в Испании 1830-х годов могла сильно отличаться от того, как они понимались в других европейских странах³, эти слова были понятны немецкоязычной аудитории. Без маркирования и без глоссирования приводится в тексте и, например, такой специфический термин, как *Anglochristinos* («англокристинос») [Goeben, 1841, 120], обозначающий английские войска, воевавшие на стороне испанских либералов. Хотя данная реалья относится только к событиям Первой Карлистской войны, ее интерпретация в контексте книги А. фон Гебена не представляла сложности для читателя.

Вторую группу маркированных интерференций представляют собой ксенонимы, служившие для создания национального колорита, то есть выполнявшие функцию стилизации (нативизации). Например, исп. *alpargatas* («альпаргаты»), которые автор глоссирует как *Hanfsandalen* («сандалии из пеньки») [Goeben, 1841, 14], являлись характерной обувью испанских крестьян XIX века. Употребление данной лексемы сразу переносит читателя в испанский контекст. Заслуживает внимания и употребление автором лексемы *peseta* («песета, испанская монета») [Goeben, 1841, 183]. Данная монета получила широкое распространение в Испании только в конце 1830-х годов [Santiago Fernández, 2008, 381], но А. фон Гебен фиксирует это слово в своем тексте.

Закономерно, что часть ксенонимов, использованных в функции нативизации, относится к военной лексике. Некоторые из них имели общеевропейское распространение, например франц. *garde du corps* («гвардеец»)⁴ [Goeben, 1841, 582]; другие отражают специфические реалии, характерные для испанской армии: *generala* («сигнал тревоги») [Goeben, 1841, 179]. В отдельных случаях автор допускает ошибки в глоссировании. Так, чин *mariscal de campo* («маршал») он глоссирует как *General-Lieutenant* («генерал-лейтенант») [Goeben, 1841, 390], однако в испанской армии того времени *mariscal de campo* соответствовал генерал-майору в германской системе [Терещук, 2023, 176]. По всей видимости, ошибка обусловлена тем, что в прусской армии чин фельдмаршала (нем. «Feldmarschall») был самым высоким и в языковом сознании автора человек, обладавший чином маршала, должен был занимать более высокое место в иерархии.

Наконец, третья группа иноязычных интерференций употребляется автором для передачи прямой речи. Преимущественно прямая речь используется

³ Эту мысль образно сформулировал посетивший Испанию в 1840-е годы В.П. Боткин, который писал, что революция в Испании «так же мало походит на революцию, как вооружение рыцаря на наш фрак» [Боткин, 1976, 11].

⁴ При этом сам концепт «гвардия» интерпретировался по-разному в карлистской армии и в либеральной [Терещук, 2023, 93].

мемуаристом для описания боев: А. фон Гебен включает в текст лозунги, которые скандировали солдаты. Например, в тексте неоднократно повторяются слоганы *viva el Rey!*⁵ («да здравствует Король!») или *viva Carlos quinto!* («да здравствует Карлос V!»). В одном случае прямая речь передается на английском языке. А. фон Гебен делает это, чтобы показать национальную принадлежность солдат, к которым он попал в плен: *give him to the Spaniards to shoot him* («передайте его испанцам, чтобы они его расстреляли») [Goeben, 1841, 68]. На немецком языке автор передает более сложные предложения, относящиеся к прямой речи, которые не сводятся к клишированным лозунгам.

О том, что автор стремился к передаче прямой речи участников боевых действий с большой долей достоверности, свидетельствует включение в текст книги испанской общенной лексики. В частности, неоднократно используется лексема *carajo*, представляющая собой одно из наиболее сильных испанских ругательств, например: *a ellos, carajo, no hay cuartel!* (в смягченном варианте перевода: «на них, черт побери, не давать пощады!») [Goeben, 1841, 390]. В отдельных случаях маркированная интерференция *carajo* включается в предложение на немецком языке: *carajo, wie viele Briefe!*⁶ («черт побери, сколько писем!») [Goeben, 1841, 655]. В данном примере типографически маркирована только испанская интерференция, в то время как часть предложения на немецком языке набрана готическим шрифтом. Передача прямой речи на иностранном языке придает тексту национально ориентированный колорит, акцентирует внимание на том, что мемуарист находится в Испании, или на том, что в определенный момент повествования он взаимодействует с англичанами.

Итак, в проанализированном тексте фиксируется 115 маркированных иноязычных интерференций, из которых 93 – из испанского языка. Данные элементы в тексте либо служили для передачи понятий из политического дискурса, либо использовались в функции стилизации и погружали читателя в контекст Первой Карлистской войны в Испании, либо употреблялись при передаче прямой речи. В последнем случае интерференции также служили для стилизации текста. Использование автором карлистской политической терминологии и лексических единиц, относившихся к сленгу карлистов, подтверждает оправданность отнесения мемуаров А. фон Гебена к карлистскому политическому дискурсу. При экспансии данной дискурсивной разновидности в область немецкоязычной лингвокультуры сохранялся ряд существенных черт карлистского дискурса на лексико-семантическом

⁵ Приводя восклицательные и вопросительные предложения на испанском языке, А. фон Гебен не использует испанские открывающие знаки препинания (исп. «signos de apertura»): ¡¿.

⁶ Такого рода примеры можно бы было классифицировать как переключение кодов. Однако в данном случае оно является литературным приемом, используемым для стилизации: очевидно, что в реальной коммуникативной ситуации эти предложения произносились на испанском языке, но были переведены на немецкий с сохранением отдельных иноязычных элементов.

уровне. Эти черты не только обуславливали узнаваемость этого дискурса в его немецкоязычной манифестации, но и служили в качестве приема, усиливавшего воздействие на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Айусо Торрес М. Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 59–83.

Андреева В.А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере политического дискурса Германии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 192. С. 38–45.

Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В., Иванова Е.Ю. Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно: стилистические функции ксенонимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1(817). С. 41–55.

Боткин В.П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. 344 с.

Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с.

Илюкович И.В. Аристократизм в немецкой культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1(62). С. 83–87.

Кумчий А.С. Конвергентный подход в обучении иностранным языкам современной полилингвальной личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 5(155). С. 1–10.

Протасенко С.В. Идеология и практика испанского карлизма // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6, № 1. С. 194–206.

Руднев Д.В., Шарихина М.Г. Типы глосс в «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2024. Т. 23, № 9. С. 19–32.

Терещук А.А. Начало понтификата Григория XVI и военно-политический кризис на Апеннинском полуострове в 1831 году // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 1(57). С. 200–212.

Терещук А.А. За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма. М., СПб., Старая Потловка: Некоммерческое партнерство по защите и сохранению объектов культурного наследия «Спасское дело», 2023. 416 с.

Терещук А.А. Религиозный компонент в карлистском политическом дискурсе в 1830-е годы // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2024. Т. 6, № 2. С. 111–120.

Токарева С.В. Лексические особенности немецкого правопопулистского дискурса // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 2(58). С. 108–118.

Agudín J.L. Un andaluz para un milagro. La construcción del liderazgo de Manuel Fal Conde en la prensa carlista durante la Segunda República // Ayer. Revista de Historia Contemporánea. 2024. № 134. P. 196–218.

Beloglazova E.V. Lexicography of Russianisms in English // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2023. № 207. P. 203–208.

Beltrán M. Una aproximación empírica-descriptiva sobre la Prensa de lengua alemana y sobre sus redactores-corresponsales en el contexto de la Primera Guerra carlista (1833–1840) // Aportes: Revista de historia contemporánea. 2019. Vol. 34, № 100. P. 71–98.

Diccionario de la lengua castellana. Madrid: Francisco María Fernández, 1843. 761 p.

Dupont A. Une internationale blanche. Histoire d'une mobilisation royaliste entre France et Espagne dans les années 1870. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2021. 420 p.

Faraldo J.M. Voluntarios y mercenarios germanos en la España Contemporánea // Presencia germánica en la milicia española. Madrid: Ministerio de Defensa, Secretaría General Técnica, D.L. 2015. P. 137–164.

- Feijoo R. El discurso contrarrevolucionario de la Comunión Católico-Monárquica (1868–1872). Factores culturales de la Segunda Guerra Carlista // *Hispania Nova*. 2018. № 16. P. 1–40.
- Goeben A. K. von Vier Jahre in Spanien. Die Carlisten, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanifchem Oberstlieutenant im Generalstabe. Hannover: Im Verlage der Hahn'schen Hofbuchhandlung, 1841. 656 S.
- Gutiérrez M.R. La Primera guerra carlista en el Morning Post (1833–1840). Tesis doctoral en Humanidades para el Mundo Contemporáneo. Madrid: Universidad San Pablo-CEU, 2023. 325 p.
- Haspelmath M. Lexical borrowing: Concepts and issues // *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. P. 35–54.
- Hoque M.A., Ali M.M., Puteh-Behak F., Baharun H. Lexical borrowings from the English language into Bangla short stories // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2021. № 17(1). P. 158–172.
- Honan M.B. The Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura by Michael Burke Honan. London: John Macrone, St. James's Square, 1836. 428 p.
- Lichnowsky F. von Erinnerungen aus de Jahren 1837, 1838 und 1839. Zweiter Theil. Frankfurt am Main: J.D. Sauerlander, 1841. 401 s.
- Moreno Fernández F. Historia social de las lenguas de España. Barcelona: Ariel, 2005. 287 p.
- Poplack S. Loanwords in the speech community and in the grammar. New York: Oxford University Press, 2018. 246 p.
- Rahden W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem spanischen Bürgerkriege. Frankfurt am Main: Wilmans, 1840. 579 S.
- Raposo B. Estereotipos entre dos mundos. Viajeros alemanes del siglo XIX en España y Marruecos // *Revista de Filología Alemana*. 2014. Vol. 22. P. 93–106.
- Ruiz Hernández L. El General alemán Augusto von Goeben // *Revista de historia militar*. 1960. № 7. P. 91–116.
- Rújula P. El mito contrarrevolucionario de la «Restauración» // *Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea*. 2014. № 13. P. 79–94.
- Santiago Fernández J. Antecedentes del sistema monetario de la peseta // *VII Jornadas Científicas sobre Documentación Contemporánea (1868–2008)*. Madrid: Univesidad Complutense de Madrid, 2008. P. 367–389.
- Staiano-Daniels L. A brief introduction to seventeenth-century military manuscripts and military literacy // *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*. 2020. Vol. 5, № 1. P. 142–163.
- Urquijo J.R. La Primera Guerra Carlista desde la ideología nacionalista vasca // *Vasconia: Cuadernos de historia-geografía*. 1998. № 26. P. 65–110.
- Gran Diccionari de la llengua catalana. URL: <https://diccionari.cat/> (дата обращения: 07.07.2025).
- Torra P. De las memorias del príncipe Lichnowsky a las novelas de Raül Garrigasait y Joan Perucho // *TRANS-*. 2018. № 23. URL: <http://journals.openedition.org/trans/2030> (дата обращения: 15.05.2025).

A.A. Tereshchuk

*PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Romance Philology,
Herzen University
St. Petersburg, Russia*

Lexical Interferences in German-Language Carlist Discourse

The article is dedicated to the study of the German-language Carlist discourse. In the 1830s, a number of representatives of German states took part in the Carlist movement. One of them was A. von Goeben. The article analyzes the text of his memoirs concerning the First Carlist War. The German text contains 115 foreign-language elements (individual words, phrases or sentences) marked by the author, which are defined in this work as interferences. The main source language is Spanish; the text also contains interferences from French, English, Latin, Catalan, and Basque. The glossing of foreign-language elements in the text is analyzed. It is concluded that the author uses interferences in the following cases: (1) to convey political vocabulary specific to Spain of that time; (2) to impart national cultural atmosphere; (3) to convey direct speech. A. von Goeben's transfer of Carlist slang and specific political terminology into the German-language text allows us to classify his memoirs as part of the Carlist political discourse.

Keywords: *interference; Carlist discourse; language contacts; German language; Spanish language.*

REFERENCES

- Ayuso Torres M. Carlism and Spanish Political Tradition: Yesterday and Today [Karlizm i ispanskaya politicheskaya tradiciya: vchera i segodnya]. *Antinomii*, 2019. Vol. 19. No. 3. Pp. 59–83 (in Russian).
- Andreeva V.A. Narration in the Persuasive Communication (Based on the Study of German Political Discourse) [Narrativ v persuzivnoj kommunikacii (na primere politicheskogo diskursa Germanii)]. *Issues of Herzen Russian State Pedagogical Univrsity*, 2019. No. 192. Pp. 38–45 (in Russian).
- Beloglazova E.V., Kabakchi V.V., Ivanova E.Y. Xenonyms for Rhyme or Reason or Stylistic Functions of Xenonyms [Esli ksenonimy poyavlyayutsya –znachit, eto komu-nibud' nuzhno: stilisticheskie funkicii ksenonimov]. *Issues of Moscow State Linguistic University. Hmanities*, 2019. No. 1 (817). Pp. 41–55 (in Russian).
- Botkin V.P. Letters about Spain [Pisma ob Ispanii]. Leningrad: Nauka, 1976. 344 p. (in Russian).
- Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems [Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya]. Kiev: Vishcha shkola, 1979. 264 p. (in Russian).
- Iliukovich I.V. Aristocracy in German Culture [Aristokratizm v nemeckoj kulture], *Issues of Saint-Petersburf State Insitute of Culture*, 2025. No. 1 (62). Pp. 83–87 (in Russian).
- Kumchi A.S. Convergent Approach in Teaching Foreign Languages to Modern Polylingual Personality [Konvergentnyj podhod v obuchenii inostrannym yazykam sovremennoj polilingval'noj lichnosti]. *International research journal*, 2025. No. 5 (155). Pp. 1–10 (in Russian).
- Protasenko S.V. Ideology and Practics of Spanish Carlism [Ideologiya i praktika ispanskogo karlizma]. *Political expertise: Politeks*, 2010. Vol. 6. No. 1. Pp. 194–206 (in Russian).

Rudnev D.V., Sharihina M.G. Types of Intratextual Glosses in the “Charter of Military, Cannon and other Matters Relating to Military Science” [Tipy gloss v “Ustave ratnyh, pushechnykh i drugih del, kasayushchihsya do voinskoj nauki”]. *Issues of Novosibirsk State University. History, Philology*, 2024. Vol. 23. No. 9. Pp. 19–32 (in Russian).

Tereshchuk A.A. The Beginning of the Pontificate of Gregory XVI and the Military-Political Crisis in the Apennine Peninsula in 1831 [Nachalo pontifikata Grigoriya XVI i voenno-politicheskij krizis na Apenninskom poluostrove v 1831 godu]. *Issues of Smolensk State University*, 2022. No. 1 (57). Pp. 200–212 (in Russian).

Tereshchuk A.A. For God, Motherland, and King: The Military and Political History of Early Carlism [Za Boga, Rodinu i Korolya: voenno-politicheskaya istoriya rannego karlizma]. Moscow, Saint-Petersburg, Staraya Potlovka: Non-profit partnership for the protection and preservation of cultural heritage sites “Spasskoe Delo”, 2023. 416 p. (in Russian).

Tereshchuk A.A. Religious Component in Carlist Political Discourse in the 1830s [Religioznyj komponent v karlistskom politicheskom diskurse v 1830-e gody]. *Language studies and contemporary humanities*, 2024. Vol. 6. No. 2. Pp. 111–120 (in Russian).

Tokareva S.V. Lexical Features of German Right-Wing Populist Discourse [Leksicheskie osobennosti nemeckogo pravopopulistского diskursa]. *Issues of Smolensk State University*, 2022. No. 2 (58). Pp. 108–118 (in Russian).

Agudín J.L. An Andalusian for a Miracle. The Construction of a Leadership of Manuel Fal Conde in the Carlist Press during the Second Republic [Un andaluz para un milagro. La construcción del liderazgo de Manuel Fal Conde en la prensa carlista durante la Segunda República]. *Ayer. Revista de Historia Contemporánea*, 2024. No. 134. Pp. 196–218 (in Spanish).

Beloglazova E.V. Lexicography of Russianisms in English. *Issues of Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2023. No. 207. Pp. 203–208 (in English).

Beltrán M. An Empirical-Descriptive Approximation about the German-Language Press and its Correspondents in the Context of the First Carlist War (1833–1840) [Una aproximación empírica-descriptiva sobre la Prensa de lengua alemana y sobre sus redactores-corresponsales en el contexto de la Primera Guerra carlista (1833–1840)]. *Aportes: Revista de historia contemporánea*, 2019. Vol. 34. No. 100. Pp. 71–98 (in Spanish).

Dictionary of the Castilian Language [Diccionario de la lengua castellana]. Madrid: Francisco María Fernández, 1843. 761 p. (in Spanish).

Dupont A. A White International. The History of a Royalist Mobilisation between France and Spain in the 1870s [Une internationale blanche. Histoire d’une mobilisation royaliste entre France et Espagne dans les années 1870]. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2021. 420 p. (in French).

Faraldo J.M. German Volunteers and Mercenaries in Contemporary Spain [Voluntarios y mercenarios germanos en la España Contemporánea]. *Presencia germánica en la milicia española*, Madrid, Ministerio de Defensa, Secretaría General Técnica, D.L., 2015. Pp. 137–164 (in Spanish).

Feijoo R. Counterrevolutionary Discourse of the Catholic-Monarchical Communion (1868–1872). Cultural Factos of the Second Carlist War [El discurso contrarrevolucionario de la Comunión Católico-Monárquica (1868–1872). Factores culturales de la Segunda Guerra Carlista]. *Hispania Nova*, 2018. No. 16. Pp. 1–40 (in Spanish).

Goeben A. K. von Four Years in Spain. Carlism, their Uprise, their Struggle, and their Decline. Drafts and Memories from the Civil War by A. von Goeben, Lieutenant-Colonel of the General Staff of the Spanish Royal Army [Vier Jahre in Spanien. Die Carlismen, ihre Erhebung, ihr Kampf und ihr Untergang. Skizzen und Erinnerungen aus dem Bürgerkriege von A. von Goeben, Königlich-Spanischem Oberstlieutenant im Generalstabe]. Hannover: Im Verlage der Hahn’schen Hofbuchhandlung, 1841. 656 p. (in German).

Gutiérrez M.R. The First Carlist War in the *Morning Post* (1833–1840) [La Primera guerra carlista en el *Morning Post* (1833–1840)]. Madrid: Universidad San Pablo–CEU, 2023. 325 p. (in Spanish).

Haspelmith M. Lexical borrowing: Concepts and issues. *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. Pp. 35–54 (in English).

Hoque M.A., Ali M.M., Puteh-Bhak F., Baharun H. Lexical borrowings from the English language into Bangla short stories. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 2021, No. 17 (1). Pp. 158–172 (in English).

Honan M.B. The Court and Camp of Don Carlos; Being the Results of a Late Tour in the Basque Provinces, and Parts of Catalonia, Aragon, Castile, and Estramadura by Michael Burke Honan, London, John Macrone, St. James's Square, 1836. 428 p. (in English).

Lichnowsky F. von Memories from the Years 1837, 1838, and 1839. The Second Part [Erinnerungen aus de Jahren 1837, 1838 und 1839. Zweiter Theil]. Frankfurt am Main: J.D. Sauerlander, 1841. 401 p. (in German).

Moreno Fernández F. The Social History of the Languages of Spain [Historia social de las lenguas de España]. Barcelona: Ariel, 2005. 287 p. (in Spanish).

Poplack S. Loanwords in the speech community and in the grammar, New York: Oxford University Press, 2018. 246 p. (in English).

Rahden W. von Cabrera. Erinnerungen aus dem spanischen Bürgerkriege, Frankfurt am Main: Wilmans, 1840. 579 p. (in German).

Raposo B. Stereotypes between the two Worlds. German Travellers of the 19th Century in Spain and Morocco [Estereotipos entre dos mundos. Viajeros alemanes del siglo XIX en España y Marruecos]. *Revista de Filología Alemana*, 2014. Vol. 22. Pp. 93–106 (in Spanish).

Ruíz Hernández L. The German General August von Goeben [El General alemán Augusto von Goeben]. *Revista de historia militar*, 1960. No. 7. Pp. 91–116 (in Spanish).

Rújula P. The Counterrevolutionary Myth of the “Restoration” [El mito contrarrevolucionario de la “Restauración”]. *Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea*, 2014. No. 13. Pp. 79–94 (in Spanish).

Santiago Fernández J. Antecedents of the Monetary System of the Peseta [Antecedentes del sistema monetario de la peseta]. *VII Jornadas Científicas sobre Documentación Contemporánea (1868–2008)*, Madrid, Univesidad Complutense de Madrid, 2008. Pp. 367–389 (in Spanish).

Staiano-Daniels L. A brief introduction to seventeenth-century military manuscripts and military literacy, *Manuscript Studies: A Journal of the Schoenberg Institute for Manuscript Studies*, 2020, Vol. 5. No. 1. Pp. 142–163 (in English).

Urquijo J.R. The First Carlist War from the Perspective of the Basque Nationalist Ideology [La Primera Guerra Carlista desde la ideología nacionalista vasca]. *Vasconia: Cuadernos de historia-geografía*, 1998. No. 26. Pp. 65–110 (in Spanish).

The Big Dictionary of the Catalan Language [Gran Diccionari de la llengua catalana]. Available at: <https://diccionari.cat/> (accessed on June 7, 2025) (in Catalan).

Torra P. From the Memoires of the Prince Lichnowsky to the Novels by Raül Garrigasait and Joan Perucho [De las memorias del príncipe Lichnowsky a las novelas de Raül Garrigasait y Joan Perucho]. *TRANS-*, 2018. No. 23. Available at: <http://journals.openedition.org/trans/2030> (accessed on May 15, 2025) (in Spanish).

О.С. Фирсова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 908.352

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-175-185

СМОЛЕНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В БОРЬБЕ С ПОЛЬСКИМ ВОССТАНИЕМ 1830–1831 ГОДОВ

Ключевые слова: Смоленская губерния; польское восстание 1830–1831 годов; местная администрация; губернатор Н.И. Хмельницкий; политика Российской империи в отношении польского восстания 1830–1831 годов.

Статья посвящена действиям смоленской администрации во время польского восстания 1830–1831 годов. В исследовании отмечена уникальность географического положения Смоленской губернии, соединявшей западные окраины с центральными губерниями Российской империи. Автором дана краткая характеристика деятельности Н.И. Хмельницкого, находившегося во главе местной администрации в период волнений в Царстве Польском. В статье рассматриваются основные направления политики по борьбе с мятежниками, выбранные местной властью в соответствии с директивами царского правительства. В качестве главных политических мероприятий, осуществлявшихся администрацией Смоленской губернии, автор выделяет проведение охранительных мер по закрытию католических монастырей в губернии, изъятию собственности у поляков, выступавших против России, ужесточение цензуры, а также содействие центральному правительству в поиске и депортации в центральные регионы участников восстания. Автором отражена значимость участия местной власти в борьбе с польским восстанием, которая заключалась не только в содействии правительству, но и в сотрудничестве с малороссийским генерал-губернаторством, способствовавшим, по мнению центральной власти, сближению западных окраин и центральных регионов Российской империи.

Смоленская губерния в первой половине XIX века занимала особое культурно-географическое положение, находясь между губерниями центральной части Российской империи и ее западными окраинами. Соседствуя с губерниями Северо-Западного края, регион имел довольно богатый национальный состав. Губернию населяли великороссы, белорусы, поляки, ла-

тыши, евреи. Белорусское население проживало во всех уездах Смоленщины, за исключением Вяземского, Сычевского, Гжатского и Юхновского, где жили почти исключительно великороссы [Орловский, 2008, 44]. Поляки, латыши и евреи проживали в западной части региона. Это были Смоленский, Поречский и Рославльский уезды.

Во второй четверти XIX века в Российской империи произошло важное политическое событие, затронувшее Смоленскую губернию. Это было Польское восстание 1830–1831 годов, преследовавшее своей целью обретение независимости государства, утраченной в конце XVIII века. Волнения в Царстве Польском начались с нападения 29 ноября 1830 года заговорщиков на Бельведерский дворец, который являлся резиденцией великого князя Константина, занимавшего в то время должность наместника Царства Польского. Планировалось его убийство, но великий князь сумел покинуть резиденцию и найти поддержку в среде поляков, сохранивших ему преданность [Польша и Россия в первой трети XIX века, 2010, 23]. Это событие и последовавший за ним мятеж в Варшаве были частью Ноябрьского восстания, положившего начало череде волнений в Царстве Польском.

Реакция Петербурга на действия повстанцев последовала незамедлительно. Уже 1 декабря 1830 года царское правительство развернуло активную подготовку войск для усмирения непокорных поляков. Действия царского правительства Николай I оценил следующим образом: «Мое положение тяжкое, моя ответственность ужасна, но моя совесть, ни в чем не упрекает меня в отношении поляков, я исполню в отношении их все свои обязанности, до последней возможности» [Шильдер, 1903, 326]. Первые пять месяцев с начала волнений в Польше войсками царского правительства командовал генерал-фельдмаршал И.И. Дибич. Однако со временем выяснилось, что справиться с армией повстанцев ему не под силу. Нерешительность генерала, по мнению императора, лишь «истощает и убивает армию» [Шильдер, 1903, 343]. Постоянные неудачи Дибича в борьбе с мятежниками побудили Николая I сменить командование русской армией. 4 июня 1831 года на этот пост был назначен фельдмаршал И.Ф. Паскевич. Новый руководитель военной кампании рассматривал только один вариант развития событий – ликвидацию Царства Польского и его Конституции, а также наказание непокорных мятежников за «вероломство и неблагодарность» [Борисенок, 1994, 53].

Вступив в должность, Паскевич стал принимать меры по организации наступления правительственных войск на Варшаву. По его мнению, успех кампании был необходим, чтобы снизить боевой дух и энтузиазм повстанцев. Это привело бы к скорейшему подавлению восстания. Требовалась большая армия. Под командованием Паскевича ее численность увеличилась с 61 012 до 86 110 человек [Пузыревский, 1890, 57, 61]. Этому способствовало активное стягивание резервной армии в Царство Польское.

Польское восстание 1830–1831 годов затронуло Смоленскую губернию, потому что именно через нее армия Паскевича продвигалась к Висле для наступления на Варшаву. Должность смоленского губернатора в момент подавления правительственной армией Польского восстания занимал Н.И. Хмельницкий. Память об этом государственном деятеле смоляне сохранили до наших дней. Свою известность Хмельницкий получил благодаря активной строительной деятельности, охватившей регион в период его губернаторства. В момент вступления Хмельницкого в должность Смоленская губерния так и не успела восстановиться после событий Отечественной войны 1812 года. Приехав в Смоленск в 1829 году, он «был неприятно поражен разоренным видом Смоленска его грязными площадками, развалинами башен» [Орловский, 1902, 148]. О состоянии города немедленно было доложено императору. В ответ на ходатайство нового губернатора центральное правительство выделило ссуду в 1 млн рублей на восстановление города и приведение его в надлежащий вид. Таким образом, усилиями Хмельницкого и его администрации в губернии были отремонтированы мосты, построены храмы, здания полицейских частей. Одним из самых главных проектов являлся сад Блонье, устроенный по воле губернатора на пустыре, использовавшемся в XVIII веке для военной подготовки смоленского гарнизона [Кононов, 2004, 211–212].

Один из современников смоленского губернатора писатель Егор Аладьин давал его деятельности следующую оценку: «Н.И. Хмельницкий со всей энергией своего доброго характера принялся за дело, в короткое время он успел обратить заботливое о благе общем внимание Государя Императора на бедствовавший еще Смоленск. Этого было достаточно: Всемиловейше дарованную городу ссуду и особые от Монарха щедроты и милости, Смоленск восстал из пепла» [Аладьин, 1846, 6]. В конце XIX века биограф смоленского губернатора Николай Добротворский утверждал, что «за восемь с половиной лет губернаторства Хмельницкий сделал для города Смоленска и губернии чуть ли не больше, чем каждый из остальных губернаторов, состоящих в этой должности иногда по 10–15 лет» [Добротворский, 1889, 565].

Во время польского восстания Н.И. Хмельницкий зарекомендовал себя ответственным и деятельным губернатором, неукоснительно исполняя распоряжения центральной власти, направленные на подавление восстания.

Смоленская администрация активно реализовывала предписания, касавшиеся собственности, которой поляки могли владеть не только полностью, но и частично. Местные чиновники контролировали запрещение любых сделок в Смоленской губернии, связанных с имениями, владельцы которых на момент восстания находились в Царстве Польском. Данные меры были приняты во избежание возможного спонсирования действий повстанцев на территории Польши.

В мае 1831 года Департаментом государственных имуществ было издано постановление «О доставлении ведомостей по прилагаемым формам».

В нем говорилось о «владельцах движимых и недвижимых в России имений, о коих известно, что они проживают в Царстве Польском». Директива обязывала «наложить немедленно в письме купчих крепостей и других сделок запрещения, оставя впредь до новых повелений» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 36, 102].

Что касается собственности, находящейся в совместном владении русских и поляков, следовательно, смолян и их родственников, проживавших в тот момент на территории Царства Польского, то к совместным имениям применялся дифференцированный подход. Например, «если настоящий владелец остается в России, а дети находятся в Царстве Польском... то налагать запрещения только на те части имения, которые могли бы сим последним достаться по наследству» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 36, 102 об.].

Поляки, как и многие жители Западной Европы, являлись последователями римско-католической веры. Действия повстанцев рассматривались центральной властью в первую очередь как восстание против правительства, организованное при содействии Царству Польскому европейских держав, а католическая церковь – как социальный институт, способствовавший сотрудничеству поляков с государствами Западной Европы. Поэтому события в Польше стимулировали меры царского правительства в отношении католического населения Российской империи.

Следуя правительственному курсу, администрация Смоленской губернии ввела ограничения деятельности католической церкви в регионе. Местная власть во главе с Н.И. Хмельницким провела мероприятия по срочному закрытию на территории Смоленщины всех католических монастырей. Чиновник смоленской казенной палаты ассессор Сурминев в своем рапорте Смоленскому гражданскому губернатору писал о «разрешении обревизирования действий по упразднению римско-католических монастырей и обзора, принадлежащих тем монастырям церковно-монастырских имений и имуществ» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6, 3]. Что касается дальнейшей судьбы церковных владений католиков, то они, по распоряжению Министерства финансов, «сверх совершенной благонадежности должны быть православного вероисповедания» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 6, 10].

Таким образом, восстание в Польше побудило царское правительство принять запретительные меры в отношении носителей римско-католической веры, которая «на протяжении ряда веков воспринималась как специфический инструмент влияния на российское государство и общество со стороны западноевропейских стран» [Гавриленков, 2010, 66].

Положением католиков в Российской империи был обеспокоен римский двор. Представители папства понимали, что причиной сложившейся ситуации было польское восстание. Чтобы восстановить авторитет своей церкви в глазах царского правительства, представители римского папы утверждали, что русский император относится к полякам «строже, чем кто-либо. Мы не можем им простить того, что они различили нас с вами. Зачем

связали народное государственное дело с высоким и святым делом церкви? Зачем претворили мирное обращение, которое мы задумали в завоевание и насилие. Прежде чем они впутались в дело, мы дружелюбно с вами сносились» [Самарин, 1877, 305].

Политика по сокращению численности католических монастырей в Российской империи была не только реакцией на польское восстание. Она являлась частью религиозной политики государства, подразумевавшей усиление позиций православия на всей территории Российской империи. Развитие католицизма представляло угрозу для территориальной целостности страны. С другой стороны, в Российской империи были католики, ставившие мир и порядок в государстве превыше своих религиозно-национальных интересов. Одним из таких людей являлся епископ римско-католической церкви Гедройц, который в переписке с графом Д.Н. Блудовым информировал последнего о событиях, происходивших на польских землях в 1831 году, и искренне надеялся, что царское правительство «употребит все усилия и способствует возрастанию спокойствия и предупредит дальнейшие покушения злоумышленников» [Русский архив, 1869, 205].

Однако таких людей, как Гедройц, в Царстве Польском было крайне мало. Большинство ксендзов являлись главными агитаторами, призывавшими польский народ к борьбе за независимость. В целях скорейшего подавления мятежа в Польше и недопущения его распространения на соседствующие с ней белорусские и украинские земли на территорию Смоленской губернии по мере необходимости высылали католических и греко-католических священнослужителей из белорусских и польских губерний. Одним из таких был ксендз Каменский, поселившийся в Смоленске в 1831 году. Местная администрация по приезду священнослужителя издала распоряжение «об учреждении над ксендзом Каменским строгого секретного надзора, и ежели в поступках и образе его мыслей замечено будет что-либо предосудительное, немедленно уведомить». В ходе надзора было установлено, что никаких антиправительственных действий Каменским совершено не было [ГАСО, ф. 1, оп. 2, д. 355, 1].

Царское правительство понимало, что большое значение в формировании антиправительственных настроений у поляков играла западная литература. Поэтому следующим мероприятием было ужесточение цензуры, коснувшееся не только западных окраин, но и других регионов Российской империи. В декабре 1831 года по распоряжению смоленского губернатора был издан список запрещенной литературы «за 1828, 1829, 1830 и 1831 годы» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 25, 72]. В нем преобладала польская, французская и немецкая литература. В реестре числились произведения политического, религиозного содержания, а также мемуары, раскрывающие социальные проблемы в обществе.

В числе этих книг были очерки Грабовской «Очерки о Польше, или отрывки и наброски, служащие материалом к нынешней революции в Польше», а также трактат А. де Ламартина «О политике разумной» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 25, 74]. Оба произведения были написаны в 1831 году. В «Очерках о Польше» автор писал, что взаимоотношения польского народа с Российской империей в первой трети XIX века были подобны «железным оковам, разорвать которые сможет только мужество и отчаяние». Ноябрьские события в Царстве Польском, по мнению Грабовской, являются попыткой вернуть не только независимость польского народа, но и равновесие в Европе, которое было нарушено «из-за нечестивой безнравственности монархов» [Grabowska M, 1831, 64].

Трактат «О политике разумной» А. де Ламартина был менее радикальным. В своем сочинении автор пишет о необходимости личной свободы, всеобщего избирательного права и независимости церкви от государства. Все изменения в обществе, по мнению французского писателя, должны происходить не в радикальной, а в умеренной форме, то есть через проведение реформ. Эти положения говорят о наличии в данном трактате либеральной идеологии. Однако, несмотря на умеренность взглядов Ламартина, царское правительство не могло допустить их распространение в Российской империи. Правительство Николая I проводило консервативный внутриполитический курс, отрицавший политические свободы, направленный на укрепление православия и самодержавия.

После подавления Польского восстания мятежники по указанию царского правительства направлялись в центральные регионы Российской империи для отбывания наказания за совершенные ими политические преступления. Содействие центральной власти в перемещении повстанцев оказывала и смоленская администрация. Согласно циркулярному предписанию, адресованному в декабре 1830 года смоленскому губернатору, все «польские пленные нижние чины во время пересылки их для определения нуждаются в содержании <...>. Государь император повелеть соизволил: означенных пленных при препровождении внутри империи довольствоваться пищею и на общем положении переходящих команд, следующих же в арестанты, по арестантскому положению» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 25, 196].

Многие из повстанцев не являлись этническими поляками, более того, они получили военное образование на территории Российской империи. Это были офицеры из Литовского и Волынского полков, которые остались «в городе Варшаве во время случившегося возмущения 17 Ноября 1830 года и, уйдя на марш, кои еще до сего времени в оные полки не явились». Через Смоленск в глубь России были отправлены прапорщик Забыло, подпрапорщик Лосевский, унтер-офицеры Яблонский, фон Салиш, принимавшие участие в вооруженном сопротивлении правительственным войскам, а также польские дворяне (Медард Конча, Эдуард и Северин Ромеры, Иван

Еленский и Иван Высоцкий, доктор Александр Мацкевич и лекарь Иосиф Петрашкевич), причисленные «к пятому разряду виновных» за оказание помощи польским солдатам [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 4, 2; д. 25, 120].

Помимо перевозки польских повстанцев смоленская администрация активно участвовала и в их поиске. В сентябре 1833 года местная власть оказывала содействие в «отыскании уроженца Царства Польского Эдуарда Галачинского, начальствовавшего шайкою злоумышленников <...> который при проезде своем для укрывательства в Сибири останавливался в городе Смоленске» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 54, 6].

В 1835 году смоленские чиновники по указанию центрального правительства участвовали в поиске поляков Шульца и Платера. Согласно инструкции Министерства внутренних дел, «польские злоумышленники переодевшись в крестьянское платье, переехали через границу около местечка Волочиска и направили путь свой чрез Киевскую в Полтавскую и Слободско-Украинскую губернии, выдавая себя за красильного и стригального ремесла мастеров» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 28, 4–4 об.].

Политика царского правительства была направлена не только на усмирение повстанцев на польских и прилегавших к ним украинских и белорусских землях, но и на продолжение процесса слияния западных окраин с центральной частью Российской империи. Эти территории в глазах царского правительства «представляли собой не что иное, как исторически русский и только временно и вынужденно “полонизированный” регион» [Рольф, 2020, 85].

Смоленщина, недолгое время входившая в Польско-Литовское государство, являлась исконно русской землей. Расчеты царского правительства на то, что прилегавшие к Царству Польскому белорусские и украинские земли пойдут по смоленскому пути, подтвердило малороссийское казачество, которое оказало значительную поддержку в подавлении восстания [Долбилов, 2006, 59]. Сформировав оборонительные полки, оно активно противостояло любым попыткам вторжения поляков в западные регионы. Генерал-губернатор Малороссии Н.Г. Репнин писал императору, что воины, «находясь под начальством малороссийских начальников будут угрожать свою родину от мятежных поляков, неблагодарных изменников» [Шандра, 2001, 193], и отмечал, что «малороссияне суть совершенно русские <...> наречии, одежда, обычае несколько различаются, но вера царь и Русь для них святыня нераздельная и неприкосновенная» [Шандра, 2001, 204].

Схожесть исторического развития, обычаев, языка, религии подталкивали смоленскую и малороссийскую администрации к сотрудничеству. Руководства обеих губерний в 1835 году прилагали совместные усилия для поимки еврея Израиля Кагунова, чтобы взыскать с него 2600 казенных рублей, которые, как указано в обращении киевского правления к смоленской администрации, еврей «прибрал на заготовление провианта в чигиринский магазин и не вернул» [ГАСО, ф. 2, оп. 32, д. 7, 6].

Таким образом, положение в Смоленской и западных губерниях России, по мнению царского правительства, способствовало сплочению населения этих регионов в деле содействия центральной власти в борьбе с антиправительственными настроениями в Царстве Польском и на прилегающих к нему территориях и одновременно являлось примером для единения западных окраин и центра Российской империи.

Подводя итог, можно утверждать, что Смоленщина в период польского восстания 1830–1831 годов продолжала оставаться стратегически важным регионом. Местная администрация во главе с Хмельницким занималась не только благоустройством города и губернии, но и содействием царскому правительству в борьбе с повстанцами и антиправительственными настроениями на территории Смоленской губернии в связи с событиями польского восстания 1830–1831 годов. Основными мерами смоленской администрации были действия по изъятию собственности у лиц, воевавших против России, борьбе с католическим влиянием и обеспечению депортации через территорию Смоленской губернии участников восстания.

Смоленщина была важным стратегическим районом по розыску и перемещению участников антиправительственных волнений в Царстве Польском. Местные чиновники справлялись со своей задачей довольно успешно, оперативно реагируя на циркулярные предписания царского правительства по борьбе с повстанцами.

ЛИТЕРАТУРА

- Аладьин Е.В. Воспоминания о Н.И. Хмельницком. СПб.: Тип К. Крайя, 1846. 26 с.
- Борисенок Ю. Хозяин мятежного края: штрихи к образу фельдмаршала Паскевича // Родина. 1994. № 12. С. 50–55.
- Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: периодизация, сущность, принципы и эволюция. М.: МГОУ, 2010. 262 с.
- Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. 1839. Д. 4.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 6.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1832. Д. 15.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1830. Д. 20.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1832. Д. 25.
- ГАСО. Ф. 1 Оп. 1. 1835. Д. 28.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 29.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 36.
- ГАСО. Ф. 1 Оп. 1. 1833. Д. 54.
- ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. 1834. Д. 355.
- ГАСО. Ф. 2. Оп. 32. 1832. Д. 7.
- ГАСО. Ф. 10. Оп. 1. 1830. Д. 382.
- Добротворский Н.А. Николай Иванович Хмельницкий (1789–1846) // Исторический вестник. СПб.: Тип. им. А.С. Суворина, 1889. Т. 38, № 12. С. 559–583.
- Долбилов М. Западные окраины Российской империи. М: Новое литературное обозрение, 2006. 605 с.
- Кононов В.А. Смоленские губернаторы, 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. 398 с.
- Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск: Годы, 2008. 176 с.

Орловский И.И. Смоленская стена 1602–1902. Смоленск: Типография П.А. Сеницына, 1902. 226 с.

Переписка епископа-князя Гедройца с гр. Д.Н. Блудовым и другими лицами во время польского мятежа 1831 года // Русский архив. 1869. Вып. 9. С. 205–233.

Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного королевства Польского: 1815–1830 / О.С. Каштанова [и др.]. М.: Индрик, 2010. 289 с.

Пузыревский А.К. Русско-польская война 1831 г. СПб.: Военная типография в здании Главного штаба, 1890. Т. 2. 105 с.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга от Венского конгресса до Первой мировой войны. М: Новое литературное обозрение, 2020. 571 с.

Самарин Ю.Ф. Статьи разного рода содержания по польскому вопросу. Т. 1. М.: Издание Ф. Самарина, 1877. 415 с.

Шандра В.С. Малороссийское генерал-губернаторство, 1802–1856: функции, структура, архив. Киев: Институт истории Украины, 2001. 355 с.

Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. Т. 2. 890 с.

Grabowska M. Esquisses Pologne, ou flagmens et traits détachés pour servir à l'histoire de la révolution de Pologne actuelle, par une Polonoise. Paris: Université du Michigan, 1831. 410 p.

O.S. Firsova

*Postgraduate Student,
Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

The Smolensk Administration in the Fight against the Polish Uprising of 1830–1831

The article is devoted to the actions of the Smolensk administration during the Polish uprising of 1830–1831. The study noted the uniqueness of the geographical location of the Smolensk province, which connected the western suburbs with the central provinces of the Russian Empire. The author gives a brief description of the activities of N.I. Khmelnitsky, who was at the head of the local administration during the period of unrest in the Kingdom of Poland. The article reflects the main directions of the anti-insurgency policy pursued by the local authorities in accordance with the directives of the tsarist government. As the main political measures carried out by officials of the Smolensk province, the author highlights the protective measures to close Catholic monasteries in the province, seize property from Poles who opposed Russia, tighten censorship, and assist the central government in finding and transporting participants in the uprising to the central regions. The author reflects the importance of the participation of local authorities in the fight against the Polish uprising, which consisted not only in assisting the government in combating the uprising, but also in cooperation with the Little Russian general government, which, according to the central government, contributed to the rapprochement of the western suburbs and the central regions of the Russian Empire. administration during the period of unrest

in the Kingdom of Poland. The article reflects the main directions of the anti-insurgency policy pursued by the local authorities in accordance with the directives of the tsarist government. As the main political measures carried out by officials of the Smolensk province, the author highlights the protective measures to close Catholic monasteries in the province, seize property from Poles who opposed Russia, tighten censorship, and assist the central government in finding and transporting participants in the uprising to the central regions.

Keywords: *Smolensk province; Polish uprising of 1830–1831; local administration; Governor Khmel'nitsky; the policy of the Russian monarchy to suppress the uprising.*

REFERENCES

Aladin E. V. Memoirs of N. I. Khmel'nitsky [Vospominaniya o N. I. Hmel'nickom]. Saint-Petersburg: K. Kraya Type, 1846. 26 p. (in Russian).

Borisenok Yu. The master of the rebellious land: touches to the image of Field Marshal Paskevich [Hozyain myatezhnogo kraya: shtrihi k obrazu fel'dmarshala Paskevicha]. *Rodina*. Moscow: Pressa, 1994. No. 12. Pp. 50–55 (in Russian).

Gavril'nikov A.F. The policy of the state power of the Russian Empire in relation to the Orthodox Church, non-Orthodox denominations and Abrahamic (non-Christian) faiths in 1721–1917: periodization, essence, principles and evolution [Politika gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj imperii v otnoshenii Pravoslavnoj cerkvi, inoslavnyh konfessiji avraamicheskikh (nekhristianskih) veroispovedanij v 1721–1917 gg.: periodizaciya, sushchnost' principy i evolyuciya]. Moscow: Moscow State University, 2010. 262 p. (in Russian).

The State Archive of the Smolensk Region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti]. Form 1, inventory 1, paper 4, 1839. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 6, 1831. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 15, 1832. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 20, 1830. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 25, 1832. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 28, 1835. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 29, 1831. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 36, 1831. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 1, paper 54, 1833. (in Russian).

GASO, form 1, inventory 2, paper 355, 1834. (in Russian).

GASO, form 2, inventory 32, paper 7, 1832. (in Russian).

GASO, form 10, inventory 1, paper 382, 1830. (in Russian).

Dobrotvorsky N. A. Nikolay Ivanovich Khmel'nitsky (1789–1846) [Nikolaj Ivanovich Hmel'nickij (1789–1846)]. *Historical Bulletin*. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin Printing House, 1889. Vol. 38. No. 12. Pp. 559–583 (in Russian).

Dolbilov M. The Western outskirts of the Russian Empire [Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii]. Moscow: New lit. Review, 2006. 605 p. (in Russian).

Kononov V. A. Smolensk governors, 1711–1917 [Smolenskie gubernatory, 1711–1917]. Smolensk: Magenta, 2004. 398 p. (in Russian).

Kashanova O.S., Makarova G.V., Falkovich S.M., Nosov B.V., Marney L.P. Poland and Russia in the first third of the 19 th century: From the history of the Autonomous Kingdom of Poland: 1815–1830 [Pol'sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka: Iz istorii avtonomnogo korolevstva Pol'skogo: 1815 – 1830]. Moscow: Indrik, 2010. 289 p. (in Russian).

Orlovsky I.I. Brief geography of the Smolensk province [Kratkaya geografiya Smolenskoj gubernii]. Smolensk: Years, 2008. 176 p. (in Russian).

Orlovsky I.I. Smolenskaya Wall 1602–1902 [Smolenskaya stena 1602–1902]. Smolensk: P.A. Sinitsin Printing House, 1902. 226 p. (in Russian).

Correspondence of Bishop-Prince Giedroyc with Count D.N. Bludov and others during the Polish rebellion of 1831 [Perepiska episkopa-knyazya Gedrojca s gr. D.N. Bludovym i drugimi licami vo vremya pol'skogo myatezha 1831 goda]. *Russian Archive*. Issue 9. Moscow: Grachev Printing House, 1869. Pp. 205—233 (in Russian).

Puzyrevsky A. K. The Russian-Polish war of 1831 [Russko-pol'skaya vojna 1831 g]. St. Petersburg: Military printing house in the building of the General Staff, 1890. Vol. 2. 105 p. (in Russian).

Rolf M. The Polish lands under the rule of St. Petersburg from the Congress of Vienna to the First World War [Pol'skie zemli pod vlast'yu Peterburga ot Venskogo kongressa do Pervoj mirovoj vojny]. Moscow: New Literary Review, 2020. 571 p. (in Russian).

Samarin Yu. F. Articles of various kinds on the Polish question [Stat'i raznogo roda sodержaniya po pol'skomu voprosu]. Vol. 1 Moscow: Edition of F. Samarin, 1877. 415 p. (in Russian).

Shandra V.S. The Little Russian General Government, 1802-1856: functions, structure, archive [Malorossijskoe general-gubernatorstvo, 1802–1856: funkcii, struktura, arhiv]. Kiev: Institute of History of Ukraine, 2001. 355 p. (in Russian).

Schilder N. K. Emperor Nicholas I, his life and reign [Imperator Nikolaj I, ego zhizn' i carstvovanie]. Saint-Petersburg: Edition of A. S. Suvorin, 1903. Vol. 2. 890 p. (in Russian).

Grabowska M. Sketches Poland, or flagmens and traits of attachment to belong to the history of the revolution of current Poland, by a Polish woman. [Esquisses Pologne, ou flagmens et traits détachés pour servir à l'histoire de la révolution de Pologne actuelle, par une Polonaise]. Paris: University of Michigan, 1831. 410 p. (in French).

И.Ф. Шелудяков

Калужский государственный университет

им. К.Э. Циолковского

Калуга, Россия

УДК 93/94–908

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-185-201

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929)

Ключевые слова: *новая экономическая политика; частное предпринимательство; кустарное производство; аренда.*

Статья посвящена изучению процессов становления и развития частного промышленного производства в период проведения новой экономической политики на территории Калужской губернии. Переход к частному предпринимательству в рамках нэпа проходил в регионе, не отличавшемся еще с доре-

волюционного времени значительным развитием промышленности, достаточно сложно. Отсутствие оборотного капитала, повышенное налогообложение, ограничение доступа к сырью, крайняя бедность местного, в основном сельского, населения сковывали возможность для развертывания частной инициативы. Аренда на достаточно кабальных условиях мелких государственных предприятий не получила развития. Более или менее значимых в производственном плане частных предприятий насчитывалось незначительное количество. Им, в первую очередь через кредитно-налоговый механизм, создавали крайне невыгодные условия для производственной деятельности. Это вынуждало предпринимателя, особенно со второй половины 1920-х годов, действовать под личиной кооперации или промыслов, создавать замкнутые циклы производства и сбыта. В результате уделом частника оказалось кустарное и мелкое частное производство, благожелательно воспринимаемое властями. Особенностью промышленного развития региона являлся и тот факт, что именно кустари и мелкие предприниматели играли чрезвычайно большую роль в производстве самой необходимой для массового потребителя губернии промышленной продукции, что и предопределило их значительный вес в местной промышленной деятельности.

После окончания разрушительной Гражданской войны под влиянием городских волнений и крестьянских восстаний 1920–1921 годов, ставших ответом на продолжавшуюся политику «военного коммунизма», советское руководство для возрождения хозяйства страны было вынуждено перейти к восстановлению в экономике рыночных отношений. Сам переход к рынку, начавшийся в 1921 году, был сложным сочетанием различных факторов. Многие реформы этого периода проходили в режиме «реального времени», когда следующий шаг диктовался предыдущим. Сложность ситуации усиливалась и тем обстоятельством, что внутри партии большевиков постоянно шла борьба между сторонниками и противниками рынка.

Вполне естественно, что так же сложно и зигзагообразно организовывалась государственная политика в отношении частного сектора экономики. Очевидно, что частник был вынужден постоянно приспосабливаться к возникавшим новым реалиям, менять стратегию рыночного поведения. Тщательный анализ особенностей процесса развития частного сектора экономики на материалах регионального уровня помогает глубже понять изучаемую проблему во всей ее специфике и полноте.

Историография развития промышленности Калужской губернии в годы нэпа невелика и носит фрагментарный характер. Отдельные аспекты развития ее частного сектора отражены в работе С.А. Карпова «Фабрично-заводская промышленность Калужской губернии», изданной еще в 1929 году [Карпов, 1929]. Наиболее крупной из современных работ, где затронуты некоторые вопросы развития частного промышленного предпринимательства, являются очерки «Калужский край в XX веке» [Калужский край в XX веке, 2014].

Судьбы отдельных частных предпринимателей описаны в монографиях Л.И. Потаповой, Ю.В. Холопова [Потапова, 2008; Холопов, 2019]. Недостаточная изученность данной проблемы требует ее более полного освещения.

Наиболее важным источником для изучения предмета исследования стали документы фонда Р-156 Государственного архива Калужской области (ГАКО). В них содержатся отчеты, обзоры Калужского губернского Совета Народного Хозяйства (ГСНХ), посвященные состоянию региональной промышленности. Интересные документы о работе частника в промышленности на последнем этапе нэпа хранятся в собрании фонда Р-347 финансового отдела исполнительного комитета Калужского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Отдельные характеристики деятельности частника можно найти на страницах местной печати [Коммуна, 1922].

Декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта 1921 года положил начало переходу советской власти к осуществлению новой экономической политики, возвращавшей в жизнь страны элементы рыночной экономики [СУ, 1921, № 25, ст. 147]. Частная инициатива была легализована и в целой серии последующих нормативно-правовых актов. Наиболее активно частный сектор стал развиваться в торговле, очень скоро ставшей самой значимой сферой частного предпринимательства.

Одновременно с торговлей на территории Калужской губернии в 1921 году стала возрождаться и частная промышленность. Но, придерживаясь курса на сохранение в своих руках «командных высот» в экономике, государство с самого начала нэпа отводило частнику лишь вспомогательную роль в восстановлении промышленного производства. Первым законодательным актом о допуске частника в легальную производственную деятельность стал декрет СНК РСФСР «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету Народного Хозяйства» от 5 июля 1921 года, который предоставлял кооперативам, товариществам и другим объединениям, а также отдельным гражданам право арендовать государственные промышленные предприятия в целях их эксплуатации [СУ, 1944, 574]. 7 июля 1921 года было издано Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О кустарной и мелкой промышленности», в котором указывалось, что каждый гражданин может свободно заниматься кустарным промыслом, а также создавать мелко-промышленное предприятие с числом рабочих не более 20 человек [СУ, 1944, 585]. Получив правовые основания, частные производители Калужской губернии развернули легальную предпринимательскую деятельность.

Но если сфера торговли с первых дней нэпа в основном оказалась в руках частника, то в области промышленности ситуация складывалась иначе. Еще до революции по ее развитию Калужская губерния занимала одно из последних мест в Центральном промышленном округе. Основная

масса населения занималась сельским хозяйством. Однако скудное плодородие местных почв, невысокие урожаи вынуждали значительную часть крестьян заниматься кустарным и отхожим промыслами.

В условиях революционного времени и Гражданской войны промышленное хозяйство губернии оказалось в крайне тяжелом положении. Промышленное оборудование было изношено, резко упали объемы производства, постоянно возникали проблемы с получением сырья и топлива, многие фабрики и заводы приостановили свою деятельность. В 1920 году продолжали работу всего лишь 66 мелких и средних предприятий из 130 национализированных, да и то с постоянными перебоями [Калужский край в XX веке, 1914, 204]. Поиски путей выхода из сложной ситуации при крайней скудности государственного бюджета вынудили власти всю промышленность разбить на три группы: крупную, имевшую местное значение и мелкую. На государственном снабжении были оставлены только предприятия первой группы, которые рассматривались партийно-государственным руководством в качестве главной экономической и политической опоры советской власти. Значительная часть промышленности Калужской губернии попадала во вторую и третью группы, оказавшись в подчинении у местного Губсовнархоза (ГСНХ). Входящие в них предприятия снимались со всех видов государственного снабжения и должны были быть переведены на хозрасчет или сданы в аренду.

Ввиду острой нехватки у ГСНХ финансовых и материальных средств только 54 предприятия, продукция которых имела большой спрос на местном рынке, были оставлены государством в его ведении и переведены на хозрасчет. Все остальные, менее значимые производства планировалось сдать в аренду. Последние, как правило, представляли собой очень мелкие и плохо оборудованные предприятия с небольшим числом работников, «не дающие выгоды, требующие больших затрат на необходимый ремонт, для государства малополезные» [Коммуна, 1922, № 278, 283]. При этом первоочередными претендентами на получение аренды были государственные организации и, прежде всего, кооперативы, а частные предприниматели – только после их отказа.

Однако желавших заняться предпринимательской деятельностью, особенно на условиях предложенной аренды, оказалось относительно немного. К 1 июня 1922 года в Калужской губернии в аренду было сдано 26 предприятий, к сентябрю 1922 года их численность выросла до 34 [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 25, 40; Промышленность Калужской губернии, 1922, 11]. Но уже в 1922/1923 операционном году было заключено всего лишь два арендных договора, а в первом квартале 1923/1924 года, несмотря на все старания Губсовнархоза, «желающих не нашлось». По данным на 1924/1925 год, из сдававшихся в аренду 15 предприятий на долю частных пришлось только 9. За тот же период было расторгнуто 8 договоров [ГАКО, ф. 156, оп. 3, д. 16, 37; ГАКО, ф. Р-156, оп. 3, д. 954, 16].

Столь низкие показатели отражали тот факт, что частник получал от государства предприятия в аренду на кабальных условиях. Так, достаточно жесткими можно признать условия, на которых в декабре 1921 года сдавался в аренду на шесть лет Калужский кирпичный завод жителю губернского центра Н.А. Калашникову. Арендатор был обязан: «Принять все меры к необходимому ремонту завода и его оборудования, что бы к концу производственного сезона завод был на ходу и вышел на определенные показатели выработки» [Калужский край, 1982, 113–114]. Выработка определялась в следующем размере: в первый год аренды завод должен был произвести кирпича – 150 тыс. штук, извести негашеной – 4800 пудов. Во второй год кирпича должно было быть произведено 200 тыс. штук, извести – 6400 пудов. В третий год работы завод должен был произвести 300 тыс. кирпичей и 9600 пудов негашеной извести. Помимо этого арендатор должен был выплачивать арендную плату в размере 10% от стоимости своей продукции в первый и 15% во второй и последующие годы аренды. Причем количество сдаваемого кирпича не могло снижаться, даже если арендатор сокращал производство. Наконец, в пункте 12 договора указывалось, что арендатор обязывался производить за свой счет необходимый текущий ремонт помещения и инвентаря с тем, чтобы по истечении срока аренды завод был сдан Губсовнархозу в исправном состоянии. Капитальный ремонт, перестройка и установка дополнительного оборудования могли быть произведены только с ведома арендодателя. При этом по истечении срока аренды все производимые улучшения переходили безвозмездно к тому же Губсовнархозу. В случае невыполнения арендатором необходимого ремонта на добровольных началах таковой производился за его счет распоряжением Губсовнархоза [Калужский край, 1982, 114]. Иначе как крайне обременительным для арендатора подобный договор назвать трудно. Калужский ГСНХ старался возложить всю ответственность за восстановление предприятия на арендатора, не тратя на это средств и в то же время жестко его контролируя. Подобная хозяйственная политика властей резко снижала стимулы частника к организации широкой предпринимательской деятельности.

Но главная причина, не дававшая развернуться частной инициативе, заключалась в отсутствии оборотных средств. Калужский губсовнархоз в своем отчете за 1923 год информировал, что частные арендаторы сразу же оказались в дискриминационном положении по сравнению с предприятиями, сданными в аренду госорганам. Если для последних банковский кредит был крайне ограничен, то для частных лиц он «почти отсутствовал или был весьма затруднен» [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 25, 3]. Именно поэтому единичные меры по сдаче в аренду относительно крупных предприятий (что было исключительным случаем) потерпели неудачу. Так, попытки реанимировать Ермоленскую текстильную фабрику (на ней работало 283 человека), сдав ее в аренду в 1922 году, уже в 1923 году завершились расторжением

арендного договора. Более стойкими оказались мелкие предприятия, требовавшие меньших оборотных средств.

Наиболее активно власти использовали налоговый механизм ограничения частнопредпринимательской инициативы. Нередко под его разорительным давлением предприниматели вынуждены были прекращать свою хозяйственную деятельность. Характерным примером явилась ситуация, сложившаяся на пивоваренном заводе Фишеров. Национализированный после революции, завод был передан в аренду бывшим хозяевам в 1922 году. Они сумели наладить производство и исправно выплатили все налоги [Потапова, 2008, 38]. На полученные доходы было приобретено новое оборудование, прибыль предприятия увеличилась в три раза. Однако это привело к тому, что налогообложение предприятия также выросло в три раза. Арендаторы завода не согласились с выводами налоговой инспекции и оспорили их в Уездном финансовом отделе (УФО) Калужского уезда. Но УФО подтвердил выводы налоговой инспекции, после чего арендаторы расторгли договор [Потапова, 2008, 38-39]. И это при том, что арендная плата в бюджете ГСНХ являлась одним из основных источников содержания его руководящего аппарата. А в отношении своевременности выплат арендных платежей частные лица являлись «наиболее исправными плательщиками» [ГАКО, ф. 156, оп. 3, д. 16, 39].

Вместе с тем некоторые арендованные производства все же сумели занять монопольное положение на местном рынке, правда, лишь в силу полного отсутствия конкурентов: свечной завод, фабрика деревянных сапожных шпилек, мыловаренный завод, фабрика ульев. Сами по себе это были не крупные предприятия. Тот же свечной завод, по данным статистических органов, по оснащенности оборудованием «ближе подходил к кустарному заведению» [Карпов, 1929, 24]. На результатах и их производственной деятельности отрицательно сказались отсутствие оборотных средств, высокая арендная плата, общие условия налоговой политики. Например, за 1923 год они сумели выполнить от 17% до 45% своих производственных программ. На прочих арендованных предприятиях загруженность колебалась в пределах от 10% до 25% их технической мощности [ГАКО, ф. 156, оп. 3, д. 16, 37-38]. В 1924 году специалисты Калужского ГСНХ следующим образом охарактеризовали работу частной арендованной промышленности в целом: «Производство арендованных предприятий незначительно, и они бездействуют больше половины года, не выполняют обусловленной работы за исключением немногих и таким образом конкурировать с предприятиями ГСНХ не могут» [ГАДНИКО, ф. п-1, оп. 6, д. 74, 23].

В условиях ущемления предпринимательской инициативы частного, недопущения его в сферу крупного производства частная промышленность в губернии заведомо могла развиваться лишь как мелкая. Но и здесь все было не так просто. В отчетном докладе ГСНХ за 1924 год говорилось: «Можно утверждать

без ошибки, что современная частная промышленность Калужской губернии носит преимущественно кустарный и ремесленный характер. Частных промышленных предприятий, удовлетворявших цензу статистики, совсем нет» [ГАКО, ф. 156, оп. 3, д. 16, 40]. Кустари и составили основу частной промышленности.

По признанию властей, кустарная промышленность, серьезно пострадавшая во время войны и первых лет революции, имела в Калужской губернии очень большое значение, в «громадной степени» удовлетворяя внутренние потребности рынка. На 1 января 1922 года общее количество зарегистрированных кустарей, занятых в промыслах, насчитывало 20 420 человек. Но в реальности, по мнению специалистов, кустарей в регионе было не меньше 30–35 тыс. человек. А так как частный капитал губернии никогда не пытался укрепиться в сфере массового изготовления крестьянского инвентаря и предметов домашнего обихода крестьянина, их производство «искони находилось в монополии у кустарей». Владельцами кустарных промыслов являлись главным образом местные крестьяне, которые в свободное от сельскохозяйственных работ время изготавливали всевозможные товары. В большинстве случаев это были одиночки или члены одной семьи, к наемному труду прибегало очень небольшое количество.

Наиболее востребованы были деревообработчики (51,8%), сапожники (11,3%), прядильщики (9,6%), овчинники (5,8%), обработчики кож (5,1%) [Отчет Калужского Губисполкома и Губэкономсовещания, 1923, 104]. В 1923 году роль кустарной промышленности еще более возросла, так как товары фабрично-заводского производства в условиях кризиса сбыта 1923 года сделались малодоступны по цене для сельского населения. В некоторых отраслях производства кустари, по мнению специалистов Губисполкома, «были, есть и останутся на долгое время монополистами» [Отчет Калужского Губисполкома и Губэкономсовещания, 1923, 104].

Поощряемое властями, кустарное производство, призванное насытить рынок товарами, с середины 1920-х годов расширило масштабы своей деятельности. Всего в губернии в середине 1920-х годов насчитывалось 75 разновидностей кустарных промыслов. Сохранилась, с учетом определенных подвижек, их специализация по уездам: четверть ткачей находилась в Малоярославецком уезде, более половины – в Боровском, 41% деревообработчиков и 65% овчинников – в Калужском, 47% сапожников – в Мещовском, половина гончаров и кирпичников – в Мещевском и т.д. [Отчет Калужского губисполкома, 1925, 130]. По данным за 1926 год, в бондарном промысле было занято 662 человека, в сапожном – 1394, в санном – 65, в тележном – 128, в прялочном – 981. Зарегистрированных колесников насчитывалось 186 человек, вальщиков – 182, овчинников – 357 и т.д. [ГАКО, ф. р-217, оп. 1, д. 68, 7].

С середины 1920-х годов практически на всех калужских губернских съездах Советов, на ряде заседаний президиума ВСНХ выносились поста-

новления об оказании кустарной промышленности самого серьезного содействия. Предусматривалось кредитование кустарей банками, им предоставлялись налоговые льготы, принимались меры по обеспечению их полуфабрикатами и сырьем (в частности, пряжей). Прилагались значительные усилия по кооперированию кустарей. Однако к 1 октября 1925 года в артельную организационно-правовую форму предпринимательства удалось вовлечь менее трети от насчитывавшихся по «неполным данным» 15 тыс. кустарей. «Весьма слабую организацию кустарей» в губернии отметила в своем докладе от 2 июля 1926 года и комиссия ВСНХ, обследовавшая состояние местной промышленности [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 389, 611–612]. Несмотря на все усилия властей, подавляющее число всех кустарей оказалось под контролем частного капитала.

Что касается частных промышленных предприятий, использовавших наемный труд, то их владельцы вынуждены были всякий раз организовывать свою работу, сообразуясь с текущей государственной политикой. Необходимо отметить, что частный предприниматель не пропал как в период Гражданской войны, так и в годы «военного коммунизма». В специальном обследовании, проведенном в Калужской губернии в конце 1920-х годов, указывалось, что в 1919–1921 годах все артели ткачей, зарегистрированные в Губсовнархозе, организовывались частниками [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 169]. Кооперативная форма давала им возможность получать сырье (в данном случае – пряжу), монопольным распорядителем которого было государство. Сотрудники ГСНХ указывали, что губернский главк Губтекстиля «пропустил» большое количество пряжи через тех же лиц, через которых она шла к ткачу и в дооктябрьские времена [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 169]. Однако в условиях тягот Гражданской войны данный и все другие виды промыслов из-за дальности и отрезанности источников сырья и недостатка полуфабрикатов пришли в крайний упадок.

Переход к новой экономической политике открыл для частного предпринимателя возможность действовать легально, а не прикрываться личиной разного рода кооперативных объединений. Типичной тенденцией для первых лет нэпа в Калужской губернии стало прекращение роста такой организационной формы предпринимательского типа, как артель: в 1922 году создается лишь одна артель, в 1923 году – ни одной, в 1924 году – две [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 169]. Можно сказать, что частник перестал быть заинтересованным в сращивании с кооперацией, что и сказалось на минимальном количестве случаев появления новых объединений. В том же текстильном промысле, в частности, как и в дореволюционные времена, приток пряжи пошел через частного, во главе промысла встало несколько «крупных дельцов».

Сферой деятельности большинства предпринимателей была мелкая промышленность. Если к категории мелких промышленных заведений статистика относила производства без механического двигателя с наличием десяти

наемных рабочих и с механическим двигателем с наличием пяти наемных рабочих, то практически все частные предприятия губернии к этому времени никаких двигателей не имели и насчитывали в основном 1,3–2,6 наемного работника на одно производство [Отчет Губисполкома и Губэкономсовещания, 1923, 103]. Не случайно в сборнике законов о частной промышленности 1924 года такие предприятия попали в категорию кустарно-ремесленных.

К середине 1920-х годов частные предприниматели создали целый сектор мелкотоварного промышленного производства, специализируясь на обработке дерева, шерсти, льна, кожи, металла, минералов, изготовлении предметов быта. Мелкая промышленность наряду с кустарной могла рассчитывать на поддержку партийно-хозяйственных органов. Впрочем, в ряде случаев она оказывалась и относительно крупным частным предприятиям, продукция которых находила спрос на калужском рынке и не конкурировала с государственно-кооперативным сектором.

В целом же к середине 1920-х годов частная промышленность Калужской губернии не получила большого развития. Почти не имея в своих рядах значимых производств, она не могла на равных конкурировать с крупным государственным промышленным сектором.

После некоторой либерализации государственной экономической политики в середине 1920-х годов уже в 1926 году начался процесс очередного ограничения законодательных прав частника. К этому времени благодаря возросшей финансовой поддержке властей было налажено производство на многих государственных предприятиях. В таких условиях власти нацелились на ограничение частного предпринимательства в первую очередь через кредитно-налоговый инструментарий. Но оно коснулось лишь владельцев относительно крупных и средних предприятий, а мелкие производители фактически не были ущемлены в правах. По данным статистики, с 1925–1926 годов началось уменьшение количества цензовых предприятий. Из зарегистрированных в тот период четырех предприятий в 1927–1928 годах в руках частника осталось только два [Карпов, 1929, 2–3]. Однако в ряде районов, там, где отсутствовали или были слабо представлены государственные и кооперативные промышленные заведения, частная промышленность продолжала играть весомую роль. Так, в Малоярославецком уезде – районе широко развитых кустарных текстильных специально-платочных промыслов – в 1925/1926 году частник держал в своих руках более 80% предприятий и на него приходилось 77,9% всего оборота местной промышленной продукции. Эти показатели почти не изменились и во второй половине 1920-х годов [Отчет Малоярославецкого уездного исполкома, 1926, 27]. Примерно такая же картина была и в Калужском уезде, где функционировали всего один государственный завод и 145 кустарно-промышленных предприятий.

В целях сохранения и развития своего дела именно крупный капитал вынужден был активизироваться в своем стремлении удержаться на плаву, идя

на самые разные ухищрения. В этом отношении показательно его участие в ткацком промысле, получившем особое развитие на севере губернии (Боровский, Малоярославецкий уезды). В условиях крайне негативного отношения властей к крупному частному производству и постоянно усиливавшегося государственного регулирования частник стал проявлять все большую осторожность в организации фабричного производства, которое позволяло ему ранее охватывать все основные операции ткацкого промысла. В новых условиях, оставляя за кустарем главную операцию – ткачество, частник взял в свои руки лишь вспомогательные процессы: подготовительные (окраска) и отделочные (прессовальные и чесальные). Владея красильнями, прессами и чесальными машинами, частный капитал держал в зависимости весь промысел. Одновременно происходили изменения и в приемах работы частника с кустарем. Они заключались в том, что если до революции господствовала скупка изделий у кустаря, то в годы нэпа она уступила место работе на заказ. Объяснялось это, в частности, определенной ограниченностью притока сырья в промысел. Это же обстоятельство сковывало и всякую самостоятельность кустаря.

Сложившаяся обстановка породила множество форм участия частного капитала в ткацком промысле. Во-первых, продолжали открыто функционировать частные фабрики (Глухова, Петрова и т.д.), облагаемые уравнибором (уплачивался с суммы хозяйственного оборота). При этом на долю четырех крупнейших предприятий из 19 функционировавших приходилось 60% учтенного оборота и 95% промышленного оборудования. Число кустарей, эксплуатировавшихся этими предпринимателями, насчитывало 376 человек. Однако специалисты указывали, что официальное страхование частником известного числа рабочих являлось лишь средством узаконить свою предпринимательскую деятельность, а в реальности эксплуатировалось втрое, а то и впятеро большее число рабочих [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 175].

К этой категории открыто действовавших предпринимателей примыкало несколько десятков так называемых «мастерков». Будучи мелкими организаторами производства, официально страхуя от одного до пяти кустарей, они принимали заказы на овчинку и распределяли их по своим работникам.

Приобретя к середине 1920-х годов богатый опыт работы в условиях рестриктивной экономической политики советского государства в отношении частного сектора и сконцентрировав в своих руках значительный капитал, предприниматели стали создавать сложные многоуровневые экономические конструкции. Было выработано несколько основных вариантов организационной деятельности нэпмана в производственной сфере, трудно поддававшейся государственному контролю.

Так, по сравнению с открыто действовавшими предпринимателями совсем иначе дело обстояло в том случае, когда крупный частник, имея предприятие вне границ губернии (главным образом в московском Черкизове), давал пряжу в переработку калужскому кустарю. На московских хозяев вплоть до

конца нэпа работали целые селения, такие как Пекино, Самсоново, Пяткино. Модель взаимодействия московских предприятий с производителями Калужской губернии была следующей: агент фирмы (нередко бывший «мастерок») принимал заказы на овчину и распределял их по кустарям, создавая некое подобие рассеянной мануфактуры, включавшей в себя подготовительный и отделочный цеха промысла. В других случаях кустарь сам ездил за пряжей и сам отвозил готовые изделия. В специальном обследовании Калужского ГСНХ указывалось: «Дачный поезд Малоярославец – Москва представляет собой картину надменного мешочничества, перевоза сотни кустарей, везущих каждый свой мешок с платками – туда, и пряжей – оттуда. Часть этих мешочников (с самыми большими мешками и тюками) являются известными в своем районе “мастерками” – “кормильцами” одного, а то и двух десятков кустарей. Фамилии их напрасно было бы искать в списках страхователей Устрахкасы, или в заявлениях об обороте фининспекторам» [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 172]. Для того чтобы контролировать действия кустарей, частный предприниматель не только раздавал заказы, но и владел наиболее востребованным инструментом. Это были берды и ремизы, которые предприниматели раздавали ткачам. Обладание средствами производства позволяло их владельцам или собственникам напрямую закабалить кустарей. На это же работала и монополия частного-предпринимателя на обладание сырьем, сдаваемым кустарю на переработку. Сотрудники ГСНХ указывали, что именно данная форма отношений частного капитала с кустарем исключала малейшую возможность его хозяйственной самостоятельности и его роль наемного рабочего делалась уже «ничем не приукрашенной» [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 172].

Вся организация подобной производственной деятельности, осуществляемая как путем сдачи пряжи в переработку калужскому ткачу непосредственно представителями московских фирм, так и благодаря посреднической деятельности так называемых «мастерков», не поддавалась никакому государственному учету. Госорганы судили о ее размерах лишь по тому факту, что в ней были заняты сотни ткачей в целом ряде селений. Но бурная частнопредпринимательская практика оказалась «неуловима» как для финансового контроля, так и для органов охраны труда [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 173]. В итоге вся эта деятельность была похожа на функционирование ткацкой фабрики, свободной от налогов, от вмешательства профсоюзов и от какого бы то ни было регулирования.

Подобные выгоды крупный, в основном московский, частный капитал получал и в том случае, когда объединял разрозненных ткачей в рамках какой-либо кооперативной организации на территории самой губернии. Так, его местными агентами были созданы Тишинская, Ермоленская, Ивакинская артели – в полном соответствии с законом, паевым капиталом и кооперативной репутацией. Данная форма организации возникла в 1925/1926 году, когда государственные предприятия резко сократили отпуск мануфактуры оптовым

торговцам. Это вынудило освободившийся капитал перекочевать из «торговли мануфактурой государственного происхождения в кустарное производство и торговлю кустарной мануфактурой» [ГАКО, р-56, оп. 3, д. 954, 173].

Частный предприниматель жестко контролировал работу зависевших от него кооперативных артелей. Наглядным примером этого факта была деятельность той же Тишинской артели, созданной московской фирмой «Сидоров, Медников и К^о» и специализировавшейся на выработке овчины. Будучи обследована через год после своего возникновения Кустпромсоюзом, с формальной точки зрения она не вызывала никаких нареканий со стороны действовавшего кооперативного законодательства: паевой капитал был собран (пай 50 рублей), членство всех его участников было тщательно оформлено, отчетность была поставлена вполне удовлетворительно, имелся артельный основной капитал в виде строящегося помещения конторы и сновальни, станков, ремизов и берд. Правление само спроектировало создание артельной кассы взаимопомощи, отчислив в нее значительную долю годовой прибыли, достигавшей пяти тысяч рублей [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 175]. Все требования закона, все правила кооперации, все инструкции и «все приличия» соблюдались строго. Однако, как писали сотрудники ГСНХ, «при внимательном рассмотрении можно увидеть патриархальнейшие, исполненные холопства с одной стороны, предпринимательское высокомерие, с другой, отношения, существующие между ткачами и председателями правлений. В глазах ткача, хотя и кооперированного в такие артели, этот председатель правления кооператива был лишь работодателем, хозяином и господином. Критика на его действия не распространялась, общие собрания этих артелей проходили при гробовом молчании собравшихся» [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 175]. Официальное оформление артели дало возможность появиться не полулегальному, работающему, как правило, без договора, а потому безответственному «мастерку», а кооперативной организации, юридическому лицу с законно оформленной ответственностью, паевым капиталом и даже известным общественным весом и кооперативной общественной репутацией.

Но создавались и настоящие лжекооперативы, которые прикрывались кооперативной формой для организации спекулятивной деятельности. Образцом такого кооператива было Русиновское кредитно-ткацкое товарищество. Оно было создано в результате переоформления правового статуса ткацкой фабрики. Пытаясь избежать крупного налогообложения, ее заведующий уговорил кустарей придать производству кооперативную форму, тем более что паевых взносов от ткачей не требовалось. Паи за них внесли частники. Первая же партия пряжи, полученная товариществом от Москопромсоюза под флагом снабжения кустаря, была продана частнику. В этом и заключалась вся ее деятельность. А 224 члена артели сели на «голодный паек». Поживился частник и за счет Калужского кредитсельпромсоюза. Эта государственная структура в

1925–1926 годах передала своим товариществам более чем на 100 тысяч рублей пряжи, которая почти целиком ушла частнику для снабжения того же кустаря [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 176].

Фиксировавшие подобные акты органы советской власти на местах отмечали, что это был пример того, как кооперативная форма предпринимательской деятельности там, где не было работы Союзной кооперации (как это было в Калужской губернии до 1926 года), прекрасно могла быть использована частником. В специальной аналитической записке ГСНХ по исследованию состояния дел в текстильной промышленности указывалось, что за исключением нескольких артелей, созданных Текстильным трестом, подавляющее большинство из них было организовано частником. Даже в случае, если он не был инициатором создания артелей, он в той или иной форме нередко оказывал существенное материальное содействие другим предпринимателям в их организации (например, Болотская, Самсоновская артели). В этом просматривалось явное желание частника вовлечь их в сферу своего влияния [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 176].

Своеобразным примером изворотливости и приспособления частника к обновлявшейся экономической обстановке являлись факты вхождения частника в реальные кооперативы на правах их членов. Примером подобной практики явилось вхождение в Пореченскую артель владельцев Кривошеинской тесемочной фабрики или вступление владельца Самсоновской фабрики в Самсоновскую артель.

Достаточно распространенной была практика дробления частником своего предприятия, с тем чтобы перед финансово-регулирующими органами они предстали в уменьшенном виде. В этом случае члены семьи такого частника выбирали мелкие патенты. Как результат, в списке предпринимателей появлялось несколько Грачевых в Митяеве, Сергеевых в Поречье и т.д. [ГАКО, ф. р-156, оп. 3, д. 954, 176].

Таким образом, концентрация частного капитала в сфере ткацкого промысла на севере губернии была представлена достаточно наглядно: создавались лжекооперативы, рассеянная мануфактура, искусственно уменьшались размеры промышленных заведений. Заостряя внимание на «жульнических обычаях, навыках и приемах» частного производства, представители ГСНХ вынуждены были в то же время признать, что инициатива частника в кооперировании кустарного промысла на низовом уровне обеспечила «очень значительные преимущества и возможности не только укрупнительства, но и развития» [ГАКО, р. 156, оп. 3, д. 954, 176]. Следует учитывать и тот факт, что давать объективную оценку численности и роли частников в промышленном производстве губернии достаточно сложно, ибо ни для кого не было секретом, что очень многие из них не получали патентов и не учитывались статистикой.

Усилия руководства страны и губернии по восстановлению и развитию государственной промышленности и кооперации привели к тому, что во второй половине 1920-х годов частник начал терять свои конкурентные преимущества. Эту тенденцию ярко продемонстрировал Калужский текстильный трест, включавший в себя четыре фабрики. Активизировав свою деятельность с середины 1920-х годов, в течение следующих трех лет из мелкого поставщика пестротканого платка он превратился в почти монополиста по данному виду продукции, увеличив объемы производства более чем в 20 раз. Этому способствовало вовлечение в орбиту его производственной деятельности около 1,5 тысяч кустарей. Трест или финансировал их для закупки пряжи, или передавал им свою пряжу, снабжая кустарей всеми необходимыми техническими и вспомогательными материалами. Подобными мерами он не только не позволил частнику захватить платочную промышленность, но и «теперь вышибает этого последнего, – говорилось в отчете Губсовнархоза о состоянии промышленности губернии в 1927 году, – из позиции кустарных ткацких промыслов», которые являлись самыми развитыми в губернии. Произошедшее наглядно подтверждает сравнительный анализ работы Калужского текстильного треста (5 тысяч работников в 1927/1928 году) и крупнейшей в губернии частной фабрики Грачева (214 работников в 1927/1928 году). Последняя к концу нэпа работала с постоянными перебоями. Особенно показательна динамика изменения в соотношении стоимости произведенной продукции в расчете на одного занятого. Лидируя по данному показателю в середине 1920-х годов, уже через год частная фабрика резко сдала свои позиции: 1925/1926 – 113,2%, 1926/1927 – 96,06%, 1927/1928 – 36,78% [Карпов, 1929, 46]. В итоге судьба фабрики оказалась вполне стандартной. В 1929 году она была включена в состав Текстильного треста в качестве составной части Малоярославецкого упркомбината. Мощная государственная промышленность на закате нэпа полностью вытеснила частный капитал.

Таким образом, частное предпринимательство, без учета кустарной промышленности, не получило значительного размаха в Калужской губернии. Отсутствие оборотного капитала, повышенное налогообложение, ограничение доступа к сырью, да и относительно низкая покупательная способность местного рынка сковывали возможности для развертывания частной инициативы. Аренда не получила достаточного развития. Крупный частный капитал, будучи сдерживаемым советской властью в его попытках расширить производство, вынужден был на каждом очередном этапе нэпа менять формы своей деятельности, прибегать к нелегальным способам организации производства. Уделом частника осталось лишь кустарное и мелкое промышленное производство. Кустари, находившиеся внизу этой частнопредпринимательской пирамиды, в своем большинстве находились под контролем частника. Попытки их кооперирования со стороны государства оказались малорезультативными. Правда, к концу нэпа некоторые государственные предприятия не без успеха

начали перехватывать инициативу в деле сотрудничества с кустарем. Но в любом случае, будучи поддерживаемы властью, именно они играли существенную роль в производстве наиболее востребованной, прежде всего крестьянами, продукции, что и предопределило их значительный удельный вес и придало специфику частному предпринимательству Калужской губернии.

ЛИТЕРАТУРА

Аналитическая записка Финансового отдела Калужского ГСНХ о работе частного капитала на территории Калужской губернии в 1927–1928 гг. // Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-156. Оп. 3. Д. 954.

Государственный архив документов Новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 74.

Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-156. Оп. 3. Д. 16.

ГАКО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 68.

Калужский край. Кн. 3. Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. 310 с.

Калужский край в XX веке: исторические очерки. Калуга: Калужский государственный ин-т модернизации образования, 2014. 416 с.

Карпов С.А. Фабрично-заводская промышленность Калужской губернии // Статистический сборник. Калуга, 1929. 425 с.

Коммуна. Орган Калужского Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета. Калуга, 1922.

Отчет Калужского Губисполкома за 1924–1925 г. Калуга, 1926. 304 с.

Отчет Калужского Губисполкома и Губернского экономического совещания с 1 окт. 1922 г. по 1 окт. 1923 г. Калуга, 1923. 243 с.

Отчет Калужского Губисполкома за 1925–26 г. Калуга: Гос. изд-во. Калужское отделение, 1927. 125 с.

Отчет Малоярославского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за время с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. Малоярославец, 1926. 46 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. 1198 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства (далее СУ). 1921. № 25. Ст. 147.

Промышленность Калужской губернии с 1 января по 1 мая 1922 г. Калуга, 1922. 72 с.

Потапова Л., Орешкина Р. Калужские пивовары Фишеры. Калуга: Фридгельм, 2008. 95 с.

Холопов Ю.В. Традиции и судьбы калужского купечества. Трилогия на основе родословных исследований. Калуга: СерНа, 2012. 383 с.

I.F. Sheludakov

Postgraduate Student,

Chair of History and Law,

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Kaluga, Russia

The Development of Private Entrepreneurship in the Kaluga Province during the Years of the New Economic Policy (1921–1928)

The article is devoted to the study of the processes of the formation and development of private industrial production during the period of new economic policy

in the Kaluga province. The transition to private entrepreneurship within the framework of the NEP took place in a region that has not yet been distinguished by a significant development of industry since pre-revolutionary time. The lack of working capital, increased taxation, restriction of access to raw materials, the extreme poverty of the local, mainly the rural population, fettered the possibility of deploying private initiative. Renting on sufficiently bonded conditions of small state enterprises did not receive development. More or less relatively significant in the production plan of private enterprises, there were an extremely small amount. First of all, they created extremely unprofitable conditions for production activities through the credit and famous mechanism. This forced a private trader, especially from the second half of the 1920s, to act under the guise of cooperation or fishing, to create closed cycles of production and sales. As a result, the destiny of a private trader turned out to be a artisanal and small private production, which is favorably perceived by the authorities. A feature of the industrial development of the region was the fact that handicraftsmen and artisans played an extremely large role in the production of the most necessary for the mass consumer of the province of industrial products, which predetermined their significant weight in local industrial activities.

Keywords: *new economic policy; private entrepreneurship; artisanal production; rent.*

REFERENCES

Analytical note of the Financial Department of the Kaluga State Academy of National Economy on the work of private capital in the Kaluga Province in 1927-1928 [Analiticheskaja zapiska Finansovogo otdela Kaluzhskogo GSNH o rabote chastnogo kapitala]. *State Archive of the Kaluga Region* (GAKO). F. R-156. Op.3. D. 954 (in Russian).

Collection of legalizations and orders of the government for 1921 [Sobranie uzakonenij i rasporjazenij pravitel'stva za 1921 g.]. Moscow, 1944. 1198 p. (in Russian).

Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government (hereinafter SU) [Sobranie uzakonenij i rasporjazenij Raboche-Krest'janskogo pravitel'stva]. 1921. No. 25. Art. 147 (in Russian).

GAKO. [GAKO]. F. R-156. Op.3. D. 25 (in Russian).

GAKO. [GAKO]. F. R-217. Op.1. D. 7 (in Russian).

Industry of Kaluga province from January 1 to May 1, 1922 [Promyshlennost' Kaluzhskoj gubernii s 1 janvarja po 1 maja 1922 g.]. Kaluga, 1922. 72 p. (in Russian).

Kaluga region [Kaluzhskij kraj]. Book 3. Tula: Priok. book publishing house, 1982. 310 p. (in Russian).

Kaluga region in the XX: historical sketches [Kaluzhskij kraj v XX veke: istoricheskie ocherki]. Kaluga: Kaluga State Institute of Education Modernization, 2014. 416 p. (in Russian).

Karpov S.A. Factory and factory industry of Kaluga province [Fabrichnozavodskaja promyshlennost' kaluzhskoj gubernii]. Kaluga. 1929. 425 p. (in Russian).

Kholopov Y.V. Traditions and destinies of the Kaluga merchantry [Tradicii i sud'by kaluzhskogo kupechestva]. Trilogy on the basis of genealogical researches. Kaluga: SerNa, 2012. 383 p. (in Russian).

Kommuna [Kommuna]. Organ of the Kaluga Gubernaya Gubcom of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b), Gubispolkom and Gubprofsovet. Kaluga, 1922 (in Russian).

Potapova L., Oreshkina R. Kaluga brewers Fischers [Kaluzhskie pivovary Fishery]. Kaluga: Friedgel, 2008. 95 p. (in Russian).

Report of the Kaluga Gubispolkom for 1924-1925 [Otchet Kaluzhskogo Gubispolkoma za 1924-1925 g.]. Kaluga, 1926. 304 p. (in Russian).

Report of the Kaluga Gubispolkom and the provincial economic meeting from October 1, 1922 to October 1, 1922. 1922 to October 1 [Otchet Kaluzhskogo Gubispolkoma i Gubernskogo jekonomsoveshhanija s 1 okt. 1922 g. po 1 okt. 1923 g.]. 1923. Kaluga, 1923. 243 p. (in Russian).

Report of the Kaluga Gubispolkom for 1925-26 [Otchet Kaluzhskogo Gubispolkoma za 1924-1925 g.]. Kaluga: Gos. Izdvo. Kaluga Branch, 1927. 125 p. (in Russian).

Report of the Maloyaroslavl Executive Committee of the Soviet of Workers', Peasants' and Red Army Deputies for the period from October 1, 1925 to October 1, 1926 [Otchet Malojaroslaveckogo isp. kom. soveta rabochih, soldatskih i krasnoarm. deput. s 1 okt. 1925 g. po 1 okt. 1926 g.]. Maloyaroslavets, 1926. 46 p. (in Russian).

State Archive of Documents of the Contemporary History of the Kaluga Region (GADNIKO [Gosudarstvennyj arhiv dokumentov Novejshshej istorii Kaluzhskoj oblasti (GADNIKO)]. F. P-1. Op. 6, D. 74. (in Russian).

State Archive of the Kaluga Region (GAKO) [Gosudarstvennyj arhiv Kaluzhskoj oblasti]. F. R-156. Op.3. D. 16. (in Russian).

О.В. Кобец

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94(47).084.3

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-201-212

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ О ВВЕДЕНИИ ПЛАТНОГО ОБУЧЕНИЯ В 1922 ГОДУ¹

Ключевые слова: Наркомпрос РСФСР; Политбюро ЦК РКП(б); съезд Советов; платное обучение; 1922 год.

В 1922 году после долгих обсуждений на уровне высшего партийного и советского руководства X съездом Советов было принято решение о введении платного обучения в РСФСР. Цель настоящего исследования – на основе документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), впервые введенных в научный оборот, а также региональных материалов Смоленской, Псковской, Брянской и Витебской областей показать имеющую место в верхних эшелонах власти трудную дискуссию по вопросу платности обучения и механизм выработки окончательного решения с указанием на временность и вынужденный характер данной меры в условиях экономического и финансового кризиса начального периода нэпа. В работе особое внимание обращается на то обстоятельство, что взимание платы за обучение осуществлялось на протяжении всех 1920-х годов без внесения каких-либо дополнений в Конституцию РСФСР 1918 года, статья 17 которой провозглашала взятую

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>.

государством на себя задачу по предоставлению трудящимся бесплатного образования. Одновременно в статье показано разное отношение в регионах (на примере вышеуказанных) к вопросу платного обучения и возможного создания частных образовательных учреждений: от полного неприятия до одобрения в целях сохранения школьной системы.

Принято считать, что с первыми трудностями и проблемами новая советская школа столкнулась в самом начале новой экономической политики. В части системного финансового кризиса, затянувшегося, по сути, вплоть до середины и даже второй половины 1920-х годов, это вполне соответствует историческим реалиям. Но многие негативные явления становились очевидными уже к весне 1920 года, что заставило народного комиссара по делам просвещения А.В. Луначарского в марте 1920 года направить сразу трем адресатам – ЦК РКП(б), Президиуму ВЦИК и Совнаркому РСФСР – довольно жесткое заявление от имени Коллегии Наркомпроса и ЦК Союза работников просвещения и культуры. В нем говорилось, что дело просвещения не только не продвигалось вперед, а все больше и больше распадалось. Особенно подчеркивалось плачевное материальное положение школьных учителей, покупательная способность окладов которых стала «несравненно ниже» даже самых скромных заработков педагогов царского времени. Следовала констатация: «учителя голодают», они «раздеты и разуты». При этом их еще и зачисляли в разряд саботажников, хотя, как полагал нарком, работать в условиях «безкормицы, холода и необеспечения необходимейшими предметами – не может никто, даже герой!» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 51, 2, 2 об.].

А.В. Луначарский явно не стеснялся представлять положение дел таким, каким оно было в реальности, указывая на «ужасные случаи нищенства учителей», имевшие место факты «самоубийства на почве лишений», когда при всем «страстном желании продолжать работу в школе» они вынуждены были «прикрывать ее и вешать замок на ее дверях», ибо продолжение работы грозило им «просто самой прямой голодной смертью» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 51, 2 об.].

В такой ситуации Коллегия Наркомпроса вынуждена была заявить, что снимала с себя «всякую ответственность за дело Народного Просвещения в России» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 51, 2 об.]. В предлагаемом Коллегией перечне необходимых мероприятий «для спасения дела народного образования» на первом месте ставилась задача продовольствия. Накормить учителя в тех условиях полной экономической разрухи, в оценке Наркомпроса, можно было, только уравнивая работников просвещения в деле продовольствия и снабжения предметами первой необходимости с красноармейцами [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 51, 2 об.].

В то тяжелое время новая власть могла объяснять экономические трудности обстоятельствами все еще продолжавшейся Гражданской войны. Но наступавший мирный период оказался никак не лучше, если даже не

сложнее, для системы образования. Начальный период новой экономической политики поставил под вопрос все достигнутые ранее завоевания советской власти в сфере просвещения. Одним из основополагающих принципов создававшейся тогда единой трудовой школы провозглашался тезис о бесплатности образования. Это же нашло свое отражение и в Конституции РСФСР 1918 года. Статья 17 гласила: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [Конституция, 1918, ст. 17].

Реалии же жизни были далекими от теоретических концептов и идеологических установок большевиков. Экономическая система периода «военного коммунизма» больше не работала. Перед центральной властью остро встал вопрос наполнения бюджета и определения приоритетных направлений при распределении его значительно сократившейся расходной части.

Историография и источники. Вопросы введения платы за обучение в начале 1920-х годов достаточно полно исследованы в работах Е.А. Ялозиной [Ялозина, 2009; 2015]. На Смоленщине это направление нашло свое отражение в публикациях Е.В. Кодина и О.В. Кобец [Кобец, Коди́н, 2021; 2023; Коди́н, 2021; 2024а; 2024б]. Из соседних регионов достаточно полно данная тема раскрыта в работе псковского исследователя вопросов народного образования М.Т. Марковой [Маркова, 2004]. При этом аспекты самой дискуссии о введении платы за обучение и выработки окончательного решения специально никем не изучались.

В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), в фонде № 3 Политбюро ЦК КПСС (1952–1991), в общем массиве документов указанного периода, в описи 33 имеется несколько документов группы 19 «Вопросы просвещения» самого раннего периода деятельности Наркомпроса, посвященных обсуждению проблемы введения платного обучения в начальный период нэпа. Изученные документы позволили сформировать довольно полное представление об имевшей место острой дискуссии в центральных органах советского и партийного руководства страны по данному вопросу. Материалы Смоленской, Псковской, Брянской и Витебской областей дополнили общую картину региональными особенностями отношения к исследуемой проблеме.

Методы и приемы. Для достижения поставленных задач исследования преимущественно использовались описательный и историко-сравнительный методы, позволившие показать стремительное развитие кризисных процессов в начальный период нэпа и поиск путей их преодоления, включая введение платы за обучение.

Дискуссия на уровне центральных властей. В такой обстановке встал на повестке дня вопрос о возможном введении платного обучения в

школах. По сути, решение его было предreshено самой жизнью, однако дискуссия в верхних эшелонах власти развернулась серьезная. И шла она в плотной увязке с вопросом о резком сокращении расходной части бюджета Наркомпроса.

Все началось с обсуждения некоего «промежуточного» варианта документа, подготовленного в недрах Наркомпроса. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 16 марта 1922 года рассматривался вопрос «О директивах Наркомпросу». Текст директивы еще 4 марта того же года предложил для Политбюро сам А.В. Луначарский. Она и была принята. Текст директивы, разработанной Наркомпросом для направления в свой же адрес, гласил: «Принимая во внимание принцип бесплатной школы, провозглашенный программой РКП, а также то обстоятельство, что при нынешних условиях, согласно вычислению НКП (Наркомпрос. – О. К.) введение платы за право учения дало бы лишь чрезвычайно малую помощь НКП в материальном отношении, приведя в то же время к необходимости создания целого аппарата для рассмотрения прошений об освобождении от платы и к чрезвычайно расслоению учеников в школе, неравному отношению к ним учителей и к местами уже сказавшимся при незаконном введении платы подобным явлениям, ЦК РКП полагает, что введение платы в государственных школах является мерой нецелесообразной и не своевременной» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, б] (курсив наш. – О. К.).

И здесь же вместо платности обучения предлагалось пойти по пути «возложения части бремени оплаты школы на население в более организованных и правильных формах»: через «упорядочение самообложения» в соответствии с декретом от 15 сентября 1921 года, статья 3 которого гласила: «На текущий учебный год для снабжения продовольствием работников просвещения, а также для других нужд сельских культурно-просветительных учреждений, в сельских местностях, за исключением пораженных голодом, по особым постановлениям волостных съездов устанавливается натуральное самообложение сельского населения» [Декрет СНК РСФСР, 1921]. Декрет также позволял местным властям привлекать граждан «в порядке повинности» и через самообложение к обеспечению школ пригодными помещениями и поддержанию их в исправном состоянии.

Назывались и другие, как, наверное, казалось разработчикам документа, подходящие пути поддержки школы. Это и совершенно нереальное, как быстро покажет практика, «выделение достаточного процента из местного бюджета», которые были совершенно «пустыми» в 1922 году; и призыв приписки к государственным промышленным предприятиям, профсоюзам и другим «советским рабочего типа организациям»; и введение шефства, включая частные предприятия и физических лиц [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, б].

В самом начале мая к обсуждению вопроса активно подключилась и член Коллегии Наркомпроса Н.К. Крупская. Она сразу напрямую обращалась

к Ленину. В записке Крупская сообщала, что Наркомпрос имел 513 тысяч работников, из них 150 тысяч человек являлись учителями школ I ступени. Бюджетное же совещание / комиссия при Политбюро ЦК постановило оставить за Наркомпросом всего 45 тысяч работников. В такой ситуации, писала Крупская, Коллегия Наркомпроса вынуждена будет всю начальную школу, не говоря уже о школах II ступени, сделать платной и, кроме того, закрыть три четверти количества начальных школ.

А далее следовал пассаж психолого-идеологический. «Надо смотреть правде в глаза, – призывала Крупская. – Такое постановление равно полному отказу Советской власти от всякой поддержки дела народного образования, передачи его в руки кулака, спекулянта, буржуазии». И такой отказ, продолжала она, и «передача просвещения во враждебные руки – и будет сейчас же учтен за границей, как кризис советской власти» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 11]. И поскольку вопрос этот был в первую очередь политическим, то автор просила Ленина перед окончательным решением СНК поставить его на предварительное обсуждение в Политбюро лиц [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 11]. Ленин отписал записку Крупской для наркома РКИ А.Д. Цюрупы и заместителя председателя Совнаркома А.И. Рыкова с просьбой поддержать в СНК изложенные предложения.

Проблемы бюджета Наркомпроса были настолько масштабными и весомыми, что даже само ведомство старалось прикрываться решениями Политбюро. Так, 12 июня 1922 года из Наркомата по просвещению в адрес Политбюро ЦК РКП(б) поступила пространная записка, в которой говорилось, что бюджетная комиссия Политбюро ЦК постановила перевести на местное содержание 85% работников школ I и II ступени и 50% закрытых детских учреждений, оставив на госснабжении всего 45 тысяч человек. Предполагалось, что учителя уйдут в летние отпуска, а осенью на работу их наберут только в те школы, что останутся. К декабрю 1922 года комиссией предлагалось оставить на госбюджете 54% учащихся и учащихся школ I ступени, а 45% перевести на местное финансирование [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 26]. По сути, в оценке Наркомпроса речь шла о «временном разрушении значительной части массовых учреждений соцвоса», и потому все вопросы требовали «определенной политической директивы» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 25–25 об.]. За такого рода ширмой партийных директив и прятались от ответственности.

К поздней осени 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) уже было готово непосредственно рассматривать трудный вопрос Наркомпроса. Однако, поставив его в повестку дня на 23 ноября, Политбюро все же не стало брать на себя политическую ответственность и приняло довольно странное по содержанию постановление: «Вопрос о платности школ I и II ступени отложить до съезда Советов, во время которого должен быть сделан доклад НКПпроса перед фракцией, с обязательным назначением ЦК комиссии для присутствия на этом докладе, не стесняя инициативы ни в ту, ни в другую сторону, и собирая материал в самой краткой форме (о формах введения платности и

пр.)» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 36]. Также был отложен и вопрос о частной инициативе в деле народного образования.

На следующий день, 24 ноября 1922 года, в адрес Сталина и Луначарского поступила докладная записка заведующего Агитпропотделом ЦК РКП(б) А.С. Бубнова. Хотя подготовлена и датирована автором она была еще 6 октября 1922 года.

Бубнов от имени Агитпропотдела характеризовал положение с государственным финансированием школ I и II ступени как «катастрофическое», замечая, что именно это обстоятельство и вынудило «целый ряд губерний (до 25) перейти к платности школ». Одновременно он делал вывод, что ввиду «неустойчивости и скудности местных бюджетов» и «сильнейшего сокращения сети государственных школ и невозможности ее расширения при данном состоянии государственных финансов» с предложениями Наркомпроса по введению платности школ I и II ступени и допущению частной школы следовало согласиться [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 38].

В силу принципиальной важности проблемы, продолжал Бубнов, и с учетом мнения Наркомпроса, что платность обучения означала бы «отступление от принятой политики в области народного просвещения», данный вопрос нуждался в соответствующей санкции ЦК РКП(б).

И Бубнов сам здесь же предлагал два возможных, с его точки зрения, варианта такой санкции. Первый: «Признать возможным, в виде временной меры впредь до упорядочения местных бюджетов, введение по постановлениям Губисполкомов на местах платности школ I и II ступени, с соблюдением классового принципа, не распространяя этой платы на сельскую школу». И второй: «Считать возможным, также в виде временной меры, допущение частных школ I и II ступени, на условиях гарантирующих однородность их типа с школами государственными и обеспечивающих полное подчинение их органам Наркомпроса, не допуская единоличной частной инициативы в этой области и школ предпринимательского типа» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 38].

В то же самое время в докладной записке в ЦК РКП(б) «По вопросу о введении платности за обучение и об использовании частной инициативы в школьном деле» (дата регистрации – 24 ноября 1922 года) нарком по делам просвещения А.В. Луначарский как бы подводил итоги дискуссии, показав основные моменты участия в ней Наркомпроса.

«Согласно с социалистическими принципами школьного строительства, – начинает он издаലെка, – Наркомпрос, одобренный в этом отношении и партией, и ВЦИК, объявил все школы России бесплатными и даже взял на плечи государства, в идее столь желательное бремя – питания, одевания и снабжения учебниками всех недостаточных детей России» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 40]. Однако «действительность вскоре выяснила, что осуществление таким образом материальной базы дела народного образования в согласии с нашей программой

в нынешнем этапе переходной эпохи совершенно немыслимо. Полное распадение налоговой системы как в центре, так и на местах повесило все школьное дело на один слабый крюк, а именно на финансирование из центра путем эмиссии» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 40]. В итоге начиная с 1920 года численность школ по стране сократилась с 61 тысячи до 40 тысяч в 1922 году. И это позволяло «вместить» только 40% всех детей [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 40].

Нарком понимал, что местные средства вряд ли и «в ближайшем будущем окажутся сколько-нибудь на высоте не только нормальных, но даже минимальных требований народного образования». А уже опробованное к тому времени самообложение населения на нужды школы «дало жалкие результаты», но при этом еще и «возбудив неудовольствие продовольственных и финансовых органов республики». И в такой ситуации регионы сами, без какого-либо согласования с центральными властями и даже несмотря на запрет из центра, начали вводить плату сами. Так сделали 25 губисполкомов [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 40].

Видя все это, коллегия Наркомпроса колебалась. Но в конце концов было принято решение: если и вводить платность, то только в школах II ступени и с разного рода льготами для неимущего населения [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 41]. Далее последовало активное обсуждение и разные предложения и уточнения. А Наркомпрос вынужден был разработать подробную инструкцию о внесении платы за обучение. Она прилагалась к докладной записке Луначарского.

В инструкции говорилось, что платность «вводится впредь до установления устойчивого местного бюджета». То есть, по сути, этот вопрос полностью отдавался на усмотрение местных властей. Плата вводилась за обучение в школах I и II ступени и в школах-семилетках в городах и поселениях городского типа. При этом Наркомпрос настаивал, чтобы в каждой школе не менее 25% мест оставались бесплатными и устанавливались категории населения, которые освобождались от внесения платы [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, д. 13, 47].

Состоявшийся в декабре 1922 года X Всероссийский съезд Советов своим решением допустил введение платности за обучение в школах I и II ступени в городах и поселениях городского типа, в высших учебных заведениях с оговоркой «в виде временной меры, рассчитанной только на тяжелый переходный период», а также «с перенесением главной тяжести на более обеспеченные слои населения» и с твердой гарантией льготных условий платности и бесплатности для менее обеспеченных слоев трудящихся масс [Десятый Всероссийский съезд Советов, 1922, 201].

При этом съезд Советов категорически отверг даже саму идею «допущения какой бы то ни было частной школы» и высказался «за сохранение всей школьной системы целиком в руках советского государства» [Десятый Всероссийский съезд Советов, 1922, 201].

Наркомпросу же предлагалось в кратчайший срок представить на утверждение ВЦИК инструкцию по вопросу платности обучения, что и было сделано ведомством уже в январе 1923 года в формате «Положения о плате за право учения». На основе этого документа каждая губерния принимала свои положения о платном обучении с учетом региональных особенностей.

Конечно, в тяжелейших финансово-экономических условиях, при небывалой инфляции, когда, как говорил на I Всероссийском съезде Совнацменов (Совет по просвещению народов нерусского языка. – *О. К.*) в январе 1923 года заместитель Луначарского М.Н. Покровский, за два месяца зимы 1922 года рубль «упал в 25 раз» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 1017, 2], трудно было найти иной путь сохранения школы. Но и введенная платность обучения не могла дать сразу ожидаемых результатов.

Это хорошо понимали на самом верху властных структур, и потому в своем широко растиражированном обращении от 3 марта 1923 года «Ко всему крестьянству советской России» председатель ВЦИК РСФСР М.И. Калинин, вначале констатируя плачевное состояние школы и положение учительства и признавая, что «без помощи широких слоев крестьянского населения сеть необходимых деревенских школ не может быть сохранена», призывал крестьянство к заключению договоров на содержание школы (помощь) [ГАВт, ф. 246, оп. 1, д. 90, 63]. Таким образом, центральные власти большие надежды возлагали на договорные школы, нежели на платное обучение.

Разное отношение и подходы на местах. Отношение к платному обучению на местах было разным. Так, например, в июне 1922 года на съезде заведующих уездными отделами народного образования Витебской губернии представитель Витебского уезда говорил: «На платность школы надежды мало: деревня настолько темная, что платы она давать не будет. Платность целесообразна только в школах 2-й ступени. Самообложение, пожалуй, более надежно, но его необходимо провести более удачно, чем в нынешнем учебном году. Вообще как самообложение, так и платность оттолкнут учащихся от школы» [ГАВт, ф. 246, оп. 1, д. 65, 1].

В Невельском же уезде, признавался выступавший участник совещания, помимо самообложения хлебом имело место и «дополнительное денежное самообложение», вводилась и платность обучения, причем без каких-либо распоряжений из Витебска [ГАВт, ф. 246, оп. 1, д. 65, 2]. Заведующие от уездных отделов образования, лучше знавшие нищету своих бюджетов, понимали, что выжать у себя больше, чем 15% необходимых средств, не получится, а 85% придется «изыскать с учеников в виде платы за право обучения, которую и надлежит ввести, как временную меру в школах города и уездов» [ГАВт, ф. 246, оп. 1, д. 65, 2 об].

И если чаще всего местные власти пытались как-то «спрятаться» от своих решений по платности за формулировкой «временная мера», то, например, президиум Велижского уездного комитета партии уже 15 июля 1922 года постановил: «Ввести целевое обложение в уезде... Допустить в

исключительных случаях платность в городских школах, руководствуясь строго классовым принципом» [ГАВт, ф. 10050-п, оп. 1, д. 453, 88].

Осторожничал в этом вопросе и Витебский губисполком. Здесь по первому распоряжению властей плата вводилась только на период с ноября по декабрь 1923 года, то есть всего на два месяца [ГАВт, ф. 246, оп. 1, д. 86, 198–199].

Наиболее радикально против введения платности обучения выступили брянские власти. Губернский рупор – газета «Брянский рабочий» предупреждала, что «за взимание платы за учение в школах I и II ступени и открытие частных школ – виновные будут привлекаться к ответственности» [Брянский рабочий. 1922. 17 сентября]. Плата за обучение официально будет введена в губернии только в мае 1923 года на основании соответствующего постановления Совнаркома РСФСР [Брянский рабочий. 1923. 20 мая].

Псковский губисполком, наоборот, был одним из первых, где плата за обучение была введена постановлением от 30 августа 1922 года. Да, здесь тоже говорилось о ее временности (только на 1922/1923 учебный год) и о том, что она назначается «для некоторых категорий учащихся». Причем платность не относилась к деревенской школе I ступени, то есть к самой массовой школе. А форма платы устанавливалась в натуральном исполнении – от 5 до 18 пудов ржи в год, хотя допускался и денежный эквивалент по текущей рыночной стоимости хлеба [Псковский набат, 1922, 12 сентября]. Фактически таким же остался подход псковских властей и в последовавшем постановлении от 30 августа 1923 года, только теперь разработанном на основе постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 2 марта 1923 года [Псковский набат, 1923, 7 сентября].

Смоленские власти, как и псковские, также не стали ждать решения центральных властей и ввели решением губисполкома еще в марте 1922 года так называемый «целевой денежный налог», «взимаемый со всего населения губернского и уездных городов губернии» [Рабочий путь, 1922, 30 марта]. Хотя, как видим, в регионе имелось существенное отличие в сравнении с соседней Псковщиной. Во-первых, это не звучало как плата за обучение, а называлось деликатно «налогом», причем на нужды не только образования, но и здравоохранения. Во-вторых, он уплачивался в денежном исполнении. В-третьих, относился только к городскому населению губернии.

* * *

На X съезде Советов было принято решение о существенном сокращении бюджета Наркомпроса и переводе большей части школ на местный бюджет. Но, поскольку практически все местные бюджеты еще не были ничем наполнены, это потянуло за собой неконтролируемое массовое закрытие школ в течение 1923 года.

Одновременно резко проявилось и другое негативное последствие имевших место вынужденных решений: не имея средств для оплаты обучения, многие родители стали забирать детей из школы.

Ситуация в материальном и финансовом положении школ начнет выправляться в середине 1920-х годов. Однако упразднение платы за обучение в школе будет происходить постепенно, в зависимости от наполняемости местных бюджетов и при постоянном увеличении государственных ассигнований на народное образование в ходе реализации планов по введению всеобщего.

ЛИТЕРАТУРА

- Брянский рабочий. 1922. 17 сентября.
 Брянский рабочий. 1923. 20 мая
 Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). Ф. 10050-п. Оп. 1. Д. 453.
 ГАВт. Ф. 246. Оп. 1. Д. 65.
 ГАВт. Ф. 246. Оп. 1. Д. 86.
 ГАВт. Ф. 246. Оп. 1. Д. 90.
 Декрет СНК РСФСР «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» 15 сентября 1921 г. URL: <https://goo.su/UElePs0> (дата обращения: 22.05.2025).
 Десятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–27 декабря 1922 г.). Стенографический отчет с приложениями. М.: ВЦИК, 1922. 226 с.
 Кобец О.В., Козин Е.В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.
 Козин Е.В. Белорусский фронт 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье? // Журнал фронтирных исследований. 2024а. Т. 9, № 3. С. 175–199.
 Козин Е.В. Нэп против белорусизации: проблемы школьного строительства в российско-белорусском приграничье в 1920-е годы, Брянская губерния // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы исследовательского проекта по белорусоведению / под ред. Е.В. Козина. Вып. 10. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2024б. С. 139–150.
 Козин Е.В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2(54). С. 187–204.
 Козин Е.В., Кобец О.В. Белорусизация на Смоленщине со страниц газеты «Рабочий путь», 1920–1930-е годы // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 2(62). С. 150–169.
 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 18.05.2025).
 Маркова М.Т. Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900–1927 гг. Псков: ПГПИ им. С.М. Кирова, 2004. 108 с.
 Псковский набат. 1922. 12 сентября.
 Псковский набат. 1923. 7 сентября.
 Рабочий путь. 1922. 30 марта.
 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 13.
 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 51.
 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 1017.
 Ялозина Е.А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12(62). В 4 ч. Ч. III. С. 218–221.
 Ялозина Е.А. Социально-экономические проблемы развития отечественной школы в 1920-е годы: государственная политика и историческая реальность. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 184 с.

O.V. Kobets

PhD in History, Senior Researcher,
Smolensk State University,
Smolensk, Russia

The Difficult Decision to Introduce Tuition Fees in 1922

In 1922, after long discussions at the level of the highest party and Soviet leadership, the X Congress of Soviets decided to introduce paid education in the RSFSR. The purpose of this study is to show, on the basis of documents from the Russian State Archive of Modern History (RGANI), which were first introduced into scientific circulation, as well as regional materials of the Smolensk, Pskov, Bryansk and Vitebsk regions, the difficult discussion that took place in the upper echelons of government on the issue of tuition fees, and the mechanism for developing a final solution, indicating its temporary and forced nature. This measure was taken in the context of the economic and financial crisis of the initial period of the New Economic Policy. In the work, special attention is drawn to the fact that tuition fees were charged throughout the 1920s without making any additions to the Constitution of the RSFSR of 1918, article 17 of which proclaimed the task undertaken by the state to provide free education to workers.

Keywords: *People's Commissariat of Education of the RSFSR; Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (b); Congress of Soviets; paid education; 1922.*

REFERENCES

- Bryansk worker [Brianskii rabochii]. 1922. September 17 (in Russian).
Bryansk worker [Brianskii rabochii]. 1923. May 20 (in Russian).
State Archive of the Vitebsk region (SAVr) [GAVt – Gosudarstvennyi arkhiv Vitebskoi oblasti]. Fund 10050-p. List 1. Record 453 (in Russian).
State Archive of the Vitebsk region (SAVt) [GAVt – Gosudarstvennyi arkhiv Vitebskoi oblasti]. Fund 246. List 1. Record 65 (in Russian).
State Archive of the Vitebsk region (SAVt) [GAVt – Gosudarstvennyi arkhiv Vitebskoi oblasti]. Fund 246. List 1. Record 86 (in Russian).
State Archive of the Vitebsk region (SAVt) [GAVt – Gosudarstvennyi arkhiv Vitebskoi oblasti]. Fund 246. List 1. Record 90 (in Russian).
Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On measures to improve the supply of schools and other educational institutions" September 15, 1921 [Dekret SNK RSFSR «O merakh k uluchsheniui snabzheniia shkol i drugikh prosvetitel'nykh uchrezhdenii» 15 sentyabrya 1921 g.]. Available at: <https://goo.su/UElePs0> (accessed on May 22, 2025) (in Russian).
The Tenth All-Russian Congress of Soviets of Workers, Peasants, Red Army and Cosack Deputies (December 23–27, 1922). Verbatim report with appendices. [Desiatyi Vserossiiskii s"ezd Sovetov rabochikh, krest'ianskikh, krasnoarmeiskikh i kazach'ikh deputatov (23–27 dekabrya 1922 g.). Stenograficheskii otchet s prilozheniiami]. Moscow: VTSIK, 1922. 226 p. (in Russian).
Kobets O.V., Kodin E.V. Belarusization in the Smolensk region, the 1920s. [Belorusizatsiia na Smolenshchine, 1920-e gody]. Smolensk: SmolGU Publishing House, 2021. 165 p. (in Russian).

Kodin E.V. The Belarusian frontier of the 1920s: did Belarusization take place in the Russian-Belarusian border area? [Belorusskii frontir 1920-kh godov: sostoialas' li belorusizatsiia v rossiisko-belorusskom prigranich'e?]. *Journal of Frontier Studies*. 2024 a. Vol. 9. No. 3. Pp. 175–199 (in Russian).

Kodin E.V. Nep against Belarusization: problems of school construction in the Russian-Belarusian border region in the 1920s, Bryansk province [Nep protiv belorusizatsii: problemy shkol'nogo stroitel'stva v rossiisko-belorusskom prigranich'e v 1920-e gody, Brianskaia guberniia]. *Russia and Belarus: History and culture in the past and present: materials of a research project on Belarusian studies*. Edited by E.V. Kodin. Issue 10. Smolensk: SmolGU Publishing House. 2024 b. Pp. 139–150 (in Russian).

Kodin E.V. Schools of the Smolensk region in the era of the NEP: from survival to development [Shkoly Smolenshchiny v epokhu nepa: ot vyzhivaniia k razvitiu]. *Issues of Smolensk State University*, 2021. No. 2 (54). Pp. 187–204 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Belarusization in the Smolensk region from the pages of the newspaper Rabochy Put, 1920–1930s [Belorusizatsiia na Smolenshchine so stranits gazety «Rabochii put'», 1920–1930-e gody]. *Issues of Smolensk State University*, 2023. No. 2 (62). Pp. 150–169 (in Russian).

The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at its meeting on July 10, 1918) [Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (priniata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iuliia 1918 g.)]. Available at: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (accessed on May 18, 2025) (in Russian).

Markova M.T. Essays on the history of public education in Pskov province. 1900–1927 [Ocherki istorii narodnogo obrazovaniia Pskovskoi gubernii. 1900–1927 gg.]. Pskov: S.M. Kirov State Pedagogical Institute, 2004. 108 p. (in Russian).

Pskov alarm [Pskovskii nabat]. 1922. September 12 (in Russian).

Pskov alarm [Pskovskii nabat]. 1923. September 7 (in Russian).

Work path [Rabochii put']. 1922. March 30 (in Russian).

Russian State Archive of Modern History (RSAMH) [RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii]. Fund 3. List 33. Record 13 (in Russian).

Russian State Archive of Modern History (RSAMH) [RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii]. Fund 3. List 33. Record 51 (in Russian).

Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH) [RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii]. Fund 17. List 60. Record 1017 (in Russian).

Yalozina E.A. Tuition fees in Soviet schools in the 1920s [Plata za obuchenie v sovetskoi shkole v 1920-e gody]. Tambov: Gramota. 2015. No. 12 (62): at 4 a.m. III. Pp. 218–221 (in Russian).

Yalozina E.A. Socio-economic problems of the development of the national school in the 1920s: state policy and historical reality [Sotsial'no-ekonomicheskie problemy razvitiia otechestvennoi shkoly v 1920-e gody: gosudarstvennaia politika i istoricheskaiia real'nost']. Rostov-on-Don: IPO PI SFU, 2009. 184 p. (in Russian).

В.В. Бредихин

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-213-221

**«ЧТО ОСТАНЕТСЯ, ЕСЛИ РИМ ПОГИБНЕТ?»:
«СТРАХ» РИМЛЯН ПЕРЕД ВАРВАРАМИ В СОЧИНЕНИЯХ
ИЕРОНИМА СТРИДОНСКОГО**

Ключевые слова: *поздняя Античность; варвары; Иероним Стридонский; Великое переселение народов; нарративная традиция; римская культура.*

Статья посвящена исследованию феномена страха у римлян перед варварами в интерпретации Иеронима Стридонского, одного из христианских интеллектуалов конца IV – V века. Иероним в своих письмах и трудах часто затрагивает тему варварских нашествий, которые в его время стали реальной угрозой для Западной Римской империи. Он представляет страх римлян перед варварами не только как физическую угрозу для жизни и стабильности империи, но и как символ морального и духовного кризиса, который охватывает цивилизацию, отказывающуюся от христианских ценностей.

Автор считает, что в текстах Иеронима страх перед варварами становится проявлением божественного наказания, которое воспринимается как результат упадка моральных и религиозных основ Рима. Это осознание внутреннего кризиса в обществе и беспокойство о его будущем отражают более широкую картину того времени, когда варвары становятся не только внешней угрозой, но и внутренним зеркалом для Рима, показывающим его моральное и духовное состояние. Кроме того, Иероним использует образ варваров как метафору для описания разрушительных сил, которые грозят не только империи, но и всей человеческой цивилизации. В своих произведениях он акцентирует внимание на важности покаяния, возрождения духовных ценностей и укрепления веры как противостояния против страха. Автор приходит к выводу, что Иероним обращается к христианской интерпретации исторических событий с целью представления варваров в качестве инструмента божественного замысла для очищения мира от греха и восстановления истины.

Позднеантичная эпоха (IV–VI века н.э.) представляет собой важный и сложный переходный период в истории Европы, когда Римская империя сталкивалась с нарастающими внутренними кризисами и внешними угрозами. В центре этого перехода стояли взаимоотношения между римлянами и варварами, которые играли ключевую роль в трансформации политических, соци-

альных и культурных структур империи. Взаимодействие римской цивилизации с варварскими народами – готами, гуннами, вандалами и другими – не сводилось только к военным конфликтам. Оно включало процессы интеграции, сотрудничества, ассимиляции и культурного обмена, что в итоге привело к изменению самого понятия «римлянин» и расширению его до новых гибридных форм. Исследование этого периода требует анализа не только военных и политических аспектов, но и изменений в культурной и социальной сферах, которые оказали влияние на формирование Средневековой Европы.

Понимание специфики взаимодействия римлян с варварскими народами позволяет переосмыслить традиционные представления о «падении» Римской империи и подчеркнуть, что этот процесс был скорее сложной эволюцией, включавшей наряду с эскалацией насилия такие формы взаимоотношений, как союзнические взаимодействия, политико-военные альянсы, взаимная культурная интеграция. Взаимоотношения между римлянами и варварами также проливают свет на вопросы этнической и культурной идентичности и интеграции в многонациональных и полиэтнических государствах.

Современные исследования этого периода позволяют не только углубить наши знания о позднеантичной истории, но и провести параллели с современностью, где вопросы миграции и культурного взаимодействия продолжают оставаться актуальными.

В 1970-е годы комплекс вспомогательных исторических дисциплин пополнился таким направлением, как микроистория, ввиду осознания учеными невозможности исследования макросистем (общества и государства) без изучения малейшего, но, в свою очередь, первостепенно важного их элемента – человеческой природы (переживаний, настроений, поведенческих установок и т.д.). Представители данного направления ставят своей целью исследование конкретных, «узких» проблем, относящихся к определенной исторической эпохе, выявление мотивов, содержания и результатов деятельности человека как неотъемлемого участника-обывателя, «строителя» данных проблем. По мнению исследователя Ю.Л. Бессмертного, «именно полнота подобных микроданных позволяет конкретно проследить и изменение индивида, и связь таких изменений с окружающей средой» [Бессмертный, 1995, 11]. Иными словами, используя методологию микроистории, историку «важно как бы подслушать потаенные разговоры их сознания, определить действительные духовные ориентиры» [Литовченко, 2012, 69].

Одной из духовных доминант римского общества, сформированных в позднеантичную эпоху, на наш взгляд, является чувство страха перед варварской катастрофой, сопровождающейся масштабными вторжениями, разрушениями, жестокими расправами над согражданами. Однако следует заметить, что страх в римской среде формировался не столько перед образами дикой жестокости варваров, сколько перед постепенной гибелью римской государственности, в основе которой – внутренние и внешние кризисы империи.

Последняя надежда Рима – интеллектуалы с их миссией по сохранению культурных ценностей римской цивилизации – представляется показательным примером не только формирования коллективного чувства страха, но и поиска различных способов борьбы с ним. Так, французский историк-медиевист Жак Ле Гофф в своей знаменитой работе «Цивилизация средневекового Запада» писал: «Материальная нестабильность объясняет в большей мере присущее человеку Средних веков чувство неуверенности... Люди в конечном счете обретали ощущение безопасности единственно в религии» [Ле Гофф, 2005, 297–298]. Действительно, именно христианские интеллектуалы, ввиду легального после 313 года распространения христианства в римской среде, играли важную роль в поддержании стабильности общественных порядков, в политике, проводимой императорами, в дипломатических миссиях, отправляемых преимущественно к представителям варварских элит. Для них, как отмечает исследователь С. Ребених, «было жизненно важно синтезировать опыт кризиса в убедительную интерпретацию современной для них истории, чтобы обеспечить социальную сплоченность аристократических христианских групп в Imperium Romanum во времена растущего варварского давления» [Rebenich, 2005, 50].

В 407 году Иероним наблюдал драму краха Западной Римской империи в далеком Вифлееме. Тревожные новости о все более масштабных разрушениях варваров на римской земле достигли его ушей. По сообщению исследователей П.Е. Бойко и С.Л. Буланова, «веянья эпохи отразились и на Иерониме» [Бойко, Буланов, 2023, 15]. Как и многих других христиан, его мучил вопрос: почему Бог допустил это после славного триумфа христианства?

Опустошение Галлии изображалось Иеронимом как часть глобальной катастрофы. Для него именно этот факт имел первостепенное значение – мы не встречаем в его сочинениях акцента на исторических и этнографических деталях. История свирепых варваров и захваченных римских городов началась в 376 году, когда готы пересекли Дунай, и последовала за смертью римского императора Валента, убитого в битве при Адрианополе в 378 году. Именно это событие послужило концом «Хроники» Иеронима: «Я доволен тем, что остановился на этой дате, оставляя оставшиеся события от Грациана до Феодосия для гораздо более обширного исторического рассмотрения не потому, что я должен был бы бояться писать открыто и правдиво о тех, кто еще жив... но поскольку варвары все еще бунтуют на нашей земле, все остается неопределенным» (Hier. Chron. praef.).

Начало так называемых *incerta tempora* (неопределенные времена) стало точкой отсчета, которую Иероним использовал, как отмечает исследователь С. Ребених, «в течение следующих десятилетий всякий раз, когда он интегрировал варварские вторжения и военные конфликты в более крупные исторические модели» [Rebenich, 2005, 52]. В 396 году он написал утешительное письмо своему старому другу Гелиодору по поводу смерти Непоциана, при этом отмечая:

«Дух ужасается исчислять бедствия нашего времени. В продолжении более двадцати лет ежедневно льется римская кровь между Константинополем и юлийскими Альпами. Скифию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Эпир, Далмацию и Паннонию опустошают, разрушают, грабят готы, сарматы, квады, аланы, гунны» (Hier. *Epist.* LX. 16, 2). Во время написания данного письма, действительно, северные и западные границы империи постоянно нарушались. Варварские захватчики сначала распространились по дунайским провинциям, затем Аларих опустошил Грецию, потом разные варварские племенные союзы пересекли Рейн, и наконец Италия получила свою долю ужасов. Взятие королем вестготов Аларихом Рима в 410 году Иероним описывал так: «...с запада приходят страшные вести, что Рим в осаде, что спасение граждан покупается золотом, что, ограбленные, они осаждаются снова, чтобы за именем потерять и жизнь... Берут город, который взял весь мир» (СХХVII. 12, 1).

Тридцатилетняя война, в основе которой – варварские атаки на территории Римской империи с 376 по 410 год, была, таким образом, объединена в целостное повествование. Иероним не сообщал о различных составляющих этой войны в подробностях, вместо этого он рассказал единую историю, которая началась с пересечения Дуная и привела к единой масштабной катастрофе – упадку и падению Западной империи. Если в письме к Гелиодору 396 года Иероним писал о том, что варвары «опустошают», «разрушают», «грабят», то есть употребляя глаголы в настоящем времени, то в 410 году мы встречаем другую картину: «Бесчисленные и свирепейшие народы заняли всю Галлию. О, достойная слез республика! Все, лежащее между Альпами и Пиренеями, все, заключающееся между Океаном и Рейном, опустошили враги – квады, вандалы, сарматы, аланы, гепиды, герулы, саксы, бургундцы, алеманы и паннонцы» (СХХIII. 15, 2). Следует заметить, что перечисление врагов, использованное Иеронимом в двух письмах, встречается и у других представителей позднеантичной нарративной традиции, то есть соответствует правилам древней этнографии. Как отмечает исследователь Дж. Скорфилд, «Иероним в обоих предложениях переключается с единственного числа на множественное в середине, без сомнения, ради стилистического разнообразия» [Scourfield, 1993, 211].

Страх перед варварскими разрушениями римской цивилизации у Иеронима прослеживается через цитирование им в своих письмах представителей латинской поэзии и Ветхого Завета. Так, в 409 году он вспомнил поэта Марка Аннея Лукана, являвшегося автором эпоса «Фарсалия»: «Вдохновенный поэт, описывая могущество города Рима, восклицает: чего достаточно, если Рима нет? Я заменил бы это другими словами: что останется, если Рим погибнет?» (СХХIII. 16, 4). Падение города Иероним сравнивал с наказанием Моава, разрушением Иерусалима и падением Трои с цитатой Вергилия из «Энеиды»:

Кто словом выразит разгром и ужасы той ночи,
Для горя кто найдет довольно слез?
Пал древний град, царивший много лет,
По улицам, в домах во множестве разбросаны бездушные тела,
И всюду страшный образ смерти (СХХVII. 12, 2).

Падение Рима для Иеронима являлось тождественным концу мира событием. В сборнике апокалиптических видений, представленных в книге пророка Даниила, Иероним увидел пророчество о несчастном времени, в котором он жил: «Четвертое же царство, относящееся, очевидно, к римлянам, подобно железу, все разбивающему и сокрушающему. Но ноги и пальцы его отчасти железные, а отчасти глиняные, что в настоящее время весьма явно подтверждается. Ибо как в начале не было ничего более сильного и более крепкого, нежели Римская империя, так в последнее время нет ничего более слабого, потому что мы и во внутренних войнах, и против различных народов нуждаемся в помощи других, варварских народов» (*Comm. in Dan.* 2, 40). Как отмечает исследователь С. Ребених, «эсхатология становилась все более важной – Иероним размышлял о конечной судьбе как отдельной души, так и всего сотворенного порядка» [Rebenich, 2005, 55]. Варварские вторжения, сопровождающиеся массовыми жестокими убийствами римлян, Иероним связывает с приходом Антихриста: «...мы не разумеем, что приближается антихрист» (*Epist.* СХХIII. 15, 1). В пессимистичном настроении он так же начал свое «Толкование к Иезекиилю» в 410 году: «После того, как угасло блестящее светило всех стран или лучше отсечена была глава римской империи и, вернее говоря, в одном городе погиб весь земной шар» (*Comm. in Ezech.* 1, 1). В этих словах отразились традиционные для римлян представления о конце Рима, равном концу мира, воплощенные в концепции «*Aeternitas Romae*».

Следует заметить, что и языческие, и христианские авторы в качестве причин происходящей на их глазах жестокости в отношении римской государственности предлагали противоположные версии, причем каждая сторона обвиняла другую в ответственности за эти страдания. Однако они сошлись в едином: основной причиной варварской катастрофы было пренебрежение божеством, так как в ней они видели гнев Божий за несоблюдение религиозных обрядов и достойного образа жизни. Так, Иероним обвинял интриги и предательство императорского двора, коррупцию и мятеж в римской армии, а также злобность варварских или полуварварских чиновников в римской гражданской и военной администрации. В отношении религиозных обрядов Иероним в своей «Хронике», как отмечает Ноэль Ленски, «интерпретировал Адрианополь как поражение арианского императора, а смерть Валента – как божественное наказание за его религиозные преследования» [Lenski, 1997, 163]. Однако в 407 году ситуация была иной: торжествовала Никейская ортодоксия, арианское вероисповедание, распространенное в основном в варварской среде, не представляло важного значения, чего нельзя было сказать о нравственном вырождении и человеческих пороках, распространенных в римском обществе.

Иероним жаловался на утрату нравственности и нападал на человеческую гордость: «Римский мир рушится, а наши гордые шеи все еще непреклонны» (*Epist.* LX. 16, 3); «Весь мир рушится, а наши грехи все равно не уменьшаются» (СХХVIII. 5, 1); «Мы уже давно чувствуем, что Бог гневается, но не пытаемся умиловить Его. Из-за наших грехов варвары сильны, из-за наших пороков римская армия терпит поражение» (*Ibid.* 17, 1). В данных изречениях Иероним делает акцент на моральном предупреждении для римских христиан. Иным символическим обозначением варваров является представление их как «орудия Божьего гнева»: «...несчастливы мы, так неугодные Богу, что Он изливает на нас гнев свой чрез поражения от варваров» (LX. 24, 6).

В исторической науке имеет место мнение о преувеличении позднеантичными авторами информации о варварских нашествиях. Иероним не является исключением. Так, исследователь Х. Зих выявляет несколько аргументов для подтверждения вышеуказанной тенденции: «Во-первых, Иероним находился за тысячи километров, полагаясь на сообщения из вторых рук, и поэтому он был склонен преувеличивать уровень причиненных разрушений... у Иеронима были сильные идеологические мотивы изобразить варварские нашествия как можно более разрушительными, поскольку это вписывалось в тенденции христианского апокалиптического мышления... Иероним пытался помешать галльской даме выйти замуж и, таким образом, пытался убедить ее, что нет никакой надежды на мирное будущее» [Ziche, 2011, 217]. Аналогичная точка зрения прослеживается и в исследовании М. Макмэхон: одной из задач сочинений Иеронима, по мнению автора, является «укрепление своей личной ортодоксальной репутации» [McMahon, 2019, 233]. Мнение немецкого историка находит свое отражение в исторических источниках той эпохи. Например, монах Паулин из Безье упоминает: «Даже несмотря на то, что сарматы опустошают, вандалы зажигают костры, а аланы быстро грабят, мы стремимся, с болезненными усилиями и неопределенными результатами, вернуть все на круги своя...» (*St. Paul. Epigr.* 19–21). В его сочинении не прослеживается даже малейшего чувства страха: «Ни меч, ни жестокий голод, ни даже болезнь не имеют на нас никакого влияния, какими мы были, такими мы и остаемся, подверженные тем же порокам, которыми продолжаем грешить» (*Ibid.* 30).

Иные аргументы приводит исследователь Р. Матисен: образы дикости, ужаса и угрозы варваров, которые были заложены в перечислении Иеронимом варварских народов, «идеально вписывались в имперскую идеологию, так как императоры несли огромные расходы на римскую армию, не говоря уже о своем собственном существовании, разыгрывая угрозу, исходящую от диких враждебных варваров» [Mathisen, 2011, 25]. Это обуславливает тот факт, что поздние римские императоры триумфально изображались как победители варваров, которые угрожали безопасности империи.

Таким образом, история о вторжениях варваров была призвана побудить мужчин и женщин отказаться от мирских удовольствий и светских благ. В своих

письмах и толкованиях «Иероним разработал модель будущего, которая пережила упадок и падение империи, поскольку она не только была апологетической, но и отвечала на религиозные сомнения колеблющихся христиан, бросая вызов решительно выраженным взглядам политеистической интеллигенции» [Rebenich, 1995, 58]. Страх, вызванный варварами и их погромами, ярко прослеживается в сочинениях Иеронима с точки зрения божественного вмешательства, и единственно истинным способом борьбы с ним является следование ортодоксальному христианству как внутренне, так и внешне. Именно достижение этой цели, по его мнению, помогло бы установить социальный и религиозный консенсус во время кризиса и гарантировать сплоченность христианской элиты.

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод: исследование феномена страха римлян перед варварами в сочинениях Иеронима Стридонского позволяет глубже понять динамику взаимодействия исторических, культурных и религиозных факторов в эпоху поздней Римской империи. Образы варваров в текстах Иеронима, насыщенные риторическими и символическими смыслами, служат отражением коллективных тревог римского общества, переживающего период глубоких перемен и нестабильности. Вместе с тем анализ показывает, что Иероним использует страх как инструмент духовной педагогики, облекая чувства в слова нарратива, интерпретируя варварские нашествия как божественное наказание и призыв к моральному обновлению.

Однако утверждать, что подобные эмоции распространялись во всем римском обществе, не совсем правильно. Вероятно, модель страха, сформированная Иеронимом, была средством для расширения влияния ортодоксальной идеологии среди порочных (приверженных языческим взглядам) римлян, которым, по мнению христианского интеллектуала, было необходимо осознание стремления к чистоте нравов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории*. М.: Наука, 1995. С. 9–13.
- Бойко П.Е., Буланов С.Л. К вопросу о понимании апокатастасиса Иеронимом Стридонским // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2023. № 9(4). С. 13–17.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
- Литовченко Е.В. Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества // *Научные ведомости*. 2012. № 7. Вып. 22. С. 69–73.
- Творения блаженного Иеронима Стридонского (Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западной). Киев, 1879–1903.
- Lenski N. *Initium mali Romano imperio: Contemporary Reactions to the Battle of Adrianople* // *Transactions of the American Philological Association*. 1997. Vol. 127. P. 129–168.
- Mathisen R.W. *Catalogues of Barbarians in Late Antiquity* // *Romans, Barbarians and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity*. New York: Routledge, 2011. P. 17–32.
- McMahon M. *Polemic in Translation: Jerome's Fashioning of History in the Chronicle* // *Historiography and Identity I: Ancient and Early Christian Narratives of Community*. Turnhout: Brepols, 2019. P. 219–245.

Rebenich S. Christian Ascetism and Barbarian Incursion: The Making of a Christian Catastrophe // *Journal of Late Antiquity*. 2009. Vol. 2. P. 49–59.

Scourfield J.H.D. *Consoling Heliodorus: A Commentary on Jerome, Letter 60*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 282 p.

Ziche H. *Barbarian Raiders and Barbarian Peasants: Models of Ideological and Economic Integration // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity*. New York: Routledge, 2011. P. 199–219.

V.V. Bredikhin

Postgraduate Student,

Chair of World History,

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

«What Will Remain, if Rome Perishes?»:

«Fear» of the Romans before the Barbarians in the Writings of Jerome

This article is devoted to the study of the phenomenon of Roman fear of barbarians, reflected in the works of Jerome, one of the key authors of the late 4th – 5th centuries. Particular attention is paid to the analysis of rhetorical strategies and images with which Jerome describes barbarian invasions and their impact on Roman society. The work examines the historical context of the Great Migration Period, theological interpretations of catastrophic events, as well as the influence of these processes on the formation of ideas about the «foreign» and «dangerous» in Roman culture. The author concludes that the fear of barbarians in Jerome's texts not only plays the role of an emotional reaction to historical upheavals, but also serves as an instrument of spiritual instruction, calling for repentance and strengthening Christian virtues.

The purpose of this article is to identify the main components of the Romans' collective sense of fear of barbarian danger in written sources of the late 4th – 5th centuries, authored by the Christian intellectual – Jerome of Stridon.

Keywords: *Late Antiquity; barbarians; Jerome; The Great Migration of Peoples; narrative tradition; Roman culture.*

REFERENCES

Bessmertnyj Yu.L. Some Thoughts on the Study of the Phenomenon of Power and on the Concepts of Postmodernism and Microhistory [Nekotorye soobrazheniia ob izuchenii fenomena vlasti i o kontseptsiiakh postmodernizma i mikroistorii]. *Odysseus: A Man in History*. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 9–13 (in Russian).

Bojko P.E., Bulanov S.L. On the Question of Jerome of Stridon's Understanding of Apocatastasis [K voprosu o ponimanii apokatastasisa Ieronimom Stridonskim]. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2023. No. 9(4). Pp. 13–17 (in Russian).

Jerome's Works. Library of the Works of St. Fathers and Teachers of the Western Church [Tvoreniya blazhennogo Ieronima Stridonskogo. Biblioteka tvorenij sv. otcov i uchitelej cerkvi zapadnoj]. Kiev, 1879–1903 (in Russian).

Le Goff J. Medieval Civilization [Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada]. Ekaterinburg: U-Factoria, 2005. 560 p. (in Russian).

Litovchenko E.V. Sidonius' Letters and Life of Late Antiquity's Society [Pis'ma Sidoniiia i zhizn' pozdneantichnogo obshchestva]. *Scientific News*. 2012. No. 7. Vol. 22. Pp. 69–73 (in Russian).

Lenski N. Initium mali Romano imperio: Contemporary Reactions to the Battle of Adrianople. *Transactions of the American Philological Association*. 1997. Vol. 127. Pp. 129–168 (in English).

Mathisen R.W. Catalogues of Barbarians in Late Antiquity. *Romans, Barbarians and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity*. 2011. New York: Routledge. Pp. 17–32 (in English).

McMahon M. Polemic in Translation: Jerome's Fashioning of History in the Chronicle. *Historiography and Identity I: Ancient and Early Christian Narratives of Community*. 2019. Turnhout: Brepols. Pp. 219–245 (in English).

Rebenich S. Christian Ascetism and Barbarian Incursion: The Making of a Christian Catastrophe. *Journal of Late Antiquity*. 2009. Vol. 2. Pp. 49–59 (in English).

Scourfield J.H.D. *Consoling Heliodorus: A Commentary on Jerome, Letter 60*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 282 p. (in English).

Ziche H. Barbarian Raiders and Barbarian Peasants: Models of Ideological and Economic Integration. *Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World: Cultural Interaction and the Creation of Identity in Late Antiquity*. 2011. New York: Routledge. Pp. 199–219 (in English).

А.А. Ходин

Гейдельбергский университет

Гейдельберг, Германия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-221-229

МИССИЯ МАЛЬТЕ ЮЛЯ В БАВАРИИ В 1643 ГОДУ, ИЛИ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СДЕЛКА ДАТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Ключевые слова: Дания; Бавария; дипломатия; Тридцатилетняя война; Пфальцский вопрос; Мальте Юль; Максимилиан Баварский; Швеция; Франция; Кристиан IV.

Статья рассматривает один из малоизвестных эпизодов заключительного периода Тридцатилетней войны (1618–1648). К 1643 году Шведское королевство располагало значительными военными ресурсами и вынашивало планы по вторжению в Данию. Датский король Кристиан IV находился в сложном положении. С одной стороны, Дания испытывала финансовые трудности. С другой – датская армия не была настолько сильна, чтобы эффективно противостоять Швеции. Кристиану IV необходимо было срочно найти союзника, который мог бы отвлечь Швецию от вторжения в пределы Дании. Датский король предполагал заручиться поддержкой могущественного князя империи – Максимилиана Баварского. Расчет Кристиана IV был прост: Дания должна была оказать дипломатическую помощь Максимилиану в вопросе его

прав на Верхний Пфальц. Взамен предполагалось обеспечить дипломатическую, а возможно и военную, поддержку Максимилиана перед нарастающей шведской угрозой. Для налаживания датско-баварских связей Кристиан IV отправил в Баварию посольство. Миссия была поручена опытному датскому дипломату Мальте Юлю.

Из результатов исследования следует, что предполагаемая сделка датского короля была обречена на провал. Интересы Кристиана IV и Максимилиана Баварского не совпадали. В обмен на военную помощь Дания могла предложить Баварии лишь дипломатическую поддержку по вопросу Верхнего Пфальца и незначительные торговые привилегии. Максимилиан Баварский располагал внушительными военными ресурсами, поэтому считал возможным закрепиться в Верхнем Пфальце и без датской дипломатии. Стало очевидным, что Дания нуждалась в помощи Баварии больше, чем Бавария в датском посредничестве. В итоге Мальте Юлю не суждено было заполучить союзника и предотвратить назревавший шведско-датский конфликт.

1643 год выдался сложным в истории Европы. Уже на протяжении двадцати пяти лет шла Тридцатилетняя война (1618–1648). Все больше истощались человеческие и финансовые ресурсы воюющих государств – Франции, Швеции, Испании, немецких князей, императора Священной Римской империи и других участников конфликта. По-прежнему не было ни одной силы, которая сохранила бы абсолютное доминирование и инициативу в военных действиях. Всеобщая усталость от войны была очевидна. Созрела необходимость переговоров, где воюющие стороны могли обсудить условия будущих мирных соглашений. В 1643 году в два города на северо-западе империи – Мюнстер и Оснабрюк – начали прибывать дипломаты. Для успешного хода переговоров возникала необходимость посредничества и регулирования противоречий между сторонами. Эта непростая задача была возложена на Датское королевство, снова ставшее активным участником запутанных дипломатических игр периода Тридцатилетней войны.

Датский король Кристиан IV (1588–1648) ранее сам принимал участие в военных событиях, но его армия потерпела поражение. Дания была вынуждена заключить мир с императором в Любеке в 1629 году. Эта неудача подорвала финансовую систему Дании. Сложным оставалось и ее международное положение [Lockhart, 1996, 257]. Датские границы находились под постоянной угрозой со стороны давнего врага – Швеции. Стороны конкурировали за влияние на Балтике. Швеция претендовала на некоторые датские территории на Скандинавском полуострове. Но главное, к чему стремились шведы, – лишить Данию возможности собирать пошлины в проливе Зунд. Благодаря этому Швеция могла оставить своего конкурента без важного источника доходов, а также возможности контролировать балтийскую торговлю. В 1642 году в датском государственном совете всерьез заговорили о шведской угрозе [Aktstykker og Oplysninger til Rigsraadets, 1642, 625].

К 1643 году напряженность в шведско-датских отношениях достигла своего апогея. В Дании понимали, что противостоять Швеции в одиночку было бы сложно. К этому времени шведская армия имела значительный боевой опыт. К тому же шведы могли атаковать датские границы и со стороны империи, и на Скандинавском полуострове. Дания же не вела военных действий уже более 13 лет. Ее армия была менее многочисленна и значительно слабее шведской. Перед датским правительством ставится непростая задача – попытаться отвлечь шведов от планов вторжения в Данию. Необходимо было сделать так, чтобы шведская армия была связана военными действиями в империи. Кристиан IV хотел, чтобы император и князья начали новые военные кампании против шведов. Первый шаг к этому был сделан: датским дипломатам удалось стать посредниками в мирных переговорах Швеции с другими участниками войны. Теперь датчане могли сдерживать своего конкурента. Но этого было недостаточно, чтобы предотвратить шведскую угрозу. Кристиану IV следовало найти союзника в империи. Такой союзник должен был располагать значительными военными силами, способными эффективно противостоять Швеции. Уже несколько лет Кристиан IV оказывал дипломатическую поддержку курфюрсту Бранденбургскому Фридриху Вильгельму (1640–1688). Это объяснялось тем, что Бранденбург соперничал со Швецией за Померанию [Tandrup, 1988, 92]. Однако заключить союз с Бранденбургом не получалось. Поэтому, по мнению Кристиана IV, можно было попробовать привлечь на свою сторону кого-то из католических князей, кто был бы заинтересован в том, чтобы оказать Дании дипломатическую и в перспективе военную помощь против Швеции. В письме к своему канцлеру Кристену Томесену Сехестеду (1590–1657) Кристиан IV предложил сделать ставку на баварского герцога и курфюрста Максимилиана I (1597–1651). Замысел состоял в том, чтобы первоначально наладить с ним отношения, а затем посмотреть, насколько Бавария может быть полезна Дании в противостоянии со Швецией [Christian IV. til Christen Thomesen Sehested, 1643, 289].

Такой выбор оказался отнюдь не случайным. Несмотря на религиозные противоречия, сохранялись постоянные контакты между датскими Ольденбургскими и баварскими Виттельсбахскими. Об этом свидетельствует корреспонденция государственного архива Дании. И Ольденбурги, и Виттельсбахи умели разграничивать личные интересы и политические предпочтения. Например, датский наследный принц Кристиан (1603–1647) неоднократно обращался к Максимилиану Баварскому с той или иной просьбой. Однажды принц решил закупить рейнского вина для своего двора. Его посланец должен был отправиться в германские земли с целью наладить винные поставки. Принц снабдил своего посланца письмами к Максимилиану, которого просили позволить датчанину закупить «хорошего рейнского вина»¹ [Prins Christian (V.) 1631, 12–13].

¹ Здесь и далее перевод наш.

Так как вино предназначалось не для коммерческих целей, а для двора принца, то следовала и другая просьба. Датскому посланцу нужно было «предоставить свободный проход без оплаты лицензий, таможенных сборов и иных налогов» [Prins Christian (V.) 1631, 12–13]. Такие просьбы были обычной практикой среди представителей княжеских дворов. Главное, чтобы просьба носила личный характер и исходила от равного по статусу. В данном случае Максимилиан шел на контакт и весьма охотно выполнял пожелания наследника датского престола. Другим примером личных отношений датского короля и баварского герцога является корреспонденция Максимилиана. С 1619 года сохранилось несколько писем Максимилиана, адресованных Кристиану IV. Стиль писем носит довольно личный и доброжелательный характер, даже несмотря на то что некоторое время Дания и Бавария оставались противниками в войне [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 74 TKUA, Speciel del, Bayern 1–2].

К началу 40-х годов XVII века баварский герцог сам проявлял интерес к Дании, что произошло по следующим причинам. В начале Тридцатилетней войны Максимилиан получил права на Верхний Пфальц и титул курфюрста – князя-выборщика. Многие князья были недовольны таким решением, и вопрос о принадлежности Верхнего Пфальца оставался спорным. Было решено обсудить его снова до открытия мирного конгресса. Датский король должен был стать при этом посредником [Albrecht, 1998, 979]. Поэтому в 1642 и 1643 годы баварский герцог написал несколько писем Кристиану IV. В них Максимилиан обосновывал, что Верхний Пфальц нужно сохранить именно за ним. С точки зрения баварского герцога, эта территория была его «законной собственностью» [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 74 TKUA, Speciel del, Bayern 1–2. Fol. 81]. По мнению Максимилиана, главным виновником в данной ситуации был не кто иной, как потерявший права на Пфальц бывший курфюрст Фридрих V (1610–1623) [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 74 TKUA, Speciel del, Bayern 1–2. Fol. 82–84]. Датский король уловил желание Максимилиана и решил сыграть на этом. В письме своему дипломату Фредерику Гюнтеру (1581–1655) Кристиан IV предлагает поддержать претензии баварского герцога на Верхний Пфальц [Christian IV. til Frederik Günther, 1643, 335]. Взамен датский король хотел, чтобы Максимилиан оказал ему дипломатическую, а возможно и военную, поддержку. Расположение баварского герцога было особенно важно в преддверии нарастания датско-шведского конфликта. Согласно исследованию выдающегося российского историка Ю.Е. Ивонина, к 40-м годам XVII века стало очевидно, что Максимилиан Баварский стремился наладить переговоры с Францией, надеясь на решение своих династических интересов [Ивонин, 2009, 134]. Следовательно, было весьма вероятно, что баварская армия вскоре предпримет наступление не против французских армий, а против шведов, что было выгодно Кристиану IV.

В Копенгагене началась подготовка посольства в Баварию. Нужно было выбрать подходящего человека, который обладал талантом убеждения. Выбор

пал на датского дипломата Мальте Юля (1594–1648). О его прошлом известно мало. К моменту описываемых событий 49-летний Юль уже имел опыт на государственной службе. В молодости он провел несколько лет за границей. Главное, что, помимо опыта дипломата, Юль имел хорошие личные связи среди князей. Примечательна одна малозаметная деталь его биографии. В прошлом Юль находился на службе у герцога Юлия Генриха Саксен-Лауэнбургского (1586–1665). На первый взгляд, это был простой и незаурядный правитель среди многих небогатых немецких князей. Но герцог был католиком и камергером самого императора. Поэтому во время службы у герцога Юлю были доступны возможности контактов со многими князьями империи. Хорошие связи в этой среде выгодно отличали его от других датских дипломатов. Юль был удачлив, умел убеждать и всегда знал, как правильно вести разговор. Недаром ему доверяли сложные дипломатические миссии. Одной из них была поездка в Москву в 1631 году. Здесь требовалось умение опытного переговорщика, способного быстро адаптироваться и входить в доверие. Его таланты не остались незамеченными и при датском дворе, где Юль также нашел покровителей. В Копенгагене он получил высокую придворную должность камер-юнкера наследного принца Кристиана. Это назначение давало большое влияние при королевском дворе. Хотя в состав государственного совета Юль вошел несколько позже, в 1647 году, задолго до этого он сделался одним из богатейших вельмож в Дании.

Получив указания от Кристиана IV, 15 февраля 1643 года Юль покинул Копенгаген. Ему предстояла опасная дорога через княжества империи. Повсюду действовали отряды наемников и грабители, которые не слишком отличались друг от друга. В пути Юль боялся повстречать разбойничьи шайки. Но путешествие длилось чуть более месяца и прошло без особых происшествий. 24 марта он прибыл в столицу Баварии – город Мюнхен. По воспоминаниям Юля, его первая аудиенция с Максимилианом прошла в дружелюбной атмосфере. Курфюрст изъявил желание провести эту встречу с глазу на глаз без лишних свидетелей [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75 TKUA, Speciel del, Bayern 4. Fol. 3]. В ходе беседы обе стороны заявляли о желании, чтобы в империи поскорее наступил мир. В разговоре неоднократно затрагивался вопрос принадлежности Верхнего Пфальца. Юль сообщил, что датский король хотел стать посредником в будущих мирных переговорах по этому вопросу. Таким образом, Юль недвусмысленно подчеркивал значимость Дании как третьей стороны в переговорах. Как истинный дипломат, он избегал прямых просьб и формулировок. Он предлагал, чтобы Максимилиан Баварский и потомки бывшего курфюрста Фридриха V Пфальцского смогли полюбовно уладить разногласия. При этом Юль намекал, что Дания могла бы оказать Баварии дипломатическую поддержку в этом вопросе. По ходу разговора датчанин стал понимать, что договориться с Максимилианом не получится. Баварский герцог не отвергал ничего, но и не соглашался с компромиссом по Пфальцскому во-

просу. Кроме того, баварец не проявлял особого интереса к датской дипломатической поддержке. Оба собеседника хитрили [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75 TKUA, Speciel del, Bayern 4. Fol. 4].

На вторую встречу Максимилиан пригласил своих советников. Теперь был поднят вопрос о безопасности коммерческих операций на севере империи. Юль намекал, что торговые пути в этом регионе важны для всех. Важными торговыми центрами назывались Гамбург, датская крепость Глюксштадт и территория на границе с Нидерландами. Для Юля было важно, чтобы война не нанесла ущерб датской и всеобщей торговле в этом регионе. Следовательно, необходимо было обезопасить их от возможных военных действий. Максимилиан соглашался с доводами Юля и сам обратился с просьбой к датскому королю. Баварский герцог хотел, чтобы торговцам из Баварии были предоставлены некоторые торговые привилегии на севере Германии – в районе Эльбы. В особенности там, где датчане контролировали некоторые пути [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75 TKUA, Speciel del, Bayern 4. Fol. 5–7]. Такое предложение было принято Юлем. Его расчет был прост. Максимилиан должен быть лично заинтересован в том, чтобы положение на севере империи было спокойное. Для этого можно пообещать баварцу торговые привилегии. Следовательно, Максимилиан сам не захочет, чтобы его торговые интересы были нарушены. Поэтому Максимилиан постарается не допустить, чтобы территория его коммерческого интереса подверглась новым военным действиям [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75 TKUA, Speciel del, Bayern 4. Fol. 5–7]. Это давало надежду, что баварец приложит все усилия, чтобы связать шведов на других фронтах, подальше от датской границы. Реализация такого плана была несколько наивной. Максимилиан Баварский рассуждал довольно рационально. Получить дипломатическую поддержку датского короля в вопросе Верхнего Пфальца и торговли на Эльбе было весьма выгодно. Но еще более выгодным казалось обезопасить от шведов границы Баварии. Поэтому для Максимилиана было гораздо важнее, чтобы шведы были связаны войной с датчанами [Immler, 1992, 29].

Помимо этого, постепенно менялось отношение баварского герцога к Франции, которая представляла все большую угрозу интересам Максимилиана [Gantet, 2024, 419]. К 1643 году армия Франции была достаточно сильна и потенциально могла достигнуть границ Баварии быстрее, чем шведы. Поэтому для Максимилиана теперь было важнее сконцентрироваться на борьбе с Францией, нежели со Швецией. Следовательно, интересы Дании и Баварии не совпадали. Это было решающим обстоятельством неудачи Юля, который все больше понимал бесперспективность дальнейших переговоров. Датский дипломат не мог предложить баварскому герцогу ничего существенного, кроме абстрактной дипломатической поддержки. Поэтому Юль не стал развивать тему прямой военной помощи Дании со стороны Баварии. На третьей встрече Юля с Максимилианом обе стороны в очередной раз обменялись любезностями и подтвердили желание дальнейшего сотрудничества [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75

ТКУА, Speciel del, Bayern 4. Fol. 8]. И Юль, и Максимилиан хорошо понимали, что в данный момент прочный союз между Данией и Баварией невозможен. Тем не менее официальная задача миссии Юля в Баварию была выполнена. По замыслу Кристиана IV, Дания смогла поддержать дипломатические отношения с Баварией и укрепить свой статус в качестве посредника на мирных переговорах. Фактически же миссия Юля осталась безрезультатной. Максимилиан Баварский обладал достаточными силами, чтобы решить свои проблемы и без Дании. А спустя почти два месяца после датско-баварских переговоров ситуация изменилась не в пользу датского короля. 19 мая 1643 года французские войска одержали громкую победу над испанскими войсками при Рокруа. Это событие оказало решающее влияние на настроение Максимилиана. С этого времени он сосредоточил свое внимание на защите от французской угрозы, что было вполне обоснованно [Albrecht, 1998, 990].

Становится очевидным, что к 1643 году идея датско-баварского союза была неосуществима. Миссия Мальте Юля в Баварии не принесла желаемого результата. Несмотря на это, было бы ошибочно возлагать всю вину на датского дипломата. Анализ его отчета позволяет сделать вывод, что действия Юля были достаточно профессиональными. Главная причина неудачи его миссии состояла в несовпадении интересов датского короля и баварского герцога. Кристиан IV хотел отвлечь шведов от границ Дании. Максимилиан Баварский стремился не допустить шведского наступления на юг империи. Кроме того, в обмен на военную помощь Дания могла предложить Баварии лишь дипломатическую поддержку по вопросу Верхнего Пфальца и незначительные торговые привилегии. Однако Максимилиан Баварский располагал внушительными военными ресурсами, поэтому считал возможным закрепиться в Верхнем Пфальце и без датской дипломатии. Было очевидно, что Дания нуждалась в помощи Баварии больше, чем Бавария в датском посредничестве. В итоге новая шведско-датская война была неизбежна. 12 декабря 1643 года шведская армия вторглась на территорию Дании. Было положено начало новому локальному конфликту, ставшему одной из составных частей Тридцатилетней войны и прервавшему ход начавшихся мирных переговоров на год.

ЛИТЕРАТУРА

Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Т. 2, ч. 2. М.: РКонсульт, 2009. 336 с.

Aktstykker og Oplysninger til Rigsraadets og Stændermødernes Historie i Kristian IV's Tid. Andet Bind (1627–1643). Udgivne ved Kr. Erslev af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. I kommission hos Rudolph Klein. Tryckt hos Nielsen & Lydiche: Kjøbenhavn 1887–1888. 650 s.

Albrecht D. Maximilian I. von Bayern. 1573–1651. München, 1998. 1176 s.

Gantet C. La Guerre de Trente Ans 1618–1648. Paris: Tallandier, 2024. 640 p.

Immler G. Kurfürst Maximilian I. und der Westfälische Friedenskongreß. Die bayerische auswärtige Politik von 1644 bis zum Ulmer Waffenstillstand. Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte 20. Münster: Aschendorff, 1992. 548 s.

Kong Christian den Fjerdes egenhædige Breve. 5. Bind. 1641–1644. Udgivne ved C.F. Bricka og J.A. Fridericia af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. Kjøbenhavn: Forlagt af Rudolph Klein, 1883–1885. 582 s.

Lockhart P. D. Denmark in the Thirty Years' War 1618–1648. King Christian IV and the decline of the Oldenburg state. Selinsgrove: Susquehanna Univ. Press, 1996. 347 p.

Prins Christian (V.)s Breve. I. Bind. Kancellibreve i uddrag 1626–1642. Udgivne ved E. Marquard af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. I kommission hos G. E. C. Gad. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (M. Simmelklær): Kjøbenhavn, 1952. 642 s.

Tandrup L. Når to trættes, så 1er den tredje. Christian IVs og rigsrådets forhold til Det tyske Rige og især til Sverige. // Christian IVs verden. Redaktion Svend Ellehøj. Billedredaktion Charlotte Christensen, Steffen Heiberg. København: Nyt Nordisk Forlag, 1988. S. 64–97.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДАНИИ

Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75 TKUA, Speciel del, Bayern 4.

Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 74 TKUA, Speciel del, Bayern 1–2.

A.A. Khodin

*PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of Digital Learning,
University of Heidelberg
Heidelberg, Germany*

Malte Juul's Mission to Bavaria in 1643 or the Failed Deal of Danish Diplomacy

This article examines one of the little-known episodes of the final period of the Thirty Years' War (1618–1648). By 1643, the Kingdom of Sweden had significant military resources and plans to invade Denmark. The Danish King Christian IV was in a difficult position. On the one hand, Denmark was experiencing financial difficulties. On the other hand, the Danish army was not strong enough to effectively resist Sweden. Christian IV urgently needed to find an ally who could distract Sweden from invading Denmark. The Danish king intended to enlist the support of a powerful prince of the empire, Maximilian of Bavaria. Christian IV's calculation was simple – Denmark was to provide diplomatic assistance to Maximilian in the matter of his rights to the Upper Palatinate. In exchange, it was supposed to secure diplomatic and possibly military support from Maximilian in the face of the growing Swedish threat. To establish Danish-Bavarian relations, Christian IV sent an embassy to Bavaria. The mission was entrusted to the experienced Danish diplomat Malte Juul.

The results of the study show that the proposed deal of the Danish king was doomed to failure. The interests of Christian IV and Maximilian of Bavaria did not coincide. In exchange for military assistance, Denmark could offer Bavaria only diplomatic support on the Upper Palatinate issue and minor trade privileges. Maximilian of Bavaria had impressive military resources, so he considered it possible to gain a foothold in the Upper Palatinate without Danish diplomacy. It became obvious that Denmark needed Bavaria's help more than Bavaria needed Danish mediation. As a result, Malte Juul was not destined to gain an ally and prevent the brewing Swedish-Danish conflict.

Keywords: *Denmark; Bavaria; diplomacy; Thirty Years' War; Palatinate question; Malte Juul; Maximilian of Bavaria; Sweden; France; Christian IV.*

REFERENCES

Ivonin Y.E. Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Times 1495–1806 [Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorialnie gosudarstva Germanii v rannee novoe vremja 1495 - 1806]. Vol. 2. Part 2. Moscow: Rconsult, 2009. 336 p. (in Russian)

Documents and Information on the History of the Council of State and the Estates-General in the Time of Christian IV. Second Volume (1627–1643). [Aktstykker og Oplysninger til Rigsraadets og Stændermødernes Historie i Kristian IV's Tid. Andet Bind (1627–1643)]. Udgivne ved Kr. Erslev af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. I kommission hos Rudolph Klein. Tryckt hos Nielsen & Lydiche: Kjøbenhavn 1887–1888. 650 s. (in Danish).

Albrecht D. Maximilian I of Bavaria, 1573–1651. [Maximilian I. von Bayern. 1573-1651]. München, 1998. 1176 s. (in German).

Gantet C. The Thirty Years' War 1618-1648. [Gantet C. La Guerre de Trente Ans 1618-1648]. Tallandier: Paris, 2024. 640 p. (in French).

Immler G. Elector Maximilian I and the Peace Congress of Westphalia. Bavarian Foreign Policy from 1644 to the Ulm Truce. [Kurfürst Maximilian I. und der Westfälische Friedenskongreß. Die bayerische auswärtige Politik von 1644 bis zum Ulmer Waffenstillstand]. Schriftenreihe der Vereinigung zur Erforschung der Neueren Geschichte 20. Aschendorff: Münster, 1992. 548 s. (in German).

King Christian the Fourth's personal letters. Vol. 5. 1641-1644. [Kong Christian den Fjerdes egenhændige Breve. 5. Bind. 1641-1644]. Udgivne ved C.F. Bricka og J.A. Fridericia af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. Forlagt af Rudolph Klein: Kjøbenhavn, 1883-1885. 582 s. (in Danish)

Lockhart P.D. Denmark in the Thirty Years' War 1618 – 1648. King Christian IV and the decline of the Oldenburg state. Susquehanna Univ. Press: Selinsgrove, 1996. 347 p. (in English).

Prince Christian (V.)'s Letters. Volume I. Chancellor's Letters in Excerpts 1626–1642. [Prins Christian (V.)s Breve. I. Bind. Kancellibreve i uddrag 1626–1642]. Udgivne ved E. Marquard af selskabet for udgivelse af kilder til dansk historie. I kommission hos G. E. C. Gad. Tryckt hos Nielsen & Lydiche (M. Simmelklær): Kjøbenhavn, 1952. 642 s. (in Danish).

Tandrup L. When two quarrel, the third is 1th. Christian IV's and the Reichsrat's relationship to the German Empire and especially to Sweden. Christian IV's world [Når to trættes, så ler den tredje. Christian IVs og rigsrådets forhold til Det tyske Rige og især til Sverige. // Christian IVs verden]. Redaktion Svend Ellehøj. Billedredaktion Charlotte Christensen, Steffen Heiberg. Nyt Nordisk Forlag: København, 1988. S. 64–97 (in Danish).

DANISH NATIONAL ARCHIVES

National Archives, VA XI, German Chancellery II, p. 75 TKUA, Special part, Bavaria 4. [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 75 TKUA, Speciel del, Bayern 4] (in German).

National Archives, VA XI, German Chancellery II, p. 74 TKUA, Special part, Bavaria 1-2. [Rigsarkivet, VA XI, Tyske Kancelli II, s. 74 TKUA, Speciel del, Bayern 1-2] (in German).

Е.М. Собко

*Независимый исследователь
Москва, Россия*

УДК 94(4)«1492/1914»+94(492)

DOI 10.35785/2072-9464-2025-72-4-230-242

НАЧАЛО ВТОРОЙ ФАЗЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ОСЛОЖНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И НИДЕРЛАНДАМИ (первая половина 1710-х годов)

Ключевые слова: *Северная война; русско-нидерландские отношения; российско-голландские отношения; Петр I; российско-нидерландские отношения в первой четверти XVIII века; внешняя политика России; Б.И. Куракин; международные отношения в Европе в XVIII веке.*

Традиционно ориентированные на двусторонние торговые отношения, русско-нидерландские взаимные связи в эпоху Петра I все больше попадали в зависимость от особенностей международной обстановки в Европе. Полтавская победа привела к росту международного престижа России, что вызвало недовольство и страх европейских держав. Нидерландская дипломатия также шла в этом общем «тренде» общеевропейской политики, участвуя в ряде дипломатических акций, противоречивших интересам России. С другой стороны, несколько существенных факторов, таких как давние торговые связи с Россией, ее тесные контакты с амстердамской торговой элитой, рост англо-нидерландских противоречий, приводили к формированию в Нидерландах противоположной внешнеполитической позиции по отношению к России, что нашло свое отражение во внешнеполитических шагах, отвечавших российским интересам. Сложности и противоречия имелись и в торговых отношениях, они были связаны с тем, что переход прибалтийских портов в руки России изменил обстановку на Балтике. Взаимодействуя с Нидерландами, российская дипломатия исходила из своей главной внешнеполитической цели – сближение с европейскими странами через утверждение России на Балтике. В связи с этим ею ставился вопрос о признании Голландией прибалтийских территорий, но та отказывалась сделать это до подписания русско-шведского мира. Таким образом, можно сделать вывод об осложнении русско-нидерландских отношений в самых разных сферах. Это осложнение было порождением изменений военно-дипломатической обстановки в Европе и социально-экономической ситуации на Балтике, наступивших в начале второй фазы Северной войны.

Гром пушек под Полтавой знаменовал конец империи Карла XII. Карл находит себе прибежище в Турции, в России – пышные торжества по поводу победы в «полтавской баталии». Петр I в глазах европейцев уже не

чудаковатый русский царь, машущий топором на голландских верфях, а победитель, внушающий опасения. Победа под Полтавой не могла не изменить отношения России с другими европейскими державами¹.

Конфликты и поставка оружия, взаимные обиды и планы по заключению торгового договора – вот так сложно и противоречиво развивались российско-нидерландские связи в годы Северной войны. В период Великого посольства и на первой фазе Северной войны и политические, и торговые связи между двумя странами укрепились. Однако уже с начала 1710-х годов отношения осложняются, что было вызвано целым рядом причин. Когда победа России над шведами становилась все более очевидной, Нидерланды стали проявлять настороженность, опасаясь усиления России в балтийском регионе. Кстати, укрепление российских позиций на Балтике пугало не только Нидерланды: свою озабоченность выражали и император Священной Римской империи Карл VI, и английский король Георг I. В руки России переходили один за другим прибалтийские порты, которые принадлежали Швеции. Многие страны, в том числе и Голландию, это ставило буквально в тупик. Все привыкли к господству Швеции на Балтике, а тут появлялся новый «российский фактор», с которым нужно было считаться. «Морские державы кривым оком смотрят на распространение державы его царского величества у Балтийского моря...», – отмечал в одном из своих писем главе посольского приказа Г.И. Головкину Андрей Матвеев² [Соловьев, 1993, 90]. Другой важной причиной осложнения отношений стали проблемы в торговой сфере, когда Голландия оказалась в очень непростом положении, столкнувшись с новой системой торговых связей, сложившейся в результате перехода шведских гаваней в Прибалтике в руки России.

Итак, в начале 1710-х годов изменения военно-дипломатической ситуации в Европе, вызванные событиями Северной войны, и новая социально-экономическая обстановка в Балтийском регионе вели к трансформации российско-нидерландских отношений.

При рассмотрении русско-нидерландских дипломатических отношений необходимо иметь в виду следующие важные тенденции. Первая связана именно с военными успехами Петра I: вырос престиж России, а с ним и страхи европейских держав по поводу усиления ее международных позиций, в частности в Балтийском регионе. Вторая тенденция связана с тем, что Россия все активнее втягивается в систему общеевропейских отношений. В силу этого российско-голландские взаимные связи, традиционно ориентированные на двусторонние торговые отношения, все больше вписываются в контекст международных отношений в Европе. Поэтому при анализе русско-нидерландских отношений необходимо рассматривать также вопросы военной и дипломатической ситуации, сложившейся в ходе Северной

¹ Из последних работ, в которых рассматривается влияние Полтавской битвы на международную обстановку в Европе, можно назвать следующие: [Беспалов, 2022; Кротов, 2021].

² Андрей Артамонович Матвеев – посол в Гааге в 1697–1712 годах, в Вене в 1712–1715 годах.

войны. Наконец, последнее важное явление – это зависимость Нидерландов от Англии [Шатохина-Мордвинцева, 1998, 5]. В европейских дипломатических контактах эти страны почти постоянно стали выступать совместно, проводя единую внешнюю политику «морских держав».

В Нидерландах по-прежнему находился российский посол Андрей Артамонович Матвеев. Матвееву оставалось пробыть в Гааге совсем недолго: в 1712 году на его место был назначен князь Борис Иванович Куракин – яркая личность, оставившая большой след не только в истории русско-нидерландских отношений, но и во всей российской внешней политике и дипломатии. Помимо Куракина на дипломатической арене появляются и другие новые лица. В 1706 году после смерти Федора Головина во главе Посольского приказа становится Г.И. Головкин, впоследствии канцлер, известный по знаменитой картине кисти художника И.Н. Никитина. Большую роль во внешней политике России начинает играть вице-канцлер Посольского приказа П.П. Шафиров, приступает к своей деятельности А.И. Остерман, ставший в дальнейшем видной фигурой российской дипломатии. Голландскими внешнеполитическими делами по-прежнему ведал великий пенсионарий Антоний Хейнсиус. В 1712 году голландским резидентом в Петербурге был назначен печально известный Якоб де Би, фактически высланный из страны в 1718 году. В 1710-х годах происходит также смена верховных правителей в ряде европейских стран – в Англии, Франции, Священной Римской империи, Пруссии. Что касается Нидерландов, то там в области государственного управления большие изменения произошли еще в 1702 году. По решению Генеральных штатов в 1702 году после смерти Вильгельма III Оранского в главных провинциях была упразднена должность статхаудера³ [Шатохина, 1991, 8]. Власть в стране перешла в руки крупной торговой буржуазии, во главе которой стоял великий пенсионарий (ратпенсионарий) Голландии Антоний Хейнсиус.

После Полтавской битвы Петр I вновь заключает союзы с саксонским курфюрстом Августом II и датским королем Фредериком IV [Письма и бумаги императора Петра Великого, 1950, 400–407, 496–502]. Голландия, как и ее союзница в войне за испанское наследство Англия, отрицательно отнеслась к вступлению Дании в войну против Швеции на стороне России и возрождению Северного союза. Российский посланник в Копенгагене В.Л. Долгоруков писал в этой связи главе Посольского приказа Г.И. Головкину 29 октября 1709 года: «Третьяго дня обедали у меня чужестранные министры и пространно говорили о войне, которую король Дацкий ныне начинает, в которых разговорах аглинский и галанский министры явно говорили како им то начинание войны противно» [Никифоров, 1950, 72].

³ Статхаудер в Республике Соединенных провинций – высшее должностное лицо из Оранско-Нассауской династии.

Между тем шведские войска после поражения под Полтавой отступили в Померанию – северогерманские земли, принадлежавшие Швеции. В связи с этим в 1711–1715 годах главные события Северной войны разворачивались именно на данной территории. Здесь со всей яркостью проявились противоречия между союзниками, прежде всего между Россией и Данией. Россия рассчитывала на поддержку датского флота и артиллерии в борьбе с Швецией, однако Дания, занятая в основном собственными внешнеполитическими проблемами, не спешила на помощь союзнику. Военные действия велись вяло, с переменным успехом. Ситуация усугублялась тем, что воюющие стороны были вынуждены принимать во внимание и позиции мелких германских княжеств, стремившихся получить новые территории – Ганновера, Пруссии, Голштинии. В результате в Померании сложилась крайне запутанная ситуация, осложнявшаяся недовольством европейских стран, прежде всего Англии, появлением здесь русских войск. Английский государственный секретарь Болингброк (Сент-Джон) писал: «Союзники в Померании поступают выше всякой меры: сначала уверяли, что хотят только выгнать оттуда шведский корпус генерала Крассова, а теперь ясно видно, что их намерение – выжить шведского короля из немецкой земли; это уже слишком!» [Соловьев, 1993, 9]. Голландия также негативно отнеслась к появлению русских войск в Померании. Еще в марте 1710 года представители Голландии, Англии и австрийского императора подписали в Гааге конвенцию о сохранении нейтралитета в Германии, в землях Империи [Никифоров, 1950, 80]. Это был дипломатический шаг, враждебный по отношению к России, так как, по сути, он был направлен против действий русских войск в Померании. После Полтавской битвы главной враждебной силой для России стала Англия, стремившаяся главенствовать на Балтийском море и использовавшая для противодействия России целый ряд дипломатических инструментов. Здесь одним из методов выступила идея воздействия на страны, входившие в состав Северного союза, в плане заключения ими сепаратного мира со Швецией. Так, 12 января 1711 года Куракин писал Матвееву, что датский посол в Лондоне Розенкранц «яко надлежит доброму приятелю и союзничью министру мне сообщал что резидующий министр в Копенгагене от аглинского двора королю предлагал королевину медиацию ко учинению мира с шведом партикулярного» [Архив князя Ф.А. Куракина, 1893, 305]. В июле того же года Матвеев в свою очередь извещал, что союзники – Англия и Голландия, «особливо же Англия, через всякие способы намерены есть всякие нам пакости чинить, особливо же понуждением дацкого короля к партикулярному с шведским королем миру» [Никифоров, 1950, 83]. Все попытки раскола Северного союза в 1709–1711 годах закончились неудачей.

Итак, в первые годы после Полтавской битвы Голландия шла, можно сказать, в фарватере европейской международной политики, которую определяло недовольство усилением России, ростом ее международного пре-

стижа. При этом, как мы видели, Голландия выступала, как правило, совместно с Англией. Однако приблизительно с середины 1711 года можно говорить о зарождении разногласий между Англией и Голландией, что позволило последней проводить самостоятельную политику по отношению к России, значительно более лояльную по своей направленности⁴. Данное положение подтверждается целым рядом фактов. Враждебность Турции к России стала для российской дипломатии важнейшей проблемой, которую пришлось решать в ходе Северной войны. Позиции европейских держав по турецкому вопросу были крайне важны для России, в частности, после Прутского похода Петра I в 1711 году. Здесь Нидерланды заняли пророссийскую позицию, более того, голландская дипломатия в 1712–1713 годах своими дружественными действиями помогла России заключить мир с турками⁵. По указанию Генеральных штатов голландский посол в Стамбуле граф Якобус Кольер прилагал все усилия к сближению России с Османской империей [Koningsbrugge, 1996, 187–194].

В 1712 году европейские державы не оставляют попыток вывести Данию из Северного союза, с тем чтобы ослабить последний. Англия, Франция и Швеция пришли к соглашению о посылке совместной эскадры в Балтийское море. Целью этого мероприятия было стремление заставить Данию подписать сепаратный мир со Швецией. Однако Нидерланды воспротивились данной акции, о чем говорит следующее крайне любопытное свидетельство: «О намерении Англии послать свою эскадру в Балтийское море в 1712 г. говорили Куракину бургомистры города Амстердама, заявившие, что они воспротивились этому замыслу англичан» [Никифоров, 1950, 99]. Причиной такого поведения бургомистров было то, что еще в ходе Великого посольства были установлены тесные контакты с амстердамской торговой элитой в лице бургомистра Николая Витсена и верхушки купечества. В результате в Амстердаме сформировалось прорусское «лобби», которое действовало на протяжении всей Северной войны [Koningsbrugge, 1996, 247–250; Колосова, 2007, 94–96; Конингсбрюгге, 2014, 16, 18]. Оно противостояло официальному правительству в Гааге, которое декларировало нейтралитет в северном конфликте. Из Амстердама на первом этапе Северной войны в Архангельск посылалось большое количество оружия [Захаров, 1996, 223; Koningsbrugge, 1996, 257]. И хотя с начала 1710-х годов уже отсутствуют факты о поставке огнестрельного оружия [Захаров, 1996, 229], Амстердам

⁴ Со свойственными ему дальновидностью и политическим чутьем Борис Иванович Куракин в июне 1711 года обратил внимание на зарождавшиеся между морскими державами противоречия, которые он в дальнейшем использовал в интересах российской дипломатии [Никифоров, 1950, 99].

⁵ Позиция Англии на русско-турецких переговорах 1712 года по-разному оценивается историками: Л.А. Никифоров пишет об отрицательной роли английской дипломатии [Никифоров, 1950, 89], Н.Н. Молчанов придерживается противоположного мнения [Молчанов, 1991, 298–299]. Оба исследователя говорят о поддержке России со стороны Нидерландов.

продолжал поддерживать Россию, будучи, так сказать, оплотом ее интересов в Голландии. Чуть позднее, в начале 1713 года, и само голландское правительство в лице Генеральных штатов не поддержало планы Англии послать совместную эскадру в Балтийское море с целью принудить датского короля к миру [Никифоров, 1950, 100].

Между тем подходила к концу война за испанское наследство, и в период подготовки и проведения завершившего ее Утрехтского конгресса обострились противоречия между европейскими державами. Важные факты, касающиеся англо-голландско-российских отношений периода Утрехтского конгресса, сообщает С.М. Соловьев. Приведем цитату полностью, поскольку она дает представление как об общей международной ситуации, так и о целях российской внешней политики в отношении Нидерландов. «Переговоры о мире между Францией и союзниками должны были производиться в Голландии, и потому сюда на помощь Матвееву отправлен был князь Бор. Иван. Куракин. В ноябре 1711 года Куракин дал знать, что Франция сблизилась с партией тори в Англии и английский посланник объявил голландскому правительству требование, чтоб назначено было место для посольских съездов и чтоб выданы были паспорта французским уполномоченным. Когда депутаты от Штатов сказали ему, что надобно писать во все провинции республики, изведать общее желание⁶, то он отвечал, что его королева решила – быть съезду и если Голландия будет медлить, то Англия одна назначит место для съезда и выдаст паспорта. “Господа голландцы, – писал Куракин, – в великой конфузии находятся. Мое мнение: если эти государства все больше и больше будут приходить в несогласие, то, конечно, в нас нужду иметь будут, и в таком случае, приняв меры, требуемые нашими интересами, не надобно упускать времени заключить с ними хотя оборонительный союз и свой кредит устанавливать; но теперь пока надобно относиться одинаково как к Англии, так и к Голландии”. На это донесение канцлер Головкин отвечал Матвееву и Куракину наказом склонить Штаты к приязни и к вступлению в союз с царским величеством; объявить Штатам и цесарским министрам, что в случае продолжения войны их с Францией царь готов помочь им войском от 10 до 15 000 человек, и больше за обычные субсидии и даже без субсидий, только на их содержании и жалованьи; взамен этого требовать, чтоб Австрия и Голландия гарантировали России все завоеванное ею у Швеции, в померанском деле царю и его союзникам не только не мешали, но и помогали. Ответ Матвеева был очень неудовлетворителен: “Из всего видим, что на их прямое усердие к исполнению того, чего от них желается, нам отнюдь опираться нельзя и никакой надежды возлагать на них не следует; притом плохой успех дел наших в Померании не может внушить им большой охоты помогать нам против шведского короля”.

⁶ Интересное свидетельство того, что нидерландское правительство – Генеральные штаты не могло принять решение без учета позиции Провинциальных штатов республики.

И так надобно было хорошо вести дело в Померании, чтоб заставить Англию и Голландию благоприятно смотреть на наше предложение» [Соловьев, 1993, 9–10].

Итак, мы видим, что между морскими державами были «несогласия»: Англия стремилась диктовать свои условия голландским партнерам, а Петр был готов пойти на большие уступки, чтобы добиться от Нидерландов признания прибалтийских территорий. Возможно, первоначальные неудачи союзников в Померании и настораживали голландцев, но главным здесь было их нежелание гарантировать закрепление за Россией ее территориальных приобретений. Интересно, что все обозначенные тенденции будут иметь место на всем протяжении изучаемого периода. Россия стремилась получить от Нидерландов признание ее права на прибалтийские порты, а Голландия последовательно уклонялась от этой акции до подписания мира со Швецией.

Борис Иванович Куракин, находясь в Голландии, следил за ходом переговоров в Утрехте и был в курсе событий, касавшихся «интересов России». Подписав мирный договор, участники конгресса вознамерились решить вопрос и о войне на Севере. Здесь ведущей силой была Англия, заинтересованная в распространении своего влияния на Север, на Балтику. Еще до заключения Утрехтского мира Англия через своего посла в Гааге лорда Страффорда предлагала Генеральным штатам «вступить в дела Северной войны», вновь выдвинув свою излюбленную идею о посылке английской и голландской эскадры в Балтийское море. Об этом 17 марта 1713 года Куракин писал Головкину, сообщая, что Страффорд говорил о необходимости того, чтобы «обе потенции морские согласно отправили свои эскадры в Балтийское море» [Архив князя Ф.А. Куракина, 1898, 28]. Французские и шведские уполномоченные во время Утрехтского конгресса также стремились побудить всех его участников вмешаться в северные дела в интересах Швеции. Однако, как сообщает Куракин, усилиями Генеральных штатов и представителя австрийского императора эти попытки были отклонены. 29 сентября 1713 года он пишет в письме к Г.И. Головкину: «При съезде утрехтском министры французские с шведскими весьма трудились вступить в северные дела [...] и то не допущено было чрез графа Цинцендорфа, министра цесарского, и их, Господ Статов» [Архив князя Ф.А. Куракина, 1901, 141]. В ходе мирных переговоров в Утрехте Куракин все больше убеждался в нежелании Нидерландов вмешиваться в северные дела. Недовольство своими английскими союзниками, которые еще в 1711 году сговорились за спиной Голландии о мире с Францией, способствовало формированию такой позиции [Никифоров, 1950, 102]. Кроме того, ресурсы страны, особенно финансовые, были сильно истощены за время войны за испанское наследство. Это побуждало Нидерланды уклоняться от вмешательства в решение острых вопросов международной политики. Здесь нельзя также не упомянуть о личной роли князя Куракина. В этой связи Л.А. Никифоров отмечает: «Куракин прежде всего постарался завоевать расположение ратпенсионария Гейнзиуса, что ему, видимо, вполне

удалось. Он убеждал Гейнзиуса не допускать переговоров о северных делах на Утрехтском конгрессе, так как это будет лишь к выгоде Франции. Гейнзиус дал Куракину соответствующее обещание. Куракин несколько раз ездил в Утрехт, однако неофициально, не объявляя своего “характера”, то есть не объявляя о своем официальном звании уполномоченного России на конгрессе» [Никифоров, 1950, 103]. Этот дипломатический успех Куракина был тем более ценным, что Антоний Хейнзиус с самого начала Северной войны был сторонником прошведской ориентации в северном конфликте.

Отдельно следует остановиться на проблеме посредничества в вопросе заключения мирного договора между Россией и Швецией. Посредничество, или, как в то время говорили, «медиация», являлось тогда очень распространенной формой прекращения военных конфликтов, причем посредник играл самостоятельную роль в переговорах, даже влиял на их исход. Стремление Англии к господству на Балтике побуждает ее предпринимать усилия по расколу и без того хрупкого Северного союза, выражавшиеся в числе прочего в идее посредничества морских держав в заключении русско-шведского мирного договора на неприемлемых для России условиях. Соловьев в этой связи приводит следующее важное свидетельство. Он пишет: «Между тем из Голландии, где происходил Утрехтский конгресс, для прекращения войны за испанское наследство, приходили дурные вести. Матвеев писал, что Англия и Франция, сближаясь друг с другом, сближаются и с Швецией. Англия и Голландия предложили свое посредничество для прекращения Северной войны. Князю Куракину по этому случаю даны были следующие инструкции: “Надлежит объявить министрам морских держав, что царское величество к миру всякую склонность с союзниками своими имеет и посредничество морских держав принимает; но то посредничество, какое морские державы теперь князю Куракину объявили, царскому величеству и союзникам его вредно и предосудительно”» [Соловьев, 1993, 12–13]. В июне 1713 года английский посланник в Нидерландах лорд Страффорд стал настаивать, чтобы Россия, Дания и Саксония приняли посредничество морских держав – Англии и Голландии – в заключении мирного договора со Швецией. Князь Куракин обратился к голландским властям с вопросом: отчего они так спешат «со своею медиацией»? Ему ответили: «Все это мы делаем только для виду, нужно нам утешить Англию; а прямого намерения спешить с северными делами у нас нет...» [Соловьев, 1993, 25]. Когда Куракин доложил обо всем этом своему двору, то ему велели затягивать переговоры по возможности. «Съезд уполномоченных для переговоров о северном мире назначен был в Брауншвейге, но конгресс этот не повел ни к чему; дела шли по желанию царя, то есть очень медленно; Англия была занята внутренними делами; Голландии вовсе не хотелось ввязываться в северные дела; ее более всего беспокоила связь Англии с Францией...» [Соловьев, 1993, 26]. Соловьев с удивительной точностью определил важнейшие черты внешней политики Нидерландов: опасения по поводу сближения Англии и Франции

и уклонение от острых проблем международной политики, вылившееся в дальнейшем во внешнеполитическую стратегию нейтралитета в международных делах. В итоге идея посредничества морских держав была похоронена, а конгресс в Брауншвейге затянулся на длительное время [Стерликова, 2007, 202–212; Козлова, 2020, 36; Станков, 2023, 133–144]. Что касается позиции Нидерландов по вопросу посредничества, то заявления голландских властей о намерении только «утешить» Англию и нежелании спешить с «медиацией» представляются вполне соответствующими действительности.

Итак, мы определили основные черты и особенности российско-нидерландских дипломатических отношений в первые годы после Полтавской битвы. Обратимся к рассмотрению торговых отношений между двумя странами в данный период. С переходом в руки России большинства шведских гаваней ситуация на Балтике полностью изменилась, шведское влияние было подорвано. В русско-нидерландских отношениях в сфере торговли стали возникать различные трения, связанные со стремлением Голландии вписать себя в новую систему торговых отношений на Балтике. Несогласия и проблемы касались целого ряда аспектов. Россия обещала сохранить голландским купцам все торговые привилегии, существовавшие на Балтике при шведах, но, несмотря на это, голландские торговцы испытывали ряд трудностей как с хранением товаров в прибалтийских портах, так и с доставкой их в Нидерланды [Koningsbrugge, 1997, 88–89]. Русско-голландская торговля страдала от нападений шведских каперов, буквально наводнивших Балтийское море. Существовал и ряд других проблем в сфере торговли, которые также отрицательно повлияли на развитие связей между двумя странами. Не способствовало улучшению отношений так называемое «гельсингфоргское дело», когда под г. Гельсингфорсом (Финляндия) 15 июня 1713 года россиянами было сожжено пять нидерландских кораблей. В условиях войны появление нидерландских военных кораблей было расценено Россией как враждебная акция, однако Голландия выразила резкий протест и требование компенсации за сожженные корабли [Бантыш-Каменский, 1894, 195–196]. Нидерландское правительство заявило, что военные корабли были отправлены для охраны купеческих судов. Следующая проблема, которая осложняла и ухудшала русско-нидерландские торговые отношения, – это стремление Петра I перенаправить торговые потоки из Архангельска, где голландские купцы занимали важное положение⁷, в Санкт-Петербург с целью поднять значение последнего. 16 ноября 1713 года Петр I издает указ, который назывался «О привозе для продажи разных товаров в Санктпетербург, а не в Архангельск» [ПСЗ-I, 1713, № 2737]. В Архангельске голландские купцы играли большую роль, и новый указ Петра больно ударил по их интересам [Уляницкий, 1899, 12]. В петербургском порту им нужно было начинать с нуля, столкнуться с конкуренцией других иностранных купцов. Следует отметить также, что протекционистская

⁷ О роли Архангельска в русско-нидерландской торговле см.: [Беспярых, 2010; Велувенкамп, 2006].

политика Петра I вступала в противоречие с принципами свободы торговли, которые отстаивали голландцы. Для защиты отечественной промышленности Петр I повысил ввозные пошлины на шелк, текстиль и фарфор – товары, которые поставлялись в Россию голландскими купцами [Конингсбрюгге, 2014, 117]. Все указанные обстоятельства способствовали росту напряженности в русско-нидерландских отношениях.

Выше указывалось, что голландские политики отказывались признавать территориальные приобретения России до подписания русско-шведского мира. В результате столь желаемый ими торговый договор так и не был подписан. Дело в том, что Россия ставила заключение этого договора в зависимость от признания голландцами новых территориальных приобретений России в Прибалтике. Иными словами, договор должен был распространяться на прибалтийские порты, принадлежавшие ранее Швеции. Несогласие с этим «галанских Статов» (так именовались голландские Генеральные штаты в российских официальных документах XVIII века) и привело к тому, что торговое соглашение не было заключено [Конингсбрюгге, 2014, 11].

Итак, в первой половине 1710-х годов и дипломатические, и торговые отношения между Россией и Нидерландами продолжали активно развиваться и в них имелся целый ряд сложностей и проблем самого разного характера, вызванных событиями быстро менявшейся военно-дипломатической ситуации Северной войны. Борис Иванович Куракин считал, что морские державы были сначала заняты войной с Францией, а затем, после Утрехтского мира, налаживанием собственных внутренних дел. Теперь же, писал он в 1714 году, эти страны вновь начинают серьезно обращать свое внимание на положение дел на севере. В связи с последним наблюдением важным представляется вопрос о рассмотрении российско-нидерландских отношений на завершающей стадии Северной войны, что является предметом отдельного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Архив князя Ф.А. Куракина, кн. 4. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1893. 503 с.
Архив князя Ф.А. Куракина, кн. 7, СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1898. 535 с.
Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 9, СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1901. 513 с.
Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1: Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 322 с.
Беспалов А.В. Россия в Северной войне. Крах шведского великодержавия. 1709–1721. М.: Вече, 2022. 432 с.
Беспятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны. 1700–1721. СПб.: БЛИЦ, 2010. 680 с.
Велувенкамп Ян Виллем. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 312 с.
Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 346 с.

Козлова Ю.А. Путешествие Петра I в Западную Европу. 1716–1717 годы. М.: Ломоносовъ, 2020. 192 с.

Колосова И.В. Формирование и развитие отношений между Российской империей и Нидерландами (XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 192 с.

Конингсбрюгге Х. ван. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб.: Европейский Дом, 2014. 356 с.

Кротов П.А. Россия Петра I: обретение великодержавности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14(6). С. 30–48.

Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1991. 445 с.

Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М.: Госполитиздат, 1950. 277 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9 (январь – декабрь 1709 года). Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 538 с.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. Т. 5: 1713–1719. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и в. канцелярии, 1830. 781 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX, т. 17. М.: Мысль, 1993. 671 с.

Станков К.Н. Россия на Брауншвейгском конгрессе (в первой половине 1714 г.) // Исследования зарубежной истории. 2023. Вып. 3. С. 133–144.

Стерликова А.А. Брауншвейгский конгресс // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. С. 202–212.

Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. 1. М.: Состоящая при Моск. глав. архиве М-ва ин. дел Комис. печатания гос. грамот и договоров, 1899. 1529 с.

Шатохина Г.А. Внешняя политика Нидерландов 1713–1763 гг. (Становление голландского нейтралитета): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 24 с.

Шатохина-Мордвинцева Г.А. Внешняя политика Нидерландов, 1713–1763 гг.: Становление голландского нейтралитета. М.: ИВИ РАН, 1998. 176 с.

Koningsbrugge J.S.A.M. Van. Der Niedergang des niederlandischen Handel mit Russland und dem Baltikum in den Jaren 1710-1721//Around Peter the Great. Three centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen: inos, 1997. P. 88–89.

Koningsbrugge J.S.A.M. Van. Tussen Rijswijk en Utrecht. Groningen: inos, 1996. 272 p.

E.M. Sobko

*PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Independent Researcher
Moscow, Russia*

The Beginning of the Second Phase of the Northern War and the Complication of Relations between Russia and the Netherlands (the First Half of the 1710s)

Traditionally oriented towards bilateral trade relations, Russian-Dutch mutual relations in the era of Peter the Great were becoming more and more dependent on the peculiarities of the international situation in Europe. The Poltava victory led to an increase in Russia's international prestige, which caused discontent and fear of the European powers. Dutch diplomacy also followed this general "trend" of all-European politics, participating in a number of diplomatic actions that contradicted

Russia's interests. On the other hand, several significant factors, such as long-standing trade ties with Russia, its close contacts with the Amsterdam trading elite, and the growth of Anglo-Dutch contradictions, led to the formation of an opposite foreign policy position in the Netherlands towards Russia, which was reflected in foreign policy steps that met Russian interests. There were also difficulties and contradictions in trade relations, they were connected with the fact that the transfer of the Baltic ports into the hands of Russia changed the situation in the Baltic Sea. Interacting with the Netherlands, Russian diplomacy proceeded from its main foreign policy goal - rapprochement with European countries through the establishment of Russia in the Baltic region. In this regard, it raised the question of recognition of the Baltic territories by the Netherlands, but the Netherlands refused to do it before the signing of the Russian-Swedish peace. Thus, it can be concluded that the Russian-Dutch relations were becoming more complicated in various spheres. This complication was the result of changes in the military-diplomatic situation in Europe and the socio-economic situation in the Baltic, which occurred at the beginning of the second phase of the Northern War.

Keywords: *The Northern War; Russian-Dutch relations; Russian-Dutch relations; Peter I; Russian-Dutch relations in the first quarter of the 18th century; Russian foreign policy; B.I. Kurakin; international relations in Europe in the 18th century.*

REFERENCES

- Prince F.A. Kurakin's archives [Arhiv knjazja F.A. Kurakina]. *Book 4*. Saint-Petersburg: V.S. Balashev's printing house, 1893. 503 p. (in Russian).
- Prince F.A. Kurakin's archives [Arhiv knjazja F.A. Kurakina]. *Book 7*. Saint-Petersburg: V.S. Balashev's printing house, 1898. 535 p. (in Russian).
- Prince F.A. Kurakin's archives [Arhiv knjazja F.A. Kurakina]. *Book 9*. Saint-Petersburg: V.S. Balashev's printing house, 1901. 513 p. (in Russian).
- Bantysh-Kamenskij N.N. Overview of Russia's foreign relations (until 1800). [Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god)]. *Part first (Austria, England, Hungary. Holland, Denmark, Spain)*. Moscow: Je. Lissnera i Ju. Romana's Printing house, 1894. 322 p. (in Russian).
- Bespalov A.V. Russia in the Northern War. The collapse of the Swedish Great Power [Rossija v Severnoj vojne. Krah shvedskogo velikoderzhavija]. 1709–1721. Moscow: Veche, 2022. 432 p. (in Russian).
- Bespjatyh Ju.N. Arkhangelsk on the eve and during the Northern War [Arkangel'sk nakanune i v gody Severnoj vojny]. 1700–1721. Saint-Petersburg: BLIC, 2010. 680 p. (in Russian).
- Veluvenkamp Jan Villem. Arkhangelsk. Dutch enterprisers in Russia [Arkangel'sk. Niderlandskie predprinimateli v Rossii]. 1550–1785. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2006. 312 p. (in Russian).
- Zakharov V.N. Western European merchants in Russia. The Epoch of Peter I. [Zapadnoevropeiskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I]. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 1996. 346 p. (in Russian).
- Kozlova Yu.A. Peter I's Journey to Western Europe. 1716–1717 years. [Puteshestvie Petra I v Zapadnuju Evropu]. Moscow: Lomonosov, 2020. 192 p. (in Russian).
- Kolosova I.V. Formation and development of relations between the Russian Empire and the Netherlands (XVIII – the first half of the XIX century) [Formirovanie i razvitie otnoshenii

mezhdru Rossiiskoi imperiei i Niderlandami (XVIII – pervaja polovina XIX v.]. *Dissertation ... Candidate of Historical Sciences*. Moscow, 2007. 192 p. (in Russian).

Koningsbrugghe J.S.A.M. van. The story of a lost friendship. Relations of Holland with Sweden and Russia in 1714–1725 [Istorija poterjannoj družby. Otnoshenija Gollandii so Shveciej i Rossiej v 1714–1725 gg.]. Saint-Petersburg: European house, 2014. 356 p. (in Russian).

Krotov P.A. Russia of Peter the Great: the acquisition of Greatness [Rossija Petra I: obretenie velikoderzhavnosti]. *Bulletin of MGIMO University*. 2021. No. 14(6). Pp. 30–48 (in Russian).

Molchanov N.N. Diplomacy of Peter the Great [Diplomatii Petra Velikogo]. Moscow: International relations, 1991. 445 p. (in Russian).

Nikiforov L.A. Russian-English relations under Peter I. [Russko-anglijskie otnoshenija pri Petre I]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. 277 p. (in Russian).

Letters and papers of the emperor Peter the Great [Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo]. Vol. 9 (January-December 1709). Issue 1. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 538 p. (in Russian).

The Complete collection of laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii]. Collection I. Vol. 5. 1713-1719. Saint-Petersburg: Printing house of the second department of the Emperor's Chancellery, 1830. 781 p. (in Russian).

Solov'ev S. M. The history of Russia since ancient times [Istorija Rossii s drevnejshih vremen]. *Book IX*. Vol. 17. Moscow: Mysl', 1993. 671 p. (in Russian).

Stankov K.N. Russia at the Braunschweig Congress (in the first half of 1714) [Rossija na Braunschvejgskom kongresse (v pervoj polovine 1714 g.]. *Studies on foreign history*, 2023. Issue. 3. Pp. 133–144 (in Russian).

Sterlikova A.A. Braunschweig Congress [Braunschvejgskij kongress]. *The Northern War, Saint-Petersburg and Europe in the first quarter of the XVIII century*. Saint-Petersburg, 2007. Pp. 202–212 (in Russian).

Ulyanitsky V.A. Russian consulates abroad in the XVIII century [Russkie konsul'stva za graniceju v XVIII veke]. Part 1. Moscow: Commission for printing state certificates and contracts of Moscow archives of Ministry of foreign affairs, 1899. 1529 p. (in Russian).

Shatokhina G.A. The foreign policy of the Netherlands 1713-1763 (The formation of Dutch neutrality) [Vneshnjaja politika Niderlandov 1713–1763 gg. (Stanovlenie gollandskogo nejtraliteta)]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Historical Sciences*. Moscow, 1991. 24 p. (in Russian).

Shatokhina-Mordvintseva G.A. The foreign policy of the Netherlands, 1713-1763: The formation of Dutch neutrality [Vneshnjaja politika Niderlandov, 1713–1763 gg.: Stanovlenie gollandskogo nejtraliteta]. Moscow: IVI RAN, 1998. 176 p. (in Russian).

Koningsbrugghe J.S.A.M. Van. Der Niedergang des niederlandischen Handel mit Russland und dem Baltikum in den Jaren 1710-1721. *Around Peter the Great. Three centuries of Russian-Dutch Relations*. Groningen: inos, 1997. Pp. 88–89 (in Dutch).

Koningsbrugghe J.S.A.M. Van. Tussen Rijswijk en Utrecht. Groningen: inos, 1996. 272 p. (in Dutch).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аделева Ольга Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: afo-olga@yandex.ru.

Акопян Аревик Владимировна – ученый секретарь Государственного музея «Смоленская крепость». E-mail: arevik1410@mail.ru.

Андреева Ксения Валерьевна – аспирантка кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: ks.val.andreeva@gmail.com.

Бирюков Сергей Евгеньевич – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Московского государственного лингвистического университета. E-mail: s.e.biriukov@linguanet.ru.

Бредихин Владимир Вадимович – аспирант историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bredikhinvv@mail.ru.

Гаврилов Виктор Викторович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (ХМАО – Югра). E-mail: victorg12@mail.ru.

Дубинин Сергей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева. E-mail: doubinin@mail.ru.

Епимахова Александра Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент базовой кафедры технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: a.epimahova@narfu.ru.

Журавлева Наталья Сергеевна – соискатель кафедры современного русского языка им. П.А. Леканта Государственного университета просвещения (г. Москва). E-mail: Natasha.zhuravleva99@mail.ru.

Карнюшин Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: 17skva@mail.ru.

Кобец Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Смоленского государственного университета. E-mail: olga.cobetc1978@yandex.ru.

Ковалева Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: vaseko58@mail.ru.

Мазин Константин Владимирович – аспирант кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: nikobellish@mail.ru.

Похаленков Олег Евгеньевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, профессор кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: olegpokhalenkov@rambler.ru.

Ранчин Андрей Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: aranchin@mail.ru.

Собко Елена Михайловна – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Москва). E-mail: esobko@mail.ru.

Терещук Андрей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: san_petersburgo@inbox.ru.

Трахтенберг Лев Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: Lev_A_T@inbox.ru.

Фирсова Ольга Сергеевна – соискатель кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: flrsowaolg@yandex.ru.

Ходин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, руководитель отдела цифрового обучения Гейдельбергского университета (Германия). E-mail: alexkhodin@gmail.com.

Шелудяков Игорь Филиппович – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: otetsigor@bk.ru.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2025 ГОД

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аделева О.П. Типы атрибутов в ранней лирике Теда Хьюза и Сильвии Плат: лингвистический анализ английских поэтических текстов. – № 4. – С. 112–128.

Акопян А.В. Образ Брестской крепости в романе Бориса Васильева «В списках не значился». – № 4. – С. 28–36.

Алексеева М.И. Юридический медиадискурс как результат взаимодействия юридического дискурса с пространством СМИ и медиа. – № 1. – С. 64–74.

Андреев С.Н. Соотношение разноуровневых признаков в армянском тексте. – № 1. – С. 13–22.

Андреева К.В. Дискурс межпартийного противостояния в современных американских СМИ (на примере телеканалов Fox News и MSNBC). – № 4. – С. 129–144.

Белютин Р.В. Метафорическое моделирование образа экс-канцлера Германии О. Шольца в немецком политическом дискурсе. – № 3. – С. 127–138.

Белютин Р.В. Футбол как религия: о пересечении двух концептуальных областей в немецкой этнолингвокультуре. – № 2. – С. 123–132.

Бирюков С.Е. Гипертекст Эдуарда Кирсанова. – № 4. – С. 36–47.

Бочкарев А.И. Метакомические характеристики ценностного концепта ‘intelligence’ в англоязычном экранном юморе. – № 1. – С. 117–128.

Бубенова А.Ю. Способы выражения и функции юмора в британской социальной рекламе. – № 3. – С. 120–127.

Гаврилов В.В. Динамическая концептограмма кинотекста «Абориген» как составляющей югорского текста. – № 4. – С. 98–111.

Гик А.В. Проблемы взаимодействия заголовочного комплекса и текста в поэзии начала XX века (на примере творчества М. Кузмина). – № 3. – С. 59–72.

Дацинский В.В. Топонимикон фантастической трилогии «Слепые поводыри» Е.Ю. Лукина: функциональный и семантический аспект. – № 3. – С. 82–98.

Дубинин С.И. Визуальный контент и нарратив прессы Третьего Рейха. – № 4. – С. 145–161.

Епимахова А.С. «Приметы погоды» в переводе Д.А. Лухманова как часть русской лингвокультуры. – № 4. – С. 83–97.

Жиганова Е.П. Репрезентация артефактов в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси: семантика, функционирование. – № 3. – С. 98–108.

Журавлева Н.С. Лексические комбинации как часть микроструктуры идеографического словаря языка И.А. Ефремова. – № 4. – С. 59–73.

Захарова А.В. Ключевые слова как средство создания атмосферы в художественном произведении (на материале романа С. Хилл «Женщина в черном»). – № 3. – С. 109–119.

Карасик В.И. Семиотика признаний Ованеса Григоряна. – № 1. – С. 4–12.

Карнюшин В.А. Неизданные тексты писателя Бориса Васильева. – № 4. – С. 20–27.

Козлова Е.А. Избыточность алогизмов. – № 2. – С. 93–106.

Коломейцева Е.Б. Жанрово-стилистическая преемственность в романах Джо Хилла. – № 2. – С. 132–145.

Королева И.А. Урбанонимы как часть топонимического пространства Смоленска. – № 2. – С. 85–92.

Косенко В.С. Литературный байопик о поэте Рудаки. – № 3. – С. 44–58.

Ли Лусы. Паремии об отце в русской и китайской лингвокультурах. – № 1. – С. 88–101.

Марусова И.В. Циклообразующие элементы в романах О. Ермакова «Родник Олафа» и «По дороге в Вержавск». – № 3. – С. 32–44.

Мишинова А.В. Функционирование терминов и номенов стандартизированного лингводидактического тестирования. – № 1. – С. 128–141.

Молчанова Д.А. Взаимодействие нарратива и перформатива в прозиметрических рассказах И.А. Бунина. – № 2. – С. 5–15.

Нагорная Е.В. Маркемная родословная поэзии А.В. Жигулина. – № 2. – С. 57–67.

Новикова Т.С. Субстандарт в художественных текстах второй половины XX – начала XXI века. – № 1. – С. 75–87.

Отургашева Н.В. Опыт аксиологического изучения художественного текста на примере романа Е.Г. Водолазкина «Брисбен». – № 2. – С. 67–85.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Все-таки имя Твардовского звучит...» (по материалам протоколов смоленской писательской организации). – № 3. – С. 4–15.

Пивоненкова Т.Б. Образные стилистические средства в легендах Вашингтона Ирвинга (на примере «Легенды комьюнипо», «Легенды о двух скрытных Статуях», «Легенды о доне Муньо Санчо де Инохоса»). – № 2. – С. 145–157.

Потапова Е.В. Жанр послания в «армянском тексте» русской поэзии. – № 1. – С. 22–38.

Похаленков О.Е., Ковалева В.С., Мазин К.В. Ольфакторная лексика и особенности ее функционирования в романе Э.М. Ремарка «Три товарища». – № 4. – С. 73–83.

Радионова А.В. Творчество Б. Пастернака и «Доктор Фаустус» Т. Манна. I. Капли и звуки. – № 2. – С. 39–56.

Радионова А.В. Творчество Б. Пастернака и «Доктор Фаустус» Т. Манна. II. Капли и мимикрия. — № 3. — С. 16–31.

Ранчин А.М. К поэтике реминисценций: об одной аллюзии в «Даре» Владимира Набокова. — № 4. — С. 48–58.

Русакова Ю.Е. Формирование позитивного медиаобраза региона в интернет-СМИ (на примере онлайн-издания «Трамплин»). — № 2. — С. 107–122.

Семина А.А. Юрий Иваск и «парижская нота»: к проблеме преемственности. — № 2. — С. 15–28.

Стрельцов А.А. Использование геральдических терминов в англо- и франкоязычной художественной литературе XIX и XX веков и способы их перевода на русский язык. — № 1. — С. 102–116.

Супрякова А.О. Роман А.Р. Беляева «Чудесное око»: к вопросу о научном контексте и времени написания. — № 2. — С. 29–39.

Суханова И.Г. Экфрасис как механизм создания диалога автора и читателя в интермедийальном тексте. — № 1. — С. 51–64.

Сюй Чанчан Концептосфера «еда» как средство воспитания в детской поэзии (на материале стихотворений Е.А. Благиной и А.Л. Барто). — № 3. — С. 72–82.

Терецук А.А. Лексические интерференции в немецкоязычном карлистском дискурсе. — № 4. — С. 162–174.

Трахтенберг Л.А. Четырехстопный ямб А.Т. Твардовского. — № 4. — С. 5–19.

Федоренко В.В. Путевые очерки Е.Н. Клетновой: жанровые особенности, образ автора, язык. — № 1. — С. 38–50.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин В.В. «Что останется, если Рим погибнет?»: «страх» римлян перед варварами в сочинениях Иеронима Стридонского. — № 4. — С. 213–221.

Брянцев М.В. Фарс или комедия: изображение процесса Гитлера – Людендорфа на страницах смоленских газет. — № 3. — С. 160–176.

Волоскова М.Н. Приходы и общины старообрядцев Белокриницкой иерархии, не приемлющих «Окружное послание» 1862 года, на территории Российской империи во второй половине XIX века. — № 1. — С. 142–153.

Дайнеко И.В. Чарльз Джеймс Фокс и внешняя политика Великобритании в годы второй антифранцузской коалиции. — № 1. — С. 184–194.

Иванова О.Ю. Южный Ельнинский партизанский край. — № 3. — С. 207–222.

Ивонина Л.И. Цивилизационная миссия Габсбургской монархии на ее восточных границах. — № 1. — С. 170–183.

Казаков М.М. Новый Рим: у истоков идеи. — № 2. — С. 205–220.

Калашиников А.В. Противостояние «Белых лиг», «Красных рубашек» и «Черных милиций» на юге США в период радикальной реконструкции. — № 2. — С. 236–252.

Карпушева В.А., Козлова К.В., Минкова К.В. Арктический вектор в парадипломатии Гренландии и Фарерских островов. — № 1. — С. 195–212.

Карушикина Н.В., Кожин В.В. Ценности великих князей Николаевичей после революции. – № 2. – С. 190–204.

Кобец О.В. Трудное решение о введении платного обучения в 1922 году. – № 4. – С. 201–212.

Мартинкевич И.А. Структурно-функциональная характеристика системы социального обеспечения БССР (1943–1945 годы). – № 1. – С. 153–170.

Метельский А.А. Поддержка Православной церкви мстиславскими князьями. – № 2. – С. 158–175.

Некрашевич Ф.А. Роль зачетных квитанций в исполнении рекрутской повинности (на примере Витебской губернии Российской империи (1794–1861)). – № 2. – С. 176–189.

Саженов Н.Д. Политика НДПА в полосе пуштунских племен Афганистана (1978–1992): стратегия, проблемы, результаты. – № 3. – С. 193–206.

Собко Е.М. Начало второй фазы Северной войны и осложнение отношений между Россией и Нидерландами (первая половина 1710-х годов). – № 4. – С. 230–242.

Тихонова А.В. К экономической характеристике имения Высокое графа А.Д. Шереметева в конце XIX – начале XX века. – № 3. – С. 139–159.

Фирсова О.С. Смоленская администрация в борьбе с польским восстанием 1830–1831 годов. – № 4. – С. 175–185.

Ходин А.А. Датское королевство и его жители глазами французского дипломата середины XVII века. – № 2. – С. 221–235.

Ходин А.А. Миссия Мальте Юля в Баварии в 1643 году, или Несостоявшаяся сделка датской дипломатии. – № 4. – С. 221–229.

Хуснутдинов М.И. Запад и Восток, Османская империя и Франция: структуры посольства и представления о дипломатии к середине XVIII века. – № 3. – С. 176–192.

Шелудяков И.Ф. Развитие частного предпринимательства на территории Калужской губернии в годы новой экономической политики (1921–1929). – № 4. – С. 185.–201.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Цветков Ю.Л. Немецкая проза: художественные и исследовательские практики XXI в.: сборник статей / отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 212 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R). DOI: <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0771-7>. – № 2. – С. 253–256.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Т.Г. Попова

Татьяна Георгиевна Попова – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

T.G. Popova

Tatiana Georgijevna Popova – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of RF, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Department as the Second Language at the Faculty of Foreign Languages, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Russian MoD

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailovich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2025, № 4(72)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *И.А. Казилина, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 15. 12. 2025. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 20,75 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная